

Федеральное агентство по образованию

**Волгоградский государственный
педагогический университет**

**Научно-исследовательская
лаборатория
«Аксиологическая лингвистика»**

**Воронежский государственный
университет**

**Центр
коммуникативных
исследований**

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ

Том 6

Волгоград
«Парадигма»
2008

ББК 81.0 + 81.432.1
А 21

Научные редакторы -

доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик,
доктор филологических наук, профессор И.А. Стернин.

А 21 Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика,
И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма,
2007. – 332 с.
ISBN 978-5-903601-11-0

Антология концептов представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале различных языков — русского, английского, немецкого, татарского, казахского. Данный том включает раздел, посвященный дискуссионным проблемам лингвоконцептологии.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы когнитивной лингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации.

ББК 81.0 + 81.432.1

© Редактирование. В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2008.
© Коллектив авторов, 2008.

ISBN 978-5-903601-11-0

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссионные проблемы современной лингвоконцептологии «Антология концептов»:		4
рецензия «Антология концептологии»:	В.Б. Гольдберг (Тамбов)	4
рецензия «Антология концептологии»:	И.Б. Левонтина (Москва)	17
Как описывать концепты	И.А. Стернин (Воронеж), В.И. Карасик (Волгоград)	26
Концепты		36
Свободная страна	<i>М.С. Онищенко (Воронеж)</i>	36
Слава и позор	<i>Е.В. Русина (Волгоград)</i>	65
Татарский язык, русский язык, английский язык	<i>И.И. Мусина (Казань)</i>	77
Провинция	<i>А.В. Архарова (Благовещенск)</i>	86
Путешествие	<i>Е.А. Боброва (Иркутск)</i>	104
Путешествие	<i>Т.Ю. Сазонова, Е.А. Стародубцева (Курск)</i>	117
Возраст	<i>О.А. Авдеева (Санкт-Петербург)</i>	132
Возраст	<i>И.М. Любина (Краснодар)</i>	144
Женщина	<i>М.С. Досимова (Астрахань)</i>	158
Остроумие	<i>Т.М. Григоренко (Краснодар)</i>	182
Предательство	<i>У.А. Савельева (Астрахань)</i>	206
Верность и предательство	<i>Н.В. Саварцева (Иркутск)</i>	224
Здоровье и болезнь	<i>Л.В. Туленинова (Луганск)</i>	240
Труд	<i>Л.Л. Банкова (Нижний Новгород)</i>	254
Дом	<i>С.А. Тимощенко (Краснодар)</i>	269
Театр	<i>Е.В. Илова (Астрахань)</i>	289
Времена года	<i>Т.В. Салашник (Саратов)</i>	307
Пища	<i>Н.Н. Кацунова (Иркутск)</i>	316

Дискуссионные проблемы современной лингвоконцептологии

**В.Б. Гольдберг
(Тамбов)**

«АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ»

**Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. В 5 т.
Волгоград: Парадигма, 2005-2007 гг.**

Выход в свет пятитомной «Антологии концептов» (далее Антология) не остался незамеченным лингвистической общественностью (см., например, [Концептуальный анализ. М., 2007: 8, 63; Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблема их классификации. М.-Тамбов, 2008: 19; рецензия И.Б. Левонтиной в ж. «Вопросы языкознания». -2008, № 4. С. 122-126]). И это неудивительно.

В Антологии представлен широкий круг проводимых российскими лингвоконцептологическими школами исследований, посвященных концептам разного типа, и показано состояние исследования концептов на данном этапе. Выход Антологии, определяемой научными редакторами как «словарь нового типа», знаменателен в двух отношениях.

Во-первых, думается, что после издания ряда концептуариев культуры, включая и Антологию, стало возможным говорить о новом этапе развития лексикографии – становлении «когнитивной лексикографии».

Во-вторых, выход Антологии показал, что в отечественном языкознании в рамках когнитивной лингвистики складывается самостоятельное направление – лингвистическая концептология (лингвоконцептология). Цель этого направления сформулирована научными редакторами в Предисловиях: лингвистическая концептология – «наука, ставящая своей целью описать концепты и концептосферы лингвистическими средствами» [т. 1: 4; т. 3: 4]. В Антологии показаны трудности и достижения молодого, развивающегося направления.

Вполне правомерна подготовка подобной Антологии на базе диссертационных исследований. Именно диссертации позволяют составить общее впечатление о направлениях и школах концептуального анализа, их особенностях и общих тенденциях в исследовании концептов. Цель Антологии очевидна: познакомить читателя с разработанными моделями основных концептов куль-

туры, методикой их исследования и показать, как различные фрагменты действительности – объекты, ситуации – отражаются нашим сознанием и выражаются средствами разных языков.

Представленные в Антологии лингвоконцептологические школы объединяет, как подчеркивают научные редакторы, признание концепта в качестве «основной единицы сознания», имеющей овеществление (репрезентацию), содержание и структура которой могут быть описаны, хотя и не исчерпывающе, через анализ объективирующих ее языковых средств, поскольку языковые факты дают достаточно богатый, наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концептов [т. 1: 4].

Концепты и концептуальные характеристики (признаки) получают выражение в номинативных средствах языка. В сферу лингвистических исследований включается личность говорящего, человек как психологический субъект языка. Антология отражает становление антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания.

Во Введении представлены четыре сложившиеся школы лингвоконцептологии. Четко изложены постулаты семантико-когнитивного подхода к языку, развиваемого Воронежской школой (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Подчеркнуто, что структура концепта образована когнитивными классификаторами или когнитивными признаками и включает несколько слоев. Выделены и охарактеризованы два возникших направления лингвокогнитивного исследования: когнитивная семасиология и лингвокогнитивная концептология.

В Краснодарской школе (С.Г. Воркачев) получило развитие такое направление, как лингвокультурная концептология, цель которой – изучение культурных концептов, «опредмеченных» в языке, и межкультурной коммуникации языковых личностей, принадлежащих к разным культурным социумам.

Волгоградская школа (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин) сосредоточила внимание на исследовании характеристик лингвокультурных концептов. В составе лингвокультурного концепта выявляются ценностный, образный и понятийный компоненты. Ценностный компонент выделяется как центр концепта; именно по наличию этого компонента лингвокультурный концепт отличается от когнитивного концепта, фрейма, понятия и других ментальных единиц.

Кемеровская школа концептуальных исследований (М.В. Пименова) известна работами в области построения языковых картин мира.

Расхождения в решении исследуемых проблем свидетельствуют, с одной стороны, о многоаспектности исследуемых явле-

ний. С другой стороны, это говорит о том, что лингвоконцептология находится на этапе становления, многие явления продолжают осмысляться.

Инструментарий молодой науки также находится на этапе становления. О новом направлении в науке можно говорить в том случае, если ему сопутствует выработка собственных методов и приемов исследования. В Антологии получают оформление методы исследования концептов, что позволяет говорить о лингвоконцептологии как об особом направлении в науке. Методика лингвокогнитивных исследований сводится, в основном, к когнитивной интерпретации языковых фактов. Наиболее отчетливо это выражено во Введении представителями Воронежской и Кемеровской школ.

Метод семантико-когнитивного анализа, разрабатываемый Воронежской школой, заключается в переходе от содержания значений к содержанию концептов в ходе когнитивной интерпретации. Исходными положениями лингвокогнитивных исследований, выполняемых в рамках Воронежской школы, являются следующие:

- лексические и фразеологические единицы объективируют концепты, поэтому язык выступает как средство доступа к сознанию носителя языка;

- совокупность значений лексических и фразеологических единиц образует семантическое пространство языка;

- когнитивная интерпретация организации семантического пространства позволяет моделировать концептосферу общества;

- концепт состоит из концептуальных признаков, которые образуют концептуальные слои; концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы.

В исследованиях, выполненных в рамках Воронежской школы, выработан алгоритм лингвокогнитивного исследования, включающий следующие этапы: выявление и анализ языковых средств объективации концепта; определение ключевой лексемы; построение номинативного поля концепта; анализ семантики языковых средств, входящих в номинативное поле; когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств; лингвокогнитивное моделирование структуры и содержания концепта.

В Кемеровской школе успешно идет работа по выработке методики исследования концептов внутреннего мира человека. Хочется подчеркнуть четкость принятой этой школой на вооружение методики. Она включает несколько этапов: анализ лексического значения и внутренней формы слова-репрезентанта концепта (этимологический анализ); анализ словарных дефиниций; выяв-

ление синонимического ряда слова-репрезентанта; описание способов категоризации концепта в языковой картине мира; исследование концептуальных метафор и метонимий; исследование сценариев.

В постановке вопроса о методике исследования концептов на базе языка видится главная заслуга Антологии. Сами концепты – бесконечны, а вот методы и приемы их изучения конечны, они требуют разработки и экспликации. Каждая включенная в Антологию статья описывает методику проводимого лингвоконцептуального исследования.

Ставя концепт в центр внимания, исследователь получает опору для объединения многих выработанных ранее традиционных методов, которые позволяли подойти к изучению разных аспектов слова, но автономно. Мы начинаем понимать, что разработанные «традиционной» лингвистикой методы анализа давали знание не только об устройстве языка, но фактически и о содержании концепта; во все времена лингвист стремился выявить стоящее за словом знание о мире.

Представленные в Антологии работы показывают, что любое лингвоконцептологическое исследование требует комплексного подхода, который включает: концептуальный, контекстуальный, этимологический, компонентный, сопоставительный виды анализа, когнитивное моделирование, количественный анализ. В качестве ведущих выделяются методы концептуального анализа и когнитивного моделирования.

Координатами описания концепта являются описание онтологического пространства, т.е. соответствующего объекта или ситуации, и языкового пространства, т.е. средств языковой репрезентации концепта. Однако в выборе координаты, заслуживающей первоочередного внимания, единодушия нет. Исследования, представленные в Антологии, отражают два основных пути концептуального анализа, сложившиеся в лингвистике. Первый путь предполагает движение от избранного концепта к языковым средствам его выражения, второй – наоборот, от языковых средств к выражаемому ими концепту.

Исследователи, придерживающиеся первого пути, прежде всего опираются на данные других наук (философии, психологии, социологии, теологии и т.д.) для познания онтологии объекта и содержания отражающих его концептов. На основании этих данных выявляются конструктивные признаки концепта и лишь затем исследуются средства его вербализации. Наиболее ярко такой подход обнаруживают те исследователи, которые разделяют взгляды Волгоградской школы (Дженкова, Чесноков, Подзолкова,

Евтушенко и др.). Близки к этому подходу и исследователи, представляющие Краснодарскую лингвоконцептологическую школу (Дорофеева, Полиниченко, Кузнецова, Хизова и др.). Они начинают анализ концепта с изучения сознания – чаще всего обыденного и специального, в которых хранится данный концепт.

Среди исследователей, выбирающих второй путь, выделяются авторы, разделяющие взгляды Воронежской и Кемеровской школ. Однако они по-разному определяют исходные языковые факты. Представители Кемеровской школы считают первоочередной задачей обращение к этимологическому анализу имени концепта (Пименова, Агиенко, Кондратьева, Урусова, Сергеева, Мошина и др.). Представители Воронежской школы начинают исследование с изучения средств выражения концепта – номинативного, деривационного полей концепта (Тавдгиридзе и Стернин, Рудакова, Катуков, Шевченко, Зацепина, Адонина и др.).

Знакомство с вариантами концептуального анализа показывает, что усилиями представителей разных школ складывается определенный набор приемов концептуального анализа, выполняемых с опорой на языковые данные:

- этимологический анализ имени концепта, или этимологические реконструкции (Абыякая, Агаркова, Ипанова, Солохина, Арапова и Гайсина, Передриенко, Мошина, Ермолаева, Тихонова, Гуняшова, Миронец и др.). В ходе концептуального анализа этимология получает новую жизнь. Этимологический анализ осуществляется не во имя самой этимологии слова, а с целью выявить исходное содержание концепта, выражаемого этим именем, и изменения, произошедшие в его содержании;

- выявление содержания концепта: выявляется содержательный минимум концепта, реконструируется ментальная модель концепта (Абыякая, Агаркова, Ермолаева и др.);

- выявление и систематизация лексических средств, фразеологических структур, метафорических моделей объективации концепта (Орлова, Арапова и Гайсина, Майоренко, Горбачева, Ефимова и др.). Выполняется анализ системных значений языковых средств, объективирующих концепт, с целью выявить семы, которые отражают формирование понятийной основы концепта (Тавдгиридзе и Стернин, Балашова, Панченко, Ипанова, Паскова, Зайкина, Ермолаева, Бадмаева, Зацепина, Гуняшова и др.). Концептуальные исследования выявляют особую роль дефиниционного анализа. Анализ дефиниций ключевых лексем, выражающих концепт, позволяет выделить признаки концептов и ситуации, в которых реализуются концепты;

- анализ словообразовательной парадигмы, деривационных связей слова (Ипанова, Арапова и Гайсина, Абыякая, Зайкина, Григорьева и Гайсина, Тихонова и др.). Деривационный (словообразовательный) анализ позволяет объединить разные части речи по общности выражаемого ими концепта;

- анализ сочетаемости (Ипанова, Агаркова, Ипполитов, Ермолаева, Лю Цзюань, Смотрова, Передриенко, Сергеева и др.), синтагматических связей слова (Абыякая, Гуняшова и др.).

Знакомство с материалами Антологии убеждает, что контекстуальный анализ (Катаева, Катиков, Зайкина, Корогодина, Миронец, Гаврилова, Кириак и др.) оказывается эффективным методом обнаружения той части в содержании концепта, которая не получила отражения в системном значении слова. Для наиболее адекватного моделирования концепта необходимо сочетать анализ функциональных и системных средств его реализации. Эта мысль звучит у разных авторов, хотя и представлена она бывает по-разному. Например, Т.Г. Смотрова [т. 4: 112] говорит о необходимости анализировать наименования концепта в статической (системно закрепленной) и динамической (контекстуально уточненной) картине мира. Высказывая аналогичную идею, Е.Н. Ермолаева [т. 4: 240] подходит к ней с несколько иного ракурса. Она рассматривает два модуса объективации концепта: вертикальный (парадигматический) и горизонтальный (синтагматический). Интересно, что авторы, идя разными путями, приходят к одному выводу: совмещение двух подходов необходимо, т.к. второй подход дополняет, расширяет набор выявляемых характеристик концепта;

- описание значимостной составляющей концепта – соотнесение с другими концептами, связанными с ним парадигматически и синтагматически в концептосфере языка (Ипанова, Абыякая, Прищепенко, Палеха, Тихонова и др.);

- выявление ценностной составляющей концепта (Гаврилова, Филиппова, Панина, Кириак, Шевченко и Змиева, Тихонова, Кошманова, Корогодина, Калюжная, Крячко, Мирошниченко и др.).

Особого внимания заслуживают исследования, привлекающие данные ассоциативных экспериментов и ассоциативных словарей в процессе концептуального анализа (Тавдгиридзе и Стернин, Сергеева, Осипова, Ипанова, Солохина, Абыякая, Новоселова, Горбачева, Балашова, Шевченко, Зацепина и др.).

Ценность Антологии видится в том, что она охватывает большое число концептов. Обобщая и осмысляя этот богатейший материал, исследователь имеет возможность получить новое знание об организации концептосферы.

Например, используя данные Антологии, можно построить типологию лингвокультурных (культурных, культурно значимых) концептов. По типу отражаемого знания различаются: институциональные (Евтушенко), социальные (Керимов), эмоциональные / эмотивные (Зайкина, Дорофеева, Корогодина, Крылов), геометрические (Топорова), профессиональные, обыденные (Прищепкина), параметрические (Евтушенко), коммуникативные (Горбачева, Гоннова), коммуникативно-релятивные (Катуков), семиотические (Панина) концепты, концепты-релятивы (Солохина). По соотношению концептов различаются концепты изолированные ('*быт*', '*воля*', '*тоска*', '*форма*', '*язык*', '*душа*', '*сердце*', '*ум*' и многие другие), парные ('*воля*' и '*свобода*' – Катаева, '*подруга*' и '*товарищ*', '*товарищество*' и '*приятельство*' – Арапова и Гайсина, '*победа*' и '*поражение*' – Ма Яньли, '*жизнь*' и '*смерть*' – Ипанова, '*купля*' и '*продажа*' – Осипова, '*добро*' и '*зло*' – Моспанова, ср. также Шевченко и Змиева, Палеха, Тихонова, '*стыд*' и '*вина*' – Дженкова, '*свет*' и '*тьма*' – Григорьева и Гайсина, '*правда*' и '*истина*' – Агиенко, '*рай*' и '*ад*' – Гершанова, '*бог*' и '*дьявол*' – Передриенко), а также группы концептов, составляющие отдельные концептосферы (Шемарова и Гайсина). По степени освоенности концептов данной лингвокультурой противопоставляются традиционные и новые концепты (Эренбург). О глубине представленных в Антологии исследований говорят модели некоторых концептов. Например, в содержании концепта '*брань*' выявлено 114 когнитивных признаков (Катуков).

Материал Антологии позволяет сравнить концепты в рамках одной сферы, например, в рамках религиозной сферы ('*бог*', '*ангел*', '*дьявол*'), языковой сферы ('*русский язык*', '*родной язык*'), геополитической сферы ('*Америка*', '*Россия*', '*Германия*'), а также сравнить результаты исследования одного концепта разными авторами ('*Германия*' – Керимов, Куданкина; '*добро*' – Шевченко и Змиева, Палеха).

По результатам концептуального анализа становится возможным предстать механизмы взаимодействия нескольких концептов в парадигматике и в дискурсе (Прищепенко, Евтушок, Орлова). В парадигматике между концептами устанавливаются оппозиции: нулевая, привативная, эквиполентная, дизъюнктивная (Передриенко). Одним из механизмов взаимодействия концептов, не попадавших в поле зрения исследователей ранее, является наложение концептов и «перетекание» друг в друга. Такая модель отмечается для концептов '*crime*' и '*sin*', принадлежащих к одному домену и перетекающих друг в друга (Евтушок). Анализируя концепты, актуализируемые в дискурсе, исследователи выяв-

ляют ключевые концепты для определенных типов дискурса (Горбачева, Прищепенко, Федотова, Долгова, Гаврилова, Панина и др.). Интересен анализ одного концепта в разных типах дискурса, например, концепта 'Бог' в светском и религиозном дискурсе (Полина).

С развитием концептуального анализа стала возможной разработка сопоставительного анализа концептов. Посредством этого метода исследуются проблемы эквивалентности концептов в концептосферах разных народов, интеркультурной трансляции концептуального содержания (Димитрова). Интересные факты разных лингвокультур обнаруживает сопоставительное изучение концептов в нескольких языках: в немецком и русском (Зубкова Бутенко, Калужная), русском и английском (Горбачева, Палеха, Долгова и др.), русском и новогреческом (Мирошниченко), русском, английском и французском (Майоренко), русском и башкирском (Дударева), русском, калмыцком и американском английском (Церенова), русском и китайском (Лю Цзюань, Ма Яньли) русском, немецком и японском (Милованова). В результате сопоставительного анализа была выявлена национально-культурная специфика целого ряда концептов, позволяющая делать выводы об особенностях национального менталитета.

Таким образом, строится лингвистическая модель исследования концепта.

Если в выборе методов исследования концептов наблюдается некоторое единство, то в понимании самого концепта выявляются определенные расхождения. Одна из задач Антологии – привлечь внимание лингвистической общественности к болевым точкам молодого, развивающегося направления. Такой точкой является проблема определения концепта. Антология выявила разночтения в определении концепта и отсутствие единства в исходных определениях; это неоднократно отмечается и в Антологии [т. 1: 4, 81; т. 3: 68, 230]. Важным шагом на пути систематизации определений концепта можно считать выделение пяти основных подходов к его пониманию (Крюков).

Расхождения в трактовке концепта обусловлены тем, что концепт является точкой пересечения двух очень интересных, дополняющих друг друга, направлений: лингвокогнитологии и лингвокультурологии. Различия между ними объясняются выбором цели исследования: концепт как объект лингвокогнитивного или лингвокультурного исследования. Общим для обоих подходов является трактовка концепта как ментального образования, структуры знания и сознания. Выход пятитомной Антологии будет несомненно способствовать выработке единого определения

концепта или систематизации трактовок концепта в соответствии с его многоаспектностью.

По результатам концептуального анализа становится возможным выполнить упорядоченное описание содержания концепта, т.е. представить его структуру. Результатом изучения структуры концепта являются две основные взаимодополняющие модели: лингвокогнитивная и лингвокультурная. Взаимодополняемость этих моделей подтверждается их использованием в рамках одного исследования, например, концепта '*гарантия*' (Федотова). Общим параметром лингвокогнитивной и лингвокультурной моделей является многомерность структуры концепта. Некоторые образные описания концепта очень точно отражают особенности его структуры. Так, на примере концепта '*crime*' показана «кристаллоподобная» структура концепта (Евтушок).

Лингвокогнитивная модель дает свидетельства в пользу асимметричного устройства концепта, поэтому исследования, выполняемые в русле лингвокогнитивного подхода, предлагают полевую модель концепта. В полевой модели концепта различают ядро и периферию (Тавдгиридзе и Стернин, Рудакова, Ипполитов, Шевченко и др.). Выделяют ядерные и периферийные признаки, или характеристики, концепта (Балашова, Эренбург), ядерные и периферийные сферы (Арапова и Гайсина), секторы или слои (Костин, Молоткова). Слои разграничивают по степени абстрактности. Центральный слой носит конкретно-наглядный характер. В направлении от центра к периферии каждый последующий слой демонстрирует увеличение абстрактности. В структуре концепта различают также современный и исторический, активный и пассивный слои. Слои концепта формируются субъективными и объективными характеристиками, составляющими его содержание.

Более детализированные лингвокогнитивные модели концепта выявляют его многоуровневый характер: когнитивные слои, выделяющиеся в их составе когнитивные секторы, когнитивные параметры и образующие их когнитивные признаки (Ипполитов, Эренбург).

Исследование концепта в динамике позволило прийти к выводу, что позиция элементов в структуре концепта не является застывшей – например, ядерные элементы могут со временем перемещаться на периферию (Арапова и Гайсина). Убедительно показано, что наиболее подвижной представляется периферийная часть концепта (Эренбург, Смотровая). Изменением периферийной части концепта обеспечивается динамика картины мира (Смотровая).

Одной из наиболее разработанных моделей концепта является фрейм. Модель фрейма отражает содержание концептов со сложной, многоуровневой структурой. Фреймы, в том числе сценарные фреймы, способны разворачиваться в самостоятельные подфреймы (Урусова, Смотрова, Прохвачева, Орлова, Зубкова, Усачева, Прищепенко, Лебедева, Рухленко, Федотова, Полина, Долгова, Лунёва, Крячко, Мирошниченко и др.).

Лингвокультурная модель концепта строится по иному принципу. В ней отражаются типы знания, составляющие измерения (компоненты) концепта. Согласно лингвокультурному подходу, в структуре концепта выделяются понятийный, образный, ценностный и/или значимостный компоненты (Дженкова, Подзолкова, Зубкова, Солохина, Ермолаева, Кусов, Бабаева, Чернова, Петелина, Федотова, Бадмаева, Полиниченко, Кузнецова, Палеха, Бутенко, Кириак и др.). Лингвокультурная специфика концепта нередко проявляется во внутренней форме его имени (Ипанова, Крылов и др.).

Большинство исследований вполне обоснованно выходят на концептуальную / когнитивную и языковую картины мира, поскольку концепт – структурная единица картины мира (Агаркова, Смотрова, Милованова, Моспанова, Мошина, Бондарева, Крюков, Осипова, Бутенко, Шевченко, Гуняшова, Мирошниченко и др.). Сопоставительный анализ концептов позволяет построить этническую картину мира (Дударева). Противопоставляются светская и религиозная, наивная и научная картины мира (Полина, Гаврилова, Филиппова). Особый интерес представляет построение ценностной / аксиологической, политической, фольклорной, эмоциональной картин мира (Калюжная, Панина, Шевченко и Змиева, Тихонова, Кириак, Крылов и др.).

В рамках лингвокультурного подхода ставится проблема взаимодействия нескольких лингвокультур. Для решения этой проблемы вводятся понятия «интеркультурная трансляция», «инокультурность (чуждость) концепта», «эквивалентность концептов в концептосферах разных народов».

Смещение фокуса исследовательских интересов в сторону концептов, выражаемых лексикой языка, продиктовало не только разработку новых методов исследования, но и введение новых понятий и новых терминов. Особое значение, на мой взгляд, имеют понятия: *номинативная плотность* (Карасик); *номинативное и интерпретационное поля концепта*; *когнитивный слой концепта* (Попова, Стернин), *индексы современности / историчности содержания концепта*, *индексы оценочности / неоценочности концепта* (Катуков), *фокус актуализации кон-*

цепта, трактуемый как совокупность концептуальных признаков, актуализируемых в сознании в данный момент в данном контексте, *размерность когнитивной связи, когнитивные комплексы* (Ипполитов).

В целом, представленные в Антологии исследования концепта дают образец этнолингвистического и лингвокультурного сопоставления. Безусловно, проведена огромная работа, накоплен и осмыслен необычайно большой по объему фактический материал. Без сомнения, Антология предлагает хороший срез концептов, актуальных для современной эпохи.

Одновременно, как было показано выше, описания концептов высветили ряд вопросов, дискуссионных для современной лингвистики. По прочтении Антологии остаются ряд непроясненных вопросов.

Во-первых, хотелось бы более четко понять цель однотипного описания разрозненных концептов. К сожалению, не видно, что нового вносит в развитие концептуального анализа каждое из таких описаний (за исключением того, что привлекается новый фактический материал), что может дать когнитивной лингвистике выполненный массив исследований, на решение какой глобальной проблемы они направлены. На данной стадии развития этого направления концептуализма хотелось бы понимать, какой видится научным редакторам дальнейшая перспектива подобных исследований.

Во-вторых, целесообразно было бы провести более четкую границу между концептуальным анализом и семантическим исследованием значений и употреблений отдельных слов; последнее, надо отметить, выполнено в большинстве включенных работ блестяще.

В-третьих, в Антологии показаны лексические, т.е. выражаемые лексическими средствами концепты, в наибольшей степени отражающие культуру народа. Однако завершенности издания способствовал бы раздел, в котором могли быть представлены синтаксически, морфологически выраженные концепты или хотя бы указания на их существование. Поскольку рецензируемое издание имеет заглавие «Антология концептов», читатель вправе ожидать анализ концептов разного типа – передаваемых не только лексически.

В-четвертых, при работе с Антологией ощущается потребность в более четкой организации материала. Описания концептов представлены довольно хаотично. Редакторы-составители могли бы обобщить, систематизировать имеющийся в их распоряжении материал, разграничив, к примеру, по объекту отраже-

ния концепты, отражающие взаимодействие человека с окружающим миром, т.е. внешний мир человека ('Америка', 'вода', 'дорога', 'путешествие' и др.), и внутренний мир человека ('интеллект', 'мечта', 'совесть' и т.д.). Это цементировало бы перечень исследуемых концептов в единое целое, позволило бы узнать новое об организации концептосферы и тем самым уточнить, как знание человека о мире получает отражение в процессах функционирования языка. Думается, собранные результаты лингвоконцептуальных исследований все же будут способствовать решению данного круга проблем.

Помимо разграничения концептов, отражающих внешний и внутренний мир человека, анализ статей позволил увидеть еще несколько возможных оснований для этого.

- Разграничение двух основных направлений лингвоконцептологии – лингвокогнитологии и лингвокультурологии. Фактически данные направления представлены в Антологии, однако читателю было бы значительно удобнее воспринимать предлагаемый материал, если бы составители с самого начала «снабдили» его этими ориентирами.

- Противопоставление возможных путей концептуального анализа: от концепта к языку или от языка к концепту.

К сожалению, это не нашло отражения в структуре Антологии и в Предисловии научных редакторов. В связи с отсутствием подобных ориентиров читатель «тонет» в разнообразии определений и моделей концептов, подходов к их анализу. Конечно, потребность в них не столь велика, если обращаться к Антологии как справочному изданию в поисках информации о каких-либо конкретных наименованиях и концептах. Но думается, что настоящее издание будет востребовано и как нечто цельное, единый источник сведений по лингвоконцептологии.

Все представленные в Антологии исследования объединяет очень хорошая черта: основные понятия, вводимые авторами, получают в них определение. Остается только сожалеть, что в связи с краткостью изложения не все термины получили достаточную экспликацию, например: «семантический гештальт» [т. 1: 25], «семантические (психосемантические) константы концепта» [т. 1: 43], «гештальтный анализ» [т. 1: 58], «языковое обозначение и выражение концепта» [т. 1: 220], «слово-концепт» [т. 2: 85].

В ряде случаев встречаются не вполне удачные термины, например: «объективанты концепта» [т. 4: 54], «количественный предел концепта» [т. 4: 94]. Неприемлемы, на мой взгляд, термины «семы концепта» [т. 3: 204], «концептуальные семы» [т. 5: 31], поскольку в них очевидно смешение двух уровней анализа: кон-

цептуального и языкового. С некоторыми формулировками трудно согласиться, например: «фрагмент языковой и неязыковой действительности в концепте объективируется» [т. 4: 191]. На самом же деле концепт объективируется в языке, в языковой действительности, что получает отражение далее в Антологии: языковые средства объективации концепта [т. 4: 240]. Само терминологическое обозначение концепта не вполне устоялось, ср. термин «фреймовый сценарий концепта» (концепта '*гарантия*' [т.4: 307]); общепринятым в таких случаях термином является «сценарный фрейм».

Антология выявила еще одну болевую точку лингвоконцептологии – наличие большого ряда терминов для обозначения одного понятия: «выражение концепта языковыми средствами». Уже в Предисловии научные редакторы указывают пять терминов: *овеществление*, *репрезентация*, *объективация* и т.д. (т. 1: 4). Кроме этого, в статьях встречаются термины *оязыковление*, *опредмечивание* концепта («концепты, опредмеченные в языке») [т. 1: 12], *экспликация* концепта [т. 3: 246], языковое *воплощение* и *представление* концепта [т. 2: 300]. Для обозначения языковых средств выражения концепта также отмечается большой терминологический разброс. В большинстве случаев употребляются термины *репрезентант* и *номинант*, однако встречаются и не общепринятые термины: *номинат* концепта [т. 3: 241], *объективатор* концепта [т. 4: 240]. Не вполне обоснованным представляется введение нового термина «концептема» «для обозначения единиц, вербализующих и моделирующих концепт» [т. 5: 18]. Отмечаются случаи, когда в одной статье параллельно используются два синонимичных термина, например: языковое воплощение концепта и представление концепта (лексическое, фразеологическое, паремиологическое) [т. 2: 300]; номинант и репрезентант концепта [т. 3: 295].

Импонирует уважительное отношение составителей к читателю. Забота о читателе проявляется в предупреждении о возможных трудностях применения описываемой методики исследования (например, Тавдгиридзе и Стернин [т. 3: 21-22]). В конце каждой статьи предложен список публикаций данного автора, дающий читателю возможность получить максимально полную информацию по исследуемому концепту. К сожалению, в этих списках не приведены, за редким исключением, работы других авторов, на которые даны ссылки в тексте статей, что не позволяет читателю получить максимально полную информацию по проблеме. Например, автор пишет: «Разделяя мнение А.К. Байбурина о том, что норма существует...» [т. 4: 210]. А как может чита-

тель уточнить разделяемое мнение, если нет ссылки на соответствующий источник? Позволю себе не согласиться с редакторами-составителями в том, что библиографическое описание этих работ было бы избыточным [т. 1: 5]. В целях экономии их можно было вынести в общий список к Антологии в целом или к каждому из ее томов.

Материал, представленный в Антологии, убеждает, что лингвоконцептологии еще много предстоит сделать в плане осмысления концепта, его определения, систематизации трактовок концепта, совершенствования лингвоконцептологической методики. Несомненно, книга будет востребована многие годы, изучение концептов будет продолжено на базе накопленной и очень удачно представленной в Антологии информации о концептах.

Сегодня результат очевиден: идет становление лингвоконцептологии как особого направления лингвистики, которому предстоит решать перечисленные и многие другие задачи. Думается, выход Антологии будет этому в значительной мере способствовать. В настоящее время рецензируемое издание уже стало широко известным и, что наиболее ценно, одним из наиболее востребованных и даже «зачитанных» в библиотеках. Опыт руководства научной работой аспирантов, студентов-дипломников, знакомство с большим количеством диссертаций показывает, что редкая работа обходится без обращения к Антологии.

В заключение хотелось бы подчеркнуть гигантский труд редакторов-составителей в процессе подготовки издания к печати. Им пришлось не только ознакомиться с огромным числом статей, но даже самостоятельно подготовить ряд статей для Антологии на основе лишь имевшихся в их распоряжении авторефератов. Хотелось бы пожелать им успеха в их благородном труде.

И.Б. Левонтина
(Москва)

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОЛОГИИ

**Рецензия на книгу: «Антология концептов» / Под ред.
В.И. Карасика, И. А. Стернина. – М., Гнозис, 2007.**

Книга «Антология концептов», как можно понять из ее заглавия, принадлежит к популярному в последние годы направлению интердисциплинарных гуманитарных исследований: она посвящена изучению «концептов», то есть, грубо говоря, смыслов, выражаемых языковыми единицами.

Прежде, чем начать говорить о книге по существу, хотелось бы сделать одну существенную оговорку. В аннотации к книге сказано: "Антология концептов" представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении». В действительности книга вовсе не является словарем. Дело не в объеме словника или отсутствии определенного формата представления единиц, а в том, что в книгу включены описания, выполненные на материале разных языков, разных эпох, частью посвященные одному языку, частью сопоставительные, исследования, выполненные в рамках разных научных идеологий, на основе разных методик и с привлечением инструментария разных наук. Так что название «антология» более точно отражает жанровую принадлежность книги.

«Антология концептов» устроена следующим образом. Собственно описательной части предпослано Введение «Некоторые направления современной концептологии», состоящее из четырех разделов. На самом деле это, по сути, четыре отдельных теоретических введения, написанных, как сказано в предисловии, представителями четырех «школ лингвистической концептологии»: Воронежской, Кемеровской, Краснодарской и Волгоградской.

Первое введение написано З.Д.Поповой и И.А.Стерниным и называется «Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку». В нем, в частности, говорится: «*Лингвокогнитивная концептология* использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы» (с. 9). В то же время «Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации» (с. 8).

Второе введение написано С. Г. Воркачевым и называется «Постулаты лингвоконцептологии». В нем концепт определяется как «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» (с. 10).

Третье введение написано В. И. Карасиком и Г. Г. Слышкиным и называется «Базовые характеристики лингвокультурных концептов». В качестве таковых приводятся: комплексность бытования, ментальная природа, ценностность, условность и размытость, изменчивость, ограниченность сознанием носителя, трехкомпонентность (имеются в виду ценностный, образный и понятийный компоненты), полиапеллируемость, многомерность (по сравнению с фреймом, сценарием, скриптом и др.), а также методологическая открытость и поликлассифицируемость (с. 12-13).

Наконец, четвертое введение написано М. В. Пименовой и называется «Методология концептуальных исследований». В нем, помимо собственного определения концепта, содержится перечисление этапов исследования концептов: «Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта. Третий этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвертый этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап – исследуются сценарии» (с. 15).

Перечислим хотя бы некоторые концепты, которые являются предметом описания в данной книге: быт, воля, дружба, закон, здоровье, красота, страх, удивление, форма, язык, грех, деньги, домовая и русалка, Америка, Россия. Большинство исследований выполнено на материале русского языка, однако не все. Например, концепт «приватность» изучается на материале лингвокультуры США, концепт «пунктуальность» — через русско-немецкое сопоставление, концепт «умение жить» — через русско-французское, а концепт «путешествии» – через русско-китайское. Концепт «женщина» изучается в текстах среднеанглийского периода (с XII по XV в.).

Собранные в книге работы чрезвычайно разнообразны как по материалу, так и по методу. Используются самые разные методики описания языковых единиц, в частности довольно широко применяется психолингвистический эксперимент. Описываются не только языковые единицы, но и пословицы, и народные приметы, и художественные тексты, и другие сущности. В качестве культурных концептов рассматриваются, в частности, мифологемы (см. статью «Домовой и русалка»), а также речевые акты (в статье «Оскорбление» вводится понятие «иллокутивного концепта»). Стоит отметить, что в части статей содержится свежий и интересный материал.

Собственно антология состоит из примерно сорока статей, посвященных отдельным концептам, причем практически каждой из них предпослано собственное теоретическое введение, в котором обсуждается, как автор понимает термин «концепт» и каким образом концепты следует изучать. Таким образом, данная книга представляет собой не столько антологию концептов, сколько антологию концептологии. Поскольку в современной лингвистике термин «концепт» используется чрезвычайно широко и при этом совершенно по-разному, книга, в которой одновременно представлена по крайней мере часть спектра пониманий этого термина, несомненно, полезна. Тем не менее, такая структура приводит к странному эффекту: если читать книгу подряд, то приходится десятки раз прочитывать сходные, а подчас почти дословно совпадающие рассуждения о том, что концепт в науке понимается по-разному, о нем писали такие-то лингвисты, а вот автор будет понимать его таким-то образом – и далее следует определение, часто в виде цитаты.

Этот эффект связан со способом формирования данной «антологии». Как сказано в предисловии, в ее основу положены диссертации, выполненные в разных городах и посвященные отдельным концептам (кстати, кое-где слово «диссертация» осталось даже в тексте). Пожалуй, один из основных недостатков книги состоит в том, что во многих ее разделах жанр даже не диссертации, а автореферата представлен почти в непереработанном виде. А ведь автореферат – очень специфический научный жанр, призванный анонсировать собственно исследование и изложить его результаты. Если же он фигурирует в качестве самого исследования, результат получается не всегда впечатляющий. Скажем, автор сообщает, что на основе анализа лексикографических источников он выделил такие-то основные компоненты значения. Однако читатель так и не узнает, какие словари автор анализировал и каким образом получил свои компоненты из словарных дефиниций. Для жанра автореферата это нормально, но в статье читатель хочет иметь возможность не принимать на веру выводы автора, а следить за ходом его мысли. То же относится и к ссылкам на научную литературу. Во многих случаях они даются глухо (об этом концепте писали такие-то) и в списке литературы не расшифровываются. Вообще списки литературы, в большинстве случаев состоящие в основном из публикаций самого автора – явный след «авторефератного» происхождения. Например, почти анекдотически выглядит список литературы к статье О.Н. Кондратьевой «Душа, сердце, ум» (а надо ли говорить, как избалованы эти слова вниманием лингвистов): в нем 21 пункт, при этом 19

пунктов – это ссылки на работы О. Н. Кондратьевой, а 2 – ссылки на работы М. В. Пименовой и О. Н. Кондратьевой. Библиография к статье Е.В.Димитровой «Тоска» состоит исключительно из работ Е.В. Димитровой. Кстати, в такой ситуации список в конце статьи уж лучше называть не «Литература», а «Список публикаций». Причем если О.Н.Кондратьева хотя бы в тексте статьи списком упоминает некоторых предшественников, то в статье Е. В. Димитровой нет и намека на то, что до нее кто-то из лингвистов когда-либо интересовался русским словом *тоска*¹.

Между тем, там, где мы все-таки не лишены возможности наблюдать за тем, как авторы извлекают смысловые компоненты из исходного текста, можно видеть, что это делается не всегда аккуратно. Так, на странице 103 читаем: «Например, определение-суждение "Любовь – это такое чувство, когда я чувствую то, что вы чувствовать не можете" принадлежит А.П.Чехову, и в нем могут быть выделены признаки, которые стали главными для конкретной языковой личности: 'чувство', 'необъяснимость', 'невозможность испытывать нечто подобное другим лицом'². Наверное, можно согласиться, что любовь необъяснима, но где это сказано в чеховской фразе? На стр. 113 на основе «анализа системно-языкового материала» выделяются «семы в составе языкового значения лексемы *любовь*». Для «американского языкового сознания» выделяется, например, такая сема: «люди, состоящие в браке, могут снова влюбиться в кого-либо» — и в качестве примера приводятся слово *lovers* и сочетание *love affair*. Однако, даже если оставить в стороне вопрос о том, насколько *lovers* и *love affair* соотносятся с идеей русского глагола *влюбиться*, разве эти слова применимы только к ситуации адюльтера? Да и сочетание

¹ Собственно, автор и изложение строит соответствующим образом: «В результате анализа словарных дефиниций лексемы *тоска* нами установлено, что эта лексема обладает сложной семантикой, поддающейся логике культурного сценария, но трудно поддающейся делению на отдельные значения» (с. 198).

² Как мы видим, здесь нарушен синтаксис. К сожалению, местами язык исследования невероятно тяжел. Ср. только один пример: «Коммуникативная прозрачность речевого портрета языковой личности – это вывод из прагматики содержания текста, выражающего речевое намерение автора высказывания создать восприятие образа лица на основе системы вербализованных субъективных социальных оценок» (с. 404). Кроме того, на мой взгляд, язык «Антологии» перегружен специальной терминологией, далеко не всегда необходимой и часто не прозрачной, но это уже дело вкуса.

love nest в качестве иллюстрации семьи «влюбленные обычно очень счастливы», по крайней мере, не очевидно.

Даже в тех случаях, когда выводы автора кажутся правдоподобными, взыскательного читателя они часто не удовлетворяют, поскольку неясно, как автор к ним пришел. Так, мне показалось интересным утверждение, что в русском «языковом сознании» «плохо быть легкомысленным в любви, проявлять безответственность (особенно для женщин)», в то время как в немецком «языковом сознании» «легкомыслие, ветреность – не осуждаемые поведенческие типы, связанные с любовью» (с. 110). Возможно, это действительно так, но анализ каких языковых фактов привел автора к этому выводу? Поскольку это неизвестно, то и сам вывод лишается всякой ценности.

Я привожу примеры из описаний концепта любви, но подобные замечания можно сделать и к десяткам других статей. Описание любви показательно и еще в одном отношении. В книге есть две статьи: «Любовь» (Л. Е. Вильмс), где проводится русско-немецкое сопоставление, и «Любовь и ненависть» (Е. Ю. Балашова), где проводится русско-английское сопоставление. При этом описание сделано настолько по-разному, что, прочитав обе статьи, едва ли можно уяснить, чем отличается немецкая любовь от английской. Это лишнее доказательство того, что «Антология» едва ли может претендовать на статус словаря.

Возвращаясь к статьям о любви, можно заметить, что, как и большинство статей в книге, они страдают чрезмерной любовью к выводам и недостатком вкуса к представлению языкового материала. А ведь, например, Л. Вильмс пишет, что выводы делаются на основе анализа русских и немецких словарей 18 и 19 вв. Но это же такие интересные источники! Насколько полезным и увлекательным могло бы быть полноценное представление этого материала с его корректным анализом!

И здесь мы подходим, пожалуй, к основной проблеме, связанной с большой частью концептологических исследований – «ускользанию» предмета изучения. Во многих статьях «Антологии» местами не очень понятно, сущность какого рода автор описывает. Приведу пример. В книге есть статья «Умение жить» (Э. В. Грабарова), в которой «дается характеристика концепта *savoir vivre* во французской лингвокультуре и выявление его соответствий в русском языковом сознании» (с. 497). В этой работе приводится большой и интересный материал, касающийся французского языка. Однако далее читаем: «"Неумение жить" по-русски ассоциируется с отсутствием цели в жизни и отрывом от реальности. Человека, не умеющего жить, в русской культуре часто жа-

леют, ему сочувствуют (полагая, что он сам не виноват в сложившихся обстоятельствах, что такова судьба – важнейший концепт в русском языковом сознании)» (с. 505). Что здесь описывается? Семантика русского выражения *не уметь жить*? Но оно не связано ни с отсутствием цели, ни с фатализмом. Оно означает что-то вроде 'не уметь устраиваться' и связано с установкой на получение материальной выгоды. Вместе с тем, это явно и не описание смысла французского выражения *savoir vivre* (разумеется, с отрицанием), который по-русски передавался бы как-то иначе: ведь ранее автор в качестве русских коррелятов этого выражения выделяет такие единицы, как «*вежливость, учтивость, умение вести себя, благопристойность, корректность, умение, сноровка, ловкость*» (с. 502).

Другой пример. В книге есть статья «Обман» (Н. Н. Панченко). Она начинается словами: «Эмпирически очевидно, что нет такой сферы человеческой деятельности, где бы не встречался обман» (с. 129). Несколькими строками ниже читаем: «Ложь, являясь антиподом правды, демонстрирует тем самым приоритет низших ценностей над высшими» (с. 129). Что бы ни значила последняя фраза, существенно, что здесь говорится уже не об *обмане*, а о *лжи*. При этом подразумевается, что это как бы одно и то же. Далее проводится межъязыковое сопоставление: «В результате анализа 14 англоязычных и 10 русских лексикографических источников обнаружилась национально-культурная специфика семантизации понятий «ложь» и «обман», которая проявляется в различиях в семантическом представлении лжи и обмана для носителей сопоставляемых языков: существенным для носителей английского языка является указание на мишени и цели воздействия (направленность действия), для русского национального сознания релевантным является интенциональный аспект (намеренность), референтный аспект (искажена ли истина)» (с. 130). Замечательны эти 24 источника, ни один из которых не указан. Скорее всего, это различные толковые словари.

Здесь, кстати, хотелось бы сделать одно замечание. Во многих статьях «Антологии» отправной точкой описания концептов служат словарные толкования выражающих их слов (в некоторых статьях это называется «содержательный минимум»). Обращение к словарям, разумеется, всегда полезно, однако приходится с сожалением констатировать, что состояние русской лексикографии не таково, чтобы дефиниции из русских словарей можно было так некритически использовать, притом делая из них столь далеко идущие выводы о фундаментальных различиях культур.

Итак, в статье «Обман» не указаны не только словари, но и то, какие, собственно, слова сравнивались и в каких из их значений. Неясно, брались только существительные (*ложь, обман*) или также и глаголы (*лгать, обманывать*)? И каков в этой ситуации статус таких слов, как, например, *неправда* и *вранье*? Аналогичные вопросы возникают и в отношении слов английского языка. Не вполне очевидно также и то, что в точности автор понимает под «семантизацией понятия».

Как кажется, более естественный путь состоит в том, чтобы начинать с анализа семантики и функционирования реальных языковых единиц, групп этих единиц, выявлять их взаимосвязи, семантические противопоставления между близкими единицами и т. п., затем реконструировать на основе этого анализа фрагменты языковой картины мира (если угодно, определенные концепты или группы концептов). Достоверность реконструкции будет в этом случае обеспечиваться опорой на реальные языковые факты. И уже следующий шаг может состоять в том, чтобы дополнить описание языковой семантики разного рода культурным, мифологическим или иным анализом. В этом случае понятно, что сравнивается при сопоставительном исследовании: концепты или фрагменты русской, английской и т. д. картины мира, реконструированные на основе языковых фактов, будут разными в силу того, что по-разному в соответствующих языках ведут себя языковые единицы.

Приведу пример системного описания семантики языковых единиц. Что касается русского слова *ложь* и слов, близких к нему по смыслу (*обман, надувательство; дезинформация; сказки, рассказы, басни, небылицы; клевета, напраслина, поклеп, наговор, оговор, инсинуация; подделка, подлог, фальсификация, фальшивка; выдумка, вымысел, мистификация; ошибка, заблуждение*), то их семантическое описание приводится в статье В. Ю. Апресян «Неправда, ложь, вранье», составленной для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (под общим руководством Ю. Д. Апресяна), 2-е изд., Москва-Вена, 2004. В Преамбуле к синонимическому ряду рассматривается вся большая группа сходных по смыслу слов и приводятся семантические признаки, по которым они противопоставляются: «1) сознательно ли отступление от правды или норм честности; 2) каковы цели этого отступления, если оно намеренное (добиться чего-то для себя, причинить кому-то вред, помешать кому-то добиться своих целей, игра); 3) что используется для введения адресата в заблуждение (высказывание, действие, конкретный предмет)». Рассматриваются там, в частности, различия между ложью и обма-

ном, которые доказываются правильностью или неправильностью конкретных высказываний: «Во-первых, *обман* предполагает более широкий спектр средств создания заблуждения — не только высказывания, но и действия; ср. *Чтобы получить хорошую отметку, он пошел на обман — послал вместо себя на экзамен своего брата-близнеца*. Во-вторых, *обман* (в тех случаях, когда в качестве средства используется высказывание) не может, в отличие от **неправды**, **лжи** и **вранья**, характеризовать содержание единичного высказывания. Он непременно предполагает некий план, и, следовательно, некую продуманную совокупность взаимосвязанных действий или высказываний. Ср. *обдумывать обман, Обман удался, Обман рухнул, раскрыть обман*, но не **Ты там был? — Нет. — Обман! при возможности Ты там был? — Нет. — Неправда <ложь, вранье>*. Затем точно так же сравниваются и значения самих членов синонимического ряда.

В результате мы получаем четкое представление о том, как язык концептуализует соответствующий фрагмент внеязыковой реальности. Имея такое описание, при желании можно проводить сопоставление с другими языками или строить разного рода культурологические или иные интерпретации. Кстати, *вранье* именно как культурно-специфический концепт, реконструируемый на основе языковых данных, подробно описано в работе А. Д. Шмелева «Вранье в русской языковой картине мира» (Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. В печати)³.

Можно назвать и еще некоторые проблемы, типичные для концептологических работ и представленные, в частности, в статье об обмане, как, впрочем, и во многих других статьях «Антологии». Это, например, проблема использования паремиологического фонда для изучения концептов. Так, для характеристики концепта лжи/обмана использованы 150 паремий (75 русских и 75 английских) (с. 133), но мы не знаем, что это за единицы: в подобных исследованиях часто используются пословицы, взятые из словарей и т. п. и реально не функционирующие в современном языке, не известные его носителям. Но участвуют ли они в этом случае в формировании концепта?

³ Разумеется, альтернативные семантические описания можно было бы привести для большой, если не для большей части рассмотренных в книге слов. Данный фрагмент я привожу лишь как иллюстрацию возможности иного подхода к анализу значения языковых единиц.

Можно было бы продолжать перечислять проблемы, с которыми сталкивается область науки, в рецензируемой книге называемая концептологией, но я перейду к выводам.

Очень хорошо, что лингвистика стремится расширять свои горизонты, привлекая данные других наук и используя их инструментарий. Но было бы жаль, если бы на этом пути она растеряла собственный инструментарий и пренебрегла собственными достижениями. Современная семантика уже довольно много знает о смысле языковых выражений, и рутинное семантическое описание подчас бывает более концептуальным, чем «концептологический» анализ.

*Перепечатано из издания:
«Вопросы языкознания», 2008, № 4, с. 122-126.*

**И.А. Стернин, В.И. Карасик
(Воронеж, Волгоград)**

КАК ОПИСЫВАТЬ КОНЦЕПТЫ

Интенсивное развитие когнитивной лингвистики в мире и в России – наиболее яркое явление на лингвистическом небосклоне конца прошлого – начала нынешнего века. Исследования в сфере когнитивной лингвистике приобрели в нашей стране размах и популярность во многом благодаря усилиям Е.С. Кубряковой, разработавшей современные подходы, основную терминологию, выпустившей «Краткий словарь когнитивных терминов», который стал настольной книгой уже ни одного поколения когнитологов.

В настоящее время когнитивная лингвистика уже прочно стоит на ногах, сформировались авторитетные когнитологические школы в разных научных центрах, отличающиеся как в теоретических позициях, так и в методиках исследования. Это нормальное положение для становления науки, которую не сразу приняли многие лингвисты традиционных направлений. Это и не удивительно – в свое время такой же путь прошла психолингвистика, математическая лингвистика, прагмалингвистика и другие «пограничные» направления лингвистики, о которых сначала многие упорно говорили, что «это все не лингвистика», но к настоящему времени эти направления заняли свое прочное место в науке о языке и значительно обогатили лингвистику и в области теории, и в области методологии, и в области новых научных результатов.

Когнитивная лингвистика сейчас находится в сфере интенсивного развития и дискуссий по поводу ее назначения и содержания, методов исследования – как и другие новые направления – межкультурная коммуникация, лингвокультурология.

Для исследователей в области когнитивной лингвистики чрезвычайно важно уяснить теоретические позиции и методы лингвокогнитивных исследований, для чего необходимы обобщающие работы. Однако для таких работ еще время не пришло, продолжается накопление материала и важно, чтобы накапливаемый материал, особенно когда это касается серьезных диссертационных исследований, был доступен как можно большему числу в первую очередь начинающих исследователей.

С этой целью уже ряд лет в рамках совместного научного проекта Волгоградского государственного педагогического университета и Воронежского государственного университета публикуются выпуски «Антологии концептов», составителями которых являются авторы этих строк.

Проект был задуман и реализуется в ответ на необходимость систематизировать и сделать общедоступными разрозненные концептологические описания многочисленных концептов, которые осуществляются в последние десятилетия в нашей стране, привлечь внимание когнитологов и специалистов смежных областей к концептологическим исследованиям, к разработке концептологической теории и методики.

Составители отбирают и публикуют наиболее интересные и оригинальные исследования из известных им работ по концептологии, отражающие результаты диссертационных исследований. Определены общие требования к этим публикациям – в публикации должна быть изложена методика исследования, определены основные понятия концептологии, из которых исходит автор (или помещена ссылка на ту или иную опубликованную концепцию), а также должно содержаться конкретное описание исследуемого концепта в форме перечисления когнитивных признаков, образующих его содержание и выявленных в процессе исследования. Обязательным является приложение списка работ автора по данному концепту, чтобы читатель мог уточнить детали и подробности, которые не вошли в краткую статью.

В первом выпуске были сформулированы теоретические принципы нескольких лингвоконцептологических школ, в рамках которых выполнены многие исследования, включенные в «антологию», чтобы авторы отдельных статей не излагали эти принципы в своих статьях, ограничившись ссылкой на опубликованные принципы соответствующей школы.

К настоящему времени в волгоградском издательстве «Перемена» вышло уже пять выпусков «Антологии» — вып. 1, 2005, вып.2, 2005. Вып.3. 2006, вып.4 . 2006. Вып.5, 2007. Все выпуски вышли небольшим тиражом (200 экз.) и давно разошлись. Они вызвали многочисленные заинтересованные отклики наших коллег — ученых-когнитологов разных школ и направлений, как лингвистов, так и философов, культурологов, лингвокультурологов. Особенно заинтересовало это издание молодых ученых. Выпуски 1 и 2 в объединенном виде вышли также в Москве в издательстве «Гнозис» в 2007 г. Московское переиздание двух первых выпусков при этом вызвало полемическую рецензию проф. И.Б. Левонтиной («Вопросы языкознания», 2008, № 4. с. 122-126).

Мы хотим поблагодарить рецензента за труд – ознакомиться с изданием, составителями которого мы являемся, и проанализировать его. Благодарим за отмеченные неточности и оплошности, попавшие по нашему недосмотру в текст первого и второго выпусков, за ряд высказанных идей.

Мы благодарны проф. И.Б. Левонтиной за проведенный анализ первых выпусков нашего проекта и хотели бы продолжить обсуждение того, каким образом следует описывать концепты. Хотим мы также пояснить некоторые моменты, вызвавшие возражения рецензента, тем более что это будет полезным в плане продолжающейся дискуссии о когнитивном направлении в современной лингвистике и концептологии как ее разделе, о возможных формах представления результатов концептологических описаний.

Мы бы хотели также пояснить некоторые проблемы, которые были восприняты рецензентом в ином аспекте по сравнению с тем, который был задуман составителями, а также вступить в дискуссию с рецензентом по некоторым теоретическим проблемам лингвоконцептологии, затронутым в рецензии.

Главный тезис, с которым мы принципиально не можем согласиться, это то, что концептологические исследования ведут к «потере лингвистикой собственного инструментария и пренебрежения ею собственными достижениями». Мы уже выше упоминали, что так в свое время говорили и о многих других новых научных направлениях – психолингвистике, прагмалингвистике и др. Любое новое направление всегда отличается от традиционных, поэтому оно и новое, но это никак не означает, что оно пренебрегает достижениями прежних направлений. Оно просто идет дальше, выбирает новый аспект языка для исследования. И это отражено в нашей «Антологии».

Наша книга по жанру является именно «Антологией», она – не традиционный словарь. Дело не в объеме словника или отсутствии определенного формата представления единиц, а в том, что в книгу включены описания, выполненные на материале разных языков, разных эпох, частью посвященные одному языку, частью сопоставительные исследования, выполненные в рамках разных научных идеологий, на основе разных методик и с привлечением инструментария разных наук. Это и оговорено нами – в этом и одна из целей «Антологии» — чтобы читатели увидели, кто, где и как изучает концепты, какие концепты уже изучены и какими методиками. Наше издание – именно антология, то есть вид справочного издания.

Подчеркнем, что мы назвали данный жанр описания концептов *концептуарий*, который можно назвать *словарем нового типа*. Сейчас таких словарей появляется все больше – энциклопедический словарь, ассоциативный словарь тоже не словари в традиционном смысле слова, словари под ред. Ю.Д. Апресяна – тоже не традиционные словари.

Что же касается отбора единиц в любом справочном издании – это дело авторов–составителей. Мы включаем в выпуски «Антологии» наиболее интересные, на наш взгляд, описания концептов, которые стали нам известны, и которые выполнены на уровне не ниже защищенной кандидатской диссертации.

Проф. И.Б. Левонтина отмечает: «Антология концептов» устроена следующим образом. Собственно описательной части предпослано введение «некоторые направления современной концептологии», состоящее из четырех разделов. На самом деле это, по сути, четыре отдельных теоретических введения, написанных, как сказано в предисловии, представителями четырех «школ лингвистической концептологии»: воронежской, кемеровской, краснодарской и волгоградской».

Как мы уже отмечали, это сделано намеренно – для того, чтобы прояснить теоретические позиции сложившихся школ – а в статьях на них авторы могут только ссылаться. Хотим подчеркнуть, что некоторые научные школы, которым мы предложили сформулировать свои основополагающие теоретические принципы и методы, не смогли этого пока сделать – идеи и методы еще находятся в стадии разработки.

Далее в рецензии говорится, что почему-то «в каждой статье есть свое теоретическое введение, в котором обсуждается, как автор понимает термин «концепт» и каким образом концепты следует изучать. Таким образом, данная книга представляет собой не столько антологию концептов, сколько антологию концеп-

тологии». Это действительно так и это было обусловлено нашими требованиями к статьям — автор должен изложить свои теоретические позиции, чтобы можно было оценить полученные им результаты в сопоставлении с другими исследованиями. Это было обязательное требование к представляемым материалам.

В таком случае антология — и антология концептов, и антология разных направлений концептологии, что также необходимо на современном этапе развития когнитивных исследований. Начинающие исследователи должны определять используемые понятия и метод, к чему составители их упорно призывают. Поскольку в современной лингвистике термин «концепт» используется чрезвычайно широко и при этом совершенно по-разному, книга, в которой одновременно представлена по крайней мере часть спектра пониманий этого термина, с нашей точки зрения, несомненно полезна и необходима.

Рецензент полагает, что «такая структура приводит к странному эффекту: если читать книгу подряд, то приходится десятки раз прочитывать сходные, а подчас почти дословно совпадающие рассуждения о том, что концепт в науке понимается по-разному, о нем писали такие-то лингвисты, а вот автор будет понимать его таким-то образом — и далее следует определение, часто в виде цитаты». Однако *антология* как книга не предназначена для «чтения подряд», это не монография. Мы предполагаем, что читатель будет искать в ней описание интересующих его концептов. Все теоретические определения в каждой статье оставлены нами сознательно: чтобы читателю — а часто и самим исследователям — стали ясны их теоретические позиции.

В основу большинства статей были положены авторефераты соответствующих диссертаций. К сожалению, в первом выпуске есть опечатки, кое-где в тексте осталось слово *диссертация*. Но поскольку нами была поставлена задача включить в антологию только исследования, защищенные в качестве диссертаций, мы опирались именно на авторефераты — реферат как нельзя лучше отражает в краткой форме основное содержание диссертационной работы.

Несколько слов о списке литературы. И.Б. Левонтина полагает, что «список в конце статьи уж лучше называть не «литература», а «список публикаций». Возможно, так и следовало сделать. Отметим лишь, что к описанию научной литературы, использованной в исследовании, могут быть разные подходы. Если давать общий список использованной автором литературы — мы получим во многом повтор одних и тех же работ по современной концептологии в работах разных авторов, мы сочли это нецелесообраз-

ным. Список литературы включает не ссылки на изученные автором работы, а ссылки на публикации самого ученого по данному концепту – именно для того, чтобы заинтересованный читатель мог посмотреть их подробнее и узнать, к примеру, больше о словарях, источниках исследования, конкретном материале и т.д. – все это невозможно поместить в статью. В статье приведен список литературы по концептологическому исследованию именно данного концепта, а не общая библиография. Мы полагаем, что такой подход вполне разумен для антологии, учитывая ее объем и назначение.

Еще одно соображение И.Б. Левонтиной: «В книге есть две статьи: «любовь» (Л. Е. Вильмс), где проводится русско-немецкое сопоставление, и «любовь и ненависть» (Е. Ю. Балашова), где проводится русско-английское сопоставление. При этом описание сделано настолько по-разному, что, прочитав обе статьи, едва ли можно уяснить, чем отличается немецкая любовь от английской. Это лишнее доказательство того, что «антология» едва ли может претендовать на статус словаря».

Это действительно так, но в задачу Антологии сравнение не входит – сравнить может сам читатель, если он заинтересовался соответствующими концептами. Поскольку есть разные направления в концептологических исследованиях, то включение в антологию разных описаний одного и того же концепта мы как раз считаем весьма полезным – читатели должны видеть разные варианты описания и могут сравнить результаты, полученные разными методами.

И.Б. Левонтина также высказывает соображения по поводу использования в концептологических исследованиях лексикографических источников, в частности – дефиниций толковых словарей: «здесь, кстати, хотелось бы сделать одно замечание. Во многих статьях «антологии» отправной точкой описания концептов служат словарные толкования выражающих их слов (в некоторых статьях это называется «содержательный минимум»). Обращение к словарям, разумеется, всегда полезно, однако приходится с сожалением констатировать, что состояние русской лексикографии не таково, чтобы дефиниции из русских словарей можно было так некритически использовать, притом делая из них столь далеко идущие выводы о фундаментальных различиях культур».

Здесь мы не можем согласиться с известным лексикографом: использование словарных дефиниций в качестве источника семантического материала – общепризнанный прием семантического анализа в самых разных направлениях лингвистики с незапа-

мятных времен. Разумеется, словари несовершенны. Но как без словарей можно узнать о значении слова? И зачем тогда вообще лексикографами создаются словари, если сами они при этом не рекомендуют ими пользоваться?

Словарные дефиниции можно критиковать, обсуждать, совершенствовать, но отказываться от их использования нельзя ни в коем случае. Кстати, концептологические исследования позволяют во многом уточнить словарные дефиниции.

Кроме того, анализ словарных дефиниций, который мы наблюдаем практически во всех концептологических работах, всегда является лишь *одним из источников* информации о содержании концепта, так что «далеко идущие выводы о фундаментальных различиях культур» на основании словарных дефиниций когнитологи никогда не делают. Принципиальное различие между значением слова и актуализируемым (вербализуемым) им концептом – уже аксиома современной когнитивной лингвистики.

Мы согласны с замечаниями И.Б. Левонтиной в адрес отдельных фактов в конкретных описаниях концептов – но мы не считали возможным что-либо исправлять в концепциях и материалах авторов, раз они провели исследование и защитили его в качестве диссертации. Наша работа над статьями состояла в редакторской правке и приведении по возможности статей к единому стандарту описания. За аргументацию, приведенные примеры и полученные выводы отвечают сами авторы. Еще раз подчеркнем, что именно для уточнения всегда приводится список работ автора по данной теме, к которому читатель можно обратиться для прояснения тех или иных положений.

И, наконец, мы бы хотели прокомментировать заключительное методологическое высказывание рецензента:

«Как кажется, более естественный путь (чего? – В.К., И.С.) состоит в том, чтобы начинать с анализа семантики и функционирования реальных языковых единиц, групп этих единиц, выявлять их взаимосвязи, семантические противопоставления между близкими единицами и т. п., затем реконструировать на основе этого анализа фрагменты языковой картины мира (*если угодно, определенные концепты или группы концептов — выделено нами: В.К., И.С.*). Достоверность реконструкции будет в этом случае обеспечиваться опорой на реальные языковые факты. И уже следующий шаг может состоять в том, чтобы дополнить описание языковой семантики разного рода культурным, мифологическим или иным анализом. В этом случае понятно, что сравнивается при сопоставительном исследовании: концепты или фрагменты русской, английской и т. д. картины мира, реконструированные на

основе языковых фактов, будут разными в силу того, что по-разному в соответствующих языках ведут себя языковые единицы». И далее: «рутинное семантическое описание подчас бывает более концептуальным, чем «концептологический» анализ».

Выбор метода исследования конкретного явления – важнейшее дело, и от метода во многом зависят полученные ученым результаты. Но методы *концептологического исследования*, которое рецензент почему-то ставит в кавычки, не сводятся к описанию семантики называемых концепты единиц – общим местом в современной когнитологии стало представление о том, что концепт имеет разнообразные языковые формы выражения и есть концепты, которые не имеют вербальных средств выражения, не переставая при этом являться ментальными единицами.

Очевидно, что рецензент отождествляет *концепты со значениями языковых единиц* и фактически предлагает заниматься описанием семантики, которую, как полагает рецензент, «если угодно», можно назвать концептом. В современной концептологии такая точка зрения уже преодолена. И семантическое описание никак не может быть более концептуальным, чем концептологический анализ, поскольку оно способно описать только вербализованную часть содержания любого концепта. Значение – это никак не концепт, это одно из представлений содержания концепта в языке.

В «Антологии» представлены *концептологические*, а не *семантические* описания – в этом ее специфика. И в концептологии реконструируется не *языковая картина мира* (она представлена в толковых словарях), а *когнитивная* – она составляет концептосферу народа. И языковая картина мира – это никак не «если угодно, определенные концепты или группы концептов», языковая картина мира — это картина, создаваемая *значениями* языковых единиц, и она выступает лишь исходным материалом концептологического описания.

«*Дополнение* описания языковой семантики разного рода культурным, мифологическим или иным анализом», предлагаемое рецензентом, – это не концептологическое описание, а именно *дополнение описания языковой семантики*. И именно в условиях использования подобного достаточно произвольно понимаемого каждым исследователем «дополнения», а не с использованием конкретных лингвокогнитивных методов «перехода» в ходе исследования от семантики к когнитии, начинающие исследователи, пытающиеся работать в сфере лингвоконцептологии, лингвокогнитологии, допускали и допускают многочисленные произвольные толкования, антинаучные сближения, впадают в

субъективизм, чистую культурологию, мифологию, этнографию и под., что, надо сказать, евсьма компрометирует лингвоконцептологические исследования как научное направление. Именно этого, с нашей точки зрения, исследователи концептов должны избегать.

Концептология – интенсивно развивающаяся наука, в ней идет становление теоретического и терминологического аппарата, вырабатываются методы и приемы анализа, конкурируют различные направления исследования, каждое из которых видит и разрабатывает свой аспект в когнитивных исследованиях.

Наш проект продолжается, данный выпуск «Антологии концептов» уже шестой. Кстати, в последних выпусках уже нет многих оплошностей, оказавшихся в первом выпуске. Небольшой тираж расходуется быстро, мы постоянно получаем большое количество положительных откликов на наши выпуски – от представителей самых разных концептологических научных школ и отдельных ученых, занимающихся когнитивной лингвистикой, от начинающих исследователей – все отмечают, что издание очень помогает в прояснении основных понятий и методики концептологического анализа, в выборе тем и концептов для исследования. Оно также помогает исследователям не дублировать исследуемые концепты. С этой точки зрения мы достигли поставленной нами цели и убеждены, что такое издание необходимо на современном этапе.

Лингвоконцептология усилиями многих ученых, и в первую очередь Е.С. Кубряковой и ее учеников, уже стала достаточно самостоятельным и заметным направлением в современной науке, и нам представляется, что вопрос о ее отношениях с традиционной семасиологией на данном этапе ее развития относится к уже решенным – в концептологии концепты как ментальные единицы исследуются через семантику языковых единиц, номинирующих их в языке и речи. Поэтому концептология использует все методы современной семасиологии – и анализ словарных дефиниций, и компонентный анализ, и психолингвистические методы, но этими методами концептологические исследования не завершаются – концептология идет дальше, обобщая результаты семантического анализа и моделируя концепт как единицу сознания.

И.Б. Левонтина исходит из позиций традиционной семасиологии и лексикографии, подчеркивает (в прим.3), что она приводит «иллюстрации возможности иного подхода к анализу значения языковых единиц», что совершенно справедливо. Но подчеркнем еще раз: концептология не ставит задачи исследовать *значения*

языковых единиц – исследования их значений лишь средство, инструмент описания содержания концептов. В издании, составителями которого мы выступаем, реализован именно концептологический подход. Мы убеждены (и вряд ли кто в данном случае сможет возразить), что наука от разнообразия подходов только обогащается, совершенствуется ее методология и методики, а когда это можно увидеть в компактном виде в одном издании – польза от этого представляется нам несомненной.

Мы благодарим рецензента И.Б. Левонтину за проведенный анализ первого выпуска «Антологии», высказанные замечания и за возможность совершенствования предпринимаемого нами издания.

Мы выражаем большую благодарность проф. В.Б. Гольдберг, чья содержательная, глубокая, важная и полезная для нас своими критическими замечаниями рецензия на вып.1-5 нашего издания публикуется в данном выпуске «Антологии». Мы принимаем высказанные В.Б. Гольдберг замечания и учтем их в дальнейшей работе над проектом.

Мы полагаем, что состоявшаяся дискуссия будет полезна для современной лингвистики и когнитивной лингвистики и внесет свой вклад в совершенствование теории и методики лингвоконцептологических исследований.

Мы с удовольствием предоставим страницы нашего «Альманаха» для дальнейшего заинтересованного обсуждения лингвокогнитивных проблем всем ученым, независимо от занимаемой ими теоретической позиции, которые выразят желание и готовность это сделать. Ждем ваших откликов.

КОНЦЕПТЫ

М.С. Онищенко
(Воронеж)

СВОБОДНАЯ СТРАНА

Концепт *свободная страна* является одним из ключевых концептов современной общественно-политической концептосферы. Цель проведенного нами исследования состояла в описании языковых средств объективации данного концепта носителями русского, немецкого и английского языков, установлении национальной специфики языковой объективации исследуемого концепта и описании национальной специфики содержания и структуры концепта в русской, немецкой и американской лингвокультурах.

Материалом для исследования послужили ответы 400 испытуемых: 200 – из России (от 17 до 57 лет), 100 – из Германии (от 19 до 76 лет) и 100 – из США (от 16 до 74 лет) на составленную нами по принципам лингвокогнитивных методов концептуального анализа анкету, а также авторские высказывания о свободной стране, поиск которых осуществлялся в Интернете. Период проведения эксперимента – 2006-2007 год.

Для исследования концепта *свободная страна* нами была разработана комплексная методика, в рамках которой использованы 13 различных лингвокогнитивных методов и методик. В основу положен метод свободного и направленного ассоциативного эксперимента. В ходе ассоциативных экспериментов испытуемые «настраиваются» на тему проводимого исследования, а далее углубляются в нее, отвечая на дальнейшие вопросы, задаваемые в рамках других экспериментов и опросов: в нашем случае, это идентификационный эксперимент, метод субъективных дефиниций, метод экспликации содержания, метод выявления дифференциальных признаков явления, методика описания чувственного образа концепта, парадигматические эксперименты на подбор оппозитивов и симиляров, метод письменной рефлексии, метод оценочной дифференциации, а также метод интерпретации авторских высказываний. При использовании нескольких лингвокогнитивных методов встает вопрос о том, как правильнее всего свести все полученные результаты воедино. Исследование показало, что наиболее объективным способом сведения результатов является учет максимального индекса яркости когнитивного признака по всем проведенным опросам и экспериментам как свидетельство того, что один из экспериментов или опросов позволил выявить тот или иной признак эффективнее других.

Исследование показало, что концепт *свободная страна* имеет широкую лексико-фразеологическую объективацию во всех исследуемых языках. Выявлено 11 304 реакции, объективирующие когнитивные признаки концепта в трех языках и представившие собой материал исследования и объект когнитивной интерпретации.

Для русского языка наиболее частотными лексическими объективациями концепта являются:

независимая, суверенность, демократия, богатая, сильная, счастливая, благополучная, справедливая, забота о гражданах, США, Россия, Германия, Путин, Кастро, люди живут в мире и согласии, все счастливы, все улыбаются, высокий уровень жизни, есть свобода слова, право выбора, равные возможности, уверенность в завтрашнем дне, граждане ни от кого не зависят, анархия.

Для американского концепта – это: *the USA, Canada, England, democracy, republic, liberty, freedom, people can do what they want, Abraham Lincoln, George Washington, open, open borders, fair, good opportunities, justice, the opposite of communism, no oppression, I can live where I want, safe, no police presence, free media, free speech, no one can stop you from doing what you want.*

Для немецкого концепта наиболее частотными объективациями являются: *Demokratie, Deutschland, Schweden, Meinungsfreiheit, Glueck, gerecht, unabhaengig, tolerant, offen, freundliche Menschen, Martin Luther King, Mahatma Gandhi, Nelson Mandela, Selbstverwirklichung, jeder kann sich frei entfalten, Pressefreiheit, viele Zeitungen, Reisefreiheit, wenig Militaer auf den Strassen, die Menschen unterhalten sich frei, Hilfsbereitschaft, keine Diskriminierung.*

Анализ симиляров ключевой номинации ярко обнаруживает основную особенность языковой объективации русского, американского и немецкого концепта: русский концепт по большей части объективируется языковыми средствами со значением внешней свободы страны (русский: *независимая страна 61, независимость 14, суверенная страна 5, независимое государство, самостоятельная страна, суверенитет 2, индивидуальная страна, индивидуальный подход, независимая республика, независимый народ, сама по себе, самодостаточная страна, самоорганизация, самоуправление, экономически независимая, энергетически независимая, независимая от притязаний других стран, страна без давления извне (в политике, экономике, уме),*

американский концепт – языковыми средствами со значением внутренней свободы (*democracy 24, republic 11, democratic country 6, a democratic society, constitutional democracy, constitutional re-*

public, democratic state, government by the people, liberal democracy, parliament, parliamentary, peoples rule, representative democracy),

немецкий концепт – также языковыми средствами со значением внутренней свободы (*Demokratie 27, demokratisches Land 9, demokratischer Staat 3, demokratisch 2, Republik 2, demokratische vom Volk bestimmte Regierung, demokratischer Rechtsstaat, freiheitlich-demokratische Grundordnung, Mitbestimmung, Mitspracherecht, Parlamentarismus, Verfassungs-Demokratie, Voelkerrecht, Volksherrschaft*), однако доля языковых средств со значением внешней свободы (*unabhängiges Land 4, Unabhängigkeit 3, selbstständig 2, aussenpolitisch autark, eigenständig, ein souveränes Land, selbstbestimmt, selbstbestimmter staat, selbstbestimmtes Leben, Selbstbestimmung, Souveränität, unabhängig, unabhängiger Staat*) намного больше, чем в случае объективации американского концепта.

Результаты описания совокупности средств языковой объективации русского концепта **свободная страна** разработанным комплексом методик были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации, что позволило представить концепт как совокупность когнитивных признаков. Для каждого признака был вычислен индекс яркости как количество испытуемых, объективировавших данный признак в эксперименте (разными языковыми средствами, сведенными в процессе обработки к одному когнитивному признаку), от общего числа объективаций когнитивных признаков концепта участниками эксперимента. После проведения тринадцати опросов и экспериментов для каждого признака был выбран тот индекс яркости, который оказался максимальным по данным того или иного опроса или эксперимента. Содержание концепта **свободная страна** в русском языковом сознании включает в общей сложности 303 признака и имеет следующий вид (приводятся только признаки с индексом яркости 0,15 и больше):

Свободная страна

Это США 0,49
Является независимой 0,49
Наличие демократии 0,39
Это Россия 0,37
Обеспечивает благосостояние людей 0,30
Это Германия 0,29
Граждане ни от кого не зависят 0,27
Делает людей счастливыми 0,23
Полная свобода во всем 0,20

Гарантируется свобода слова 0,18
Достигла высокой степени развитости 0,16
Люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу
0,16
Это Великобритания 0,16
Предоставляет свободу выбора 0,15
Это Франция 0,15
Яркий представитель — В.В. Путин 0,15

Далее была описана макроструктура исследуемого концепта.
В концепте отчетливо выделяются образный компонент, энциклопедическое и интерпретационное поле.

Образ – 2,51%

Перцептивный — 2,11%

Зрительный – 1,91% (Люди там улыбаются 0,80%, там ухоженные и благоустроенные населенные пункты 0,25%, там красивая природа 0,25%, там грязно на улицах 0,06%, там светло 0,04% и др.)

Слуховой – 0,12% (Образ смеющегося ребенка 0,04%, шумная, песни, радио Свобода, тихие улицы с невысокими домами – всего 0,08%)

Обонятельный – 0,02% (благоухающая – 0,02%)

Тактильный – 0,06% (Там тепло 0,06%)

Когнитивный – 0,40%

(Похожа на рай 0,04%, не похожа на тюрьму 0,11% и др. – всего 0,25%)

Образный компонент объединяет 2,51% признаков, образующих содержание концепта.

Энциклопедическое поле – 71,56%

Дифференциальная зона — 18,17%

(Является независимой 7,10%, наличие демократии 4,69%, гарантируется свобода слова 2,64%, гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 1,55%, гарантируется право на свободомыслие 0,96%, гарантирует свободу СМИ 0,54%, имеет свою Конституцию 0,11%, политический плюрализм 0,11% и др.)

Описательная зона – 32,16%

(Полная свобода во всем 3,39%, предоставляет свободу выбора 1,53%, граждане ни от кого не зависят 1,46%, обеспечивает равенство 1,42%, существует анархия 1,38%, достигла высокой степени развитости 1,11%, гарантирует гражданам права 1,07%,

имеет красивый внешний облик 0,57%, низкий уровень преступности 0,56%, обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,54%, отсутствие рабовладения 0,48%, высокий уровень нравственности 0,38%, высокий интеллектуальный уровень граждан 0,36%, высокий уровень патриотизма 0,34%, граждане имеют чувство ответственности 0,34%, высокий уровень культуры 0,31%, имеет большую территорию 0,31%, гарантирует свободу личности 0,27%, отсутствие монарха 0,27% и др.)

Идентификационная зона – 19,62%

(Это США 2,07%, это Россия 1,61%, это Германия 1,11%, это Великобритания 0,59%, яркий представитель — В.В. Путин 0,57%, яркий представитель — Фидель Кастро 0,48%, это Швейцария 0,46%, это Голландия 0,42%, яркий представитель — Джордж Буш 0,42%, это Швеция 0,38%, это Япония 0,36%, это Белоруссия 0,35%, яркий представитель — Че Гевара 0,33%, это Австралия 0,29%, яркий представитель – Дж. Вашингтон 0,29%, яркий представитель — Солженицын 0,29%, это страны Европы 0,28% и др.)

Символическая зона – 1,61%

(символ свободной страны – птица (на просторе) 0,42%, символ – солнце 0,29%, символ – небо 0,13% и др.)

Энциклопедическое поле составляет 71,56% когнитивного содержания концепта.

Интерпретационное поле – 25,91%

Общеоценочная зона – 0,90%

(это хорошо (хорошая страна) 0,44%, это плохо (плохая страна) 0,10%, вызывает к себе положительное отношение 0,08%, там хорошо 0,08%, граждане – хорошие люди 0,04%, это хорошо в меру 0,04%, это плохо в военное время 0,04% и др.)

Утилитарная зона – 22,16%

(обеспечивает благосостояние людей 5,80%, делает людей счастливыми 2,85%, не дает чувства безопасности 2,69%, Люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу 2,47%, гарантирует человеку безопасность 1,28%, гарантирует справедливость 1,23%, дает уверенность в жизни 1,07%, обеспечивает спокойную обстановку в стране 0,82%, обеспечивает образованность граждан 0,63%, создает комфортные условия для жизни 0,63%, граждане проявляют уважение друг к другу 0,52%, хорошая экологическая обстановка (и ухоженность) 0,50%, обеспечивается здоровье граждан 0,25% и др.)

Регулятивная зона – 2,85%

(отсутствие принуждения 0,67%, дает свободу действий в рамках закона 0,61%, никто не имеет права кому-то что-то запретить

0,54%, дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,23%, каждый сам выбирает, как жить 0,17% и др.)

Интерпретационное поле составляет 25,91% когнитивного содержания концепта.

Для установления индекса оценочности концепта все выявленные когнитивные признаки были распределены по следующим группам: когнитивные признаки положительной оценки, когнитивные признаки отрицательной оценки и неоценочные признаки. Был подсчитан удельный вес каждой группы и рассчитан индекс положительной и отрицательной оценочности. Результаты для русского концепта выглядят следующим образом.

Когнитивных признаков положительной оценки – 145

Индекс положительной оценочности – 47,85%

Когнитивных признаков отрицательной оценки – 18

Индекс отрицательной оценочности – 5,94%

Оценочный слой концепта включает 53,79% всех когнитивных признаков. Позитивная акцентуация значительно преобладает над негативной: концепт можно охарактеризовать как позитивно-оценочный. Выводы об оценочности дополняют и подтверждают результаты оценочного эксперимента. В ходе его проведения 135 из 200 русских испытуемых (это 67,5%) отметили, что свободная страна – это хорошо, 19 испытуемых (10%) сказали, что это плохо, 38 испытуемых (19%) заявили, что у свободной страны есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Диспозициональный слой русского концепта **свободная страна** включает лишь один признак (*свободой могут воспользоваться плохие люди 0,01*), что составляет 0,33% от общего числа признаков. Это позволяет охарактеризовать концепт как ассертивный.

Также по результатам описания содержания концепта выявлены основные когнитивные классификационные признаки, образующие структуру концепта. Таких признаков оказалось 47. Категоризируют свободную страну в русском когнитивном сознании следующие **классификаторы**:

предоставляемые гражданские права (12,23%), обеспечиваемое психологическое состояние (10,12%), типичный пример (9,76%), обеспечиваемый уровень благосостояния (8,38%), типичный представитель (7,77%), степень независимости от других стран (7,28%), политическое устройство (6,21%), степень предоставляемой свободы (4,45%), отношения между гражданами (3,75%), степень давления государства на население (2,52%), особенности характера граждан (2,18%), уровень

преступности (2%), внешний облик свободной страны (1,91%), справедливость существующих принципов и принимаемых решений (1,91%), символ (1,84%), степень развитости и характер развития (1,30%), сила и уровень обороноспособности (1,11%), характер проводимой внешней политики (1%), возможность реального существования (0,98%), общая оценка (0,78%), уровень нравственности (0,59%), уровень культуры (0,47%), интеллектуальный уровень граждан (0,42%), размер страны (0,37%), экономическое устройство (0,36%), обеспечиваемое физическое состояние (0,25%), уровень соответствия представлениям об идеальной стране (0,25%), психическое состояние граждан (0,19%), наличие карательных мер за критику в адрес правительства (0,17%), состав населения (0,23%), значение на мировой арене (0,19%), интеллектуальный уровень представителей власти (0,15%), отношение в стране к иностранцам (0,12%), способность осознания явления (0,12%), творческая активность граждан (0,11%), уровень информированности граждан (0,11%), соответствие потребностям человека (0,10%), уровень рождаемости в стране (0,10%), вызываемая эмоция (0,08%), риски, связанные с предоставляемой свободой (0,08%), возраст граждан (0,06%), климатические условия (0,06%), поведение правоохранительных органов (0,06%), правовая образованность граждан (0,06%), государственный язык (0,04%), девиз (0,04%), количество туристов (0,04%).

Полевая организация концепта **свободная страна** по результатам описания имеет следующий вид:

ЯДРО:

Это США 0,49

Является независимой 0,49

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Наличие демократии 0,39

Это Россия 0,37

Обеспечивает благосостояние людей 0,30

Это Германия 0,29

Граждане ни от кого не зависят 0,27

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Делает людей счастливыми 0,23

Полная свобода во всем 0,20

Гарантируется свобода слова 0,18

Достигла высокой степени развитости 0,16

Люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу
0,16
Это Великобритания 0,16
Предоставляет свободу выбора 0,15
Это Франция 0,15
Яркий представитель — В.В. Путин 0,15
Никто не имеет права кому-то что-то запретить 0,13
Обладает большой силой 0,13
Яркий представитель — Фидель Кастро 0,13
Гарантирует гражданам права 0,12
Люди там улыбаются 0,12
Это Швейцария 0,12
Дает уверенность в жизни 0,12
Отсутствие принуждения 0,12
Отсутствие рабовладения 0,12
Существует анархия 0,11
Это Голландия 0,11
Яркий представитель — Джордж Буш 0,11
и др. (всего 120 признаков)

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Вызывает к себе положительное отношение 0,02
Гарантирует свободу выбора профессии 0,02
Гарантирует свободу самовыражения 0,02
Гарантирует сексуальные свободы 0,02
Гарантирует стабильность 0,02
Граждане демонстрируют щедрость 0,02
Граждане миролюбивы 0,02
Граждане молоды 0,02
Граждане отличаются агрессивностью 0,02
Граждане постоянно развиваются 0,02
Граждане проявляют благоразумие и рассудительность 0,02
Граждане проявляют терпимость 0,02
Граждане проявляют целеустремленность 0,02
Граждане психически устойчивы 0,02
Граждане умеют пользоваться своими правами 0,02
Граждане являются сумасшедшими 0,02
Дети там могут играть с любыми игрушками 0,02
Есть свобода вероисповедания 0,02
Имеет свою Конституцию 0,02
Лояльное законодательство 0,02
Люди довольны властью в стране 0,02
Люди негативно относятся друг к другу 0,02
Люди чувствуют себя свободными 0,02

Не дает чувства безопасности 0,02
Не является зажатой 0,02
Невмешательство государства в личную жизнь граждан 0,02
Обладает богатыми ресурсами 0,02
Основана на принципах либерализма 0,02
Отсутствие анархии 0,02
и др. (всего 176 признаков)

Содержание концепта **a free country** в английском языковом сознании включает в общей сложности 215 признаков и имеет следующий вид (приводятся только признаки с индексом яркости 0,15 и больше):

A free country

Это США 0,66
Наличие демократии 0,62
Это Канада 0,41
Противопоставлена коммунизму 0,35
Это Великобритания 0,34
Яркий представитель – Авраам Линкольн 0,29
Полная свобода во всем 0,27
Гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 0,26
Гарантирует свободу СМИ 0,25
Гарантирует справедливость 0,22
Яркий представитель – Джордж Вашингтон 0,21
Гарантируется свобода слова 0,19
Яркий представитель – Мартин Лютер Кинг 0,18
Яркий представитель – Томас Джефферсон 0,17
Никто не имеет права кому-то что-то запретить 0,16
Гарантирует человеку безопасность 0,15
Обеспечивает благосостояние и успешную самореализацию людей 0,15
Там мало полиции на улицах 0,15
Это Австралия 0,15

Далее была описана макроструктура исследуемого концепта. В концепте отчетливо выделяются образный компонент, энциклопедическое и интерпретационное поле.

Образ – 1,17%

Перцептивный – 1,07%

Зрительный – 1,01% (Там красивая природа 0,14%, Является яркой / там светло 0,07% и др.)

Слуховой – 0,03% (Там тихо)

Когнитивный – 0,10%

(Не похожа на тюрьму 0,07%, *an American flag with a big swastika* – 0,03%)

Образный компонент объединяет 1,17% признаков, образующих содержание концепта.

Энциклопедическое поле – 78,88%

Дифференциальная зона – 18,81%

(Наличие демократии 6,72%, гарантируется свобода слова 3,60%, гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 2,90%, гарантирует свободу СМИ 1,30%, гарантируется право на свободомыслие 1,23%, есть свобода вероисповедания 1,09%, является независимой 0,60%, проведение выборов 0,46%, политический плюрализм 0,25%, является единой 0,07%, и др.)

Описательная зона – 37,44%

(Полная свобода во всем 4,20%, предоставляет свободу выбора 2,41%, обеспечивает равенство 1,16%, это нереально 0,91%, гарантирует гражданам права 0,84%, пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу 0,84%, там нет дискриминации 0,84%, поддерживает проявление индивидуальности 0,60%, обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,53%, там мало полиции на улицах 0,53%, отсутствие ограничений 0,63%, граждане проявляют терпимость 0,49%, люди свободны в выборе внешнего облика 0,42%, гарантирует свободу самовыражения 0,39%, дает право на голосование 0,39%, отсутствие анархии 0,39%, граждане объективно информируются об обстановке в стране и мире 0,35%, гарантирует свободу выбора профессии 0,35%, граждане ни от кого не зависят 0,35%, граждане отличаются свободомыслием и восприимчивостью к новым идеям 0,35%, граждане воспринимают свободу как должное 0,32% и др.)

Идентификационная зона – 20,78%

(Это США 3,29%, противопоставлена коммунизму 1,23%, это Канада 1,44%, это Великобритания 1,19%, яркий представитель – Авраам Линкольн 1,01%, это Австралия 0,53%, противопоставлена фашизму 0,49%, яркий представитель – Джордж Вашингтон 0,73%, яркий представитель – Мартин Лютер Кинг 0,63%, яркий представитель – Томас Джефферсон 0,59%, это Франция 0,46%, яркий представитель – Нельсон Мандела 0,45%, это страны Ев-

ропы 0,42%, противопоставлена социализму 0,35%, это Германия 0,32%, яркий представитель – Махатма Ганди 0,31% и др.)

Символическая зона – 1,85%

(Символ – статуя свободы 0,35%, символ – счастливая семья 0,18%, символ – группа людей разных рас/вер 0,14%, символ – открытое пространство 0,14%, образ – картина Нормана Роквелла 0,11%, символ – радостное лицо 0,11%, символ – знак равновесия 0,07%, символ – колокол свободы 0,07%, символ – птица 0,07%, символ – публичная дискуссия 0,07%, символ – солнце 0,07%, символ – флаг/герб США 0,07%, символ – дикое животное 0,04%, символ – небо 0,04% и др.)

Энциклопедическое поле в целом составляет 78,88% когнитивного содержания концепта.

Интерпретационное поле – 19,73%

Общеоценочная зона – 0,77%

(Это хорошо (хорошая страна) 0,56%, вызывает желание в ней жить 0,07%, граждане – хорошие люди 0,07%, это везение — жить в свободной стране 0,07% и др.)

Утилитарная зона – 13,76%

(Обеспечивает благосостояние и успешную самореализацию людей 3,15%, гарантирует человеку безопасность 1,79%, делает людей счастливыми 1,58%, гарантирует справедливость 1,44%, люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу 1,15%, обеспечивает спокойную обстановку в стране 0,60%, обеспечивает образованность граждан 0,53%, граждане проявляют уважение друг к другу 0,49%, дает уверенность в жизни 0,32% и др.)

Регулятивная зона – 5,20%

(Отсутствие принуждения 1,19%, никто не имеет права кому-то что-то запретить 1,19%, каждый сам выбирает, как жить 0,67%, допускается критика правительства 0,49%, там можно жить, как хочешь 0,39%, там можно быть самим собой 0,18%, дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,18% и др.)

Интерпретационный компонент в целом составляет 19,73% когнитивного содержания концепта.

Были установлены индексы оценочности американского концепта.

Когнитивных признаков положительной оценки – 113

Индекс положительной оценочности – 52,56%

Когнитивных признаков отрицательной оценки – 15

Индекс отрицательной оценочности – 6,98%

Оценочный слой концепта, таким образом, включает 59,54% всех когнитивных признаков, что на 5,75% больше, чем в случае русского концепта. Позитивная акцентуация также значительно преобладает над негативной, вследствие чего концепт можно охарактеризовать как позитивно-оценочный. В ходе проведения оценочного эксперимента 62 из 100 американских испытуемых (это 62%) отметили, что свободная страна – это хорошо, 2 испытуемых (2%) сказали, что это плохо, 33 испытуемых (33%) заявили, что у свободной страны есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Диспозициональный слой американского концепта включает всего 4 когнитивных признака: *существует опасность анархии* 0,07, *существует опасность использования свободы в эгоистичных целях во вред окружающим* 0,07, *может иметь как положительные, так и отрицательные стороны* 0,04, *существует опасность избытка свободы* 0,02, что составляет 1,86% от общего числа признаков. Это позволяет охарактеризовать концепт как ассертивный.

Также по результатам описания содержания концепта выявлены основные когнитивные классификационные признаки, образующие структуру концепта. Таких признаков оказалось 39. Категоризуют свободную страну в американском когнитивном сознании следующие **классификаторы**:

предоставляемые гражданские права (19,83%), политическое устройство (11,38%), типичный пример (9,70%), типичный представитель (8,76%), степень предоставляемой свободы (6,03%), обеспечиваемый уровень благосостояния (4,60%), обеспечиваемое психологическое состояние (4,50%), особенности характера граждан (3,21%), отношения между гражданами (3,12%), степень давления государства на население (1,89%), справедливость существующих принципов и принимаемых решений (1,72%), символ (1,60%), общая оценка (0,98%), возможность реального существования (0,91%), уровень преступности (0,74%), экономическое устройство (0,71%), степень независимости от других стран (0,67%), риски, связанные с предоставляемой свободой (0,64%), инновационная активность страны (0,60%), внешний облик свободной страны (0,56%), наличие карательных мер за критику в адрес правительства (0,56%), уровень информированности граждан (0,46%), отношение граждан к предоставляемой им свободе (0,39%), особенности социального устройства (0,25%), состав населения (0,25%), способность осознания явления (0,25%), соответствие потребностям человека (0,21%), наличие границ (0,14%), пове-

дение правоохранительных органов (0,14%), характер проводимой внешней политики (0,14%), обеспечиваемое физическое состояние (0,14%), наличие слежки за частной жизнью граждан (0,11%), сила и уровень обороноспособности (0,11%), вызываемая эмоция (0,07%), девиз (0,07%), политика по отношению к иммигрантам (0,07%), размер страны (0,07%), степень развитости и характер развития (0,07%), творческая активность граждан (0,07%).

Полевая организация концепта **a free country** по результатам описания имеет следующий вид:

ЯДРО:

Это США 0,66

Наличие демократии 0,62

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Это Канада 0,41

Противопоставлена коммунизму 0,35

Это Великобритания 0,34

Яркий представитель – Авраам Линкольн 0,29

Полная свобода во всем 0,27

Гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 0,26

Гарантирует свободу СМИ 0,25

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Гарантирует справедливость 0,22

Яркий представитель – Джордж Вашингтон 0,21

Гарантируется свобода слова 0,19

Яркий представитель – Мартин Лютер Кинг 0,18

Яркий представитель – Томас Джефферсон 0,17

Никто не имеет права кому-то что-то запретить 0,16

Гарантирует человеку безопасность 0,15

Обеспечивает благосостояние и успешную самореализацию людей 0,15

Там мало полиции на улицах 0,15

Это Австралия 0,15

Люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу 0,14

Противопоставлена фашизму 0,14

Пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу 0,13

Это Франция 0,13

Яркий представитель – Нельсон Мандела 0,13

Предоставляет свободу выбора 0,12

Отсутствие ограничений 0,12
Отсутствие принуждения 0,12
Это страны Европы 0,12
Каждый сам выбирает, как жить 0,11
Там можно жить, как хочешь 0,11
(и др. – всего 135 признаков)

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,02
Вызывает желание в ней жить 0,02
Гарантирует право на тайну личной информации 0,02
Гарантирует свободу воли 0,02
Гражданам свойственно состояние депрессии 0,02
Граждане – хорошие люди 0,02
Граждане активно занимаются творчеством 0,02
Граждане должны иметь чувство ответственности 0,02
Граждане имеют чувство гражданского долга 0,02
Граждане нерелигиозны 0,02
Граждане открыты и легко входят в общение 0,02
Граждане отличаются трудолюбием 0,02
Граждане отличаются целеустремленностью 0,02
Граждане проявляют бдительность 0,02
Граждане радикально настроены 0,02
(и др. – всего 74 признака)

Содержание концепта *ein freies Land* в немецком языковом сознании включает в общей сложности 226 признаков и имеет следующий вид (приводятся только признаки с индексом яркости 0,15 и больше):

ein freies Land

Наличие демократии 0,81
Это Германия 0,59
Это Швеция 0,43
Гарантирует свободу СМИ 0,40
Полная свобода во всем 0,35
Это Швейцария 0,35
Гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 0,33
Делает людей счастливыми 0,28
Обеспечивает благосостояние (и успешную самореализацию) людей 0,28
Там мало или нет правоохранительных органов 0,27

Является независимой 0,27
Люди проявляют дружелюбие и отзывчивость/привязанность друг к другу 0,26
Символ – птица 0,26
Это Франция 0,26
Гарантирует справедливость 0,24
Граждане открыты и легко входят в общение 0,23
Яркий представитель – Мартин Лютер Кинг 0,23
Яркий представитель – Махатма Ганди 0,22
Граждане ни от кого не зависят 0,21
Это Великобритания 0,21
Там нет дискриминации 0,20
Это Голландия 0,20
Яркий представитель – Нельсон Мандела 0,20
Дает уверенность в жизни 0,19
Никто не имеет права кому-то что-то запретить 0,19
Гарантируется свобода слова 0,18
Граждане проявляют терпимость 0,18
Это США 0,18
Яркий представитель – Вили Брандт 0,18
Это Дания 0,16
Граждане имеют чувство ответственности 0,15
Обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,15

Далее была описана макроструктура исследуемого концепта.
В концепте отчетливо выделяются образный компонент, энциклопедическое и интерпретационное поле.

ein freies Land

Образ – 1,20%

Перцептивный

Зрительный – 0,71%

(Там красивая природа 0,22%, люди там улыбаются 0,06%, там красивые игровые площадки для детей 0,06%, символ – согревающее солнце 0,06%, и др.)

Слуховой – 0,03%

(Образ смеющегося ребенка 0,03%)

Тактильный – 0,06%

(Символ – согревающее солнце 0,06%)

Когнитивный – 0,40%

(Не похожа на тюрьму 0,31%, *Zuhause, wie einen gerechten Vater oder Mutter, das Paradies* – 0,09%)

Образный компонент объединяет 1,20% признаков, образующих содержание концепта.

Энциклопедическое поле – 74,65%

Дифференциальная зона – 19,94%

(Наличие демократии 6,61%, гарантируется свобода слова 3,20%, гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 2,82%, является независимой 2,45%, гарантирует свободу СМИ 2,05%, гарантируется право на свободомыслие 1,64%, есть свобода вероисповедания 0,28%, проведение выборов 0,25% и др.)

Описательная зона – 31,85%

(Полная свобода во всем 3,23%, обеспечивает равенство 1,68%, гарантирует гражданам права 1,37%, предоставляет свободу выбора 1,24%, граждане открыты и легко входят в общение 1,21%, там нет дискриминации 1,12%, граждане проявляют терпимость 1,09%, обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,84%, там мало или нет правоохранительных органов 0,84%, граждане ни от кого не зависят 0,71%, проводит мирную политику 0,65%, граждане имеют чувство ответственности 0,59%, это нереально 0,56%, существует анархия 0,47%, имеет большую территорию 0,40%, основана на принципах либерализма 0,40%, пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу 0,37%, люди свободны в выборе внешнего облика 0,34%, гарантирует свободу выбора профессии 0,31%, допускает свободное общение граждан с иностранцами на любые темы 0,31%, отсутствие политического преследования 0,31% и др.)

Идентификационная зона – 20,17%

(Это Германия 1,92%, это Швеция 1,33%, это Швейцария 1,09%, это Франция 0,81%, яркий представитель – Мартин Лютер Кинг 0,71%, яркий представитель – Махатма Ганди 0,68%, это Великобритания 0,65%, это Голландия 0,62%, яркий представитель – Нельсон Мандела 0,62%, это США 0,59%, яркий представитель – Вили Брандт 0,56%, это Дания 0,50%, это Норвегия 0,43%, яркий представитель – Михаил Горбачев 0,40%, это Канада 0,37%, яркий представитель – Конрад Аденауэр 0,28%, яркий представитель – Олоф Палме 0,28% и др.)

Символическая зона – 2,69%

(Символ – птица 0,81%, символ – группа счастливых людей разных возрастов и рас 0,19%, символ – небо 0,19%, символ – просторная территория без ограждений 0,19%, символ – место публичного обсуждения или выражения точки зрения 0,16%, символ – радостное лицо 0,09%, символ – свет 0,09%, символ – бо-

гиня Юстиция 0,06%, символ – дерево или лес 0,06%, символ – поле 0,06%, символ – радуга 0,06%, символ – цветные краски 0,06%, символ – цветок 0,06%, символ (образ) – счастливая семья 0,06%, символ – колокол свободы 0,03%, символ – море 0,03%, символ – сильное или дикое животное 0,03%, символизируется статуей свободы 0,09% и др.)

Энциклопедическое поле в целом составляет 74,65% когнитивного содержания концепта.

Интерпретационное поле – 23,33%

Общеоценочная зона – 0,80%

(Это хорошо (хорошая страна) 0,31%, там хорошо жить 0,19%, стоит того, чтобы в ней жить 0,12%, вызывает к себе положительное отношение 0,09%, хочется жить в такой стране 0,09% и др.)

Утилитарная зона – 18,82%

(Обеспечивает благосостояние (и успешную самореализацию) людей 3,29%, делает людей счастливыми 3,20%, люди проявляют дружелюбие и отзывчивость/привязанность друг к другу 2,39%, гарантирует человеку безопасность 1,89%, гарантирует справедливость 1,61%, обеспечивает спокойную обстановку в стране 0,87%, обеспечивает образованность граждан 0,75%, дает уверенность в жизни 0,71%, граждане проявляют уважение друг к другу 0,43%, граждане не испытывают над собой давления 0,31% и др.)

Регулятивная зона – 3,71%

(Никто не имеет права кому-то что-то запретить 1,27%, отсутствие принуждения 0,71%, там можно делать все, что хочешь, не причиняя вреда другим людям 0,56%, каждый сам выбирает, как жить 0,40%, допускается критика правительства 0,19%, дает свободу действий в рамках закона 0,16%, дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,12% и др.)

Интерпретационный компонент в целом составляет 23,33% когнитивного содержания концепта.

Были установлены индексы оценочности немецкого концепта.

Когнитивных признаков положительной оценки – 121

Индекс положительной оценочности – 53,54%

Когнитивных признаков отрицательной оценки – 7

Индекс отрицательной оценочности – 3,10%

Оценочный слой концепта, таким образом, включает 56,64% всех когнитивных признаков. Позитивная акцентуация значительно преобладает над негативной, вследствие чего концепт можно охарактеризовать как позитивно-оценочный. В ходе проведения оценочного эксперимента 68 из 100 немецких испытуемых (это

68%) отметили, что свободная страна – это хорошо, 2 испытуемых (2%) сказали, что это плохо, 30 испытуемых (30%) заявили, что у свободной страны есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Диспозициональный слой немецкого концепта включает 3 признака: *сильный может подавить слабого* 0,04, *при отсутствии ограничений нет возможности бороться с врагами свободы* 0,02, *существует опасность использования свободы в эгоистичных целях во вред окружающим* 0,02, что составляет 1,33% от общего числа признаков. Это позволяет охарактеризовать концепт как ассертивный.

Также по результатам описания содержания концепта выявлены основные когнитивные классификационные признаки, образующие структуру концепта. Таких признаков оказалось 39. Категоризируют свободную страну в немецком когнитивном сознании следующие **классификаторы**:

предоставляемые гражданские права (18,77%), *политическое устройство* (9,92%), *типичный пример* (9,86%), *типичный представитель* (9,08%), *обеспечиваемое психологическое состояние* (6,98%), *обеспечиваемый уровень благосостояния* (4,97%), *степень предоставляемой свободы* (4,56%), *особенности характера граждан* (4,55%), *отношения между гражданами* (4,52%), *символ* (2,72%), *степень независимости от других стран* (2,54%), *степень давления государства на население* (1,79%), *справедливость существующих принципов и принимаемых решений* (1,67%), *уровень преступности* (0,84%), *общая оценка* (0,71%), *характер проводимой внешней политики* (0,71%), *внешний облик свободной страны* (0,68%), *возможность реального существования* (0,56%), *наличие карательных мер за критику в адрес правительства* (0,56%), *возможность общения с гражданами других стран* (0,50%), *уровень соответствия представлениям об идеальной стране* (0,47%), *степень уважения государства к гражданам* (0,40%), *размер страны* (0,40%), *экономическое устройство* (0,27%), *риски, связанные с предоставляемой свободой* (0,24%), *поведение правоохранительных органов* (0,24%), *особенности социального устройства* (0,22%), *уровень культуры* (0,22%), *состав населения* (0,19%), *обеспечиваемое физическое состояние* (0,18%), *творческая активность граждан* (0,16%), *степень развитости и характер развития* (0,15%), *уровень информированности граждан* (0,12%), *уровень нравственности* (0,12%), *вызываемая эмоция* (0,09%), *наличие границ* (0,06%), *отношение в стране к иностранцам* (0,06%),

сила и уровень обороноспособности (0,06%), соответствие потребностям человека (0,06%).

Полевая организация концепта **ein freies Land** по результатам описания имеет следующий вид:

ein freies Land

ЯДРО:

Наличие демократии 0,81

Это Германия 0,59

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Это Швеция 0,43

Гарантирует свободу СМИ 0,40

Полная свобода во всем 0,35

Это Швейцария 0,35

Гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд 0,33

Делает людей счастливыми 0,28

Обеспечивает благосостояние (и успешную самореализацию) людей 0,28

Там мало или нет правоохранительных органов 0,27

Является независимой 0,27

Люди проявляют дружелюбие и отзывчивость/привязанность друг к другу 0,26

Символ – птица 0,26

Это Франция 0,26

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Гарантирует справедливость 0,24

Граждане открыты и легко входят в общение 0,23

Яркий представитель – Мартин Лютер Кинг 0,23

Яркий представитель – Махатма Ганди 0,22

Граждане ни от кого не зависят 0,21

Это Великобритания 0,21

Там нет дискриминации 0,20

Это Голландия 0,20

Яркий представитель – Нельсон Мандела 0,20

Дает уверенность в жизни 0,19

Никто не имеет права кому-то что-то запретить 0,19

Гарантируется свобода слова 0,18

Граждане проявляют терпимость 0,18

Это США 0,18

Яркий представитель – Вили Брандт 0,18

Это Дания 0,16

Граждане имеют чувство ответственности 0,15

Обеспечивается социальная поддержка (государство проявляет заботу о людях) 0,15
Гарантирует гражданам права 0,14
Там можно делать все, что хочешь, не причиняя вреда другим людям 0,14
Это Норвегия 0,14
Обеспечивает равенство 0,13
Яркий представитель – Михаил Горбачев 0,13
Гарантируется право на свободомыслие 0,12
Гарантирует человеку безопасность 0,12
Граждане проявляют уважение друг к другу 0,12
Пользуясь свободой, люди не причиняют вреда друг другу 0,12
Это Канада 0,12
Обеспечивает образованность граждан 0,11
Проводит мирную политику 0,11
(и др. – всего 129 признаков)

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ:

Высокий уровень нравственности 0,02
Гарантирует свободу совести 0,02
Гарантирует соблюдение законов 0,02
Граждане несут ответственность за свои поступки 0,02
Граждане отличаются трудолюбием 0,02
Граждане пользуются уважением 0,02
Граждане представляют ценность 0,02
Граждане проявляют раскованность 0,02
Граждане проявляют целеустремленность 0,02
Дает возможность не соблюдать моральные нормы 0,02
Для человека естественно жить в такой стране 0,02
Достигла высокой степени развитости 0,02
Доступны зарубежные фильмы и зарубежная музыка 0,02
Забота о природе 0,02
Люди там улыбаются 0,02
Мирное сосуществование разных людей 0,02
Многообразие товаров 0,02
Основана на категорическом императиве Канта 0,02
Отсутствие армии 0,02
Отсутствие границ 0,02
Отсутствие демократии 0,02
Отсутствие монарха 0,02
Отсутствие ограничений 0,02
(и др. – всего 83 признака)

Концепт **свободная страна** характеризуется существенной национальной спецификой во всех исследуемых лингвокультурах.

Образный компонент содержания концепта в каждой из лингвокультур незначителен по своему удельному весу (2,51% — русский, 1,17% — американский, 1,20% — немецкий) — что свидетельствует о преимущественно рациональном содержании концепта **свободная страна** в русском, немецком и американском когнитивном сознании. **Свободная страна** в русском национальном сознании — это благоустроенная, хорошо освещенная страна, в которой людям есть где хорошо отдохнуть, царит праздничная обстановка, а на улицах много яркой рекламы. **Свободная страна** в американском национальном сознании — это светлая, просторная страна с американской цветовой символикой, населенная занятыми людьми, которым есть где работать. В немецком национальном сознании **свободная страна** — это светлая страна, где нет флагов, где много красивых игровых площадок для детей, люди демонстрируют любовь друг к другу, солидарность друг с другом и патриотизм.

Когнитивный образ концепта в русском, американском и немецком национальном сознании имеет общий признак — **свободная страна не похожа на тюрьму**.

Энциклопедическое поле имеет наибольший удельный вес в макроструктуре американского концепта (78,88%). В макроструктуре русского концепта его вес — 71,56%. В макроструктуре немецкого концепта — 74,65%. Объем энциклопедического поля зависит от степени познания концептуализируемого явления общественным или индивидуальным сознанием. Данное замечание и результаты экспериментов позволяют сделать вывод о том, что **свободная страна** как явление более всего полагается познанной и осмысленной американскими испытуемыми.

Дифференциальная зона русского, американского и немецкого концептов имеет объем 18,17%, 18,81% и 19,94% соответственно. Велика разница удельного веса и яркости признака дифференциальной зоны **свободная страна является независимой**. Доля данного признака в структуре русского концепта составила 7,10%, яркость же данного признака составляет 0,49 — максимальный показатель среди всех когнитивных признаков русского концепта, признак **является независимой** — ядерный признак русского концепта. Аналогичный признак в структуре американского концепта занимает лишь 0,60%, а его яркость составляет 0,09 (дальняя периферия). Чуть больший удельный вес имеет признак **является независимой** в структуре немецкого концеп-

та — 2,45%, однако данный признак в то же время относится к ближней периферии. Вероятно, такую разницу показателей для трех концептов можно объяснить ролью географических и исторических факторов в национальном сознании граждан России, США и Германии. США находятся вдали от большого количества государств, и, в отличие от России и Германии, имеют сухопутную границу лишь с двумя странами – Канадой и Мексикой. Отсутствие большого количества сухопутных соседей, океан, отделяющий США от других стран, а также тот факт, что США ни разу не находились в состоянии оккупации, вероятно, лишают ее жителей чувства угрозы быть оккупированными, что приводит к тому, что признак независимости свободной страны входит в дальнюю периферию.

Ярким признаком дифференциальной зоны является признак *наличие демократии*. Данный признак входит в ядро немецкого и американского концептов. Яркость данного признака американского концепта – 0,62. Что касается русского концепта, признак *наличие демократии* (с индексом яркости 0,39) отнесен к ближней периферии. Максимальную яркость, а следовательно, наибольшую значимость данный признак имеет в немецком национальном сознании (0,81). Видимо, сказывается тот факт, что демократия родилась в Европе, для немецкого европейского национального сознания «демократия» является более близким и «своим» словом, чем, например, для русского, в котором, несмотря на поддержку демократических принципов, само это слово, возможно, имеет коннотацию чего-то чужого и чуждого.

Дифференциальный признак – *гарантирует свободу СМИ* – наиболее ярко проявлен в американском (0,25) и немецком (0,40) концептах, где он входит в ближнюю периферию, в то время как его яркость для русского концепта составляет 0,07, что позволяет отнести его к дальней периферии. Малая актуальность данного признака дополнительно акцентирует большую важность внешней свободы страны в русском национальном сознании (отсюда яркость признака *является независимой*), чем внутренней.

Дифференциальный признак *проведение выборов* выявлен лишь в структуре американского и немецкого концептов. Его отсутствие в структуре русского концепта, вероятно, имеет под собой историческую почву. В США первые всеобщие выборы были проведены (пусть с ограничениями) еще в 1789 году, в Германии первые выборы в Бундестаг проведены в 1949 году, но всеобщие прямые выборы с тайным голосованием впервые были предусмотрены еще Законом о выборах, принятом в 1867 году, в России же первые выборы в Государственную Думу прошли в 1906

году, однако тогда Россия была еще царской империей, и назвать выборы демократическими нельзя. Всеобщее избирательное право закреплено только в 1936 году, а первые демократичные выборы проведены в 1991.

Самый большой удельный вес имеет **описательная зона** американского концепта – 37,44%, что позволяет сделать вывод о высокой степени близости исследуемого концепта американским гражданам, позволяющим себе смело и активно судить о тех особенностях свободной страны, которые не упоминались бы, если бы свободная страна была в американском национальном сознании чем-то абстрактным, не сопряженным с реальной жизнью, а не знакомым или кажущимся знакомым. Вес энциклопедической зоны немецкого концепта составил 31,85%, русского концепта – 32,16%. Самый яркий признак описательной зоны русского концепта – *граждане ни от кого не зависят*, по яркости данный признак входит в ближнюю периферию. Самый яркий описательный признак американского концепта – *полная свобода во всем*, который также входит в ближнюю периферию. Тот же самый признак входит в ближнюю периферию немецкого концепта, наряду с признаком *там мало или нет правоохранительных органов*.

Описательные зоны концепта во всех трех лингвокультурах содержат ряд признаков, отражающих представления о характере граждан свободной страны в русском, американском и немецком национальном сознании. Многие признаки являются общими: так, по представлениям испытуемых из России, Германии и США, граждане свободной страны *активно занимаются творчеством, трудолюбивы и целеустремленны, энергичны, открыты и легко входят в общение, раскованны и проявляют терпимость*. Если признаки, характеризующие граждан с положительных сторон, для русского, американского и немецкого концепта в основном совпадают (за исключением таких специфических признаков как *высокий интеллектуальный уровень, щедрость и психическая устойчивость граждан* в русском концепте, *сила личности, наличие чувства гражданского долга, прогрессивность, предпримчивость и бдительность граждан* в американском концепте, *искренность и прямота, интерес граждан к политике* в немецком концепте), то представления об отрицательных чертах граждан свободной страны у русских, американских и немецких испытуемых по большей части различны. Так, в сознании ряда испытуемых из России граждане свободной страны *являются сумасшедшими, отличаются агрессивностью, у них развита мания величия*. В сознании ряда испытуемых из США граждане свободной страны *воспринимают свободу как должное, депрес-*

сивны, демонстрируют излишнюю избалованность и самоуверенность и настроены радикально. Испытуемые из Германии и вовсе не назвали отрицательных черт.

Описательная зона русского концепта содержит ряд признаков, характеризующих мощь и полную самостоятельность свободной страны. В описательной зоне американского концепта примечателен признак *отсутствие слежки за жизнью граждан*. Вероятно, его яркость – следствие недавних событий, когда выяснилось, что в США велась слежка за личной жизнью граждан. Актуальность другого специфического признака американского концепта *дружелюбная политика по отношению к иммигрантам*, возможно, обусловлена мировым лидерством США по количеству иммигрантов. Событиями последних лет в США мотивируется и признак *отсутствие вооруженных людей в аэропортах*. Иными словами, люди из личного опыта узнают, в чем могут проявляться ограничения свободы в стране и «заносят» признаки, отвергающие такие проявления, в свой концепт **свободной страны**. Специфическим для немецкого национального сознания признаком **свободной страны** является следующий: *граждане представляют ценность*. Данный несколько идеалистический признак во многом определяет понимание **свободной страны** немецкими гражданами: это страна, в которой главное – люди. Еще один признак, имеющийся только в структуре немецкого концепта – *основана на категорическом императиве Канта* – детерминирует нравственный фундамент **свободной страны** в немецком национальном сознании.

Общим для русского, немецкого и американского национального сознания **свободной страны** является признак *имеет большую территорию*, вероятно мотивированный ассоциацией с пространством и простором.

Идентификационная зона русского, американского и немецкого концепта имеет почти одинаковый удельный вес: 19,62%, 21,01% и 20,17% соответственно. Следует отметить особую яркость идентификационной зоны американского концепта, включающей в себя четыре признака из ближней периферии (*это Канада 0,41, противопоставлена коммунизму 0,35, это Великобритания 0,34, яркий представитель – Авраам Линкольн 0,29*) и один ядерный признак (*это США – 0,66*). Если суммировать показатели яркости всех признаков, идентифицирующих в американском национальном сознании **свободную страну** с отцами-основателями Америки (то есть, если обобщить такие многочисленные признаки как *яркий представитель – Авраам Линкольн 0,29, яркий представитель – Джордж Вашингтон 0,21, яркий*

представитель – *Томас Джефферсон* 0,17 и др. в единый признак *яркие представители – отцы-основатели Америки*), то получится показатель 0,98. Такая яркость – это абсолютный максимум среди всех признаков трех концептов, т.е. ни испытуемые из России, ни испытуемые из Германии не проявили такого единодушия даже в том, что касается ядерных признаков. Напомним, что самый яркий признак русского концепта *является независимой* имеет индекс яркости 0,49, что в два раза меньше. Самый яркий признак немецкого концепта *наличие демократии* имеет яркость 0,81, что значительно выше, чем у самого яркого признака русского концепта, но на 0,17 ниже, чем у американского. Следовательно, идентификационный компонент американского концепта наиболее унитарен, прочно укоренен в американском национальном сознании, не детерминируется ни социальным положением, ни гендерной принадлежностью, ни возрастом. Идеал *свободной страны* – это та Америка, какой ее хотели видеть отцы-основатели, и хотя 32% испытуемых считают, что современная Америка не соответствует такому идеалу, 66% испытуемых уверены, что именно США – типичный пример *свободной страны*. 41% считает типичным примером *свободной страны* Канаду, 34% – Великобританию.

Самым ярким идентификационным признаком русского концепта является признак *это США* (0,49), то есть, типичным примером *свободной страны* для каждого второго российского испытуемого являются США. Следующим по яркости идентификационным признаком является признак *это Россия* (0,37), далее – *это Германия* (0,29). Следует особо отметить сравнительно высокую яркость признака *яркие представители – диктаторы* (0,21) для русского концепта (данный показатель выявляется аналогичным описанному выше способом – при объединении в целях подсчета признаков, идентифицирующих в русском национальном сознании *свободную страну* с диктаторами: *яркий представитель – Фидель Кастро* 0,15, *Сталин* 0,13, *Ленин* 0,04, *Гитлер* 0,01 и др.) Вероятно, сила диктатора ассоциируется с могуществом, происходит перенос свойства с личности на страну.

Идентификационная зона немецкого концепта включает один ядерный признак (*это Германия* – 0,59) и три признака из ближней периферии: *это Швеция* 0,43, *это Швейцария* 0,35, *это Франция* 0,26. Ядерный признак, входящий в идентификационную зону, свидетельствует о близости такого явления, как *свободная страна*, испытуемым – по крайней мере, на уровне сознания. Самой объемной группой персоналий, с которыми идентифицируют *свободную страну* немецкие граждане, является группа

борцов против дискриминации темнокожих. При суммировании индексов яркости признаков, идентифицирующих в немецком национальном сознании **свободную страну** с такими персоналиями, получается индекс яркости 0,43.

Поскольку идентификационная зона имеет достаточно высокую яркость в структуре концепта (особенно русского и американского), сделан вывод о том, что концепт **свободная страна** формируется на основании информации о конкретных странах, которые люди относят или не относят к свободным, и постоянно соотносится с конкретными реалиями. Различие заключается лишь в степени близости исследуемого явления испытуемым: в американском и немецком национальном сознании «**свободная страна** – это *моя* страна» (США и Германия соответственно). В русском же национальном сознании «свободная страна – это США» – прежде всего – и только потом (для значительно меньшего числа людей) Россия. Наименее яркой является идентификационная зона немецкого концепта (идентификационные признаки составляют лишь 28,5% признаков, входящих в ядро и ближнюю периферию концепта – против 43% в русском и 55% в американском), что свидетельствует о том, что по сравнению с русским и американским концептом немецкий концепт **свободная страна** все же меньше «привязан» к конкретной стране и менее персонализирован.

Интерпретационное поле имеет самый большой удельный вес в структуре русского концепта (25,91%), в структуре американского концепта его вес составляет 19,73%, в структуре немецкого концепта – 23,33%.

При установлении индекса оценочности выяснилось: концепт во всех трех концептосферах можно охарактеризовать как позитивно-оценочный, поскольку позитивная акцентуация во всех трех лингвокультурах значительно преобладает над негативной. Самый объемный оценочный слой имеет американский концепт (59,54%), наименее объемный – русский концепт (53,79%). Самый высокий индекс положительной (53,54%) и самый низкий индекс отрицательной оценочности (3,10%) имеет немецкий концепт. Русский концепт имеет самый низкий индекс положительной оценочности (47,85%). Американский концепт характеризуется самым высоким индексом отрицательной оценочности (6,98%).

Самую большую **утилитарную зону** имеет русский концепт (22,96%), что свидетельствует о высокой степени важности прагматических признаков **свободной страны** в русском национальном сознании. Наименьший удельный вес имеет утилитарная зона американского концепта – 13,76%. Немецкий концепт по весу

утилитарной зоны ближе к русскому концепту – 18,88%. Самым ярким признаком утилитарной зоны русского концепта является признак *обеспечивает благосостояние людей*, входящий в ближнюю периферию (индекс яркости 0,30). Самой яркой утилитарной зоной обладает немецкий концепт, в котором данная зона включает в себя три признака из ближней периферии: *делает людей счастливыми, люди проявляют дружелюбие и привязанность друг к другу и обеспечивает благосостояние людей*. Примечательно, что в основном состав признаков утилитарной зоны схож для концепта во всех трех лингвокультурах: свободная страна *обеспечивает безопасность своих граждан, дает уверенность в жизни, делает людей счастливыми, обеспечивает спокойную обстановку в стране и здоровье граждан*. Специфическим для утилитарной зоны американского концепта признаком является *гарантия возможности для самореализации независимо от национальной или этнической принадлежности*. Здесь уместно вспомнить о том, что США позиционируют себя как страна (равных) возможностей, чем, возможно, и мотивирован данный признак. Кроме того, в США всегда остра тема дискриминации афроамериканских граждан. Специфическими признаками утилитарной зоны немецкого концепта являются следующие: *сильный может подавить слабого и царит единодушие*. Единодушие и солидарность, по-видимому, являются предпосылкой для спокойной обстановки в стране.

Самым ярким когнитивным классификатором концепта во всех трех лингвокультурах является признак – *предоставляемые гражданские права*. Следующий по яркости классификатор русского концепта – *обеспечиваемое психологическое состояние*, в то время как на втором месте по яркости среди классификаторов американского и немецкого концепта стоит классификатор *политическое устройство*. Следует особо отметить почти одинаковый индекс яркости когнитивного классификатора *типичный пример* (свободной страны) в категориальной структуре русского, американского и немецкого концепта: 9,76%, 9,70% и 9,86% соответственно. Высокая яркость данного классификатора обусловила размер идентификационной зоны концепта: концепт ***свободная страна*** не абстрактен, а в большой мере «привязан» к конкретным реалиям (странам) – иными словами, к типичным примерам.

Специфическими для русского концепта классификаторами являются следующие: *интеллектуальный уровень граждан* (0,42%), *психическое состояние граждан* (0,19%), *значение на мировой арене* (0,19%), *интеллектуальный уровень предста-*

вителей власти (0,15%), уровень рождаемости в стране (0,10%), возраст граждан (0,06%). Самую высокую яркость имеют признаки, характеризующие те стороны страны, которые не только являются наиболее актуальными для русских граждан, но и в чем-то «больными» для них. Специфическими для американского национального сознания являются классификационные признаки *инновационная активность страны* (0,60%), *отношение граждан к предоставляемой им свободе* (0,39%), *наличие слежки за частной жизнью граждан* (0,11%), *политика по отношению к иммигрантам* (0,07%). Итак, инновационная активность, по мнению американских испытуемых, – неотъемлемое свойство свободной страны. Специфическими для немецкого национального сознания являются классификационные признаки *возможность общения с гражданами из других стран* (0,50%) и *степень уважения государства к гражданам* (0,40%).

Интересны результаты рейтинга когнитивных признаков по частоте их объективации в разных экспериментах. Так, самые «активные» по частоте появления в данных разных экспериментов признаки русского концепта: *гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд* (11 экспериментов из 13), *полная свобода во всем* (11 из 13). Самые «активные» признаки американского концепта: *полная свобода во всем* (10 из 13), *делает людей счастливыми* (10 из 13). Самые «активные» признаки немецкого концепта: *обеспечивает благосостояние и успешную самореализацию людей* (11 из 13), *гарантируется свобода передвижения и свободный въезд/выезд* (10 из 13), *наличие демократии* (10 из 13), *полная свобода во всем* (10 из 13).

Литература

Онищенко М.С. Контрастивный анализ интерпретационных полей концепта "свободная страна" в русском, английском, немецком языках // Культура общения и ее формирование. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. Воронеж: "Истоки", 2006. — С.94-95.

Онищенко М.С. Перспективы применения эмпирических методов когнитивной науки к анализу концепта "свободная страна" // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник научных статей — Ульяновск: УлГТУ, 2006. — С.188-190.

Онищенко М.С. Контрастивный анализ чувственного образа концепта «свободная страна» в сознании носителей русского, английского, немецкого языков // Материалы XIII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов". — М.: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 2006. — С.35-38.

Онищенко М.С. Контрастивный анализ идентифицирующих концептуальных признаков концепта "свободная страна" в сознании носителей

русского, английского, немецкого языков // IX Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Тезисы. — СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С.167-168.

Онищенко М.С. Контрастивный семантический анализ ассоциатов концепта "свободная страна" (на материале русского, английского, немецкого языков) // Материалы XLIV международной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс": Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация / Новосиб. гос. университет. Новосибирск, 2006. — . — С.24-26.

Онищенко М.С. Коммуникативные аспекты концепта "свободная страна" в русской, немецкой, американской концептосферах // Коммуникативные исследования 2006 / Научный ред. И.А. Стернин. — Воронеж: "Истоки", 2006. — С.45-49.

Онищенко М.С. Методика сопоставительного концептуального анализа (на материале концепта "свободная страна" в русском, английском и немецком языках // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Сборник статей по материалам международной научной конференции, г. Киров 6-7 декабря 2006 г., в ознаменование 65-летия факультета лингвистики ВятГГУ / Отв. редактор В.Н. Оношко. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. — С.188-191.

Онищенко М.С. Особенности макроструктуры концепта «свободная страна» в русской, немецкой и американской национальной концептосфере // Язык и национальное сознание. Вып.9 — Воронеж: «Истоки», 2007. — С.128-136.

Онищенко М.С. Социально-культурная зона в структуре концепта (на материале сопоставительного исследования русского и немецкого концепта "свободная страна") // Социальные варианты языка — V: Материалы международной научной конференции 19-20 апреля 2007 года. Нижний Новгород. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. — С.139-144.

Онищенко М.С. Коммуникативная реализация концепта и его описание // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов VII международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых / Гл.ред. С.А. Песоцкая. — Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2007. Ч.2 — С.49-51.

Онищенко М.С. Концепт *свободная страна* в русской концептосфере // Вестник ВГУ. Серия «Филология и журналистика». — Воронеж: ВГУ, 2007. — № 2. — С. 83-88.

Онищенко М.С. Особенности функционирования концепта *свободная страна* в русском, немецком, американском дискурсе // Текст, дискурс, картина мира. Вып. 3. — Воронеж: «Истоки», 2007. — С.53-56.

Онищенко М.С. Концепт «свободная страна» // Лингвоконцептология. Вып.1. — Воронеж: «Истоки», 2008. — С.125-128.

Онищенко М.С. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации концепта *свободная страна* в русском, английском и немецком языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 22 с.

СЛАВА И ПОЗОР

Объектом данного исследования являются концепты Glory (Слава) и Disgrace (Позор), в качестве предмета изучения выступают понятийные, образные, ценностные признаки и их дискурсивные характеристики.

Особым типом лингвокультурных концептов являются концепты-регулятивы, которые входят в систему понятий, формирующих морально-нравственные устои общества. Концепты Glory и Disgrace как регулятивные концепты выражают оценку деятельности человека, конкретизирующуюся в определенных нормах поведения. Именно наличие такой оценочности в понятийном ядре и составляет специфику регулятивных концептов.

Моделирование понятийной структуры лингвокультурного концепта осуществляется поэтапно: устанавливается его содержательный минимум путем анализа словарных дефиниций; исследуется синонимический ряд концепта и выявляются входящие в его ядро синонимы; проводится ассоциативный эксперимент с целью расширения списка релевантных признаков исследуемого концепта; моделируются его интра- и экстразоны, и, наконец, устанавливаются семантические оппозиции содержательных признаков и дополнительные понятийные характеристики лингвокультурного концепта.

Анализ дефиниций толковых, энциклопедических и лингвострановедческих словарей позволил выявить содержательный минимум концептов Glory и Disgrace, а также установить морально-нравственные оценки социума, закрепленные в понятийном ядре исследуемых концептов. Было доказано, что два абстрактных номинативных признака концептов совпадают (*an abstract notion; a distinguishing quality/asset*), а остальные образуют оценочные оппозиции: 1. *a result that should be earned, won or reached / a result of dishonest, shameful acts*; 2. *a positive judgment of people, wide spread opinion / a negative judgment of people, wide spread opinion*; 3. *an approving public regard / a disapprobative public regard*.

Исследование широкого синонимического ряда имен изучаемых концептов на материале англоязычных словарей синонимов, статьей тезаурусов и ассоциативных словарных полей позволило выделить ключевые идеи, по которым осуществляется семантизация концептов Glory и Disgrace в американской лингвокультуре.

Данный анализ показал, что семантические признаки концептов *Glory* и *Disgrace* образуют 9 бинарных оппозиций: красота – уродство (*Beauty – Eyesore*), доверие – недоверие (*Credit – Shame*), высота – падение (*Eminence – Degradation*), похвала – оскорбление (*Compliment – Insult*), чествование – унижение (*Honor – Humiliation*), величие – низость (*Greatness – Infamy*), уважение – бесчестье (*Respect – Disrepute*), положительная оценка действий – порицание (*Praise – Reproach*), восхищение – отвращение (*Admiration – Odium*). Тем не менее, каждый из исследуемых концептов обладает незначительным количеством индивидуальных признаков. Отличительными признаками концепта *Glory* являются 1) знаменитость, 2) финал, конец, 3) рай; в то время как у *Disgrace* – 1) клеймо, 2) изъян, 3) преступление, 4) вина.

Моделирование входящих ассоциаций данных концептов (интразона) и их исходящих ассоциаций (экстразона) (термины Г.Г.Слышкина) позволило установить понятийные характеристики исследуемых лингвокультурных концептов. В интразону концепта *Glory* (Слава) входят языковые единицы *glory, honor, fame, renown, celebrity, delight, credit, dignity, grandeur, heaven, praise, pride, rapture, worship, greatness, immortality, kudos, magnificence, majesty, nobility, prestige, reputation, splendor, sublimity, triumph, brightness, brilliance, red white and blue, Stars and Bars, attention, belief, brownie points, self-respect, significance, trust, Holy Joe, influence, conclusion, priest* и прочие. Интразона концепта *Disgrace* представлена не менее разнообразным набором лексем, раскрывающим понятие Позор: *disgrace, shame, disrepute, infamy, all repute, discredit, blemish, corruption, wickedness, black eye, lost face, dishonor, ignominy, horribleness, ugly thing, wrong, unforgivable sin, trickster, destruction, backstabbing, dirt, rumor, bar sinister, faux pas, black sheep* и другие.

Столь большое количество лексем свидетельствует о том, что данные концепты не только закреплены в языковом сознании американского социума, но и широко используются в повседневной речи.

Все вышеприведенные единицы концептуальных полей представляют собой частичные синонимы, совпадающие лишь по некоторым денотативным признакам.

Представляется необходимым отметить, что апеллировать к концептам способны не только перечисленные группы синонимов, но и значительное количество атрибутивных лексем (*Glory: reputable, trustworthy, popular, fashionable, admirable, heroic, royal, heaven-born, notable, remarkable, important, brilliant, etc.*; *Disgrace: inhuman, bad, miserable, lonely, defective, suffering, vicious, sad,*

wrong, ugly, outrageous, scandalous, hated, aggressive, traitorous, monstrous, etc.).

В процессе исследования лексикографических дефиниций нами были выявлены глагольные сочетания, ассоциируемые с понятиями Слава и Позор: *to blacken, to defame, to lose face, to lower, to humble, to depress, to crush, to discomfort, to injure, to ruin, to spoil, to weaken, to criticize, to strike dumb, to take apart, to shoot down, etc.*; *to have a name to lose, to stand high, to earn a name, to improve one's credit, to sir, to amuse, to attract attention, to charm, to cheer, to delectate, to freak out, to knock dead, to tickle pink, to turn on, to wow, to cock-a-doodle-doo, to advertise, to pride oneself, etc.*).

Обращает на себя внимание тот факт, что все лексические единицы, входящие в интразону концепта Glory, характеризуются положительной оценкой, а лексемы концепта Disgrace обладают ярко выраженной отрицательной коннотацией.

Совокупность исходящих ассоциаций экстразоны концепта, созданных на основе понятийного ядра Glory, можно классифицировать в соответствии со следующими тематическими сферами употребления: 1. Религиозная: *to ascribe glory, Queen of glory, cherubim of glory*; 2. Спортивная: *radiance of glory, the halo of glory, the Golden Glory*; 3. Сфера природных явлений: *backward glory scattering*; 4. Личностная сфера человека: *to ascend to the climax of glory, at the peak of glory, for the sake of glory, to glory in country's victory, to glory in one's health and strength*.

К экстразоне концепта Glory также относятся многочисленные языковые единицы, образованные от ближайших синонимов имени концепта *honor, fame* и *reputation*: *quest of honor, do the honors, affair of honor, course of honors, birthday honours, house of ill fame, walk of Fame, persons of reputation*.

В ходе исследования лексико-семантического поля концепта Disgrace были выявлены исходящие ассоциативные единицы: *to be fit to die of shame, shameful act, shameless person, shamefaced, a crying / burning / stinking shame, to eat dirt, to get ones' hands dirty, to wash one's dirty linen in public, to speak the truth and shame the devil*, все из которых относятся к сфере личностных отношений человека.

В образный компонент входят все те наивные представления, которые существуют у индивидов в связи с этим концептом.

Образные составляющие концептов Glory и Disgrace реконструированы на основе анализа данных ассоциативного эксперимента, исследования креолизованных текстов, анкетирования носителей американской культуры, анализа паремий, идиом и аллюзий.

Для построения ассоциативного поля исследуемых концептов были проанализированы шесть слов-стимулов *Glory, Honor, Fame* (529 слов-реакций) и *Disgrace, Shame, Dishonor* (540 слов-реакций). Помимо данных ассоциативного словаря, мы прибегли к собственному анкетированию американских респондентов (100 человек). Респондентам было предложено выстроить ассоциативный ряд из слов или словосочетаний, апеллирующих, по их мнению, к образам данных концептов. Полученные реакции интервьюирования американцев практически полностью совпали с результатами, зафиксированными в словаре свободных ассоциаций. Незначительные количественные отклонения составляют менее 1% и, на наш взгляд, считаются несущественными.

По результатам анализа самыми распространенными ассоциациями американского социума на стимул *Glory* являются лексемы *days, flag, god, hallelujah, be, happiness, fame, win, honor and victory*. Чрезвычайно обширно (18%) представлена группа ассоциаций, связывающих концепт *Glory* с различными религиозными понятиями: *god, church, lord, heaven, hallelujah*. В религиозном дискурсе согласно иудейско-христианской традиции *Glory* употребляется для обозначения божественного величия, а также признака проявления присутствия Бога. У 15% опрошенных в качестве первой реакции на слово-стимул *Glory* было названо слово *flag*. Очевидно, такой образ связан с национальным флагом Соединенных Штатов Америки, одним из официальных названий которого является *Old Glory*. Три респондента на этот стимул дали ответ *USA*, что, по-видимому, тоже можно отнести к ассоциации с государственным флагом США. Идиоматическое выражение *the glory days (of something)* означает «a time in the past when something was very successful». Вероятно, именно это словосочетание ассоциируется с *Glory* у 12% респондентов, давших ответ *days* на данный стимул. Не менее интересным оказалось и то, что определенная часть американцев (9%) связывают *Glory* с военными действиями, доказательством чего служат такие слова-реакции, как *war, medal, call, victory, win*.

Полученные ассоциации на слово-стимул *Honor* во многом отличаются от реакций на стимул *Glory*. Исследование показало, что для американцев *Honor*, в первую очередь, ассоциируется с *valor, pride, student, glory, brave, truth, card, loyalty and roll*. Как и в предыдущем случае, на первое место вышли ассоциации, обозначающие победные действия (25%), такие как *victory, salute, award, sash, badge*. И лишь в нескольких случаях (6%) респонденты выделили посмертные награды (*plaque, memorial, roll*). Одним из словарных значений лексемы *honor* является «курс, дающий

право на диплом с отличием». Именно об этом и вспомнили 22% опрошенных, ответив на слово-стимул *honor* реакциями *student, smart, course, system*. Некоторое количество респондентов, а именно 8%, связывает понятие *Honor* с правосудием и справедливостью (*judge, truth, justice, honesty*). Ассоциация подобного рода, по всей видимости, стала следствием употребления закрепленного обращения *Your Honor* к судье во время судебных заседаний.

Ассоциациями американцев на стимул *Fame* оказались лексемы *fortune, star, money, glory, rich, famous, known, popular, television, wealth*. Доминирующим является ответ *fortune*. Именно 41% опрошенных отождествляют славу с благосостоянием, богатством. О знаменитой «Аллее Славы» (*Walk of Fame*), где имена наиболее выдающихся голливудских актеров увековечены в виде вмурованных в тротуар бронзовых звезд, вспомнили 11% респондентов, ответив словом *star* на предложенный стимул. В эту же группу можно отнести атрибутивные реакции *famous* и *popular*, а также *television*, ведь именно телевидение создает кумиров. Ассоциации Славы с деньгами (*money*) возникли у 8% анкетированных. Сюда же можно отнести и лексику *wealth* (2%).

Частотными ассоциациями американцев на стимул *Disgrace* выступают лексемы *shame, embarrass, bad, dishonor, honor, failure, humiliate, sad, disgust, grace, put down, hurt, regret, evil, outcast, upset*. Как правило, реакцией на слово-стимул *Disgrace* (23%) является *shame*. Очевидно, значимым для американцев является тот факт, что человек, совершивший тот или иной проступок, непременно должен испытывать стыд. *Disgrace* ассоциируется с глаголом *embarrass* у 10% респондентов, что типично для ситуации, когда человек, оказавшийся в затруднительном положении, от отчаяния или страха совершает противозаконное или аморальное действие. Ассоциация *failure*, как одна из причин позора, возникла в 6%. Такие реакции, как *humiliate, put down, upset* и *hurt*, говорят о чувствах опозоренного, униженного, о боли и огорчении, которые ему приносит подобная ситуация. Респонденты, ответившие на слово-стимул реакцией *outcast*, в первую очередь, отождествляют позор с состоянием отчужденности.

Как показало исследование, в качестве ассоциаций американцев на стимул *Shame* выступают лексемы *guilt, bad, disgrace, doubt, embarrass, sorrow, blame, hide, humiliate, pity, regret, sorry, wrong, abuse, hurt*. В ходе свободного ассоциативного эксперимента и анкетирования были получены одинаковые ответы на стимулы *Shame* и *Disgrace*, а именно *embarrass, humiliate, regret, hurt* (42%). Данный факт еще раз доказывает близость понятий

Позор и Стыд. В группе ассоциатов первое место занимает лексема *guilt* (24%). Совершенно естественным представляется тот факт, что человек испытывает не только стыд, но и вину за свой проступок. Лексемы *pity, regret, sorry, sorrow* также свидетельствуют о том, что для американцев чувство стыда влечет за собой сожаление и раскаяние. У некоторых американских респондентов (8%) слово *Shame* пробудило в сознании глагол *hide*. Данная ассоциация вызвана желанием человека, испытывающего стыд, закрыть лицо руками, спрятаться или более острое желание провалиться под землю.

Обратимся к группе ассоциаций на лексему *Dishonor*, которая, как правило, ассоциируется с *lie, liar, honest, bad, cheat, wrong, crook, truthful, untruthful, guilty, nontrustworthy, person, immoral, mean, truth*. Бесчестными для 27% опрошенных американцев являются ложь, обман, жульничество (*lie, cheat*). Нарушение общепринятых законов морали является безнравственным. В американском социуме злобный, жестокий, виновный, ненадежный человек, совершающий аморальные поступки (*mean, immoral, nontrustworthy, guilty*), не может называться честным. Подобные ассоциации возникли у 31% опрошенных. Лжецы и мошенники (*liar, crook*) являются яркими образчиками бесчестных людей. Данные реакции были выявлены в 6% анкет.

В результате обработки данных ассоциативного эксперимента был выявлен набор образно-перцептивных характеристик исследуемых концептов:

Glory – 1. USA flag; 2. God, church; 3. War victory. 4. Justice; 5. Academic Distinction; 6. Wealth, fortune; 7. Celebrity.

Disgrace – 1. Reasons for disgrace, 2. Attitude of society, 3. Self-condemnation; 4. Person's desire to hide, escape; 5. Peoples' faults, immoral acts; 6. Outlaws.

Выявленные при исследовании креолизованных текстов образы концептов *Glory* и *Disgrace* также характеризуются бинарным типом отношений, которые обнаруживаются в трех основных тематических группах: образы людей, предметные образы и образы природы. Например, противопоставляются образы оппозиции *Glory/Disgrace*: 1. Победные сражения / трагические военные события; 2. Спортивные торжества по случаю победы / неудачи в выступлениях, играх; 3. Счастливые минуты (свадебные мероприятия) / горькие моменты (плачущая в углу девочка); 4. Известные имена (студенты, отмеченные знаками почета за особые успехи; доски почеты) / безызвестные имена (фотографии людей с зачеркнутыми лицами); 5. Знаменитости на пике славы / знаменитости в компрометирующих ситуациях; 6. Ласкающие взгляд пейзажи / загрязненная окружающая среда и многие другие.

Анализ аллюзий позволил существенно расширить образные характеристики концептов, установить самые яркие исторические, библейские, мифические образы, релевантные для современного американского социума. Так, результаты исследования аллюзий показывают, что образно-прецептивными признаками исследуемых концептов в американской лингвокультуре являются: **Glory** – 1) *beauty* – Cleopatra, Aphrodite, Adonis, Apollo; 2) *height* – Tower of Babel, Jack and the beanstalk; 3) *triumph* – David, Bull Run; 4) *importance* – Book of Kells, Ark of Covenant; 5) *heaven* – Eden, Utopia, Avalon, Canaan; 6) *honour* – George Washington; 7) *laurels* – Nike; 8) *pride* – Ozymandias; **Disgrace** – 1) *Stigma* – Ancient mariner, Cain, Flying Dutchman; 2) *failure* – Icarus, Edsel, Lucifer; 3) *ill repute* – Chappaquiddick; 4) *dishonor* – Benedict Arnold, Brutus, Lady in red, Judas; 5) *enormity* – Al Capone, John Dillinger, Moriarty, Jack the Ripper, Dr. Crippen; 6) *ugliness* – Hieronymus Bosch, Elephant Man, Ugly Duckling, Gorgon, Boris Karloff, Quasimodo; 7) *infamy* – Delilah, Uncle Tom; 8) *guilt* – Lady Macbeth, Maria Magdalena, Pontius Pilate, Scapegoat; 9) *hatred* – Captain Ahab, Basilisk, Esau, Yahoo, Dr Fell; 10) *disapproval* – Cato, John Knox, Savonarola, Voltaire; 11) *destruction* – Apocalypse, Armagedon, Jericho, Pompeii, Ragnarok.

Все вышеприведенные аллюзии к образным характеристикам концепта *Glory* обладают положительной оценкой, в то время как аллюзии на признаки *Disgrace* характеризуются отрицательной оценочностью.

Выявление культурно-национального своеобразия и ценностной составляющей концепта невозможно без исследования паремиологического фонда данной культуры, а также без анализа афоризмов, репрезентирующих какой-либо концепт. Пословицы и афоризмы представляют собой продукты языкового народного сознания и являются материализацией опыта поколений и отдельных представителей данной культуры.

Проведенный анализ афоризмов и поговорок концептуального поля *Glory* (246 единиц) и поля *Disgrace* (263 единиц) позволил охарактеризовать морально-этические представления носителей американской культуры в контексте данных понятий.

Наше исследование показало, что ценностные представления американского народа в отношении к изучаемым концептам образуют совокупность сложных контрастивных оценок, которые могут быть сведены к оценочным суждениям и нормам поведения: 1) людям свойственно желание обладать славой; 2) слава – явление преходящее; 3) своими поступками человек сам решает, вознестись ли ему к вершинам славы или упасть на дно; 4) честь и достоинство легко потерять; 5) нет ничего хуже испорченной репутации; 6) слава и признание приходят слишком поздно; 7) не следует гнаться за славой; 8) бесчисленными поступками человек

обрекает себя на одиночество; 9) самокритика – лучшее наказание; 10) невозможно излечить бесчестье; 11) расплата за плохие поступки приходит всегда; 12) общество плодит преступников; 13) самый худший порок – ненависть; 14) не следует поддаваться приступам ярости; 15) в современном обществе царят ложные идеалы.

Анализ современных текстов американского песенного и кино-дискурса позволил раскрыть наиболее актуальные для данных типов дискурса характеристики исследуемых концептов, а также установить их бинарные дискурсивные отношения.

Исследование языкового воплощения концептов *Glory* и *Disgrace* в современном американском песенном дискурсе позволило выявить 11 сюжетных линий актуализации концепта *Glory* и 10 у концепта *Disgrace*. Большинство из установленных тематических ситуаций оппозиционны.

Glory	Disgrace
1) Прославление, восхваление Бога:	Поклонения Дьяволу, оккультизм:
<i>Lord I want to thank You For everything You've done Name Glory to Almighty God (Hillsongs Australia – Praise His Holy Name).</i>	<i>Darkness around me / Darkness inside me / Our subjects are ready to seal our date with infamy (Immolation – Unholy Cult).</i>
2) Выражение одобрения общества:	Яростный протест, критика:
<i>Today the USA has got a cancer in her spirit / And she needs the hearts of those that she protects / I'm speaking out against the ones who claimed that they want peace against destructive hands that never built / Glory glory hallelujah (Jonny Cash – Unpatriotic Itchin' Needs A Patriotic Scrach).</i>	<i>Heed the threat and awesome power of the mighty Pentagon / Which is wasting precious millions on the toys of Washington / Shame, disgrace and all dishonor, wrongly placed upon their heads / Will not rob them of the courage which betrays the innocent (Steppenwolf – Draft Resister).</i>
3) Обращение к высоким моральным ценностям как нормам поведения:	Описания морального разложения общества, безнравственности и невежества:
<i>You're on your honor, on your honor Trust in your calling, make sure your calling's true / Think of others, the others think of you (R.E.M. – I Believe).</i>	<i>Golden castles ruin in rain / The ten commandments are insane. Sowers of schism and disgrace / Priests have no faith / World fall down in disgrace (Mystifier – Sowing The Evil In</i>

	<i>Our Hearts</i>).
4) Счастливые минуты влюбленных:	Разочарования в любви:
<i>The vows go un-broken — and you still know I do / Love, keep and honor — always true to you (Kenny Rogers – The vows go un-broken).</i>	<i>The third time that I saw you / You treated me with such distaste, Now I wish I'd never seen your face. I'm in disgrace (Kinks – I'm In Disgrace).</i>
5) Характеристика положительных исторических персонажей:	Описание антагонистов:
<i>Great heroes charge into the fight from the north to the south in the black of night The clash of honor calls to stand when Others fall, Gods of war feel the power of my sword (Manowar – The Power Of Thy Sword).</i>	<i>To claim the life of every single hand They would hoist their mighty sails under the black flag / Catch a trade wind to their date with infamy / But good traverses evil, so let the record show/ Charles Gibbs was hung at the age 29 (Chris Foster – Charles Gibbs).</i>
6) Военные действия как борьба за свои идеалы, демонстрация отваги, чести и храбрости:	Война как разрушающая сила:
<i>Honor even in death, soldiers glorified, The dagger plunges deep, slashes side to side /Honor even in death, disgrace is defied / The end they never fear, give their life before their pride (Flotsam and Jetsam – No Place For Disgrace).</i>	<i>In a time of mastery / Seducing lies were told / The wars were far behind us / But anger still crept cold Words of infamy / Sowed seeds of blinding hate / And mesmerized by glory The masses met their fate (Morifade – Dark Images).</i>

Наряду с вышеуказанными общими темами концепт Glory употребляется для обозначения судебных слушаний, для раскрытия отношение общества к феномену Glory (двойное отношение: с одной стороны, Слава как показатель успешности, таланта, признания заслуг, с другой, – губительное влияние славы), а также в качестве лирических отступлений. Современные американские исполнители обращаются к концепту Disgrace для обозначения состояния одиночества, отчуждения от общества, безысходности,

краха, провала, крушения всех надежд, неудовлетворенности жизнью и самоосуждения.

Анализ киносценариев современных американских фильмов позволил выявить специфику реализации лингвокультурных концептов *Glory* и *Disgrace* в американском кинодискурсе.

Исследование сценариев к фильмам, раскрывающим содержание изучаемых концептов, проводилось на двух этапах. Во-первых, анализу были подвергнуты названия, которым принадлежит немаловажная роль в интегрировании концептуальных смыслов, заложенных в киносценариях; во-вторых, – скрипты кинофильмов, репрезентирующие концепты *Glory* и *Disgrace*.

Так, в ходе исследования было отобрано более 300 художественных фильмов с тематическими названиями, апеллирующими к концепту *Glory*. Столь значительное количество фильмов свидетельствуют о важности исследуемого понятия для американского общества, а также об яркой выразительности образов, созданных на основе концепта *Glory*.

На основе анализа киносценариев были выявлены четыре тематические группы: 1. Исторические фильмы военной тематики, прославляющие героизм и подвиги отважных американских солдат (*Paths of Glory*, *Glory*); 2. Спортивные драмы, повествующие о нелегком пути к вершине славы, к победе (*Shot at Glory*, *Glory Road*, *Blades of Glory*); 3. Драмы и мелодрамы, описывающие ценностные ориентиры и ситуативные нормы поведения (*Morning Glory*, *Bound by Honor*); 4. Боевики, рассказывающие истории отважных американских граждан (в большинстве случаев представителей правоохранительных органов), спасающих страну (*Rage and Honor*, *Extreme Honor*, *Honor and Glory*).

Художественные фильмы, в названии которых присутствует вербализуется концепт *Disgrace*, практически отсутствуют. Вероятно, это можно объяснить наличием негативной оценки в таких лексемах, как *Disgrace*, *Shame*, *Infamy* и *Dishonor*. Продюсеры, режиссеры и сценаристы справедливо полагают, что «отрицательно заряженное» название не привлечет массовую аудиторию к просмотру кинокартины. Тем не менее, тема позора и бесчестья прослеживается во многих скриптах сценариев американских кинофильмов как одна из самых актуальных для современного общества США.

Сопоставительный анализ дискурсивных характеристик изучаемых концептов еще раз подтвердил бинарность понятий *Glory* и *Disgrace*. Так, в исторических эпопеях концепт *Glory* употребляется для обозначения отваги, храбрости, героизма воинов, сражающихся за свою страну, за свой народ или во славу короля, им-

ператора, о чем свидетельствуют нижеприводимые примеры:

Commodus: Father. Congratulations. I shall sacrifice a thousand doves to honor your triumph.

Marcus: Spare the doves and honor Maximus, he won the battle (Gladiator).

Thetis: If you go to Troy, no one will earn more glory than you. Men will tell stories of your victories for thousands of years. The world will remember your name. (Troy)

Концепт Disgrace соотносится с бесчестными поступками, какими считаются бегство с поля сражения, сдача в плен, а также разгромные поражения в битвах.

Roosevelt: Yesterday, December 7, 1941 -- a date which will live in infamy -- the United States of America was suddenly and deliberately attacked by naval and air forces of the Empire of Japan (Pearl Harbor).

В криминальных драмах при помощи Glory акцентируется внимание на своеобразном «кодексе чести», где у гангстеров существуют свои принципы и идеалы. Положительная коннотация в данном случае меняется на отрицательную, в результате проекции на определенные социальные группы.

Don Corleone: Believe in a family; believe in a Code of Honor, older and higher, believe in Roots that go back thousands of years into your Race. Make a family, Michael, and protect it. (Godfather).

Позором для гангстера является подрыв его авторитета, а также предательство близких и измена своим идеалам.

Ginger: I want you to let me go.

Ace: And what? And let you disgrace me, you pig? And let you disgrace me? Get up. Get up and be a mother. Get in the car and go to the house... (Casino).

Tony: Where were you? You! ... From the time you were five, you gave me heartbreak and humiliation and shame ... (Scarface).

В социальных драмах Glory апеллирует к морально-нравственным ценностям героев, а концепт Disgrace отражает социальные конфликты на расовой почве, неравенство общественных классов, а также противостояние мужчин и женщин.

Cameron: You're a disgrace to the white race. If Adolf Hitler was alive...God bless his soul...he would have you shot. (American History X).

Еще одним значимым фактом для американского социума являются противоречия поколений, конфликты в семье, причиной которых в большинстве случаев становятся позорящие человека поступки, такие как внебрачная беременность, алкоголизм, наркомания.

Henry: Our daughter's brought nothing but shame on this family.

And I'm so goddamn sick of her!

Sherry: She had a baby, Henry. She didn't rob a bank (North Country).

Emmett Sprague: Mondo gave a good show. What ever happened to him?

Bucky: Died of a heroin overdose.

Emmett Sprague: Too bad. Shamed his family (Black dahlia).

Концепт *Glory* реализуется в большем количестве жанров, чем концепт *Disgrace*. Так, в современных экшен-боевиках через концепт *Disgrace* актуализируется идея долга по отношению к своей стране, а также необходимость защиты своей чести и чести своей семьи. Фильмы спортивной тематики повествуют о великих победах, достижениях известных спортивных команд и знаменитых спортсменов.

Подведем основные итоги.

1. Концепт-регулятив входит в систему понятий, формирующих морально-нравственные устои общества. Концепты *Glory* и *Disgrace* представляют собой сложные ментальные образования, конститутивными признаками которых являются их ценностная важность и бинарная организация на понятийном, образном и ценностном уровнях. Являясь доминантными для американской культуры концептами, они ориентированы на витальные ценности, активно апеллируют к многочисленным образам в американском сознании и объективируются в лексических единицах, фразеологизмах, паремиях, афоризмах.

2. Понятийный минимум исследуемых концептов сводится к набору общих (an abstract notion, a distinguishing quality) и различительных признаков: *Glory* – a result that should be earned, won or reached; a specific judgment of people, wide-spread positive opinion; an approving public regard. *Disgrace* – a result of dishonest, shameful acts; a specific judgment of people, wide-spread negative opinion; a disapprobative public regard. Семантические признаки концептов *Glory* и *Disgrace* преимущественно образуют бинарные оппозиции и характеризуются контрастирующими понятиями: красота – уродство (*Beauty – Eyesore*), доверие – недоверие (*Credit – Shame*), высота – падение (*Eminence – Degradation*), похвала – оскорбление (*Compliment – Insult*), чествование – унижение (*Honor – Humiliation*) и др.

3. Образные признаки концептов *Glory* и *Disgrace* проявляются в трех тематических группах (человек, предмет, природа) и характеризуются бинарным типом отношений. Наиболее показательными из них являются: торжество спортивных побед – горечь поражений; трагический исход военных действий – триумф победных сражений; знаменитости на пике популярности – известные персоны в компрометирующих ситуациях; красивые пейзажи – картины загрязнения окружающей среды и др.

4. Ценностные представления о данных концептах сводятся к оппозиционному набору признаков, определяющих нормы поведения общества, кодекс американской культуры: *Glory* – 1. Recognition, 2. Achievements, 3. High moral qualities, 4. Wealth, 5. Celebrity; *Disgrace* – 1. Public reproach, 2. Unworthy act or person, 3. Desperate condition, 4. State of being abandoned.

Литература

Максимова Т.В., Русина Е.В. Конститутивные характеристики концепта *Glory* в северо-американской лингвокультуре // Функционально-семантические категории в языке и тексте. – Волгоград: Волгоградск. научн. изд-во, 2007. – С. 161-168.

Русина Е.В. Семантические оппозиции концепта *Glory* в американской лингвокультуре // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Междунар. науч.-практич. конференции, г. Ульяновск, март 2007 г. – Ульяновск, 2007. – с. 253-256.

Русина Е.В. Национальная специфика концепта *Glory* в английской лингвокультуре // Материалы Междунар. науч. конференции «Евразийский мир: многообразие и единство». Казань, 2007. – С. 456-459.

Русина Е.В. Сопоставительный анализ концептов *Glory* и *Disgrace* в американской лингвокультуре // Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 2. Языкознание. 2008. № 1(7) – С. 100-103.

Русина Е.В. Образные характеристики концепта *Disgrace* в американской лингвокультуре // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб, 2008.

Русина Е.В. Понятийные характеристики концепта *Disgrace* в американской лингвокультуре // Материалы II Междунар. науч. конференции «Язык. Культура. Коммуникация». Волгоград, 2008. – С. 270-274.

Шаповалова Е.В. Концепт «Слава» в британской лингвокультуре: понятийная составляющая // Материалы Междунар. науч. конференции «Язык. Культура. Коммуникация». Волгоград, 2006. – С. 349-353.

И.И. Мусина
(Казань)

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ЯЗЫК, АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Исследование посвящено моделированию структур концептов **ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ЯЗЫК, АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК** в татарской, русской и английской концептосферах и межъязыковому и межкультурному сопоставлению реализации указанных концептов в татарском, русском и английском языках.

Выбор структур концептов **ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ЯЗЫК и АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК** в татарской, русской и английской

концептосферах и их одноимённых номинаций в соответствующих языках в качестве объекта исследования обусловлен тем, что язык, являясь носителем культуры, особым образом отражается в картине мира, сознании носителей языка. Моделируя структуры концептов, мы не только осуществляем лингвокультурный и лингвокогнитивный синтез и исследуем фрагменты культур и мышления, но сопоставляем языки, культурные и когнитивные особенности этносов.

Предметом исследования является общее и различное в структуре базовых слоёв и интерпретационных полей исследуемых концептов.

Источниками исследования послужили 208 анкет татар-билингвов, 161 анкета татар-монолингвов, 263 анкеты русских информантов и 103 анкеты респондентов-англичан, а также сборники стихов, толковые словари, словари афоризмов и цитат. Материалом исследования являются 3528 ассоциативных реакций, полученных в результате проведения ассоциативного эксперимента, а также 1725 прецедентных феноменов (афоризмы, тексты стихов, песен, крылатые выражения).

Методологической основой исследования явились следующие фундаментальные положения современной лингвистики. Концепт как глобальная мыслительная единица, имеющая полевою структуру, представляет собой квант структурированного знания, имеет ядро и объёмную интерпретационную часть – совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта и реализованных в прецедентных текстах (Попова 1999; 2001; Стернин 2001).

В основу исследования положены гипотезы о том, что: (1) архитектура концепта РОДНОЙ ЯЗЫК монолингвов и билингвов имеет отличия на уровне базового слоя; (2) архитектура концепта РОДНОЙ ЯЗЫК имеет гендерный характер.

Для исследования этнической идентичности в работе была использована методика свободного ассоциативного эксперимента (далее САЭ), суть которой заключается в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые они должны реагировать любой словесной реакцией, приходящей им в голову. В представленной работе стимулами служат следующие языковые единицы: *татар теле, рус теле, англиз теле, татарский язык, русский язык, английский язык, the Tatar language, the Russian language, the English language*.

В эксперименте принимали участие 735 человек (информантов-татар – 369 человек, информантов-русских – 263 человека, англоговорящих респондентов – 103 человека).

Осуществление САЭ проходило последовательно в три этапа:

На I этапе испытуемым предложен стимул (татар теле, рус теле, англиз теле, татарский язык, русский язык, английский язык, the Tatar language, the Russian language, the English language), на который они должны реагировать первыми словами, приходящими на ум.

На II этапе в ассоциативном поле стимула синтезированы базовый слой, включающий ощущения, восприятие, представления, понятие, и интерпретационное поле. II этап исследования также включает классификацию набора вербальных реакций в соответствии с формами отражения действительности на объективирующие базовый слой ощущения, представления, восприятие и понятие.

Анализ вербальных реакций, полученных в ходе САЭ, позволил выделить базовый слой и интерпретационное поле рассматриваемых концептов.

На III этапе выявлены наиболее частотные реакции и определены индексы яркости вербализованных составляющих концепта. III этап также включает ранжирование полученных когнитивных признаков по яркости, то есть по их относительной силе, очевидности для языкового сознания носителей языка. Индекс яркости (далее ИЯ) вычисляется для каждого выявленного признака как отношение числа выделивших данный признак к числу участников эксперимента. Например, если из 50 информантов данную реакцию продемонстрировали 25 человек, то его ИЯ – 0,50; если же – 5 человек, то ИЯ – 0,10.

На основании указанных принципов в нашем исследовании принято следующее деление: а) если реакция номинируется 45 и более процентами респондентов, она рассматривается как единица, имеющая индекс яркости I; б) 10 – 44% информантов — индекс яркости II; в) 1 – 9% респондентов — индекс яркости III.

В ходе САЭ выявлено следующее:

в татарской монолингвальной мужской и женской концептосферах концепта ТАТАР ТЕЛЕ зафиксирована одна языковая единица с ИЯ I – туган тел (в мужской концептосфере – 47%, в женской – 56% соответственно), остальные реакции имеют ИЯ третьего уровня;

в татарской билингвальной мужской концептосфере концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК зафиксированы две языковые единицы с ИЯ II

– родная деревня (22%), родной язык (19%); все другие реакции имеют ИЯ третьего уровня;

в татарской билингвальной женской концептосфере концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК зафиксированы 3 языковые единицы с ИЯ II: родной язык (28%), деревня (13%), родной (11%);

в русской мужской концептосфере концепта РУССКИЙ ЯЗЫК выявлена одна языковая единица с ИЯ II – Россия (15%); остальные реакции имеют ИЯ третьего уровня;

в русской женской концептосфере концепта РУССКИЙ ЯЗЫК выявлены три языковые единицы с ИЯ II: родной язык (19%), Родина (15%), Россия (12%);

в английской мужской концептосфере выявлена одна языковая единица с ИЯ I – my language (16%), остальные реакции имеют третий уровень ИЯ. В английской женской концептосфере зафиксирована одна реакция с ИЯ I – international language (31%) и одна языковая единица с ИЯ II – my language (15%), все другие реакции имеют ИЯ III.

Определено, что концепт РОДНОЙ ЯЗЫК в татарской и русской лингвокультурах ассоциируется с местом проживания его носителей и сферой реализации рассматриваемого языка. Так, концепт ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК татарской билингвальной концептосферы вербализуется языковой единицей *родная деревня*, концепт РУССКИЙ ЯЗЫК русской концептосферы номинируется лексемами *Родина* и *Россия*. Однако информанты-англичане не отождествляют концепт the ENGLISH LANGUAGE с определённой областью Великобритании, а объективируют его языковой единицей с ИЯ I international language (международный язык).

Из множества характеристик концепта (историческая, географическая, гендерная, профессиональная, возрастная и т.д.) в рамках реферируемой работы интерес представляют этническая и гендерная.

Если для информантов-татар ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК – это прежде всего родной дом, близкие родственники, родная природа, то русские респонденты рассматривают его как олицетворение национальных реалий: национальная борьба, национальные танцы, национальная одежда, татарские песни и т.д.

Концепт имеет гендерный характер. У татарских женщин-билингвов концепт ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК ассоциируется с родителями, близкими родственниками, родным домом. В мужской билингвальной концептосфере доминируют следующие языковые реализации: Габдулла Тукай, учительница татарского языка.

Осуществлено межъязыковое сопоставление вербализаций базового слоя концепта ТАТАР ТЕЛЕ/ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК в татар-

ской концептосфере, концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в русской концептосфере, концепта the ENGLISH LANGUAGE в английской концептосфере.

Рассмотрим базовый слой концептов ТАТАР ТЕЛЕ, ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ЯЗЫК, the ENGLISH LANGUAGE в татарской, русской и английской концептосферах (см. табл. 1).

1а. Татарская монолингвальная концептосфера

В татарской монолингвальной мужской и женской концептосферах наблюдается симметрия на всех уровнях базового слоя концепта ТАТАР ТЕЛЕ:

на уровне восприятия выявлено преобладание мелиоративных реакций с ИЯ III: кадерле (дорогой), матур (красивый), якын (близкий);

ядро рассматриваемого концепта в татарской монолингвальной концептосфере на уровне понятия объективировано языковой единицей туган тел (родной язык);

концепт ТАТАР ТЕЛЕ в татарской монолингвальной мужской и женской концептосферах носит понятийный характер (в мужской концептосфере количество вербализованных понятийных реакций составляет 84% от общего количества ответов: ана сөте белән сеңдерелгән тел (язык, впитанный с молоком матери); бетүгә барган тел (исчезающий язык); бик борынгы телләрнең берсе (один из самых древних языков); бөөк татар милләте сөйләшә торган тел (язык, на котором говорит великий татарский народ); искелек калдыгы (прежитки прошлого); искиткеч акыллы мәкалләргә, әйтемнәргә ия булган тел (богатый на удивительно мудрые пословицы и поговорки язык); милли телебез (наш национальный язык); в женской – 79%: дәүләт теле (государственный язык); дини тел (духовный язык); гасырлар буена изелгән һәм рәнжетелгән тел (истоптанный, измученный в течение веков язык); Моабитның таш диварлары эчендә дә тынмыйча, калын стеналарны тишеп чыгып, бөтен дөньяга яңгыраган, утларга суларга салсалар да, чукындырсалар да исән калган, сынмаган, сыгылмаган, баш имәгән горур тел (не замолкавший даже в каменных оковах Моабитской крепости, прошедший через толстые стены, ставший известным всему миру, несмотря на то, что его пытались погубить, искоренить, устоявший, не склонивший голову язык).

1б. Татарская билингвальная концептосфера

В структуре концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК в татарской билингвальной мужской и женской концептосферах выявлено:

мужской и женский варианты концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК являются образными. Симметрия на уровне представлений проявляется в том, что и в мужской и в женской концептосферах ядро концепта номинировано языковой единицей деревня (у мужчин рекуррентность реакции – 22%, у женщин – 13%). Определено, что мужчины ассоциируют татарский язык с Татарстаном (10%), а женщины – с городом Казань (5%);

на уровне понятия зафиксирована реакция *родной язык*;

в мужской и женской концептосферах ядро концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК на уровне представлений вербализовано лексемой *деревня*.

2. Русская концептосфера

Для русской мужской и женской концептосфер характерны:

симметрия мужского и женского вариантов концепта РУССКИЙ ЯЗЫК, заключающаяся в его образном характере. Рассматриваемый концепт на уровне представлений вербализуется следующими языковыми единицами: *Родина, Россия, Пушкин*;

симметрия на уровне восприятия, а именно, преобладание мелиоративно окрашенных реакций с низкой рекуррентностью (*богатый; красивый, красота; любимый; родное, родной; очень хорошо; самый лучший*);

симметрия рассматриваемых концептосфер на уровне понятия: реакция *родной язык* продемонстрирована 12% мужчин и 19% женщин.

3. Английская концептосфера

Определено, что концепт the ENGLISH LANGUAGE в английской мужской и женской концептосферах:

носит понятийный характер (в мужской концептосфере количество вербализованных понятийных реакций составляет 58% от общего количества ответов, а в женской – 54%);

не вербализуется на уровне ощущений;

имеет гендерные отличия на уровне понятия: в мужской концептосфере ядро концепта the ENGLISH LANGUAGE номинировано языковой единицей mother tongue (16%), а в женской – international language (31%).

Полная картина функционирования концепта в сознании социума предполагает моделирование интерпретационного поля.

1а. Татарская монолингвальная концептосфера

Интерпретационное поле концепта ТАТАР ТЕЛЕ в татарской монолингвальной концептосфере включает когнитивные признаки, характеризующие отношение татар-монолингвов к родному языку, осознание его необходимости, а также обеспокоенность его сегодняшним статусом.

Для выявления когнитивных признаков концепта ТАТАР ТЕЛЕ в татарской монолингвальной концептосфере была осуществлена выборка из прецедентных текстов на татарском языке.

Анализ прецедентных феноменов на татарском языке показал, что татарский язык для татар-монолингвов – татарлар өчен кирәкле, бай, дус, моңлы, ачык, зирәк, изге, гомерлек туган теле, эмма күп авырлыклар кичергәнгә дә карамастан, ул кешеләргә бәхет китерә, шуңа күрә татарлар аңа рәхмәтле булырга, оныт-маска һәм дәрәс сөйләшәргә тиеш (родной язык татар, сопровождающий их в течение всей жизни, богатый, а также дружелюбный, мелодичный, мудрый, необходимый, открытый, святой язык, перенесший много трудностей на пути своего развития, однако, приносящий счастье татарам, поэтому они должны быть благодарны ему, помнить и любить его, правильно говорить на нём).

1б. Татарская билингвальная концептосфера

Интерпретационное поле концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК в татарской билингвальной концептосфере достаточно объёмно и содержит многочисленные признаки, характеризующие положительное отношение информантов к родному языку, а также обеспокоенность проблемами, связанными с татарским языком. Установлено, что татарский язык для татар-билингвов – это сложный для изучения язык, отражающийся в культуре, традициях и обычаях татарского народа, навевающий воспоминания о детстве, язык, который люди должны знать и сохранять.

2. Русская концептосфера

Интерпретационное поле концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в русской концептосфере содержит когнитивные признаки, характеризующие роль русского языка в русской культуре и жизни русского общества.

Синтез реакций, вербализованных информантами выявил, что русский язык для русских респондентов – это богатый и красивый язык, ассоциирующийся с русской культурой, искусством и политикой, тесно связанный с образованием, однако люди знают его не достаточно хорошо.

В ходе моделирования интерпретационного поля на основе прецедентных текстов выявлено, что русский язык в русской концептосфере – это богатый, красивый, сильный язык, являющийся родным языком русских людей, поддержкой его носителей, отражением и хранителем русской культуры, находящий своё отражение в произведениях русских писателей, постоянно изменяющийся и развивающийся язык, призванный возвысить русское общество до идеала благодаря своей свободе и доброте, поэтому люди должны беречь его чистоту, должны учить его, чтобы правильно говорить на нём.

3. Английская концептосфера

Интерпретационное поле концепта the ENGLISH LANGUAGE, характеризуется носителями как a changing communicative means, the native language of the Englishmen, which must be clear and simple (родной язык англичан, являющийся постоянно изменяющимся средством общения, он должен быть простым и понятным).

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы.

Выявлена симметрия структур концептов ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ЯЗЫК и the ENGLISH LANGUAGE, состоящая в их функциональной направленности. Информанты, для которых языки являются родными, номинировали его языковыми единицами высокой рекуррентности (ИЯ I и II): туган тел, родной язык, my language.

Подтверждением ранее выдвинутой гипотезы об асимметрии архитектоники концепта ТУГАН ТЕЛ/РОДНОЙ ЯЗЫК в татарской монолингвальной и татарской билингвальной концептосферах является неоднородность характера концепта: у монолингвов он носит понятийный характер, у билингвов – образный.

Специфика структур концептов ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ЯЗЫК и АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК в русской концептосфере заключается в их образном характере.

Информанты-англичане объективируют концепты the TATAR LANGUAGE и the RUSSIAN LANGUAGE малым количеством язы-

ковых единиц низкой рекуррентности (ИЯ III), что свидетельствует об их слабой сформированности в английской концептосфере.

Установлено, что татары-монолингвы номинируют концепт РУС ТЕЛЕ языковой единицей аралашу теле (язык общения, средство общения), а татары-билингвы – родной язык.

Симметрия структур концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК в татарской билингвальной концептосфере и концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в русской концептосфере заключается в их образности.

Интерпретационные поля вариантов концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК в татарской концептосфере и концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в русской концептосфере содержат когнитивные признаки, характеризующие татарский и русский языки для их носителей как родные, отражающиеся в культуре, традициях и жизни народов, говорящих на них, а также как языки, которые необходимо сохранять и изучать.

Выявлена симметрия структур концепта ТАТАР ТЕЛЕ в татарской монолингвальной концептосфере и концепта the ENGLISH LANGUAGE в английской концептосфере: рассматриваемые феномены имеют понятийный характер.

Симметрия структуры базового слоя концепта ТАТАР ТЕЛЕ в татарской монолингвальной концептосфере и концепта the ENGLISH LANGUAGE в английской концептосфере состоит в отсутствии сенсорной составляющей.

Гендерная специфика структуры концепта the ENGLISH LANGUAGE состоит в том, что в английской женской концептосфере феномен воспринимается как средство международного общения, в то время как в английской мужской концептосфере ядро концепта составляет понимание его как родного.

Литература

Мусина И.И. Гендерная специфика реализации концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в русской концептосфере / И.И. Мусина // Труды и материалы междунар. науч. конф. «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (Казань, 4 – 7 мая 2007 г.). Т.2: Сравнительно-историческое языковедение. Сопоставительное языковедение. Фонетика и фонология. Морфемика, словообразование. Лингводидактика. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 92 – 94.

Мусина И.И. Гендерные особенности реализации концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК в русской концептосфере / И.И. Мусина // Труды и материалы 50 междунар. науч. алтаистической конф. «Казань и алтайская цивилизация» (1 – 6 июля 2007 г.) / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Идель Пресс, 2007. – С. 145 – 147.

Мусина И.И. Специфика реализации концепта АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК в татарской концептосфере / И.И. Мусина // Материалы III Всерос. научно-практ. конф. «Иностранный язык и образовательное пространство в XXI веке» (20 – 21 июня 2007 г.). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. – С. 61 – 64.

Мусина И.И. Специфика реализации концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в татарской и русской концептосферах / И.И. Мусина // Материалы региональной научно-практ. конф. «Повышение качества профессионального образования средствами иностранного языка: реалии, проблемы перспективы». – Казань: Изд-во КГФЭИ, 2007. – С. 59 – 61.

Мусина И.И. Реализация концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК и концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в татарской концептосфере / И.И. Мусина // Материалы II Всерос. науч.-метод. конф. (Новосибирск, 28 – 30 сентября 2007 г.). – Новосибирск: Изд-во ин-та филол. СО РАН, 2007. – С. 77 – 79.

Мусина И.И. Гендерная специфика реализации концепта ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК / И.И. Мусина // Вестник Челябинск. гос. ун-та 20/2007. Филология. Искусствоведение. – 2007. – № 16. – С. 113 – 118.

А.В. Архарова
(Благовещенск)

ПРОВИНЦИЯ

Данное исследование посвящено лингвокогнитивному исследованию концепта «*провинция*» в русском и английском (американский вариант) языках.

Концепт «*провинция*» является актуальным и рекуррентным как для русского, так и для английского языков.

Объектом исследования выступают средства языковой объективации концепта «*провинция*» в русском и английском языках. Предметом исследования является национальная специфика содержания и структуры концепта «*провинция*» в языковом сознании носителей русского и английского языков.

Целью исследования является системное описание языковых средств, объективирующих концепт «*провинция*» в русском и английском языках и моделирование содержания и структуры концепта в рамках семантико-когнитивного подхода к языку методом когнитивной интерпретации семантического описания.

Материалом исследования послужили лексические единицы, зафиксированные в лексикографических источниках, примеры из современных художественных и публицистических текстов на русском и английском языках, результаты направленного ассоциативного эксперимента.

Общий корпус проанализированных средств языковой объективации исследуемых концептов составил более 2500 единиц, из них: 1673 единицы в русском языке и 841 в английском языке.

Теоретической основой исследования стали научные положения, разработанные в работах Аскольдова С. А. (1997), Бабушкина А. П. (1996, 2001), Болдырева Н. Н. (2004), Вежбицкой А. (1997, 1999), Воркачева С. Г. (2001, 2005), Долговой И. А. (2006), Жинкина Н. И. (1982), Залевской А. А. (1981, 1983, 2005), Карасика В.И. (2001, 2004), Кубряковой Е. С. (1997, 199, 2001), Лебедько М. Г. (2002), Мошиной Е. А. 2006, Мещеряковой Ю. В. (2004), Пименовой М.В. (2003), Поповой З.Д. (2001, 2003, 2006, 2007), Прохвачевой О.Г. (2000), Рудаковой А.В. (2000, 2001, 2004), Стернина И.А. (2001, 2003, 2006, 2007), Степанова Ю.С. (2001), Тер-Минасовой С.Г. (2000) и др.

Исследование концепта «*провинция*» в русском и английском языковом сознании включает в себя несколько этапов.

Первым этапом исследования стало определение ключевых слов, репрезентирующих исследуемый концепт в русском и английском языках, построение номинативного и лексико-фразеологического поля концепта.

Ключевой лексемой, репрезентирующей концепт «*провинция*» в современном русском языке, является лексема *провинция*.

Данная лексема имеет в русском языке ряд синонимов: *периферия, глубинка, глушь, захолустье, глухомань, медвежий угол, дыра, трущоба* и др., употребляющихся в значении «*территория страны в отличие от столиц*».

В современном английском языке концепт «*провинция*» репрезентируется ключевой лексемой *the provinces*. Данная лексема образована от лексемы *province* и употребляется в значении «*территория страны в отличие от столиц*». В указанном значении данная лексема имеет в английском языке ряд синонимов: *backwoods, backwater district, boondocks (boonies), bush, country, godforsaken place, hinterland, in the middle of nowhere, jerkwater, regions, sticks* и др.

Номинативное поле концепта «*провинция*» в русском языке представлено 50-тью лексическими и 17-тью фразеологическими единицами. Ключевой номинацией выступает слово *провинция* как наиболее частотное и стилистически нейтральное. Деривационное поле ключевой номинации представлено следующими единицами: *провинциал, провинциалка, провинциальный, провинциально, провинциальность, провинциализм*.

Номинативное поле концепта «*провинция*» в русском языке было разбито на следующие смысловые группы:

1. «Административно-территориальная единица» — В России 18 века и в некоторых современных государствах: административно-территориальная единица. В этой группе концепт представлен следующими словами — *провинция, губерния, уезд*.

2. «Территория страны в отличие от столиц» — местность, находящаяся вдали от столицы или крупных культурных центров.

В этой группе концепт представлен следующими словами: *волчий угол, волчий край, глухомань, глубинка, глушь, глухое место, городок, городишко, Глубынь-городок (авторск.), губернский город, далеко, деревня, дыра, дремучий угол, далекий край, дебри, захолустье, за тридевять земель, заштатный город, Зажопинск, Заболотье, забытый богом край, запечье (устар. в значении «захолустье»), из села Помелова, из деревни Вениковой, Криворожье, Кацапетовка (в русском языке Украины), Кукуевск, Кукуевка, к черту на кулички, к черту на рога, куда ворон костей не заносил, куда Макар телят не гонял, Мухосранск, медвежий угол, места, на край света, на край земли, не ближний свет, Пырловка, Пындровка, Пошехонье, провинция, периферия, провинциальный, регионы, Саратов, Саяносранск, трущоба (уст. в значении «провинциальная глушь»), Тмутаракань (Тьмутаракань), таёжный тупик, уединение (устар. в значении «захолустье»), Урюпинск, Царевококшайск (устар.), черти ни в кулачки не бьют, шибель на погибель, воротами в угол*.

3. «Отсталость, ограниченность» — символ косности, отсталости, застойности. Ограниченность интересов, узость кругозора.

В этой группе концепт представлен словами: — *провинция, провинциальный, провинциальность, провинциально, провинциализм, деревня*.

4. «Житель провинции»: *кантри (молодеж. жарг. «провинциал»), кантрушник (молодеж. жарг. «провинциал»), кантры (молодеж. жарг. «провинциалы»), кугут (молодеж. жарг. «провинциал»), плуг (молодеж. жарг. «провинциал»), провинциал, провинциалка, из села Помелова, из деревни Вениковой*.

Основная часть лексических единиц, репрезентирующих концепт «*провинция*» в русском языке, стилистически окрашена и преимущественно представлена разговорными языковыми единицами, отчасти — жаргонизмами. Преобладающий устный характер выявленной лексики свидетельствует о высокой коммуникативной релевантности концепта «*провинция*» в русском языке.

В английском языке номинативное поле концепта *провинция* представлено 65-тью лексическими и 10-тью фразеологическими единицами. Ключевой номинацией выступает слово *the provinces*.

Деривационное поле ключевой номинации представлено следующими единицами: *provincial, provincialism, provinciality*.

Номинативное поле концепта «провинция» в английском языке было разбито на следующие тематические группы:

1. «Территория страны в отличие от столиц» — Местность, находящаяся вдали от столицы или крупных городов, территория страны в отличие от столиц.

В этой группе концепт представлен следующими словами: *at the ends of the earth, at the worlds end, at the back of God-speed, at the end of nowhere, backwoods, backwater district, burg, bucolic, backcountry, boondocks, boonies, the back of beyond, bumfuck nowhere, cow town, country, country mile, country town, cracker, countryside, country district, the depth of the country, a far-off city, godforsaken place, hamlet, hinterland(s), Hicksville, hick town, in the wilds, in the middle of nowhere, jerkwater district, miles from anywhere, miles from nowhere, out-of-the-way hole, one light town, one-eyed town, outskirts, outpost, to be out in the sticks, one-horse town, the provinces, peasant, podunk town, remote place, region (the regions), rural districts, the sticks, small towns, tank town, upstate, up country, village, where-the-fuck-are-we?, whistle-stop*.

2. «Житель провинции» — *backwoodsman, Bubba, country bumpkin, country cousin, cornball, hill-billy, hick, Hoosier, jasper, provincial, Reuben (Reub), a rural route, redneck, shit-kicker, villager, woodchuck, yokel, yahoo*.

3. «Отсталость, ограниченности» — символ косности, отсталости, ограниченности взглядов и интересов.

К этой группе относятся следующие слова: *provincialism, provinciality, provincial*.

4. Глаголы, обозначающие поездки в провинцию / из провинции: *to come up, to come down*.

Основная часть лексических единиц, репрезентирующих концепт «провинция» в английском языке, тоже стилистически окрашена и в большей степени представлена разговорными и сленговыми номинациями, что также свидетельствует о высокой коммуникативной релевантности концепта «провинция» в английском языке.

Вторым этапом исследования является психолингвистическое описание концепта «провинция» в русском и английском языках.

В качестве экспериментальной методики исследования концепта «провинция» мы использовали направленный ассоциативный эксперимент. Направленный ассоциативный эксперимент предполагает ответ, ограниченный определенными условиями — определенной частью речи, определенной конструкцией и т. д.

По результатам эксперимента формируется ассоциативное поле стимула как перечисление ассоциатов, располагаемых по убыванию числа испытуемых. В дальнейшем ассоциаты, образующие ассоциативное поле, интерпретируются как языковые средства объективации тех или иных когнитивных признаков концепта (метод когнитивной интерпретации).

С носителями русского языка эксперимент проводился в период 2006-2007 гг. В эксперименте приняли участие 451 человек (176 мужчин и 275 женщин). Возраст информантов 17-65 лет. Большая часть испытуемых – студенты и преподаватели Благовещенского государственного педагогического университета, курсанты Дальневосточного военного общевоинского командного училища, а также жители различных городов Амурской области. Эксперимент проводился как в массовой, так и в индивидуальной форме, массовый эксперимент проводился с группами по 9-12 испытуемых, время эксперимента не ограничивалось.

Участники эксперимента получили следующую инструкцию: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Закончите фразы: «*Провинция – это.... Провинция – какая.....?*» Запишите те слова, которые первыми приходят Вам в голову». Всего было получено 992 ассоциата.

Полученные ассоциаты были разбиты на 18 смысловых зон:

1. Тип населенного пункта — 338 (34 % — процент указан от общего количества ассоциатов) *город, городок 179; деревня 94; населенный пункт 28; село 16; сельская местность 10; поселок 4; деревушка 3; крутой город 2; деревенька 2.*

2. Размер – 203 (20,4%) *маленькая 99; город 70; большая 30; маленький, большой город 3; необъятная 1.*

3. Производимое внешнее впечатление – 156 (15,7 %) *тихая 29; спокойная 12; зелёная 10; чистая 9; серая 8; своеобразная 6; разная 4; запущенная 3; живописная 3; простая 3; забытая 3; провинциальная 2; заброшенная 2; захолустная 2; уютная 2; обычная 2; грязная 2; неинтересная 2; обыкновенная 1; светлая 1; обустроенная 1; неброская 1; цветочная 1; вонючая 1; там воздух свежий 1; незамысловатая 1; захудалая 1; процветающая 1; приятная 1; уютная 1; мрачная 1; дряхлая 1; устарелая 1; нешумная 1; лучше чем центр 1; яркая 1; солнечная 1; старинная 1; обычная 1; вульгарная 1; необремененная 1; понятная всем 1; культурная 1; заштатная 1; дремучая 1; медленная 1; неповоротливая 1; безмятежная 1; сохранившая корни 1; заброшенная 1; уникальная 1; домашняя 1; неиндустриальная 1; забытая 1; темная 1; забитая 1; неинтересная 1; размеренная 1; культурно развитая 1; как дом 1; неспешная 1; дикая 1; тра-*

диционная 1; захолустная 1; разная 1; отчужденная 1; консервативная 1; мирная 1; независимая 1; природа 1.

4. Расположение – 116 (11,5 %) далекая 67; территория, удаленная от столицы, центра, больших городов 10; город, удаленный от столицы, центра 10; китайская 8; далеко от столицы 6; отдаленная 4; глубокая 4; деревенская 2; французская 2; деревенская – 2; отдаленный от города населенный пункт 1; за пределами Москвы 1; амурская 1.

5. Территориальная характеристика – 79 (7,9 %) район 20; место 16; территория 15; область 10; глубинка 8; регион 5; часть страны 2; маленькая родина 1; автономная 2.

6. Степень развитости – 60 (6%) глухая 32; отстающая 6; забытая Богом, государством и людьми 4; отсталая 3; неразвитая 3; несовременная 2; экономически неразвитая 1; нетронутая цивилизацией 1; находящаяся в культурной и технологической изоляции от центральных районов 1; продвинутая 1; отстающая 1; болото 1; глушь 1; колхоз 1; развитая 1; забытая государством 1.

7. Типичный представитель (прототип) – 47 (4,7 %) Хейлунцзян 17; Благовещенск 16; Амурская область 2; Белогорск 1; Райчихинск 1; всё, кроме Москвы и Питера 1; пригород столицы 1; всё, что за пределами столицы 1; за Уралом 1; всё, что дальше Подмосковья 1; всё, что за кольцом 1; Дальний Восток 1; мой дом 1; Цинхуандао 1; Ивановка 1.

8. Характерные особенности жителей провинции – 35 (3,5 %) там все друг друга знают 2; наивная 2; необразованная 2; необычная 2; ; средняя 2; гостеприимная 2; пьяная 2; пьянствующая 2; там живут люди, не имеющие значения в масштабе страны 1; добрая 1; дружелюбная 1; там люди добрые 1; склона к порочным привычкам 1; доброжелательная 1; малообразованная 1; менее просвещенная 1; несдержанная 1; радушная 1; закомплексованная 1; она человечнее 1; узкий кругозор 1; там много творческих личностей 1; имеет свои взгляды на жизнь 1; там живут талантливые, но неоцененные по достоинству люди 1; скромная 1.

9. Особенности жизни в провинции — 24 (2,4 %) скучная 5; нет перспектив 2; там соблюдаются старые традиции и устои 1; с маленькими возможностями 1; бесперспективная 1; размеренная 1; там меньше возможностей для молодежи 1; там нет возможностей 1; там нет яркой жизни 1; недостаточно возможностей 1; имеет свои устои 1; там жизнь остановилась 1; нет удобств для людей 1; там можно попить молоко и поесть мясо 1; там нет телефона 1; нет работы 1; нет жилья 1; нет

источника для активного образа жизни 1; там есть озеро 1.

10. Степень и характер заселенности – 23 (2,2 %) малонаселенная 19; густонаселенная 2; многолюдная 1; многонациональная 1.

11. Материально-экономическое состояние провинции – 21 (2,1) % бедная 7; нищая 4; тяжелым экономическим положением 2; убогая 2; богатая 2; там люди мрут с голоду; там плохая экономика 1; неразвитая инфраструктура 1; мало финансируемая 1; отсутствие финансирования из центра 1.

12. Эстетическая оценка – 21 (2,1 %) красивая 17; убогая 1; некрасивая 1; страшненькая 1; прекрасная 1.

13. Эмоциональная оценка – 5 (0,5 %) родная 4; милая 1.

14. Степень известности – 5 (0,5%) малоизвестная 3; неизвестная 2.

15. Возраст — 4 (0,4 %) старая 2; древняя 2.

16. Общая оценка – 2 (0,2 %) хорошая 1; нормальная 1, обалденная 1.

17. Предназначение провинции – 2 (0,2%) «кузница» профессионалов 1; место для романтических встреч 1.

18. Степень известности — 1 (0,1 %) известная 1.

Как показало исследование, наиболее когнитивно востребованными для испытуемых являются смысловые зоны «Производимое внешнее впечатление», «Размер», «Тип местности», «Расположение», так как они имеют наибольшее количество ассоциативных объективаций по сравнению с другими зонами. Смысловые зоны «Степень известности», «Общая оценка» и «Предназначение провинции» являются для сознания носителей русского языка менее существенными.

С носителями английского языка направленный ассоциативный эксперимент проводился в 2008 году. В эксперименте приняли участие 137 человек. Возраст информантов от 20 до 60 лет. Большая часть испытуемых – жители США. Эксперимент проводился в индивидуальной форме, а также через сеть Интернет.

Всего было получено 262 ассоциата, которые были разбиты на 14 смысловых зон.

1. Особенности жизни в провинции – 24 (12,7 % — процент указан от общего количества ассоциатов) where you do not have access to a lot of emergency services 1; prices at the local store are higher than in a larger supermarket 1; access to fresh local products 1; where you can't even get cable without satellite 1; cell phone service is not-existent 1; one that has one movie theater 1; one drive-in fast food place 1; anywhere that isn't 50 miles of a starbucks or walmart 1; where there is no running water 1; you have an out house

to do your business in 1; where you can't get a pizza delivered 1; where no signal lite 1; good life 1; where trees are not yet cut down 1; where there are freaking animals 1; good clean living 1; places with no crime 1; a good place to raise children without fear 1; the areas that are not yet paved over 1; devoid of culture 1; neighbors raise cows 1; everyone has a four wheel vehicle 1; no traffic 1; no noise 1; clean air 1; birds wake me up 1.

2. Расположение – 20 (10, 6 %) in the middle of nowhere 5; in Southwest USA 2; very far away 2; in the country 1; way out 1; in Australia 1; away from civilization 1; distanced 1; in the middle of the woods 1; deep in the country 1; far away 1; isolated from everything else 1; deep and beyond 1; far out in the country 1; out there 1; out in the country 1; out nowhereville 1; far away 1; far far out there 1; away from civilization 1; so far 1; any remote area 1; a very remote and inaccessible place 1.

3. Характерные особенности жителей провинции – 11 (5, 8 %) where everyone knows one another 1; where people are not very well read 1; much friendlier 1; neighbors know good portion of each other 1; where everyone knows you screw up, usually before you do it 1; where everyone knows everyone by their first names 1; where kids play out in the streets 1; where people live a much simpler lifestyle 1; people there are backward and unsophisticated 1; people are friendly and honest 1; where people fly flags on their cars and play loud country music 1.

4. Производимое внешнее впечатление – 11 (5,8 %) peace and quiet 2; relaxation 1; much land 1; are blending with nature 1; more rural than a city 1; safer 1; devoid of life 1; the places you don't want to ever see 1; wildlife 1; quiet 1.

5. Степень заселенности – 10 (5, 3 %) not heavily populated 1; desert land 1; alone 1; secluded 1; it's got small population 1; where there are no people living around you for miles 1; less crowded 1; lonely living 1; like having nowhere around you 1; sparsely populated area 1.

6. Территориальная характеристика — 9 (4, 7 %) the country 3; a rural area 2; the place surrounded by farms or woodlands 1; the rural places 1; wild places 1; the woods 1.

7. Типичный представитель – 8 (4, 2 %) Boston 1; Springwater 1; Galetown 1; Massachusetts 1; Ashby 1; in Alabama 1; Siberia 1; West Virginia 1.

8. Тип населенного пункта – 7 (3, 7 %) a town in the country 2; market towns 1; village 1; a lovely town 1; nice market town 1; town 1;

9. Размер – 7 (3, 7 %) a small town 2; the smallest town in the world 1; a small rural town 1; small size 1; smaller than a city 1; a nice

little town 1.

10. Наличие насаждений, растительности – 3 (1, 5 %) trees lots and lots of trees 1; where some natural vegetation still exist 1; there are cornfields 1.

11. Местожителство – 3 (1, 5 %) I've lived there 1; I was born there 1; the place where I live 1.

12. Общая оценка – 2 (1%) not very nice 1; good 1.

13. Степень развитости — 1 (0,5 %) it's growing 1.

14. Количество подобных территорий — 1 (0,5%) not much of it left anymore 1.

Таким образом, наибольшее количество объективаций отражают смысловые зоны «*Особенности жизни в провинции*» и «*Расположение*», что позволяет сделать вывод о том, что для носителей английского языка данные смысловые зоны являются наиболее когнитивно значимыми. Менее значимыми являются смысловые зоны «*Общая оценка*», «*Степень развитости*», «*Количество подобных территорий*».

Третьим этапом исследования является анализ художественных текстов.

Анализ художественных текстов на русском и английском языках позволил выявить примеры употребления единиц номинативного поля концепта «*провинция*» в художественных текстах.

Всего было проанализировано 27 художественных текстов на русском языке 1980-2006 г. 25 русских писателей. Общая длина текстовой выборки на русском языке — около 1,8 млн. словоупотреблений. Зафиксирован 71 пример объективации концепта «*провинция*» в русском художественном тексте.

Примеры употребления единиц номинативного поля исследуемого концепта в художественных текстах на русском языке:

«*Дело было в Мытищинской провинции*» (Рапопорт В. М.).

«*Нет ничего лучше в провинции, чем весенний вечер ранней поры*» (Боровиков С.).

«*Наверное, никогда не было в мире человека, счастливее советского студента, особенно, если он приехал в большой город из псковской глубинки*» (Луговский В. В.).

«*И эта его мрачная профессия тоже почему-то импонировала неискушенной девушке из таежной глубинки*» (Дедюхова И. А.).

«*Найти доктора в сельскую глубинку, тем более в такую глушь как Шишигино, всегда было весьма проблематично*» (Салов А. В.).

«*Только вечером он решает пройтись по главной улице, на которой стоят старые кирпичные дома. Тишина маленького провинциального городка*» (Луговский В. В.).

«*Хотя и понимал, что Ростов, становился для него тесным городком: ему нужно было, что-нибудь большее, грандиознее, объемнее, — то есть того, чего не могло быть, в уездном центре на периферии*»

страны» (Ручко С. В.).

«Он прописал меня в городишке с симпатичным названием Кукуевск. Дыра невообразимая. Глухомань, как в былинах» (Маканин В. С.).

«Вопрос в том, кто согласится поехать в такую глухомань, где люди до сих пор верят в то, что земля покоится на трех китах, а солнце вращается вокруг нее» (Салов А. В.).

«Мы с Валерой переехали и живём теперь в другой глухомани. В какой – не имеет значения, их множество на Руси» (Васильев Б.).

«Ты выглядишь вызывающе! — отвечает тот. — Не знаешь ректора с его комиссарским аскетизмом? "Всех крашенных — в Тьмутаракань!..."» (Свирский Г. Ц.).

В целом в современных русских художественных текстах концепт «провинция» представлен следующими номинациями: глухомань, глубинка, провинциальный городок, городишко, дыра, дремучий край, глушь, глубинка, Тьмутаракань, периферия, уезд, глухая деревушка, глухое место, провинция, губернский город и нек.др. Наиболее часто встречаются такие номинации исследуемого концепта как глухомань, глушь, глубинка, провинция, употребляющиеся в следующих смыслах, «места, отдаленные от транспортных магистралей, районных или областных центров», «глухое, малонаселенное место».

На английском языке было проанализировано 36 произведений 36 авторов 1985-2005 гг. Общая длина текстовой выборки на английском языке составляет около 2 млн. словоупотреблений. Зафиксировано 62 примера объективации концепта «провинция» в англоязычном художественном тексте

Некоторые примеры, характеризующие отдельные стороны концепта и ставшие материалом когнитивного анализа:

«I don't think being stuck out in the boonies is doing her any good» (Joan Severance).

«Out in the boonies», Sam's Man remarked».Anything more than six blocks from Hollywood and Vine is to you the boonies, ...» (R. Wright Campbell).

«I keep forgetting you grew up in the sticks. Well, we would go up to the sticks, from Minneapolis. Ken was originally from the north country» (Marie G. Lee).

«It's not that. It's something you'll like." "Really." "Brides of the Mountains. It's a really good company, too». «Out here in the sticks? ...» (Elizabeth Moon).

«Uneventfully, they crossed the border, which seemed to be unguarded in this idyllic backwater district, and took the road kading to Burmerange» (Arkady Alexeev).

«I drove rather fast, as your mother said you lived at the back of beyond, and am I am always uncertain of my own map-reading» (Anthony Powell).

«You know you could take care of him quietly when you're in the back of beyond!» (David Drake).

«Daisy said this as though both of them had just come up from the depth of the country from green woods or potato fields» (Penelope Fitzgerald).

«And there's nowhere else to find it in this whole godforsaken place. It is kind of a strange spot» (Damon Galgut).

В англоязычных художественных текстах концепт «провинция» представлен номинациями: *the boonies, the back of beyond, godforsaken place, backwater district, the depth of the country, a one-light town, the sticks, the provinces* и НЕК.др. Наиболее часто встречаются такие номинации как *the boonies, the sticks, the back of beyond, godforsaken place*, актуализирующие смыслы: «регион, отдалённый от столицы», «место, удалённое от города», «очень отдалённое, труднодоступное, малонаселенное место».

Следующим этапом исследования концепта является анализ семантики употребления номинаций *провинции* в публицистических текстах.

Проанализированы тексты следующих русскоязычных печатных изданий 2005-2008 гг.: «АИФ», «Комсомольская правда», «Труд», «Московские новости», «Российская газета», «Огонёк», «Московский комсомолец». Общая длина проанализированных текстов составляет 1, 9 млн. словоупотреблений. Зафиксировано 403 примера объективации концепта «провинция» в русскоязычном публицистическом тексте.

Некоторые примеры, послужившие материалом для когнитивного анализа:

«...вначале был журналистом, приехавшим из провинции покорять столицу, но карьера в СМИ не задалась» (Труд).

«К весне многие в провинции снимаются с учета на бирже и отправляются на заработки в крупные города» (Труд).

«Горько видеть, как спивается провинция» (Труд).

«Что вы прячете сына в провинции, запрещаете ему рассказывать даже одноклассникам, кто его папа?» (Труд).

«... Приехали в Россию, поселились в захолустье. Пусть дремучая деревня, зато войны нет» (Комсомольская Правда).

«А куда податься в захолустье, где народ мается от безработицы?» (Комсомольская Правда).

«Общеизвестно отношение жителей российских регионов к москвичам: жируют, мол, зарплаты огромные получают» (Российская газета).

«...смотря какой вуз они в своей глухомани закончили. А успешная женщина – это их путевка в жизнь» (Комсомольская Правда).

«Глухомань там, надо сказать, страшная – кругом лес, дороги размыты» (Комсомольская Правда).

В современных русских публицистических текстах исследуемый концепт представлен различными номинациями: *провинция, глушь, глубинка, глухомань, захолустье, провинциальный горо-*

док и др. Наиболее часто встречаются такие номинации, как *провинция*, *глубинка* и *глухомань*. Чаще всего актуализируется значение «места, отдаленные от транспортных магистралей, районных или областных центров».

Аналогичным образом были проанализированы тексты англоязычных печатных изданий: "The Washington Post", "The New York Times", "Newsweek", "Los Angeles Times", "Houston Chronicles" 2005-2008 гг. Общая длина проанализированных текстов составляет около 1, 6 млн. словоупотреблений. Зафиксировано 413 примеров объективации концепта «*провинция*» в англоязычном публицистическом тексте.

Некоторые примеры употребления лексемы *провинция* в американской прессе:

«...property, to think that you could move to the provinces at any stage, per cent now and has squeezed home buyers across the provinces» (The Washington Post).

«...artist, musician or writer who grew up in the provinces can probably tell you why» (The Washington Post).

«That was the boonies back then. We were the only house on the block» (The Washington Post).

«A lot of money is being poured into building a great big new airport way out in the boonies some 23 miles from downtown Denver» (New York Times).

«...in which Stanley bails out an old friend who runs a summer theater in the boonies» (The Washington Post).

«That is one of the many little differences between working at the Met and working in the boonies» (The New York Times).

«GUNSLINGER standing on a dusty street in a one-horse town, facing down a posse or, if he...across the prairie, and a little town springs up with wooden sidewalks...then one day a stranger comes to town» (The New York Times).

В англоязычных публицистических текстах концепт «*провинция*» представлен множеством номинаций: *the boonies*, *godforsaken place*, *one-horse town*, *a boondock town*, *the provinces*, *hinterland*, *Podunk town*, *the boondocks* и МН.т.д. Чаще всего используются номинации *the boonies* и *the provinces*, актуализирующие такие значения, как «отдалённая, наименее развитая часть страны», «территория страны отдалённая от столицы», «малонаселенная территория страны, удаленная от города».

Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц, объективирующих концепт в языке, позволяет моделировать структуру исследуемого концепта.

В работе устанавливаются некоторые формализованные параметры описываемых концептов.

Индекс яркости каждого когнитивного признака выражается десятичной дробью и устанавливается соотношением количества объективаций данного признака к общему количеству испытуемых.

Доля когнитивных признаков определенного типа в структуре концепта (доля того или иного макрокомпонента, отдельной зоны в структуре концепта) выражается в процентах и вычисляется как отношение количества признаков данного типа к общему числу когнитивных признаков, образующих концепт.

Индекс когнитивного разнообразия концепта выражается в абсолютных числах и вычисляется как отношение количества когнитивных признаков в исходной концептосфере к количеству когнитивных признаков концепта в концептосфере сопоставления.

Концепты организованы по полювому принципу. Полевая организация концепта описывается в опоре на результаты ассоциативного эксперимента и может быть представлена следующим образом:

Ядро

населенный пункт – (0, 64 – индекс яркости данного признака)

Ближняя периферия

маленькая – (0,21), далекая – (0,14), неразвитая – (0, 10), территория, удаленная от столицы, центра, больших городов – (0, 08), глухая – (0,07), большая, тихая – (0,06)

Дальняя периферия

красивая, малонаселенная – (0,04), бедная, это — Благовещенск, уютная – (0,03), там жители необразованные, спокойная, это ТО, ЧТО находится за пределами Москвы и Подмосковья, забытая – (0, 02), своеобразная, зеленая, серая, неизвестная, глубинка, это в Китае, скучная, это — часть страны, глубокая, добрая, старая, неспешная, деревенская, склонна к порочным привычкам, обычная – (0, 01) , 234

Крайняя периферия

бесперспективная, простая, старинная, традиционная, убогая, чистая, – (0,008), захолустная, запущенная, она как дом, родная, это — Амурская область – (0,006), богатая, безмятежная, грязная, густонаселенная, гостеприимная, дружелюбная, доброжелательная, дыра, интересная, необычная, некрасивая, несовременная, это – во Франции, обалденная, обустроенная, развитая, там мало возможностей, там все друг друга знают, там нет работы, невзрачная – (0,004), автономная, болото, вонючая, вульгарная, глушь, дикая, дремучая, забитая, заброшенная, закомплексованная, культурная, «кузница» профессионалов, лучше, чем центр, мирная, милая, мрачная, может не иметь телефона, неинтерес-

ная, наивная, НЕ ТРОНУТАЯ цивилизацией, несдержанная, находится в технологической и культурной изоляции от центральных районов, консервативная, независимая, отчужденная, она человечнее, продвинутая, процветающая, понятная всем, приятная, светлая, солнечная, скромная, там люди НЕ ОЦЕНЕННЫЕ по достоинству, там природа, там ОЗЕРА, там много творческих личностей, там нет жилья, там жизнь остановилась, там можно попить молоко и поесть мясо, там нет удобств, там люди талантливые, там воздух свежий, тёмная, теплая, труднодоступная, уникальная, хорошая, цветочная, яркая, у её жителей узкий кругозор, там живут люди, не имеющие значения в масштабе страны, это — Белогорск, это — Райчихинск, это — всё, кроме Москвы и Питера — нормальная, разная, многонациональная, это — место для романтических встреч, это — находится за Уралом, это — Дальний Восток, это — Цинхуандао, это — Гуандунг, это — Ивановка, это — маленькая родина – (0,002)

Концепт «провинция» в английском языке имеет следующую полевою организацию:

Ядро

далекая – (0, 22)

Ближняя периферия

живая природа – (0, 10), ЭТО местожительство, маленькая – (0, 09), населенный пункт, сельская – (0, 08),

Дальняя периферия

малонаселенная – (0, 06), там все друг друга знают – (0, 04), уединенное место, там мало магазинов, там занимаются торговлей, там живут дружелюбные люди, хорошая – (0, 03), безопасная, там все всё про всех знают, там занимаются фермерством, тихая – (0, 02), находится далеко от цивилизации, спокойная, там нет удобств, там частые снегопады, там плохие дороги – (0, 02), глубокая, там живут необразованные люди, к её жителям относятся с презрением, изолированная, там ограничены возможности, там страшно, там одиноко, там люди набожные, там скучно, там есть домашние животные, там плохо развито телевидение, там люди помогают друг другу, это – на юго-западе США – (0, 01)

Крайняя периферия

туда неохотно едут, труднодоступная, чистая, эти места не хочется видеть, там нет асфальта на тротуарах, там живут честные люди, там не доставляют пиццу, там полицию приходится долго ждать, там люди вешают флаги на машины, там громко слушают музыку в стиле кантри, там по дорогам ездят трактора, это находится в штате Мичиган, это в Сибири, там нет супермаркета, там нет кафе, дикая, там нет культурной жизни, там есть необрабо-

танная земля, там люди отсталые, там люди некультурные, там простоватые люди, там люди любят тишину и покой, там жизнь хорошая, там можно рыбачить весь день, там люди заботятся о своей семье, там нет потребности в общественной жизни, там люди ведут простой образ жизни, там трудно выжить жителю большого города, она снабжает продуктами, она является источником благосостояния, там много земли, там нет сотовой связи, это — Galetown, это — Springwater, это — Ashby, это — Массачусетс, это — Ashburnham, это — Pepperrill, это — Townsend, это — Lake County это — Humboldt County, это в Калифорнии, это — Floyd, это — Virginia, она развивается, там маленькие гостиницы, там только один кинотеатр, там только один ресторан drive-in fast food, это в Алабаме, незначительная, она исчезает, просторная, там есть пустынная земля, там мало спортивных сооружений, там плохая еда, там нужно посещать церковь, там женщины не выходят на улицу без макияжа, там люди консервативные, там нет дорожного движения, там воздух чистый, там готовят еду в дровяной печи, там чистые ручьи, хорошая, там дети играют на улице, большинство людей родом оттуда, там открытые дороги, там еда домашняя, ограниченная, замкнутая, там жизнь дешевле, там жизнь размеренная — (0, 007)

Таким образом, в полевой организации структуры концепта «*провинция*» в русском и американском языковом сознании проявляется заметная национальная специфика: объем ядра и ближней периферии больше в русском концепте, а объем дальней и крайней периферии — в американском.

Анализ средств языковой объективации концепта «*провинция*» в русском и английском языках позволил выявить ряд особенностей исследуемого концепта, характерных для языкового сознания носителей данных языков.

В русском языковом сознании концепт представлен 130 когнитивными признаками, в американском — 105. *Индекс когнитивного разнообразия* концепта для русской концептосферы относительно американской составляет 1,23, что свидетельствует о большей детальности концептуализации провинции русским сознанием.

В содержании исследуемого концепта в русском и американском языковом сознании выявлено 26 интегральных когнитивных признаков и 187 дифференциальных. Небольшое количество интегральных признаков позволяет говорить о существенных национальных различиях при концептуализации данного явления представителями русской и американской лингвокультур. Так, в русском концепте выделяются такие отличительные признаки как:

неразвитая, глухая, бедная, добрая, убогая, запущенная, родная, она склонна к порочным привычкам, она как дом и др. В американском концепте также выявлен ряд отличительных признаков, присущих сознанию представителей только данной лингвокультуры: *там занимаются торговлей, там мало магазинов, там полицию приходится долго ждать, там не доставляют пиццу, там нет асфальта на тротуарах, там только один ресторан drive-in fast food, там нет супермаркета, там нет кинотеатра* и др.

Объем образного содержания концепта в русском и американском языковом сознании существенно не отличается, однако в русском языковом сознании когнитивных образов оказывается в шесть раз больше.

Объем энциклопедического поля незначительно преобладает в русском концепте, но присутствуют заметные различия по его зонам. Объем описательных зон в русском языковом сознании в 1, 2 раза больше чем в американском, хотя их удельный вес достаточно велик в структуре, как русского, так и американского концепта. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что исследуемый концепт близок носителям и русского, и английского языков: Представители обеих лингвокультур широко и свободно высказываются об особенностях провинции, а также подробно характеризуют различные стороны и проявления исследуемого явления.

Объем идентификационной зоны в американском концепте также в 1,2 раза больше, чем в русском.

В интерпретационном поле русского концепта в шесть раз больше признаков в оценочной зоне, а в интерпретационном поле американского концепта в 2, 5 раза больше признаков в утилитарной зоне, что отражает больший прагматизм носителей английского языка при категоризации провинции: для них особую значимость приобретают признаки концепта, полученные в результате осмысления практического опыта деятельности в сфере, охватываемой содержанием данного концепта.

Существенные отличия наблюдаются в когнитивных слоях концепта. В русском концепте оценочный слой в 1, 4 раза объемнее, чем в американском. Суммарная яркость оценочных признаков русского концепта также выше американского и составляет 1, 38 против 1, 16. При этом оценочная акцентуация негативна как в русском языковом сознании, так и в американском. Ассертивный слой концепта в русском сознании существенно не отличается от американского.

Таковы основные выводы по результатам анализа националь-

ной специфики средств языковой объективации, когнитивного содержания и когнитивной организации концепта «провинция» в русском и американском языковом сознании.

Литература

Архарова А. В. Объективация концепта «провинция» в английском сленге // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: теоретический и методологический аспекты. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – Ч. 1. – С. 35-38.

Архарова А. В. Способы объективации концепта «провинция» в английском языке // Молодежь 21 века: шаг в будущее: Материалы восьмой региональной межвузовской научно-практической конференции, 17-18 мая 2007г., Благовещенск – Москва: Изд-во СГУ, 2007. – Ч. 2. – С. 11-12.

Архарова А. В. Построение номинативного поля английского концепта «провинция» // Материалы 57-й научно-практической конференции преподавателей и студентов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – Ч.2. –С. 6-11.

Архарова А. В. Номинативное поле концепта «провинция» (на материале английского языка) // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – Воронеж, 2007. — № 2. – С. 9-12.

Архарова А. В. Национальная специфика концепта «провинция» в английском и американском сознании // Культура общения и её формирование. — Воронеж: Истоки, 2007. – С. 11-15.

Архарова А. В. Концепт «провинция» в современной русской художественной литературе // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки. 2008. – Вып. 10. – С. 28-32.

Архарова А. В. Способы объективации концепта «провинция» в английском и русском языках // Современные проблемы взаимодействия языков и культур. – Благовещенск: Изд-во АМГУ, 2008. – С. 8-12.

Архарова А. В. Концепт «провинция» в русском и в английском языках // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки. 2008. – Вып. 11. – С. 123-126.

Чедыгова А. В. Концепт «провинция» в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2006.- Вып. 8. — С. 133-138.

Чедыгова А. В. Концепт «провинция» в современном английском языке // Культура общения и её формирование. — Воронеж: Истоки, 2006. — Вып. 16. – С.169-171.

Лексикографические источники

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. – 431 с.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 600 с.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и глав. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. – М.: Русский язык, 1990.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. В 2-х томах. – М.: Русский язык, 2001.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1993. — 537 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 716 с.
- Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. – 765 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д.Апресяна. — М.: Школа "Языки русской культуры", 2000. — 488 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.
- Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу: Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1. — М.: ИРЯ РАН, 1994. – 358 с.
- Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – 656 с.
- Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 2001. – 1774 p.
- Collins Cobuild Intermediate Dictionary of American English. – Harper Collins, 2008.
- Dictionary of American Proverbs / Ed. Wolfgang Mieder. – New York, Oxford, 1992. — 687 p.
- Longman American Idioms Dictionary. – Longman, 1997. – 934 p.
- Longman Dictionary of Contemporary English. – Spain: Longman, 2001. – 1668 p.
- Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 1999. — 1568 p.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Ltd., 2002. – 1692 p.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 2002. – 1539 p.
- Oxford Dictionary of Slang / J. Ayto. — Oxford University Press, 2003.- 480 p.
- Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / Ed. by R.A. Dutch. — Harmondsworth: Penguin, 712 p.
- Roget's 21st century Thesaurus. – Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1992. -286 p.
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. - New York: Portland House, 1989. — 2078 p.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Предметом исследования послужила языковая представленность концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в англосаксонской лингвокультуре в его диахронном и синхронном аспектах.

Необходимо отметить, что при проведении диахронических исследований концептов выбрать единое для всех периодов имя концепта в данном языке зачастую довольно сложно, поскольку с течением времени кардинально меняет свое языковое воплощение. Поэтому при описании эволюционных трансформаций концепта представляется оправданным остановиться на имени ПУТЕШЕСТВИЕ, которое основывается на признании существования общих концептов и семантических универсалий (Вежицкая 1996) и объединяет различные исторические состояния концепта единицей метаязыка. Современный период характеризуется более четким номинативным полем и наличием имени TRAVEL.

Степень изученности концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в лингвистической науке нельзя назвать достаточно полной. Тем не менее различные аспекты ситуации путешествия нашли отражение в работах исследователей о пространственных аспектах языковой категоризации (Талму 1975; Кравченко 1996; Кубрякова 2000; Kravchenko 2001), о семантике глаголов движения в пространстве (Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина, А. Д. Кошелев, А. Анштатт, Р. И. Розина, Л. Н. Синельникова (ЛАЯ 1999)), о семантике слов путь/дорога, а также о пространственных характеристиках ограничивающих слов, таких, как 'предел', 'граница', 'начало', 'конец' (Лебедева 2000; Арутюнова 2002; Яковлева 2004; Стеценко 2004 и др.), о причинах универсальности метафоры пути и движения по пути (Лакофф, Джонсон 1980; Зализняк 1999; Рябцева 2000; Филиценко 2000; Попова 2000; Арутюнова 2002 и др.) и других работах. На основе обобщения данных работ можно сформулировать основные признаки модели движения по пути: наличие субъекта движения, направленность движения, наличие этапов пути. Важными аспектами понимания путешествия являются также синкретичность и относительность восприятия пространства и времени в путешествии, существенность позиции наблюдателя и первичность пространственных аспектов в метафоре движения по пути. Можно сказать, что все перечисленные признаки отражают область физического опыта или отношения человека с пространством. Данная модель в концепте представляет универсальный аспект его понимания и является, основанием для признания его общечеловече-

ским по своему характеру. Эта область концепта по сути не подвергается изменениям в ходе эволюции.

В ходе исследования было обнаружено, что концепт ПУТЕШЕСТВИЕ включает в себе две области освоенного человеческого опыта: физического, основанного на отношении человека с пространством, и культурного, отражающего взаимоотношения человека с его социальным окружением и специфику его пребывания в культуре.

Область освоенного культурного опыта в концепте отражает культурнодетерминированные признаки путешествия и является областью постоянной динамики. Именно эволюция культуры является фактором, определяющим диахронические трансформации в концепте ПУТЕШЕСТВИЕ. Область культурного освоенного опыта формирует изменяемую часть концепта, что подтвердилось в ходе анализа языкового материала разных исторических периодов.

Мы основываемся на разграничении фиксированного и обобщенного состояний концепта ПУТЕШЕСТВИЕ. Анализ фиксированных состояний концепта в произведениях разных временных периодов позволил выявить лексический и текстовый уровень репрезентации концепта ПУТЕШЕСТВИЕ.

В эпической поэме «Beowulf» концепт ПУТЕШЕСТВИЕ представлен широко. Лексический уровень репрезентации представлен спектром лексем из 8 языковых единиц сложной семантической структуры, которые отражают признаки концепта ПУТЕШЕСТВИЕ, релевантные для человека — *sīþ*, *wilsīþ*, *sīþfæet*, *sælād*, *eolet*, *uðlade*, *feorweg*, *wræcsīþ*. Значительную часть лексем составляют языковые единицы, включающие семантический компонент — 'связь с морем'. Концепт МОРЕ является существенным элементом культурного пространства древних германцев, что нашло отражение в тексте.

Моделирование концептосферы ПУТЕШЕСТВИЯ в исторических текстах различных временных периодов показало, что в текстах отражается связь концепта ПУТЕШЕСТВИЕ с другими концептами, характерными для отраженного в тексте времени культуры. При анализе выявленных концептов окружения ПУТЕШЕСТВИЯ обнаружилось, что они имеют четкую референцию к ключевым ценностям каждого описанного исторического периода.

Так, при анализе фиксированного состояния концепта ПУТЕШЕСТВИЕ, представленного в тексте «Beowulf» (V-VI вв.), были обнаружены референции к ценностным аспектам культуры:

Wen ic pæt gefor wlenco, nalles for wræcsīþum ac higerþrymmum Hroðgar sohton (Beowulf, 338-340): Надеюсь я, ради храбрости, не для изгнания, но для высшей доблести к Хродгару вы пришли.

В приведенном отрывке ХРАБРОСТЬ (*wlenco*) и ДОБЛЕСТЬ (*higergruttum*) противопоставлены ИЗГНАНИЮ (*for wræcsīþum*), что помещает их на противоположные полюсы социальной ценностной оси.

В следующем примере из поэмы "Beowulf" концепт СЛАВА отражает кристаллизованные общественно значимые ценности и предполагает сохранение сведений о человеке и его поступках в общественной памяти коллектива, делая их образцом, примером "правильно прожитой жизни":

pæt he fram Segimundes secgan hyrde ellendadumu uncupes sela, Wælsinges gewin, wide siðas (Beowulf, 875): Так он о храбром Сигизмунде рассказывал и его деяниях смелых, неизвестных людям, о Вэльсинга победах и долгих скитаниях.

Представленные в данном отрывке концепты ХРАБРОСТЬ (*ellendadum* — храбрые деяния), ПОБЕДА (*gewin*) как положительно маркированные качества героя прошлого позволяют понять, из чего складывалась СЛАВА героя в глазах древнегерманского общества. Наряду с военными победами, храбростью и доблестью в поле концепта СЛАВА входит опыт долгих скитаний (*wide siðas*). Таким образом, обнаружилось, что концептосфера ПУТЕШЕСТВИЕ, представленная в данном произведении, включает такие концепты, как СУДЬБА/ БОГ, ВОЙНА, МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО, ХРАБРОСТЬ, СЛАВА, ОРУЖИЕ, ИЗГНАНИЕ, что отражает героическую (воинственную) доминанту в ценностной картине мира англосаксов.

В элегии "The Seafarer" концепт представлен 5 лексемами, семантика которых выделяет наиболее существенные аспекты концепта в осмыслении человеком: отношение, оценку (отрицательную) — *bealosip*, указание на морской характер путешествия — *sæfor, flodweg*, а также метонимическое соотнесение 'пути', 'отрезка пути' с 'путешествием' — *weg, flodweg*. Доминирующими концептуальными признаками являются: а) *морской характер* путешествия; б) *страдания и трудности*, переживаемые в процессе путешествия; в) *самоценность* ПУТЕШЕСТВИЯ.

Для состояния концепта, представленного в лирической элегии "The Seafarer" (VIII вв.), характерно, что спектр сопутствующих концептов отражает изменение; ценностной доминанты в свете развивающегося христианского самосознания, включая концепты БОГ, СЛАВА БОЖЬЯ, но все же наиболее существенный концепт данной концептосферы — СТРАДАНИЕ:

Mæg ic be me sylfum soðgied wrecan, siþas secgan, hu ic geswincdagum earfoðhwile of prowade (The Seafarer, 1-4): Могу я о себе самом правдивый рассказ поведать, о скитаниях рассказать, в которых я многодневные трудности часто испытывал.

Концепт МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО не входит здесь в число центральных концептов целеполагания путешествия, являясь концептом, подвергшимся общественному переосмыслению:

ne mæg bære sawle be biþ synna ful gold to geoce for godes egsaru, þonne he hit ær hydeð penden he her leofað (The Seafarer, 97-102): не в золоте спасение от грозы господней, не в казне земной, что она скопила.

В тексте можно наблюдать проявление устойчивых антиномичных отношений концептов ДОМ/ РОДНАЯ ЗЕМЛЯ — ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ:

Forþon cnyssað nu geþohtas, þæt ic hean streamas, sealtyfca gelac sylf cunige; monað modes lust mæla gehwylce ferð to feran, þæt ic feor heonan elþeodigra eard gesece (The Seafarer, 33-35): Но побеждено сейчас сердце разумом, чтобы я с высокими водными потоками, солеными волнами сам боролся. Постоянно ум желает побуждать душу пуститься в путь, чтобы я вдаль отправился в чужие страны.

Данная антиномия подчеркивает значимость ПУТЕШЕСТВИЯ как развивающегося средства межкультурной коммуникации, как некоей мысленной линии, связывающей "свое" и "чужое" культурное пространство. Рассмотрение концептов в антиномичных отношениях, как отмечено исследователями (Вежбицкая 1996, Малинович 2002, 2005), раскрывает наиболее релевантные сущностные стороны противопоставляемых концептов, их отношения друг с другом и их место в системе концептов языкового коллектива.

Образ 'человека путешествующего' в элегии отличается от образа, представленного в поэме "Beowulf", где это воин, дружинник, храбрец, герой. В элегии "The Seafarer" 'человек путешествующий' — это страдалец, человек, осознавший глубину религиозного порыва и готовый к подвигам во имя Небесного отца. Отрицательно маркированный концепт ИЗГОИ здесь несколько видоизменяется и прежде всего под действием новых социальных оценочных установок, принимая другую форму — положительно маркированного концепта СТРАДАЛЬЦА. Происходит смена аксиологического полюса концепта с "минуса" на "плюс", поскольку страдалец "вписывается" в новую систему ценностей, что формирует, по сути, новый концепт ценностной картины мира.

Составленная концептосфера ПУТЕШЕСТВИЯ, или система элементов семиотического окружения ПУТЕШЕСТВИЯ, представленная в тексте, отражает следующие отношения: в центре целеполагания ПУТЕШЕСТВИЯ располагается концепт БОГ и отношения человека и Бога, что определяет все другие его компоненты; существенным концептом является концепт СТРАДАНИЕ: образ 'человека путешествующего' в данном тексте репрезентирован образом странника-страдальца: концепт ДОМ также актуализирует свою ориентирующую функцию для концепта ПУТЕШЕСТВИЕ. Концепт МОРЕ является средой проистекания ПУТЕШЕСТВИЯ, а *морской характер пу-*

тешествия относится к ключевым признакам концепта. МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО уже не входит в число центральных ценностных детерминант сферы целеполагания концепта ПУТЕШЕСТВИЕ.

В тексте ярко выражено метафорическое осмысление концепта ПУТЕШЕСТВИЕ как жизненного пути, что обусловлено установлением христианской системы ценностей в англосаксонском обществе в качестве этнокультурной доминанты, определяющей общественное сознание.

В поэме Дж. Чосера "The Canterbury Tales" концепт ПУТЕШЕСТВИЕ представлен 6 собственными лексемами — именами существительными: viage, herber-geouns, pilgrimage, wandring, chivachye, journee, которые отражают типы путешествий, выделяемые человеком в средние века и характеризующие культурную ситуацию в Англии XIV века. Кроме того, концепт репрезентирован глаголами gyde(n, gy-den out, wende, be, saile, go в значении 'путешествовать', что свидетельствует об отсутствии отдельной лексемы со значением 'путешествовать'. Спектр лексем-репрезентантов, использованных в данном тексте, в корне отличается от набора лексем, репрезентирующих концепт в древнеанглийский период, прежде всего потому, что лексический строй английского языка подвергся активному воздействию со стороны французского языка.

В концептосфере ПУТЕШЕСТВИЯ поэмы отразился расцвет христианской религиозной доминанты в англосаксонской культуре, а также социальные процессы, характерные для Англии XIV в., выразившись в таких концептах окружения, как: БОГ, ВОЙНА, РЫЦАРСТВО, ТОРГОВЛЯ, ЗНАНИЯ, ПИРАТСТВО. Отражением взаимосвязанности концептов ПУТЕШЕСТВИЕ и БОГ стало появление в общественном сознании образа "божественного путешествия", когда вся жизнь человека должна быть продиктована его стремлением к Богу. Мотив "божественного путешествия" пронизывает религиозное сознание и ценностные установки англичан и времени Чосера. Это проявилось в расцвете движения паломничества и появлении концепта ПАЛОМНИЧЕСТВО, который и явился основой сюжетной канвы поэмы:

Than longen folk to goon on pilgrimages
(And palmers for to seken straunge strondes)
To feme halwes, couthe in sondry londes;
And specially, from every shires ende
Of Engelond, to Caunterbury they wende,
The holy blisful martir for to seke,

That hem hath holpen. whan that they were seke (CT, The Prologue, 12 -18):

"Тогда много народу отправлялось в паломничество, и паломники стремились в чужие берега к святым мощам, хорошо известным в разных зем-

лях. И особенно из далеких концов Англии они шли в Кентербери, чтобы прийти к святым, которые помогали им, когда они были больны."

В данном отрывке мы видим актуализацию одного из признаков концепта ПАЛОМНИЧЕСТВО — *массовость* данного вида путешествия: много людей (longen folk) хотели совершить подобное путешествие, приезжая из разных уголков Англии (from every shires ende of Engelond). Кроме того, здесь видны и некоторые мотивы путешественников: получить помощь святых в слабостях и болезнях, ведь паломничества для исцеления были очень распространены. Но все же основным мотивом паломников было получение Божьей милости, его благосклонности, что считалось показателем "правильности" жизни:

Ye goon to Caunterbury; God vow spede. The blisful martir quyte yow your mede (СТ, The Prologue, 69-70). "Вы идете в Кентербери, Бог пусть пошлет успех, а святые воздадут вам похвалу".

Кроме того, в тексте проявляют себя и другие частные концепты: ВОЙНА ЗА ВЕРУ, ТОРГОВАЯ ПОЕЗДКА, ПОЕЗДКА ВЕРХОМ, ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДЕЛАМ, ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ и др., репрезентированные в тексте поэмы, свидетельствуют о направлениях эволюции концепта и о его растущей социокультурной значимости.

Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ в произведении J. Swift "Gulliver's Travels" репрезентирован 10 основными лексемами — voyage, sea voyage, journey, travels, travelling, sail, expedition, trip, escape, exile. Кроме этого, концепт представлен также лексемами sea-affairs, adventures, colonization, а также рядом метафор. Лексем-репрезентанты концепта, использованные в тексте (travels, travelling, journey, voyage, sail, escape, expedition), входят в спектр лексем, репрезентирующих современное состояние концепта.

В концептосфере ПУТЕШЕСТВИЯ в новелле Дж. Свифта "Gulliver's Travels" нашли отражение особенности путешествий, характерные для Англии XVIII века, выразившиеся в таких концептах окружения, как: УДАЧА, ОПАСНОСТЬ, МОРЕ, ПИРАТЫ, ДОМ, ТОРГОВЛЯ, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ, НАУКА. Например:

My Father now and then sending me small Sums of money, I laid them out in Learning Navigation, and other Parts of Mathematics, useful to those who intend to travel (Swift, 21).

Как видно, особая роль приобретения знаний и наук для успешного осуществления путешествий была осознана человеком в полной мере: знание навигации, математики, географии считается автором необходимым качеством настоящего путешественника.

Концепт ДОМ обнаружил свою стабильность и постоянство в характере отношений с концептом ПУТЕШЕСТВИЕ, что было отмечено в предыдущих разделах. Он не меняет своей стабильной позиции

являться для концепта ПУТЕШЕСТВИЕ своеобразной осью координат, исходной точкой отсчета.

Антиномичный концепту ДОМ концепт НЕ-ДОМ подразумевает актуализацию "чужого" культурного пространства — ДРУГИЕ СТРАНЫ (OTHER COUNTRIES) и широко лексически репрезентируется в тексте с помощью многочисленных номинаций: *foreign lands, remote nations, foreign countries, all the countries I had travelled, lands, other places, the remotest part, distant countries, remote part, foreign places, desolate place, other countries, the world*. Высокая номинативная плотность данного концепта, отраженного в тексте, говорит о важности его в культуре и о пристальном внимании человека к другим культурам, которое отражало усиливающийся социальный императив познания мира. Данные выражения используются для актуализации мотивации к путешествиям, выраженной метафорой "жажда путешествий":

my *insatiable Desire of seeing foreign Countries* would suffer me to continue no longer (Swift).

Исследование концепта ПУТЕШЕСТВИЕ с опорой не только на уровень его лексической репрезентации, но и на его текстовую представленность дает возможность выявить разные показатели эволюционного развития концепта. Например, тексты "Беовульф" и "Морестранник", относящиеся к единому периоду древнеанглийского языка, все же не позволяют отнести представленный в них концепт к единому состоянию, а спектр лексической представленности в данных текстах не всегда отражает изменения, происходящие в ценностной картине мира. Рассмотрение концепта в тексте, погруженном во время культуры, позволяет вскрыть концептуальное окружение и обнаружить референцию к ценностным аспектам культуры, что может дать более полное представление о состоянии концепта.

Лексическая представленность концепта выражена спектрами различных лексем-репрезентантов, показывающими изменения лексического строя английского языка и их зависимость от изменений в англосаксонской культуре.

В процессе исследования выяснилось, что для всех состояний концепта характерна особая роль концепта ДОМ для понимания концепта ПУТЕШЕСТВИЕ: он "встроен" в его культурнообусловленную модель, то есть играет роль культурнодетерминированного ориентира ПУТЕШЕСТВИЯ, как в данном фрагменте:

That each of yow, to shorte with your weye, In this viage, shaf telle tales tweye,
To Caunterburv-ward. I mene it so, And hom-ward he shal tallen othere two ...
(The Canterbury Ties, The Prologue, 792): ...и каждый из вас, чтобы скоротать путь, во время путешествия расскажет две истории на пути в Кентербери, и по дороге домой другие две.

Факт включенности (встроенности) концепта ДОМ в культурнообусловленную модель ПУТЕШЕСТВИЯ, который является своеобразной концептуальной константой, относится к сфере культурного освоенного опыта человека, Концепт ДОМ — это феномен культуры, он имеет архетипическую природу и основан на разделении пространства на "свое" и "чужое". Таким образом, путешествие есть действие, направленное на познание (стремление к познанию) "не-своего" (чужого) пространства. ДОМ — важнейшее ближайшее "свое" пространство человека. ДОМ в рамках культурной модели ПУТЕШЕСТВИЯ может предполагать соотнесение его с другим видом "своего" пространства — страной, что может быть выражено "концептами СТРАНА/ РОДНАЯ ЗЕМЛЯ. Антиномичным концептом для концептов ДОМ/СТРАНА является концепт НЕ-ДОМ, который соотносится с такими концептами, как ДРУГИЕ СТРАНЫ, МИР и т. д.

К константным элементам семиотического окружения концепта ПУТЕШЕСТВИЕ можно отнести концепт ОПАСНОСТЬ.

Характер относительного непостоянства отношений с концептом ПУТЕШЕСТВИЕ в рамках культурного пространства, отраженного в текстах, проявился у концептов СТРАДАНИЯ, ВОЙНА, БОГ, ИЗГНАНИЕ, СЛАВА, СУДЬБА, УДАЧА, РЫЦАРСТВО, ТОРГОВЛЯ, ПИРАТСТВО, БОГАТСТВО, ПОЗНАНИЕ, НАУКА.

Все эти концепты отражают этапы развития англосаксонского общества, поскольку они представляли особую значимость для концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в определенное время культуры, что нашло отражение в текстах.

Современное состояние концепта характеризуется широкой лексической представленностью (было выделено 87 лексем-репрезентантов, которые мы разделили на группы) и довольно интенсивной динамикой. Выделение групп было основано на актуализации какого-либо общего семантического признака, отражающего релевантный для человека аспект осмысления концепта ПУТЕШЕСТВИЕ: LAND TRAVEL — itinerancy, riding, driving, coaching, motoring, cycling, airing, progress, constitutional, course, passage, march, run, conveyance, heel-and-toe;

WATER-TRAVEL- crossing, sea-faring, sea service, coasting, gutter crawling boating, canoeing, kayaking, rafting, voyage, cruise, sail, steam, circumnavigation, pe-riplus, breath of sea air, refreshment way, steerage way, sternway, seaway motion;

AIR-TRAVEL- flight, hop, air transport, aircraft;

SPACE TRAVEL- space-craft, space flight, holidays in space;

ACT OF TRAVELLING- journey, travel, trip, walk, jaunt, expedition, excursion, safari, trek, tour, business trip, errand, duty, drive, walk, outing,

ramble, promenade, pilgrimage, rove, joy-ride, stroll, saunter, hike, (crusade);

WANDERING — wandering, errantry, wanderlust, nomadism, vagrancy, vagabondage, no fixed address, roving, rambling, peregrination, waltzing Matilda; MIGRATION — migration, emigration, exile, banishment, escape;

ACTIVITY — travelling, wayfaring, glob-trotting;

TOURISM- tourism.

Выделение данных групп является условным и неокончательным, поскольку границы концепта диффузны и нечетки, а сам концепт TRAVEL подвержен постоянной динамике, что на современном этапе проявляется особенно интенсивно. Развитие человеческой цивилизации дает все новые и новые возможности для совершенствования культуры путешествий, что ведет к появлению новых концептов, как, например, концепта SPACE TOURIST (КОСМИЧЕСКИЙ ТУРИСТ):

In 2001, a rich American man called Dennis Tito had the first *holidays in space*. For 20 million dollars he got a *ride* to the International Space Station. <...> Some companies plan to sell *holidays in space*. They will take *tourists* about a hundred kilometres up *into space* and fly them around the earth. One of these companies, Bristol Spaceplanes Ltd., is planning three kinds of spaceship. The largest of the three, the Spacebus, will carry *tourists* for about 10,000 dollars per person (Davies).

Активное освоение космического пространства и дальнейшее развитие культуры путешествий, очевидно, приведут к тому, что в скором будущем космос станет еще одной сферой пространства, освоенной человеком для регулярных путешествий.

Динамичность обновления различных аспектов концепта TRAVEL можно проследить также на примере лексемы *safari*. Название данного вида 'путешествия с целью охоты' пришло из языка суахили. В словарях 1958, 1976 и даже 1987 г. данная лексема означала *Путешествие* в основном, по африканской саванне с целью 'охоты на диких животных' (WNCD 1958, CED 1976, OADCE 1987). Сокращение численности диких животных, появление единой мировой экологической политики, направленной на защиту окружающей среды, а главное — переоценка человеческим обществом норм в его отношении к природе привели к изменению сути самого явления. Согласно толковым словарям, выпущенным за последние несколько лет, отношение общества к охоте на диких животных изменилось. В словаре 1991 года значение лексемы *safari* подразумевает, помимо 'путешествия с целью охоты', также и компонент 'наблюдение за животными в дикой природе': an expedition for hunting or observing wild animals, esp. in East Africa (CCELD). Современное понимание лексемы отражает дальнейшее переосмысление и переоценку данного

явления, о чем свидетельствует его современное толкование: *safari* (n) a trip through countryside in Africa, that you go on to watch wild animals (LDCE 2001). Данный вид путешествий популярен сегодня прежде всего как вид туристической поездки:

They spent their vacation on *safari* in Kenya (LDCE 2001).

Интересно, что данный семантический сдвиг определил значение и других смежных лексем, например, *safari park* (n) an enclosed area of land where wild animals are kept, so that people can drive round and look at them (LDCE 2001).

Таким образом, цели путешествий как один из существенных аспектов их осмысления не статичны, они 'подвергаются пересмотру' и 'корректируются' согласно появляющимся новым нормам и требованиям общества. В связи с этим добавим, что для быстро меняющегося и находящегося в тесной связи с социокультурным прогрессом концепта TRAVEL будет перспективным ракурс исследования, предполагающий анализ его отдельных микроэволюций, поскольку изменяемая (культурно-обусловленная) часть концепта подвержена постоянным "поправкам".

Существенные аспекты современного состояния концепта TRAVEL были выявлены в результате изучения специализированной рубрики о путешествиях в современных периодических изданиях. Концептосфера TRAVEL-рубрики современной англоязычной газеты высвечивает дифференциацию путешествий по признаку "деловые" и "развлекательные" на основе концептов BUSINESS и LEISURE. В рамках исследуемого современного дискурса раздела TRAVEL в англоязычных газетах были выделены различные номинации человека путешествующего, основанные на данном признаке разделения путешествий: TRAVELERS — BUSINESS TRAVELERS (frequent travelers, frequent fliers) – LEISURE TRAVELERS (vacation travelers, tourists).

Использование нескольких номинаций для обозначения путешествующего человека говорит о релевантности выделяемого признака. В зависимости от характера своей поездки (деловая, развлекательная) собирающийся в путь человек акцентирует внимание на разных аспектах путешествия и ищет ответы на волнующие его вопросы.

Одним из наиболее существенных элементов концептосферы ПУТЕШЕСТВИЯ и одновременно важнейшим концептом TRAVEL современного этапа эволюции путешествий является концепт TOURISM, отражающий специфику и многообразие современной культуры путешествий и представляющий общественное явление, зародившееся именно в англосаксонской культуре в начале XIX века.

Таким образом, моделирование концептосферы TRAVEL в пределах текста и дискурса отражает признаки динамики ценностных доминант англосаксонского культурного сообщества. Образ 'человека путешествующего' динамичен, он меняется вместе с запросами общества и развитием культуры.

Концепт TRAVEL предполагает также включенность такого константного компонента, как концептуальная область TRAVEL DIFFICULTIES, которая выражена концептами DIFFICULTY, DANGER. Данный признак является характерным для всех исследованных состояний концепта, что подтверждается анализом лексических и текстовых репрезентаций, а также этимологическим анализом ключевых лексем-репрезентантов концепта TRAVEL. Несмотря на интенсивное развитие современной культуры путешествий (развитой транспортной системы и системы гостеприимства, туристической инфраструктуры, использования современных технологий в организации путешествий и т.д.), концептуальная область TRAVEL DIFFICULTIES не стала менее значимой по сравнению с прошлыми состояниями концепта. Концептуальное воплощение области TRAVEL DIFFICULTIES изменяется, трансформируясь вместе с развитием общества, воплощаясь в других концептах. Если в XVIII веке основной опасностью путешествий были STORMS и PIRATES, то для человека XXI века опасность путешествий актуализируется другими концептами, например, концептом TERRORISM. Без сомнения можно утверждать, что террористическая атака 11 сентября 2001 стала тем событием, которое повлияло на концепт TRAVEL сразу и радикально. Появление концепта SEPTEMBER 11 поделило все на 'до' и 'после', в том числе в мире путешествий:

Passenger traffic has increased but is still well down compared with the levels of pre-September 11 (FT, October 13, 2003).

Революционные перемены, произошедшие в сознании путешественников и организаторов путешествий, существенным образом влияют на дальнейшее развитие культуры путешествий:

Now travelers have to contend with *terrorist threats, new security measures and concomitant frustration. Fear of flying* has taken on a new and somber dimension (ИИТ, October 12, 2001).

Страх полетов, неудобства при досмотре, вызванные усилением мер безопасности, снижение интенсивности поездок, изменившаяся система отслеживания пассажиров и их личных сведений — вот лишь немногие последствия одного события.

К некоторым современным концептам семиотического окружения, выявленным в результате исследования специализированной рубрики газеты, можно отнести концепты TIME, NOVELTY, SAFETY, а также концепт INFORMATION:

United Airlines claims that it will be the first carrier to offer *two-way e-mail aboard* all its domestic flights. Passengers will soon be able to plug their laptops into jacks on handsets, which will enable them to *send and receive e-mails*. <...> Lufthansa has announced that it will make broadband Internet access available starting in 2004 on its fleet of about 80 long-haul Boeing 747-400s and Airbus A-330 and A-340 aircraft (ИТ, July 4⁵ 2003).

Данный фрагмент показывает, что доступ к источникам информации имеет особое значение в современном обществе. ИНФОРМАЦИЯ в жизни современного человека играет исключительную роль и является безусловной ценностью. Поэтому возможность использования во время путешествий технических средств и средств связи, позволяющих соединиться с мировой сетью Интернет для получения информации, а также для осуществления заказов на определенные услуги, становится все более значительным фактором в организации путешествий.

Анализ метафорической представленности концепта TRAVEL показал, что, являясь концептом высокой метафорической диффузности, он представляет собой эмпирический базовый гештальт, или базовый концепт, на основе которого происходит осмысление многих других концептов LIFE, LOVE, READING, CAREER, THINKING и др.

The idea behind the website is that, like exploring a maze, reading is a journey with possibilities for adventure, discovery and variety of routes. Children are engaged by the game format and the exciting new ways in which writers and their books are introduced to them. Take a reading voyage across the magical world of books (Enter the Maze).

Необходимо отметить, что основой метафоризации является не только область физического опыта человека и его отношений с пространством, то есть модель целенаправленного движения по пути, но и аспекты культурнообусловленной модели путешествия, закрепленные в общественном сознании и отражающие признаки эволюционного развития концепта:

Over the years, I have discovered life is a journey, a pilgrimage, a sacred adventure. Within everyone's inner solitude, there is that bright and warm hearth where the spirit dwells waiting to be roused (Whynott).

Различные аспекты концепта TRAVEL метафоризируются на основе концептуальных областей и базовых концептов, таких, как материальный объект, живое существо и контейнер:

On Saturday, February 11, 1989, a group of twelve cavers from Frederock Grotto were on a sport trip through Paxton's Cave in Virginia, Approximately one hour into the trip the group was looking for the proper route in a breakdown area (NSS News, 335).

В данном примере лексема *trip* также употреблена с предлогом *into*, что показывает концептуализацию процесса путешествия как некоего вместилища, которое может быть измерено единицами вре-

мени — днями, часами, минутами и т.д. "Продвижение, углубление внутрь путешествия" соотносится с углублением внутрь вместилища. Причем данная метафора рассмотрения путешествия как вместилища может содержать указание и на тот путь, дистанцию, которая была пройдена за указанное время. Но пространственные параметры измерения пройденного пути нередко оказываются менее релевантны и часто не актуализируются в контексте, например, в случаях, когда в рассматриваемом путешествии более существенным (актуальным) является его событийная наполненность или его временной аспект.

Важным представляется, на наш взгляд, то, что концепт TRAVEL является областью-источником для внутренней метафоризации некоторых собственных аспектов, что мы назвали вторичной внутриконцептуальной метафоризацией. Как видно из примеров, это выражается в использовании элементов ситуации путешествия в осмыслении ее других аспектов:

We set sail from Portsmouth upon the Second day of August, 1719 (Swift).

Метафора *set sail* "поставить, установить парус", безусловно, может употребляться и в буквальном значении "устанавливать парус на мачте, поднимать парус", но в данном случае очевидно метафорическое употребление выражения "пустить в путь, отправиться в плавание, отплыть", что подтверждает словарь идиом (САИ 1994: 182), а также сочетаемость данного выражения с предлогом *from*; такой контекст едва ли возможен при употреблении в буквальном значении. Таким образом, в данном случае выражение имеет значение "отплыть из Портсмута". Это является, на наш взгляд, примером вторичной метафоризации (внутриконцептуальной метафоризации).

Итак, современное (обобщенное) состояние концепта TRAVEL характеризуется широким спектром его лексической представленности, или номинативной плотности концепта, и высокой метафорической диффузностью, что говорит о его социокультурной релевантности. Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ в англоязычной культуре отличается высокой чувствительностью к эволюционным изменениям культуры и динамичностью, поэтому изучение данного концепта продолжает оставаться актуальным.

Литература

Боброва Е.А. "Путешествие" как концепт и его репрезентация в мифологии и фольклоре Британии // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы VII Международной науч.-практ. конф., Иркутск, 24-27 июня 2002г. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. — С.56-58.

Боброва Е.А. Особенности дискурса туристической тематики в современном английском языке (на материале газеты "Financial Times") // Фи-

пология. История. Межкультурная коммуникация: Тезисы докладов Региональной конференции молодых ученых (Иркутск, 19-21 марта 2002 г.) — Иркутск: ИГЛУ, 2002. — С.12-15.

Боброва Е.А. К вопросу об изучении внутренней формы слова как способа реконструкции глубинного содержания концепта (на примере концепта TRAVEL в английском языке) // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы IX Международной науч.-практ. конф., Иркутск, 18-19 июня 2004г. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. — С. 67-73.

Боброва Е.А. Эволюция концепта как объект лингвистического и лингвокультурологического исследования //Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы X Международной науч.-практ. конф., Иркутск, 14-18 июня 2005г. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. — С.145-152.

Боброва Е.А. Система смежных концептов как элемент текстовой репрезентации концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в поэме "Beowulf // Концепт и культура: Материалы II Международной научной конференции (Кемерово, 30-31 марта, 2006г.) — Прокопьевск: Полиграф-Центр. — С. 277-289.

Боброва Е.А. Метафоризация целенаправленных процессов через домен-источник ПУТЕШЕСТВИЕ // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы XI Международной науч.-практ. конф., Иркутск, 13-18 июня 2006г. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006.- С.32-38.

Боброва Е.А. О выделении группы лексем-репрезентантов концепта TRAVEL в современном английском языке // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. — №2 (47). — С. 116-119.

Боброва Е.А. Опыт лингвистического исследования эволюции концепта *путешествие* в англоязычной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.

**Т.Ю. Сазонова, Е.А. Стародубцева
(Курск)**

ПУТЕШЕСТВИЕ

Концепты являются основными содержательными единицами памяти, всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике [Панкина 2002]. «Когнитивный взгляд на природу естественного языка заставляет признать не только сам факт ментальной репрезентации мира и сознания человека, но и факт упорядоченности этой репрезентации, наличия в ней организующих принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов, содержательных единиц сознания» [Кубрякова 1997: 164–165].

Концепт рассматривается как *единица мышления*, обладающая отдельным целостным содержанием и реально *не распадающаяся на более мелкие элементы*. Это «познавательная пси-

хическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» [Холодная 1983: 23]. Концепты могут иметь языковое выражение, а могут его и не иметь. Очень многие концепты не имеют системных языковых средств выражения, так как они обслуживают сферу индивидуального мышления, где без них невозможно мыслить, но далеко не все они предназначены для обсуждения. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт – глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты формируются из непосредственного сенсорного опыта человека – восприятия действительности органами чувств; из непосредственных операций человека с предметами; из его предметной деятельности; из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами; из языкового общения; из самостоятельного познания значений языковых единиц, усваиваемых человеком [Попова, Стернин 2001: 68-69]. По мнению В.И. Карасика, концепт выступает как многомерное культурнозначимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме [Карасик 1997: 156].

В работе К. Харди указывается, что концепты имеют расплывчатые границы, и склонны к модификации. Концепты – это не просто пассивные инструменты, используемые сознанием, а составляющие процессов порождения значений, интегрированные в динамические процессы мышления, активно стимулирующие новые связи, ассоциации и организации [Hardy 1998]. Концепты связаны между собой определенными отношениями и в совокупности формируют более крупные структуры знания. Под когнитивными структурами подразумеваются области, используемые для объединения информации той или иной разновидности, образующие иерархическую систему и содержащие информацию различной степени обобщенности. Такие структуры организованы вокруг некоторых концептов и фиксируют прототипическое, социально и культурно обусловленное знание о предметах, людях, действиях, событиях, понятиях. Для обозначения таких схематизаций опыта исследователями используются разные термины: «ментальные модели» (Ф. Джонсон-Лэрд), «схемы» (Д. Рамелхарт, F.C. Bartlett), «фреймы» (М. Минский, Т.А. ван Дейк и У. Кинч), «сценарии» (Р. Шенк, Р. Абельсон, А. Вежбицкая). Все эти модели во многом схожи: они являются носителями ментальной репрезентации и, как любая структура, состоят из единиц и связей между ними.

Исследование выполнено в рамках лингво-когнитивного моделирования, современного направления в языкознании, которое включает в развитие теории языка данные нейролингвистических исследований, исследований искусственного интеллекта, лингвистические данные. Оно предполагает моделирование структур индивидуального знания и доступа к этим структурам посредством языка или данных, полученных от носителей языка, языка в любом проявлении [Сазонова 2000, 2008]. Лингво-когнитивное моделирование, с одной стороны, служит теоретической базой для развития экспериментальных исследований, а, с другой стороны, результаты исследований помогают развивать теорию. В статье принцип лингво-когнитивного моделирования проиллюстрирован результатами исследования функционирования культурных схем «Путешествие»/«Travel» в дискурсе русских и американских информантов.

В настоящем исследовании используется термин «схема», как наиболее удачный для обозначения любых форматов представления знания. Схема имеет более общий характер, а фреймы, скрипты и сценарии – это ее частные разновидности. Схемы есть концептуальные абстракции, которые служат основой для всех человеческих информационных процессов, например восприятия и понимания, категоризации и планирования, разрешения проблем и принятия решений [Hutchins 1980]. Отличительной чертой схем является то, что они представляют собой связанные конструкции когнитивной структуры памяти, собирающей, хранящей поступающую информацию, а также активно участвующей в ее обработке. Схема является универсальной единицей анализа, так как она представляет собой не только структуру организации знания, но и функциональную, участвующую в речепроизводстве структуру.

Теория схем применяется в различных исследованиях, так как она носит междисциплинарный характер и изучает знание, язык и культуру. Согласно этой теории, схемы сами по себе являются когнитивными структурами, детерминированными культурным опытом и имеющими языковое выражение, поэтому теория схем является важным инструментом в исследовании когнитивных процессов, которые лежат в основе дискурса и могут исследоваться через него. Так, например, в культурологических исследованиях, Дж. Палмер определяет схему как органическую абстракцию, относящую концептуализацию к какой-либо категории и представляющую собой проекцию в сознание. Культурная схема, по его мнению, – это концептуальная обобщенная когнитивная структура, собирающая информацию и хранящая знания о куль-

туре и интерпретирующая культурный опыт [Palmer 1996: 66]. По Э. Хатчинсу, схемы – это обусловленные культурой структуры знаний, которые облегчают нам понимание реальности и логические выводы [Hutchins 1980].

Понятие «культурная схема» использовалось для объяснения различия или сходства в сравнении дискурсов культур. Например, в работах [Rice 1980] анализируется нарративный дискурс эскимосов и американцев. Адаптировав эскимосский рассказ к американской культуре, автор получила точное воспроизведение событий рассказа реципиентами. Н. Квинн исследовала культурные схемы, лежащие в основе концепта «брака» [Quinn 1997]. Ф. Шарифиан проводил исследование дискурса английского языка аборигенов, проживающих в западной части Австралии, и выделил набор схем, характерных для культуры аборигенов и проявляющихся в нарративном дискурсе [Sharifian 2001]. В нашем исследовании было произведено сравнение функционирования и наполнения культурных схем «Путешествие»/«Travel» в сознании носителей русского и английского языков.

Методика эксперимента была разработана на основе наиболее часто выделяемых в литературе характеристик схем, основной из которых является то, что они представляют собой комплексные структуры, конструируемые из элементарных объектов, то есть концептов, действий и связей. Эту характеристику мы учитывали прежде других при разработке методики эксперимента. Чтобы рассмотреть активацию схем, нужно было определить лексические единицы, соотносимые с их активацией. Поскольку схемы имеют ассоциативную природу, было решено использовать свободный ассоциативный эксперимент для выявления единиц, ассоциируемых с ПУТЕШЕСТВИЕМ/TRAVEL, и связей, соединяющих эти единицы.

Следующей важной характеристикой схем является то, что они могут «свертываться» и занимать место элемента в схемах более высокого порядка и, наоборот, «разворачиваться» в самостоятельные схемы. Возможность свернутых подсхем выступать в качестве опорных элементов может быть исследована при помощи методики индексирования (выделения ключевых слов текста). Определение опорных элементов схемы позволяет нам говорить о базовых подсхемах.

Будучи универсальной когницией, схема проявляется в различных видах речевой деятельности, а ее динамическая природа позволяет создать различные экспериментальные условия для выявления ее функционирования. Изучение культурной специфики функционирования схем возможно при анализе более развер-

нутаго дискурса, поскольку схемы, помимо неделимых подсхем, содержат слоты (переменные), предназначенные для того, чтобы быть заполненными специальными элементами ситуации, которая репрезентирована этой схемой.

Рассмотрение функционирования схем происходило на примере культурных схем «Путешествие»/«Travel», так как путешествия всегда играли важную роль в жизни человека, помогая познакомиться с другими культурами, являясь неотъемлемой частью развития, расширяя кругозор. Наличие схемы «Путешествие» в любом лингвокультурном сообществе очевидно, но из-за несовпадения некоторых культурных явлений наполнение схем различается.

Концепту «путешествие» уделяется внимание в диссертационном исследовании Лю Цзюань, в котором автор рассматривает лингвокультурный концепт как сложное ментальное образование сценарного типа [Лю Цзюань 2004]. Мы опирались на некоторые достижения работы Лю Цзюань, например, при разработке методики эксперимента и при подборе текста мы основывались на выявленных автором компонентах лингвокультурного концепта, а также использовали результаты работы с различными словарями и текстами художественной литературы. Но мы рассматриваем схемы «Путешествие»/«Travel», предполагая, что одноименный концепт является частью подсхемы: это базовая единица, так как концепты в настоящей работе понимаются как те кирпичики, которые связаны между собой определенными отношениями и в совокупности формируют более крупные структуры знания.

Экспериментальное исследование проводилось с использованием комплексной методики, включившей в себя психолингвистические и лингвистические методы, поскольку учитывались недоступность структур знания для непосредственного наблюдения и возможность изучать их через знаки языка.

Материалом послужили результаты двух этапов эксперимента, в котором приняли участие 80 информантов русского языка (пилотажный и основной этапы эксперимента) и 40 англоязычных информантов (основной этап эксперимента), а также данные Интерактивного ассоциативного тезауруса английского языка The Edinburgh Associative Thesaurus (пилотажный этап эксперимента). Анализу также были подвергнуты транскрипты предварительно записанных на диктофон рассказов о воображаемом путешествии на остров на английском и русском языках.

Эксперимент проводился в два этапа: пилотажный и основной. Целью пилотажного эксперимента было определить опорные элементы схем «Путешествие»/«Travel» и охарактеризовать их

лексико-семантические способы выражения в языке. Ведущей методикой пилотажного этапа стал свободный ассоциативный эксперимент и метод индексирования (выделение ключевых слов текста). На основном этапе эксперимента проводился анализ текстов на предмет экспликации схем.

1. Пилотажный этап эксперимента

Опорные элементы определялись следующим образом: сначала были проанализированы словарные дефиниции стимулов ПУТЕШЕСТВИЕ и TRAVEL по различным толковым словарям, проведен ассоциативный эксперимент с этими же словами-стимулами и определены частотные реакции. С помощью методики свободного ассоциативного эксперимента были установлены системы связей слов-стимулов ПУТЕШЕСТВИЕ и TRAVEL, так как ассоциативные реакции отражают связь с близкой стимулу единицей лексикона, а ассоциативное поле дает более или менее полную картину разложения слова-стимула на элементы, активируемые им в сознании реципиента [Залевская 2005].

Изучив информацию о словах «путешествие» и «travel», содержащуюся в некоторых толковых словарях [Даль 1955; Ожегов 1990; Ушаков 2000; Большой толковый словарь 1998; Oxford English Dictionary 2004; Macmillan English dictionary 2006; Collins English Dictionary 2007], мы сопоставили ее с результатами свободного ассоциативного эксперимента с русскими испытуемыми и с реакциями, полученными на сайте Интерактивного ассоциативного тезауруса английского языка EAT [www.eat.rl.ac.uk]. Оказалось, что частотными реакциями стали слова *дальняя дорога* и *поездка*, а показания четырех использованных словарей совпадают в следующем значении: путешествие – ‘это поездка или передвижение’. Достаточно актуальным для русских информантов стало значение «отдых» (ПУТЕШЕСТВИЕ – *отдых, расслабление, каникулы, никакой учебы*). Ассоциаций, схожих со значением ‘странствия’, в анкетах русских испытуемых в процессе ассоциативного эксперимента не встретилось.

Лексикосемантические варианты слова «travel» совпадают или близки по значению некоторым результатам, полученным на сайте тезауруса EAT, например: ‘a journey to a distant or unfamiliar place/ to go on a journey or visit different places, especially places that are very far away from where you live’ – *far, journey* (EAT). Распространенной реакцией стало слово *agency*, которое не встретилось среди словарных дефиниций, но могло быть вызвано английским словосочетанием *travel-agency*, так как в ходе ассоциативного эксперимента реализуются также разнообразные сочетательные потенции исходных слов, поскольку совокупность исход-

ного слова и ассоциата может представлять собой свободное или в большей или в меньшей мере связанное словосочетание [Залевская 2005].

Для того чтобы проверить, действительно ли полученные частотные реакции выступают опорными элементами схем, на следующем этапе пилотажного эксперимента частотные реакции *отдых, дальняя дорога, поездка, средства передвижения, компания, лето, новые впечатления, воспоминание* – для русских информантов – и *journey, far, go, agency, holiday, air, money, abroad, fun, vacation* – для носителей английского языка – использовались в качестве слов-стимулов в еще одном ассоциативном эксперименте. В основу изучения ассоциативных полей легла процедура анализа интегративного поля данных, разработанная Т.Ю. Сазоновой [2000]. Интегративные поля слов характеризуются наличием широкой сети взаимосвязей, устанавливаемых между словом и ассоциацией, а также между самими ассоциативными реакциями. Мы условно поделили ассоциативные поля слов на секторы, где каждый сектор представляет собой отдельную ситуацию, которая не остается изолированной, а находится во взаимосвязи с другими ситуациями данного ассоциативного поля.

Ассоциативные поля вышеперечисленных слов в большинстве случаев совпадают с интегративными полями слов ПУТЕШЕСТВИЕ и TRAVEL. Каждый из вышеперечисленных стимулов в отдельности раскрыл фрагмент целой ситуации, закодированной схемой. Реакции, полученные на эти слова-стимулы, достаточно единообразны и в совокупности со всеми, активированными в ассоциативных экспериментах, представляют фрагмент индивидуального знания. Данный этап помог расширить представление о наполнении схем «Путешествие»/«Travel» и входящих в их состав других культурных подсхем. Благодаря этому эксперименту мы также смогли определить лексические единицы, определяющие активацию подсхем, стоящих за опорными элементами.

Результаты ассоциативного эксперимента помогают выявить круг понятий, наиболее существенных для языкового знания данного народа. Частотные реакции стали базовыми элементами схем «Путешествие»/«Travel», характеризующими данные два сообщества. Именно на их уровне проводилось сравнение вышеупомянутых культурных схем. На основе результатов ассоциативного эксперимента были построены модели культурных схем «Путешествие»/«Travel» (рис.1, 2). Жирным шрифтом выделены частотные реакции.

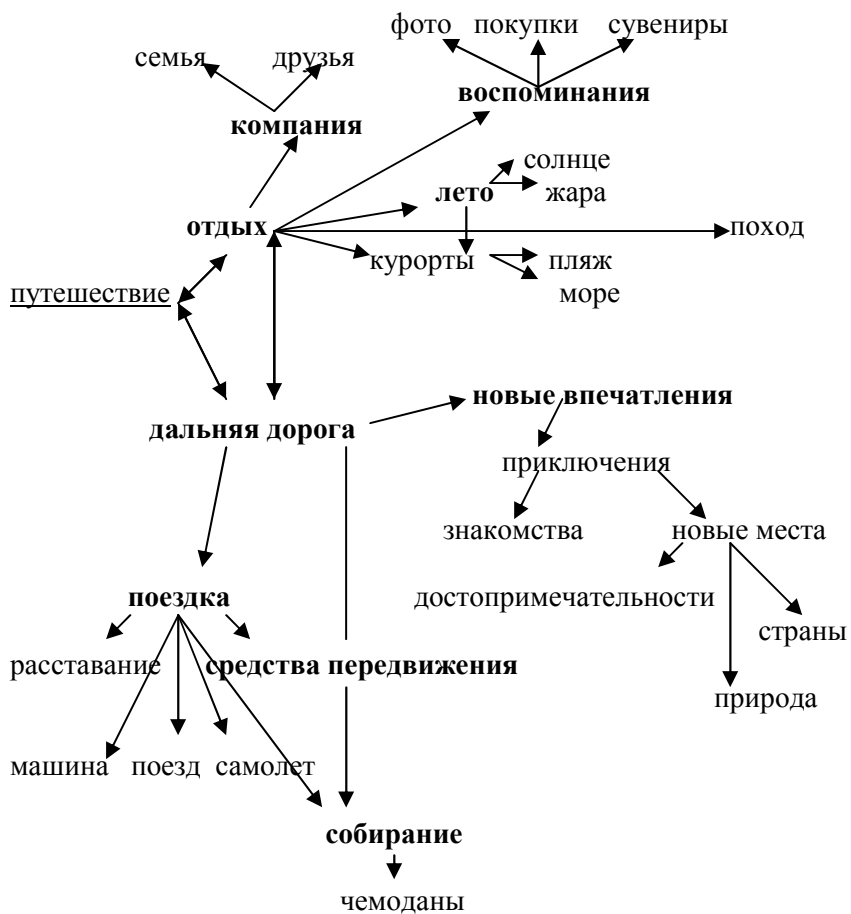

Рис. 1. Модель схемы «Путешествие»

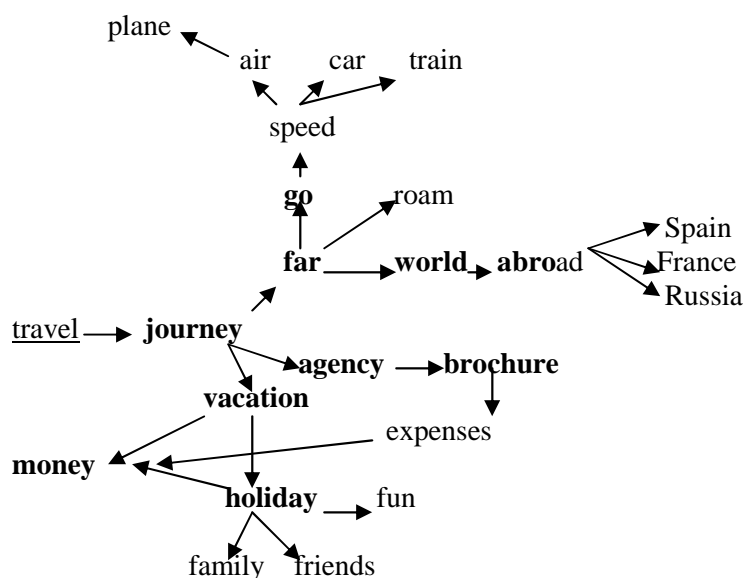

Рис. 2. Модель схемы «Travel»

Очевидно, что сама культурная схема гораздо обширнее и в нее входит большее количество подсхем, так как ее структура состоит из узлов и переменных. На рисунках изображен «скелет» (узлы) вышеупомянутых схем, который определяет их активацию в дискурсе. Для более близких культур узлы универсальны, а наполнение переменных отражает культурное знание, что проявляется при анализе развернутого дискурса.

На следующем этапе пилотажного эксперимента была рассмотрена активация опорных элементов схемы, которые выступили ключевыми словами текста на тему «Путешествие» / «Travel». Текст является внешним представителем целостного сверхсхемного образования. А опорные элементы текста могут развертываться в схемы и наоборот свертываться и занимать место опорных элементов в схемах высокого порядка [Рафикова 1992]. В историях, написанных информантами на тему «Путешествие», группа экспертов выделила, согласно методике Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн [Мурзин, Штерн 1991], ключевые слова, на основе которых был составлен «истинный» набор ключевых слов (далее ИКС) для всех рассказов. ИКС для русских информантов – *путешествие, поездка, компания, друзья, семья, новые места,*

лето, юг, отдохнуть, знакомства и journey, friends, rest, holiday, agency, money, abroad, fun – для англоязычных информантов. Сравнение ИКС и частотных реакций выявило их совпадение в большинстве случаев, что показывает функцию схемы, обеспечивающую когерентность текста.

Проанализировав реакции и определив общие повторяющиеся от информанта к информанту особенности историй о путешествии, мы пришли к выводу, что опорные элементы будут представлять собой базовые подсхемы или узлы схемы, которые похожи и в некоторой степени универсальны для носителей одного языка. Они объединены между собой и удерживаются ассоциативными связями, благодаря которым схемы активируют одна другую в дискурсе, подобно тому как в процессе свободного ассоциативного эксперимента выстраивается ассоциативная цепочка на предъявляемое слово-стимул.

2. Основной этап

Рассмотреть стратегию активации схемы «Путешествие» / «Travel» и ее подсхем стало целью основного этапа эксперимента. Базу исследования составили носители русского языка, в состав которых вошли 20 студентов Курского государственного университета, владеющие английским языком на продвинутом уровне, и носители английского языка (20 человек), обучающиеся в Westfield Vocational Technical High School (США). Информанты получили задание прочитать рекламный проспект отдыха на острове Сент-Люсия и рассказать о своем воображаемом путешествии на этот остров. Все рассказы записывались на диктофон, а затем транскрибировались. По мнению М.Л. Макарова, «нет единого набора критериев, который позволил бы всем исследователям речи одинаково вычленивать и охарактеризовать сегменты, одним и тем же формальным единицам придать одинаковые функции» [Макаров 2003]. По мнению У. Чейфа, в устном дискурсе имеет место явление фрагментации: речь порождается толчками, квантами — так называемыми интонационными единицами, которые отделены друг от друга паузами, имеют относительно завершённый интонационный контур и обычно совпадают с простыми предикациями, поэтому при сегментации дискурса нужно придерживаться ограничения: одна новая идея на интонационную единицу [Chafe 1994]. Основными способами организации транскрипта считается вертикальная система расположения реплик и представление экстралингвистической информации в форме выделенного комментария в тексте. Этот формат отвечает требованиям традиции транскрипции, получившей наименование “Running Text”, в соответствии с которой отношение времени в дина-

мике общения (включая вербальные и невербальные компоненты) преобразуется в пространственные отношения по принципу: что предшествует в процессе речи, располагается выше и/или левее [Макаров 2003].

Большинство полученных текстов представляло собой описание воображаемой поездки на остров, начавшееся со сборов вещей или обращения к услугам туристического агентства и закончившееся приобретением сувениров и воспоминаниями в виде фотографий и новых впечатлений. Ни один из информантов не упомянул обратную дорогу домой, хотя описание путешествия на поезде и перелета на сам остров встретилось почти в каждой работе. Испытуемые рассказывали о необычной и экзотической красоте острова, природе, животных и способах времяпрепровождения. Все информанты получили незабываемые впечатления от поездки и приобрели новые знакомства, привезли фотографии и сувениры, что соответствует результатам свободного ассоциативного эксперимента, той «модели» схемы, которая была выстроена нами на предыдущих этапах эксперимента. Нюансы менялись из работы в работу, но структура, основа, оставалась одинаковой во всех затранскрибированных текстах.

Содержание схемы мы представляем как двухуровневую систему, взяв за основу модель Ф. Шарифиана [2007], отражающую распределенное эмерджентное культурное знание (см. подробнее [Сазонова 2008]). Распределенное эмерджентное культурное знание возникает из взаимодействия, общения между членами одной культурной группы на протяжении всей истории ее развития и существования, но вариации его распределения между членами группы бесконечно разнообразны. Оно может проявляться в различных аспектах жизни человека: в артефактах, ритуалах, искусстве и т.д. Это знание существует на двух уровнях абстракции: первый уровень – глобальный – включает в себя совокупность знаний, присущих культурной группе, второй уровень – локальный – отражает неравномерность распределения знания между представителями группы.

Наша модель (см. рис 1,2) схемы показана как иерархичное строение, где каждая из подсхем представляет собой сеть подсхем, репрезентирующих различные аспекты концептуального содержания закодированного понятия. В большинстве рассказов, полученных в результате интервьюирования русских информантов, были активированы такие подсхемы, как «Лето», «Поездка», «Компания», «Сборы», «Дальняя дорога» «Поезд», «Самолет», «Аэропорт», «Отель», «Пляж», «Активный отдых» «Ночная жизнь», «Воспоминания». Каждая из вышеперечисленных под-

схем могла раскрывать более мелкие: в дискурсе при активации одной из подсхем, например «Лето», активируются и входящие в нее другие подсхемы – «Курорт», «Пляж», которые могут раскрывать составляющие их элементы. Каждый нижний узел содержит более специфичную информацию, тогда как каждый верхний узел – более общую [Nelson 1986].

В дискурсе англоязычных информантов были активированы следующие подсхемы: «Journey», «New places», «Tropical Island», «Vacation time», «Seasons», «Activities», «Night life», «Beaches». Некоторые из них также могли разворачиваться и раскрывать другие подсхемы, например «Tropical Island» была представлена в транскриптах подсхемами «Weather on the Tropical Island», «Rainy seasons», подсхема «Activities» различными видами занятий на острове, в основном водными видами спорта («Snorkeling», «Scuba diving» и т.д.).

Стратегия активации схемы может быть определена как ассоциативная, схемы как будто бы «вытаскивают» друг друга. При активации, например, подсхемы «Пляж» в действие приводилась подсхема «Активный отдых», а следовательно, и виды этого отдыха. Активационные процессы действуют автоматически. При активации всей схемы инициируются и ее элементы. Данная характеристика относится как к схеме «Путешествие», так и к «Travel». Распределение активированных элементов внутри схемы может быть разным. В дискурсе некоторые элементы могут оставаться неактивированными в одной части предложения, а в следующей уже активируются.

Подсхемы, проявившиеся в дискурсе американских информантов, были инициированы информацией проспекта и полностью ей соответствовали. Многие подсхемы в дискурсе русских испытуемых не были активированы непосредственно стимулами проспекта, а скорее были приведены в действие ассоциативными связями между элементами схем, раскрыв образы, характерные для русской культуры. Американские информанты подробно описывают виды деятельности, виды спорта, представленные на острове, в то время как русские информанты лишь вскользь вспоминают некоторые названия, наиболее им знакомые, например «дайвинг», «пойду кататься на яхте», «в горы», «осмотрю достопримечательности» и т. д. У субъекта может не быть релевантных схем. В этом случае он просто не в состоянии понять сообщение; или субъект может располагать релевантными схемами, но не догадываться, что нужны именно они. При этом он также не может понять сообщаемое, но, со вспомогательной

наводкой, он в состоянии прийти к пониманию высказывания [Rumelhart 1980].

Активация схемы предполагает активацию культурных ассоциаций с ней связанных, особенно это ярко проявилось в рассказах русских информантов. Вокзал и поезд у большинства ассоциировался с *ожиданием, пивом, провожающими*.

Текст 1

1. *Я буду туда добираться на поезде,*
2. *до Москвы.*
3. *А потом на самолете.*
4. *Поезд «Соловей», плацкартный вагон.*
5. *Ну что еще мы там.*
6. *Приедем на вокзал,*
7. *возьмем пивка,*
8. *сядем на поезд*
9. *и...*
10. *Заснем.*
11. *Проснемся уже в Москве.*

Подсхема «Пляж» включала элементы, связанные с торговцами. С детства знакомая картинка – загорелые люди, местные, которые бродят среди отдыхающих и предлагают всевозможные товары. Подобные явления до сих пор являются частью отечественных курортов. У некоторых представителей нашей культуры этот образ возник и в соотношении с отдыхом на острове Сент-Люсия.

Текст 2

1. *Торговцы.*
2. *Да, мы очень удивились, что они там были.*
3. *Мы думали, что только в Крыму это есть.*
4. *Оказалось, что и там это есть.*
5. *Они продавали морские креветки, пахлаву, чурчелу,*
6. *всевозможные рыбы такие морские.*
7. *Всевозможные рыбы, которые у нас не встретишь.*
8. *Ни в магазинах, ни в море.*
9. *Но мы побоялись их чего-то покупать,*
10. *потому что черт знает...*
11. *Съешь что-нибудь*
12. *и проваляешься потом неделю*

Опорные элементы схем «Путешествие»/«Travel» могут совпадать, то есть схемы «Путешествие»/«Travel» совпадают на уровне базовых подсхем, а вот наполнение их слотов/переменных отличается, также как и ассоциативные связи, приводящие их в действие. Подсхема «Лето», отраженная как в модели схемы «Путешествие», так и в рассказах русских реципиентов, может быть отнесена к подсхеме «Времена года», которая

в свою очередь встречается в дискурсе американских информантов. Доступ к этой подсхеме происходит по разным каналам. Любая поездка в русском сознании связана с отпуском, а отпуск – с летом, так как в большинстве случаев семьи ездят на юг именно в это время года. Только в последние несколько лет у людей появилась возможность путешествовать за границу. Все больше и больше людей предпочитают отечественным курортам заграничные, где можно отдыхать круглый год независимо от сезона.

Текст 3

1. *Наступило лето...*
2. *Пора ехать на отдых.*
3. *Я обожаю путешествовать.*
4. *Люблю скорость, ветер, пейзажи.*
5. *Вот...*
6. *Обязательно нужно поехать на курорт.*

В рассказах американских информантов подобных ассоциаций не встречалось. «Vacation Time» активировала подсхему «Holiday» и наоборот. Выбор времени года объяснялся только климатическими условиями острова и лишь в одном случае – профессиональной испытуемого. Совпадение на глобальном уровне позволяет людям говорить и думать на основе одного знания. Иногда достаточно ключа или жеста, чтобы указать на культурную схему, которая выступит основой для социального взаимодействия.

Как отмечают Т. ван Дейк и У. Кинч, помимо текстовой репрезентации, в которую входят только те умозаключения, которые необходимы для установления когерентности на локальном или глобальном уровнях, слушатель или читатель конструирует модель ситуации, представленной в тексте [Van Dijk & Kintsch 1983]. И русские, и американские информанты проецировали ситуацию в соотношении со схемой «Путешествие»/«Travel». Например, в проспекте ничего не говорится о том, как можно добраться на остров. А в дискурсе русских испытуемых подсхема «Поездка» раскрыта достаточно подробно, с описанием поезда, перелета на самолете, дороги от аэропорта до отеля и т.д. Известно, что любой акт интерпретации предполагает соотношение языковой информации текста со схемами знаний, убеждений и т.д.

Таким образом, сравнив и проанализировав 40 устных отрывков, мы пришли к выводу, что в дискурсе русских и американских информантов проявляются схемы разного порядка. Схема «Путешествие» объединяет подсхемы, которые активируются в большей или меньшей степени по мере поступления информации. В рассказах эксплицитно выражены подсхемы, определенные на пилотажном этапе, которые в процессе функционирования

сворачивались, разворачивались или объединялись в более крупные схемы. Вышеупомянутые схемы «Путешествие»/«Travel» представляют собой сложное сверхсхемное образование, состоящее из сети подсхем, которые связаны между собой ассоциативными связями.

Литература

Залевская, А.А. Психолингвистические исследования : слово, текст. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Карасик, В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты : научные труды Центроконцепта. – Архангельск : Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. – Вып. 2. – С. 154-171.

Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997, – 331с.

Лю Цзюань. Концепт «Путешествие» в китайской и русской лингвокультурах : дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2004 – 193 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

Мурзин Л.Н, Текст и его восприятие. Свердловск : Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – 171 с.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.

Панкина, Ф.М. Формирование семантических структур в лексической системе языка : на материале русского и немецкого лексико-семантических полей «кинетического состоянии агенса». Воронеж, 2002.–192 с.

Рафикова, Н.В. Схема как опорный элемент при понимании текста // Слово и текст в психолингвистическом аспекте: сб. науч. ст. – Тверь : ТГУ, 1992. – С. 114–117.

Сазонова, Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход : монография. – Тверь : Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2000. – 134 с.

Сазонова, Т.Ю. Различные подходы к трактовке концепта // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. — Тверь, 2000. — С. 70–76.

Сазонова, Т.Ю. Модели репрезентации культурного знания // Теория Языка и межкультурная коммуникация : межвуз. сб. науч. тр. – Курск : Изд-во КГУ, 2008. – Вып. 8. – С. 81–90.

Холодная, М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. – Томск, 1983. – 189 с.

Chafe, W. Discourse, Consciousness and Time. – Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Dijk, T.A. van, Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. New York: Academic Press, 1983. – 418 p.

Hardy, C. Networks of meaning : A bridge between mind and matter. – Westport, Connecticut; London: Praeger. – 217 p.

Hutchins, E. Culture and Inference. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.

Nelson, K. Event Knowledge Structure and Function in Development – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986.

Palmer, G. B. Toward a theory of cultural linguistics. – Austin: University of Texas Press, 1996.

Rice, G. E. On cultural schemata // American Ethnologist. 1980. N 7: P.152-171.

Rumelhart, D.E. Schemata: the Building Blocks of Cognition // Theoretical Issues in Reading Comprehension. Perspectives from Cognitive Psychology, Linguistics, Artificial Intelligence, and Education / Rand J. Spiro, B.C. Bruce, W.F. Brewer (Eds.). – Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1980. P. 40 – 41.

Sharifian, F. Schema-based processing in Australian speakers of Aboriginal English // Language and Intercultural Communication 1(2), 2001. P. 120–134.

Sharifian, F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language // R.M. Frank, R.Dirven, T.Ziemke and E. Bernárdez (eds.). Body, Language, and Mind (Vol. 2): Sociocultural Situatedness. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.

Strauss C., Quinn, N. Research on the psychodynamics of shared task solutions. – New York: Cambridge University Press, 1997.

О.А. Авдеева
(Санкт-Петербург)

ВОЗРАСТ

Объектом исследования выступает лексико-семантическое поле «возраст». Предметом исследования является концепт «возраст» в языковой картине мира англоязычного этноса.

Теоретическую базу исследования составили работы ведущих зарубежных и отечественных когнитивистов и лингвокультурологов по проблемам:

- языковой картины мира (Й.Л. Вайсгербер, Т.И. Воронцова, В.Б. Масевич, Е.С. Кубрякова, М.М. Маковский, З.Д. Попова, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева);

- взаимодействия языка и культуры (А. Вежбицкая, Г.Д. Гачев, В. фон Гумбольдт, В.Б. Касевич, Г.В. Колшанский, Н.Б. Мечковская, З.М. Сафина, В.И. Шаховский);

- концептуализации (М. Джонсон, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Т.А. Фесенко и другие);

- интерпретации концепта (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, М.В. Никитин, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Н. Picht, V. Smith), а также

- по вопросу исследования возраста в лингвистике (А.Е. Александрова, Л.Г. Александрова, А.Г. Ашхарова, О.В. Бахмет, В.В. Башкеева, Е.И. Бондаренко, Е.С. Бунеева, Г.М. Васильева, К.А. Власова, Д. Кацкова, Л.М. Ковалева, Л.Т. Костина, Н.В. Крючкова, А.П. Кудряшова, М.Г. Лебедько, В.И. Матвеев, Е.А. Погоралева, Е.В. Рахилина, Н.А. Серебрякова, О.Е. Филимонова, Е.С. Яковлева).

Материал исследования, лежащий в основе работы, делится на две части:

1) словарный материал, отобранный методом сплошной выборки из словарей-тезаурусов, толковых, синонимических и антонимических словарей английского языка (18 словарей);

2) иллюстративный материал, включающий произведения прозаической литературы 19-20 века британских и американских авторов и также отобранный методом сплошной выборки (2743 страницы).

Содержание концепта *возраст* имеет национальную, культурную и историческую специфику. Национально-культурная специфика концепта заключена в представлениях этноса об особенностях тех или иных возрастных групп. С этими представлениями связана положительная или отрицательная оценка определенного возраста. Возрастное сознание зависит от коллективного опыта.

Концепт «возраст» непосредственно связан с концептом «время» и не мыслится без него.

Это связано с тем, что конкретные возрастные концепты (*детство, подростковый возраст, молодость, средний возраст и старость*) представляют собой такие ментальные структуры, которые «инкапсулируют» временной признак, эксплицитно или имплицитно отраженный в словарной дефиниции. Например, лексема *teenager*, являясь элементом концепта *подростковый возраст*, репрезентируется в словарных дефинициях следующим образом: «someone who is between 13 and 19 years old».

Мы исходим из понимания концепта как «ментального образования стохастической структуры» (М.В.Никитин 2004). Стохастический характер концепта обусловлен вероятностной природой мира.

В работе выражается точка зрения, что изучение концепта следует начать с его лексикографического описания, так как именно лексикографический материал помогает построить остов, «скелет» концепта, увидеть его структуру, а все остальные полученные данные позволяют расширить картину исследуемого концепта.

Исследуется лексико-семантическое поле концепта. Лексико-семантическое поле возраста является открытым, так как обладает способностью непрестанно пополняться новыми элементами. Существует содержательное ядро концепта, но за счет работы «эмотивной номинации» (Шаховский 1983) в области возрастной семантики обнаруживается подвижность единиц концепта, поэтому представляемое в данном исследовании лексико-семантическое поле не имеет точных границ. Границы лексико-семантического поля концепта зыбки и расплывчаты. Из-за размытости границ и большого объема лексико-семантического поля не поддается строгому структурированию. Возможно лишь выделение ядра (центра) и периферии поля.

Наиболее оптимальным в изучении концепта «возраст» является стохастический подход, позволяющий не быть предельно строгим к структуре лексико-семантического поля возраста, его границам и компонентам. Это значит, что если выделенная единица в принципе способна употребляться для выражения концепта *возраст*, то она может принадлежать к одноименному лексико-семантическому полю, хотя это может и не являться ее основной функцией.

Мы рассматриваем пять конкретных возрастных концептов — «детство/ *childhood*», «подростковый возраст/ *teenage age*», «молодость/ *youth*», «средний возраст/ *middle age*» и «старость/ *old age*».

В целях формирования структуры и состава изучаемых концептов, в работе привлекаются разные лексикографические источники. Анализируемые концепты являются сложными и комплексными образованиями, так как, во-первых, единицы, выражающие данные концепты, относятся к разным частям речи, а, во-вторых, они имеют разнообразную словообразовательную и, следовательно, сложную семную структуру.

Отбор лексических единиц исследуемых концептосфер проводился следующим образом:

1) сплошная выборка единиц по тезаурусам, синонимическим и антонимическим словарям английского языка по ключевому слову;

2) вычленение нужных единиц путем анализа семной структуры слов и выбор тех единиц, которые имеют в своей структуре определяемую сему возраста.

За основу поиска лексем, относящихся к рассматриваемому концепту, был взят идеографический словарь-тезаурус Роже. Для создания наиболее полного и точного списка единиц, входящих в исследуемый концепт в нашем исследовании использовался не

только идеографический словарь-тезаурус Роже, но и другие лексикографические источники: Webster's Collegiate Thesaurus, Allen's Synonyms and Antonyms, Soule's Dictionary of English Synonyms, The Pan Dictionary of Synonyms and Antonyms, Webster's New Dictionary of Synonyms, Oxford American Writer's Thesaurus, Crabb's English Synonyms, Laird's Promptory, The Oxford Colour Dictionary and Thesaurus, Oxford Thesaurus of English, Chambers 20th Century Thesaurus, Pitman's Book of Synonyms and Antonyms, A Dictionary of Synonyms and Antonyms by J. Devlin, A Dictionary of Synonyms and Antonyms and Specific Equivalents.

Языковые единицы (цельнооформленные и раздельнооформленные) распределены по четырем группам согласно *характеру номинации* концепта. Первую группу составляют единицы, называющие 1) определенный этап, период жизни (*old age, oldness, years*), 2) лицо определенного возраста, 3) признак лица, находящегося на данном отрезке жизненного пути (*old, elderly, aged*), либо 4) процесс становления определенного возрастного состояния (*to age, get/become old*). Это «прямая номинация» изучаемого концепта посредством лексических и синтаксических единиц.

Другая группа включает единицы, номинирующие исследуемый концепт косвенно, не давая ему имени, не называя его. Они составляют количественное большинство, по сравнению с единицами первой группы, и представляют «признаковую характеристику» того или иного концепта (например, *senility, hoary-headed, to wrinkle, vale of years*). Это «косвенная номинация» исследуемого концепта. Под «косвенной номинацией (квалификацией)» имеется в виду то, что обозначенные единицы эксплицируют концепт посредством указания на какие-то его отдельные характеристики и признаки. Наличие этих признаков характерно либо для самого возрастного периода, либо для лица данного возраста, либо для описания процесса становления возрастного состояния (например, *senility* указывает на время в жизни человека, когда происходит угасание, упадок его физических и интеллектуальных сил, а *hoary-headed* описывает человека седовласого, что является одним из признаков старости, *to wrinkle* сообщает о процессе покрытия кожи человека морщинами).

Далее нами реконструируется лексико-семантическое поле концепта «возраст». В этом поле слова разных частей речи и словосочетания (*young, to age, an adult, declining years*) объединяются на основе суперсемы «возраст». Лексико-семантическое поле формирует **тематические** или **лексико-тематические группы**, в которые входят единицы разных частей речи с общей **архисемой**. Выделяется пять тематических групп с одноименны-

ми архисемами: детство/*childhood*, подростковый возраст/*teens*, молодость/*youth*, средний возраст/зрелость/*middle age* и старость/*old age*.

Внутри каждой тематической группы слова одной и той же части речи объединяются в *лексико-семантические группы* и организуются вокруг ядерной гиперсемы. Например, лексико-тематическая группа «старость» включает четыре лексико-семантические группы (ЛСГ).

ЛСГ 1 — «обозначения старости» (ядерные единицы — *old age, oldness, years* и периферийные — *winter, senescence, senility*), ЛСГ 2 — «обозначения лица старого возраста» (ядерные единицы — *old man/ woman* и периферийные *-greybeard, greyhead, oldwife, grandam*), ЛСГ 3 — «признак лица старого возраста» (ядерные единицы *aged, old, elderly, middle-aged, ageing* и периферийные -- *so many years, advanced in years, up in years, over the hill*), ЛСГ 4 «указание на переход в старое состояние» (ядерные единицы — *age, grow/ become/ get old* и периферийные — *wrinkle, decline, fade, go grey*). В каждой лексико-семантической группе выделяются смысловые блоки, которые отличает наличие собственной/ индивидуальной гипосемы (например, «лицо женского пола, находящееся в старом возрасте»).

Каждая лексико-семантическая группа и смысловой блок содержат базовые единицы (*old age, oldness*) и периферийные единицы (*senility, senectitude*), которые являются оценочными, стилистически и эмоционально окрашенными. Периферийные единицы организуются согласно наличию определенной дифференциальной семы в их семной структуре. Лексико-семантическое поле возраста является открытым, так как обладает способностью непрерывно пополняться новыми элементами. По частеречному принципу единицы поля относятся к существительным, прилагательным и глаголам.

Частеречная классификация единиц, образующих поле «возраст», их морфологическая систематизация и организация в терминах полевой организации, а также привлечение этимологического аспекта в исследовании манифестируют именно характер концептосферы.

При распределении единиц внутри лексико-семантического поля принимались во внимание:

- 1) лексическое значение единиц;
- 2) синтаксическая структура (цельнооформленность или раздельнооформленность единиц);
- 3) отнесенность к тому или иному слою словарного состава английского языка (литературному, нейтральному или разговор-

ному);

4) различие в стилевой окраске (например, официальное, неофициальное, архаичное, научное, книжное, пренебрежительное, эвфемистическое или юмористическое употребление).

Лексикографические источники дают неполную картину признаков и структуры концепта, и прежде всего это касается образной и прагматической составляющих концепта, разделяемых носителями данной культуры. Это объясняется сложностью самого объекта, принадлежащего к идеальному, а не материальному миру.

В словарях концепт актуализируется при помощи слов (*old, youth, middle-aged, childhood, to age*) и свободных и фразеологических словосочетаний (*a young child, old age, go grey; winter of life, no spring chicken, a small fry*).

При анализе текстов литературно-художественного дискурса становится очевидным, что реализация концепта «возраст» в тексте имеет более разветвленную структуру по сравнению с лексикографической вербализацией концепта и включает следующие элементы:

- отдельное слово (*young, a girl, youth, a baby, a boy*),
- словосочетание (*rose-red youth, rose-white boyhood, his early days, almost a man, at my stage of life, almost grown, someone half his age*),
- фразеологическая единица (*pretty long in the tooth, the gold of your days, your lilies and roses*), предложение/ высказывание (*Don't squander the gold of your days; She's hardly a day over forty*) (OWP 31),
- текстовый фрагмент (*There is such a little time that your youth will last – such a little time. The common hill-flowers wither, but they blossom again. The laburnum will be as yellow next June as it is now. In a month there will be purple stars on the clematis, and year after year the green night of its leaves will hold its purple stars. But we never get our youth back. The pulse of joy that beats in us at twenty, becomes sluggish. Our limbs fail, our senses rot. We degenerate into hideous puppets, haunted by the memory of the passions of which we were too much afraid, and the exquisite temptations that we had not the courage to yield to. Youth! Youth! There is absolutely nothing in the world but youth!*) (OWP 31-32).

Таким образом, текстовый уровень раздвигает границы объективации концепта, расширяя и дополняя его содержание. Наиболее распространенными как эксплицитными, так и имплицитными **языковыми средствами** выражения концепта «возраст» в тексте являются:

1) единицы, определяющие лицо/ лица, находящиеся в определенном возрасте (*a child, a kid, a new-born, a boy, a girl,*

children), которые далее делятся на единицы, именующие лица мужского (*a boy, a little boy*) и женского пола (*a girl, a little girl*), а также совокупности лиц (*children, kids*).

2) единицы, выраженные числительными и являющиеся конкретным и точным обозначением возраста индивида (*Hank was seven and Leah...; No, he's ten years old...*).

3) единицы, имплицитно выделяющие возраст индивида через указание на его социальный статус и выполнение определенных функций в обществе (... *he had to display... all his second-grade prowess; a senior at college; Hank, now in his third year, had taken it upon himself to look out for Meg (EJT 502); in my army years*).

4) единицы, эксплицирующие сам возрастной этап, на котором находится индивид, и часто используемые с уточнителями адъективного характера для сужения и более точного определения возрастных границ (... *since early childhood...; ... a portrait, made in earliest childhood, of little Eugene and Angy*).

5) фразеологические единицы, указывающие на возраст индивида, процесс возрастного развития или номинирующие определенный возрастной период (*pretty long in the tooth, start covering one's grey with coffee, the gold of one's days*).

6) единицы, обозначающие возраст индивида, не имеющие в своей семантике конкретного возрастного отнесения (только благодаря контекстному/ситуационному анализу возможно отнесение единицы к тому или иному возрастному периоду) — *at one's age, half smb 's age, twice smb 's age*.

7) единицы, указывающие на возраст лица, выраженные прилагательными или существительными, которые определяются и уточняются наречиями ("*You were too young...* "; ... *she had forgotten most of that, for she had been so young...; ...he taught manners to all my brothers when they were hardly old enough to walk...).*

Анализ текстового материала позволил выявить участие имени собственного в репрезентации возрастного портрета индивида в англоязычном сознании. Этой цели служат сокращенная и полная формы имени. Использование сокращенной формы является характеристикой не достигшего зрелой фазы развития индивида, а полная форма используется для представления и обращения к зрелой и социально значимой личности, к примеру, в произведениях Джулиана Барнса и Белвы Плейн (*Andy — Andrew, Angy — Angelique, Archie — Archibald, Bel — Bella, Isabel — Isabella, Anna-bel -Arabella, Bab — Barbara, Hank — Harry, Margie — Margery — Margaret*). Таким образом, имена собственные, как и нарицательные, тоже допускают варьирование по мере продвижения челове-

ка по жизненному пути. В английском языке это обязательное условие, которое имеет прагматические основания.

Понятие возрастного развития включает в себя ряд биологических процессов (рост, развитие, созревание, старение, которые традиционно выделяют в онтогенезе) и связано с последовательной сменой этапов существования личности. Возрастное развитие — это сложное, многокомпонентное понятие, включающее изменения, происходящие в личности на протяжении всего жизненного пути. Эти изменения имеют отношение к различным сферам бытия личности (как внутренним, так и внешним). Изменения как следствие процесса возрастного развития касаются внешности и внешнего вида индивида, его психоэмоциональной и интеллектуальной жизни, жизни как члена определенного социума, а также особенностей поведения.

Возрастное развитие обозначается в языке по-разному. Языковые единицы, во-первых, могут обозначать сам «процесс возрастного развития» в его длительности, во-вторых, констатировать этот процесс как свершившийся, в-третьих, утверждать пребывание в определенном возрастном состоянии посредством использования бытийного глагола-связки *be* в сочетании с возрастными единицами, и, в-четвертых, образовывать значение, обратное значению возрастного развития, иными словами, значение возрастной регрессии (*If it were I who was to be always воК»g...(OWP35).*

Для выражения перечисленных видов значения используются глагольные лексемы (*become, get, turn, go, go on, proceed, rise, grow, achieve*), главным образом не имеющие возрастной семы в структуре своего значения, поэтому их возрастное значение уточняется посредством сочетания глагольных единиц с возрастными единицами.

На **завершенность процесса возрастного развития** указывают видовременные формы глагола, а именно времена групп Perfect (Present Perfect и Past Perfect) и Simple (Past Simple, Future Simple, Future-in-the-Past Simple). Помимо этого, данное значение может быть актуализировано и посредством неличной формы глагола — инфинитивом. На актуализацию **значения процесса возрастного развития** указывает видовременная форма глагола, а именно времена группы Continuous (Present Continuous и Past Continuous). Есть случаи, когда рассматриваемое значение манифестируется при помощи видовременной формы Past Simple. Это становится возможным в возрастных конструкциях с неопределенными глаголами (например, *proceed*), а также при условии употребления анализируемого глагола в составе сравни-

тельной конструкции (*the older he got, the hungrier he got*). Помимо этого, рассматриваемое значение может быть актуализировано и посредством неличной формы глагола, а именно посредством причастия первого. Значение процесса возрастного развития может эксплицироваться и именными средствами (именами существительными и именами прилагательными), которые содержат сему длительности и процесса в структуре своего значения (например, *ageing* в значениях «старение» и «стареющий»).

Исследование периферийных компонентов информационного поля концепта показало следующее.

Анализ сочетаемости *номинантов возраста* (или возрастных номинантов — возрастных единиц именного характера, обозначающих лицо определенного возраста) в художественной литературе показал, что центральными элементами номинации становятся именные единицы, обозначающие лиц того или иного возраста. К ним относятся имена существительные, обозначающие лицо определенного возраста (*child*), субстантивные словосочетания, состоящие из возрастных лексем, также обозначающие лицо определенного возраста (*little child*), а также единицы, заменяющие их — это имена собственные и личные/ притяжательные/ объектные местоимения. Например, *Hank was seven, and Leah wanted to put him into a good private school, which made sense* (EJT 45).

Концептуальный анализ позволяет вскрыть представления, образы, гештальты, характерные для той или иной культуры, исследовать национально-культурное своеобразие концепта. *Контекстуальные смысловые приращения* концепта «возраст» (гештальты концептуальной картины мира англоязычного этноса, вербализуемые в его языковой картине мира) составляют интерпретационное поле концепта и эксплицируют различные его стороны.

Контекстуальные смысловые приращения (КСП), обнаруживаемые в текстовых фрагментах, репрезентируют характеристики лица определенного возраста посредством:

1) указания на действия, направленные на лицо определенного возраста и производимые с ним (глагольная сочетаемость с возрастными номинантами в качестве объекта действия);

2) характеристики лиц определенного возраста (сочетаемость лексических единиц с возрастными номинантами и контекст).

В подгруппу смысловой области «характеристики лиц определенного возраста» входит блок контекстуально-смысловых приращений, вербализация которых происходит посредством гла-

гольных лексем, характеризующих лица того или иного возраста через действия ими выполняемые.

Выделяемый блок КСП обладает специфическими особенностями ввиду глагольной природы своих актуализаторов. Эти особенности состоят в том, что актуализируемые КСП передаются при помощи так называемых кинем, которые относятся к невербальному типу коммуникации.

«Кинема» — любое законченное (имеющее определенную структуру, способ исполнения и столь же устойчивое значение) и самостоятельное (отличное от другого) мимическое или жестовое движение.

Для актуализации кинем в языке могут использоваться глаголы разных лексико-семантических групп. Те действия, выполняемые индивидами того или иного возраста, которые актуализируются в текстовых фрагментах с использованием соматического языка (указание на жест, мимику, выражение взгляда, интонацию, позу, телодвижение), именуются *возрастными кинемами*. К примеру, к кинемам, характеризующим лица детского возраста, можно отнести следующие:

*Hank had come from school with two little boys. Their shrill voices were cheerful, Paul thought, as he heard them **whooping** down the stairwell* (EJT 50) -Так как дети всегда открыто выражают свои эмоции, то они зачастую «вопят». *Presently Hank and his friends came **rushing down** the stairs...* (EJT 53). В данном примере КСП «мчась» репрезентирует поведенческую кинему.

В разделе также рассматриваются сравнения лиц одной возрастной группы с лицами другой возрастной группы, которые базируются на типичных признаках лиц сравниваемой возрастной группы. Следует отметить, что подобные сравнения актуализируются в дискурсе относительно лиц всех возрастных групп, однако реже всего относительно детства. Это связано с тем, что детство является начальным этапом жизни человека, когда индивид считается несамостоятельной, зависимой от взрослых личностью и вследствие этого редко поддается сравнениям с индивидами других возрастных периодов. Напротив, лица других возрастных групп достаточно часто сравниваются с лицами детского возраста.

На языковом уровне в структурном плане такие сравнения актуализируются в тексте при помощи предлога *like*, либо союзов сравнительной семантики *as*, *the way*, *as if*. Сравнимый признак актуализируется либо при помощи имени прилагательного, находящегося в постпозиции (иногда в препозиции) к предлогу/союзу, либо при помощи глагола, который находится к предлогу/

союзу в препозиции. В подобных контекстах сравнения одновременно всегда актуализируется оценочный компонент.

Многочисленны иллюстрации, содержащие *сравнения лиц молодого и среднего возраста с лицами подросткового возраста*, которые основаны на признаках, типичных для тинэйджера.

Barcelona looks like an immature teenager (CCEC)

Сравниваемый признак — «незрелость» (*immature*).

Зачастую *индивид молодого возраста сравнивается с индивидом преклонных лет*. "*You dear old Jim, you talk as if you were a hundred.*" (OWP 86). В предложении сравниваемыми признаками являются признаки «опытность» и «мудрость».

Также в литературно-художественных произведениях часто актуализируется понятие инфантилизма. *Инфантилизм* от латинского *infantilis* означает отсталость в развитии, проявляющуюся в виде сохранения во взрослом состоянии индивида черт характера, свойственных детям. Писатели прибегают к *сравнению взрослых людей с детьми* в целях описания характера и поведения зрелого персонажа:

Pleased as a little boy, he hurried, urging Paul with him... (EJT 90) -сравниваемый признак «получение удовольствия».

Лица старого возраста зачастую сравниваются с лицами других возрастных категорий. Подобное сравнение основано на признаках, типичных для вторых.

... *But on May the 28th, trembling like a youth, he met the 9.55 express at the little station of Mtsensk* (JBR 90). В данном примере осуществляется сравнение героя старого возраста с молодым человеком при помощи сравниваемого признака «юношеское волнение».

Таким образом, содержательные характеристики интерпретационного поля концепта «возраст» выделяются при помощи извлечения из художественного материала контекстуальных смысловых приращений, манифестирующих различные дополнительные признаки концепта. Контекстуальные смысловые приращения разбиваются на группы согласно типу характеристики, которую они эксплицируют: *физические и физиологические (normal baby, good-sized boy)*, *оценочные (stupid old maid, nasty old maid)*, *интеллектуальные (bright young man)*, *индивидуально-личностные (determined, so sure of)*, *поведенческие (Boys... didn't keep still)*, *психо-эмоциональные (cranky, good old man)*, *внешнего вида (A white-haired geezer...)*, *рода деятельности (The children are... running and playing)*. Посредством выделенных характеристик могут эксплицироваться как типологические/

прототипические, так и индивидуально-личностные признаки лица определенного возраста.

Концепт «возраст» объективируется в обыденной картине мира и является структурной единицей мышления, эксплицирующей знания в языковом сознании рядовых носителей языка. Возраст, будучи одним из центральных концептов бытия человека и имея антропоцентрическую природу, играет важную роль в концептуализации мира, так как языковая личность не мыслится вне возрастной характеристики.

Концепт «возраст» является многомерным, объемным ментальным образованием. Языковая и речевая реализация концепта позволяет наиболее полно сформировать представление об исследуемом концепте в концептуальной картине мира англоязычного этноса.

Выявлено, что исследуемый концепт «возраст» имеет сложную двучленную структуру, которая включает центральный и периферийный слои. *Центральный слой* рассматривается как лингвокультурологический аспект концепта. Эти единицы репрезентируют ядерные признаки концепта. *Периферийный слой* концепта, манифестирующий его дополнительные, неосновные признаки, выделяемые из контекстуальных смысловых приращений анализируемого текстового материала, более лабилен и формируется в значительной степени под воздействием конкретной социальной обстановки, историко-культурной эпохи.

Литература

Авдеева О.А. Описание фрагмента лексико-семантического поля «возраст» в английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №18 (44): Научный журнал. — 2007. — С. 13 — 17.

Авдеева О.А. Некоторые аспекты исследования концепта «возраст» в английском языке // Иностранные языки: Материалы конференции Герценовские чтения. Санкт-Петербург, 10-11 мая 2005 г. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. — С. 110 — 112.

Авдеева О.А. «Когнитивная карта» возрастных составляющих «Старый» и «молодой» (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея») // Язык и текст в современных парадигмах научного знания. *Studia Linguistica XV*-СПб.: Изд-во Борей Арг, 2006. — С. 181 — 186.

Авдеева О.А. Репрезентация концепта «возраст» в тексте газетного объявления // Реформа системы высшего образования в сфере гуманитарных и социальных наук: проблемы и перспективы — США и Россия: Материалы международной конференции (15-17 марта 2006 г.). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. — С.222 — 224.

Авдеева О.А. О способах анализа лингвистических единиц, репрезентирующих концепт «возраст» // Иностранные языки: Материалы конференции Герценовские чтения. Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2006 г. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. — С.52 – 53.

Авдеева О.А. Адъективный характер концептуального пространства «старость» в английском языке // Язык. Текст. Культура. *Studia Linguistica* XVI — СПб.: Изд-во Борей Арт, 2007. — С. 133 — 138.

**И.М. Любина
(Краснодар)**

ВОЗРАСТ

Цель данной работы состоит в выявлении национально-культурного наполнения концепта «возраст человека» в русском языке и в определении общего и различного между ценностными доминантами этого концепта в русском и английском языках.

Объект исследования — концепт «возраст» в русском и английском языках. Предмет исследования — лексические, фразеологические, паремиологические языковые единицы, афоризмы и художественные тексты, репрезентирующие лингвокультурную аксиологию концепта «возраст (человека)» в русском и английском языках (парадигматические отношения, статусно-ролевые характеристики возрастных этапов человека в национальных картинах мира, ценностно-ориентированные стереотипы национального языкового сознания).

Методологической базой исследования послужили труды по лингвокультурологии С. Г. Воркачева, В. В. Красных, Е. С. Кубряковой; по аксиологии – Н. Д. Арутюновой, Е. Е. Даниловой, Э. В. Грабаровой; посвященные особенностям национальной лингвокультуры – В. Г. Гака, Т. В. Абрамовой, А. А. Мельниковой; гендерному анализу – А. А. Ворожбитовой, Г. А. Пушкарь, С. А. Сухих; по возрастной семантике, лингвopsихологии и социолингвистике – Е. Е. Даниловой, М. Э. Елютиной, Т. А. Ивушкиной, И. С. Кона, А. Г. Костецкой, Н. В. Крючковой, Ю. Ю. Литвиненко, С. О. Малевинского, С. С. Сагатовой, И. А. Тисленковой, Р. М. Фрумкиной и других.

Возраст относится к ценностям социальным, экономическим и эстетическим. В личностном понимании и в контексте художественного произведения возраст может идентифицироваться как ценность индивидуальная, а также микро- и макрогрупповая.

Возраст является сложным «составным», т.е. неоднородным понятием. Этим словом можно называть и точное количество лет

и дней, прожитых живым существом, и более расплывчатые понятия «детство», «молодость», «зрелость», «старость», которые не имеют чётких границ и резкого качественного перехода друг в друга, понимаются очень субъективно, оцениваются ситуативно и по-разному «изнутри» и «снаружи», разнятся в этнокультурном представлении различных народов.

В основе лингвистического изучения концепта «возраст» лежат психологические и социокультурные знания, поскольку классификация возрастных групп вытекает из определенных изменений социальных и биологических функций, изменений, социоэкономического статуса, специфики профессиональной деятельности и уровня образования. Помимо этого необходимо соединение гносеологического, прагматического, когнитивного и аксиологического параметров.

Во фразеологических оборотах с точки зрения оценки концепта «старость» отмечается существование трёх больших групп ФЕ, в которых сопоставляются молодость и старость: с нейтральной оценкой, с положительной оценкой человеческих качеств личности, приобретенных только вследствие преклонного возраста; с отрицательной характеристикой старости, которые построены по принципу градации: в пословице сопоставляются люди молодого и старшего возраста, но качество, присуще молодым, у стариков усиливается, воспринимается как уродливое и отталкивающее.

Исторически создававшиеся представления о тех или иных национально-культурных ценностях закрепляются в устойчивых языковых единицах или ситуациях, называемых стереотипными. Они становятся фундаментом национального характера. Стереотипы – это явления культуры, отражающиеся в языке посредством единиц всех уровней, а также в статической и в динамической картинах мира. Они выражают привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта.

Национально-культурные коннотации и стереотипы концепта «возраст» отражены в основных языковых единицах русского языка – в лексемах, фразеологизмах, поговорках, крылатых словах и афоризмах. Они могут иметь нейтральную, положительную и отрицательную коннотацию.

В русских **поговорках** как отрицательные качества **молодости** отмечаются само ее наличие, неразумность, амбициозность, стремление взять на себя больше, чем «положено» по возрасту, строптивость (*из молодых да ранний; молоко на губах не обсохло*). Отрицательные качества **старости** – несоответствие

своим годам по поведению, как похотливость, так и асексуальность, неспособность к обучаемости, косность, дряхлость, усталость, кичливость авторитетом своего возраста (*старого учить – что мертвого лечить; старую собаку новым фокусам не научишь; укатали сивку крутые горки; не в бороде честь, она и у козла есть*). Положительные коннотации молодости, выраженные в поговорках, – это оправдание свойственных ей стремлений к развлечениям, отважность, невосприимчивость к хворям, «омолаживающее» влияние на другие возрасты (*молодо-зелено, погулять велено; пока молод – не страшен ни жар, ни холод*). Положительные коннотации старости – возможность приблизиться к молодости, опытность, ответственность, мудрость, физическая и моральная закалка, крепость, толерантность (*Стар дуб, да корень свеж; старый дуб не скоро сломится; старые башмаки никогда не жмут*). В русских поговорках широко представлено оценочное сопоставление молодости и старости, встречается также оценка старости, выражаемая посредством осуждения (*каждый должен жить долго, но никто не должен быть старым; постарело тело – не страшное дело, постарела душа – считай, жизнь прошла*). Такие языковые единицы в основном соединяют в себе противоречивые коннотации: это, с одной стороны, безвыходность, необходимость приспособляться к возрасту, смиряться с ним даже вопреки желаниям человека; с другой стороны – ободрение, объяснение того, что необходимо до конца дней заботиться о крепости души, невзирая на состояние ее подверженной дряхлению тленной оболочки (*млад годами, да стар делами; кто молодец был в молодости, тот удалой и в старости; что в молодости возьмешь, с тем и в старость пойдешь*).

В русских **афоризмах** заключены стереотипные представления о детстве как о яркой, импульсивной поре жизни, не знающей и не любящей реальных и ментальных границ, но доверчиво признающей авторитет других людей, в наибольшей степени родителей. Прослеживается такая черта, как абсолютизация ценностей детства («*Человек до ста лет дитя, если бы он и до пяти-сот лет жил, то был бы одной стороной своего бытия дитя*» (А.И.Герцен), коннотированы сожаление о расставании с детством, о том, что «взрослые» проблемы во многом обусловлены утратой детских представлений о жизни и лучших ценностных качеств, присущих детям: простоты, искренности, дружелюбия, доверчивости, доброты. Говорится также о том, что всем лучшим человек до глубокой старости обязан сохранению в себе этих детских нравственных ценностей («*Я думаю, что настоящие люди – это те, что с годами не утрачивают детской веры в разумность ми-*

ра, ибо эта вера поддерживает истинную страсть в борьбе с безумием жестокости и глупости» (Фазиль Искандер)).

Афористика, посвященная юности и молодости, отражает такие стереотипы: это прекрасный возраст, который украшает человека уже сам по себе, юности свойственны импульсивность, чувственность, оптимизм, ветреность, лёгкое отношение даже к печальным вещам. Более старшим возрастам присущи идеализация юности, ностальгия по ней, сожаление о быстротечности юности и невозможности ее вернуть («Не дай душе забыть/, Чем силы в юности кипели...» (С.Аксаков); «Критический возраст – это возраст, с которого мы начинаем критиковать молодежь» (Лариса Ясько)).

По отношению к старости в русской афористике представлены как положительные, так и отрицательные оценки и приоритеты. Отрицательные – это потеря надежд, отсутствие стремлений, немощность, непривлекательный внешний вид, выпячивание недостатков характера, грусть, суетливость, тугодумие, забывчивость, упрямство, тяжесть одиночества, ощущение своей ненужности. Положительные моменты старости в русской афористике отражены в меньшей степени, чем отрицательные, и они во многом относительны. В ряде афоризмов говорится о необходимости усилий, должных предприниматься для достойной старости. «Рецептами» для смягчения тягот пожилого возраста называют тренировку ума, оптимизм и избегание несчастий («Наука молодит душу, уменьшает горечь старости. Собирайте же мудрость, собирайте сладкую пищу для старости» (Д.С.Мережковский); «Человек стареет только от несчастий» (Ю.Нагибин)).

Возрастная взаимосвязь также актуальна для русского менталитета. Особенно часто встречаются афоризмы, в которых проводится аналогия или, напротив, резкое противопоставление детства и старости или молодости и старости, даются их сравнительные оценки. Интересна такая черта, как относительность возраста. Она отражает и стереотипные, и индивидуальные представления поэтов и писателей. Многие из этих высказываний построены на противоречии, парадоксальности, в них задействованы оксюмороны «Когда мужчина бросает женщину, она чувствует себя старухой. А когда женщина уходит от мужчины, он становится ребенком» (А.Коряковцев); «Мужчина, не став отцом, сам становится ребенком» (А.Коряковцев); «Человек в слабостях своих на всю жизнь остается ребенком» (В.Распутин)).

Вместе с тем возраст и его аксиологию нельзя сводить только лишь к устоявшимся стереотипам, так как это явление конкретно-историческое, в каждую определенную эпоху содержание понятия возраста и его понимание будет разным. Так, в ряде лексем и

словосочетаний изначально фиксировалось положительное отношение, что отражено в русском фольклоре; с течением времени они могут приобрести ироническую окраску (*добрый молодец, красна девица*). Семантические изменения языковых единиц проявляются и в том, что нередко возрастные номинации человека теряют значения конкретных возрастных периодов и выступают в качестве ролевых, становясь знаками отношения человека к другим людям в обществе.

По отношению к детскому возрасту на протяжении XX в. стереотипы изменились таким образом: раньше наиболее приоритетным видом деятельности детства были игра как имитация жизни и вхождение в самую жизнь, а учебе отводилось менее значительное место и время, нежели сейчас; в советский период насаждалась ценность производительного труда на благо общества, в соответствии с чем все дети должны были работать с ранних лет, затем от этого отказались.

Изменилось и коннотативно-оценочное наполнение концепта «молодость»: сейчас в русском языке получили распространение оценки молодежи как более самостоятельной и более поверхностной. На протяжении столетия вместе с бурными и многократными социально-политическими изменениями успела появиться как положительная и исчезнуть или превратиться в ироническую, саркастическую оценку характеристика молодого поколения как представителей пионерии и комсомола. Во многом в силу того, что произошел резкий перепад от усиленного контроля над молодежью со стороны государства до практически полной её «заброшенности», в последние годы место духовных ценностей, исконно присущих русскому народу и прививавшихся в семьях с детства, заняли материальные приоритеты и духовные «антиценности», поэтому сегодняшняя молодежь, по данным современной русской афористики, – это, в основном, рационалисты и циники, не очень образованные, не очень культурные люди (*«Определение возраста: из “Звездных войн” он уже вырос, но до “Войны и мира” еще не дорос» (Из блокнота Г. Виноградовой // Газ. «Достоинство». 2005)*). Перемены в России, отвергающие опыт предшествовавших поколений, ведут к непониманию и разрыву между поколениями и, соответственно, внутриконтентуальному конфликту.

Тем не менее, определяющую роль в аксиологии концепта «возраст» играет этическая оценка. В большой степени она зависит от таких экстралингвистических факторов, как социально-исторические и гендерные показатели. Психический склад и соответствующее воспитание накладывает отпечаток на аксиологиче-

ские представления и коммуникативную деятельность мужчин и женщин.

Историческое изменение стереотипов в России к настоящему времени привело к следующей картине ценностных ориентиров «возрастных» концептов.

Концепту «молодость» присущи такие положительные и отрицательные оценочные характеристики, как иллюзия исключительности молодых людей, деятельностное экспериментаторство, неприятие фальши и смерти, развитая чувственность в ущерб мыслительной деятельности, легкомысленность, игнорирование и неумение постигать глубину мирового культурно-нравственного опыта.

Ценностные ориентиры зрелого возраста в наши дни не столько изменяются, сколько подвергаются переосмыслению и обретают большую личностную и жизненно важную значимость, чем прежде. Для зрелого возраста и в наибольшей степени для пожилого характерно внутреннее осмысливание своей жизни, рефлексия, что обуславливает такое сложное (в личностном и социальном планах) явление, как переоценка ценностей («*Только в старости узнаёшь, что надо было хорошо жить. В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении – единственный светлый гость в комнату (в душу)*» (В.В. Розанов); «*Долгая жизнь умножает возможности, но обесценивает их*» (А.Коряковцев)).

Специфика отражения концепта «возраст» в английской лексике, паремиологии, афористике сводится к следующему.

Все слова английского языка, содержащие указание на возраст, прямо или имплицитно содержат в себе оценку, имеют коннотативный компонент, при понимании и интерпретации чего большую роль играет внутренняя форма слова. Некоторые из этих слов произошли путем метафоризации или апеллятивации, есть и такие лексические единицы, которые могут описывать поведение человека, только употребляясь в адрес иной возрастной категории, чем та, на которую указывает их первоначальное значение (типа *baby* («младенец» (о взрослом))).

Паремии английского языка, относящиеся к периоду детства, практически все имеют аналогии в русском языке, что отражено в словарях («*Children when they are little make parents fool, when they are big they make them mad*» – «*Маленькие детки – маленькие бедки, а большие детки – большие и бедки*» (Кусковская 1992, с.91)).

Что касается концепта «молодость», то в английском языке, так же, как и в русском, функционируют паремии, имеющие нейтральную, отрицательную и положительную оценочность; если они и не существуют в русском языке как устойчивые выраже-

ния, то все равно смысл их понятен и приемлем для русской картины мира.

В американском варианте английского языка также стали складываться «возрастные» поговорки. Стереотипными ценностями стало то, что в отличие от молодежи, например, Великобритании, не заботящейся о сокрытии классово-социальной принадлежности, американская молодежь из считающегося изначально бесклассовым американским обществом вынуждена жить по двойным стандартам, двойной жизнью, особенно её представители, принадлежащие к высшим классам или же к низшим классам, но с четким стремлением вырваться «наверх», поэтому вырабатывает собственный стиль общения, свой сленг.

Ценности возрастной категории «зрелость» в американской афористике не имеют яркой национальной специфики.

Для каждой культуры характерна переоценка жизненных ценностей, происходящая в разные возрастные периоды. В американской афористике отражены представления об относительности возраста «*A man is as old as he feels, and a woman is as old as she looks*» – *Женщине столько лет, на сколько она выглядит.*

В наибольшей степени национальная специфика американского менталитета проявляется по отношению к концепту *старость*. В сознании американцев положительные аспекты концепта *молодости* оказываются актуальнее, чем положительные аспекты концепта *старости*. Американские социологи для описания отношения к пожилым людям в США используют термин «эйджизм», созданный в 1969 году американским социологом Р. Батлером для обозначения «нормативной дискриминации отдельных поколенческих когорт по принципу возраста», причем «чаще всего в современном обществе данная дискриминация относится к самым старшим генерационным когортам, имеющим самый низкий статус среди взрослого населения».

Исследование языка британской и американской художественной литературы показало, что возрастной концепт «юность» не отличается кардинальным образом по отношению к Британии, Америке и Канаде, есть очень много параметров, одинаково характерных для молодежи этих стран. Самые сильные из них – духовный кризис, мотив построения гармоничных отношений между поколениями отцов и детей. Подвергая старые ценности сомнению, молодежь стремится пересмотреть все заново: образ жизни, традиции, систему образования, характер демократии, мораль, этику, взаимоотношения со старшим поколением, культуру и прочее.

Молодежь Британии и Америки резко делится на три типа: на элитарную, в высшей степени ориентированную на социокультурные ценности своих классов – аристократии и/или богатых людей, на молодежь средних классов и деклассированную. Разница состоит в том, что американская молодежь более бурно выражает бунтарские настроения, а английская молодежь более конформна. Представители обеих стран дают более высокую оценку старшему поколению по ответственности и качествам личности.

Отражение психологии и аксиологии детства и отрочества, начавшееся в английской литературе с XVIII века, претерпело к настоящему времени значительные изменения – от идеализации до дегероизации, реалистичного показа острых проблем и даже грубого вульгарного натурализма. «Обычными общечеловеческими проблемами» подростков Британии и Америки стали считаться физиология, секс, наркотики, СПИД, любовь, дружба, насилие, расизм.

По данным языка современной британской литературы жизненные ценности подростков таковы: мать, но к ней не обязательно хорошо относиться (*«Ah love Ma, love her too much, but in a way which is hard for us tae define, a way which makes it difficult, almost impossible, tae ever actually tell her. But ah love her nonetheless. So much that ah don't want her tae have a son like me. Ah wish ah could find her a replacement. Ah wish that because ah don't think change is an option for us»* (I. Welcsh. «Trainspotting»). – «Я люблю маму, очень люблю, но как-то по-особенному, мне даже трудно, почти невысказанно признаться ей в этом. Но я все равно её люблю. Так сильно, что даже сожалею, что у неё такой сын. Мне хотелось бы найти себе замену, потому что мне кажется, что я не изменюсь никогда» (И.Уэлш. «На игле»)); отстаивание права на независимость и равнодушие ко всему; стремление вести себя и разговаривать не так, как принято в обществе, а лишь соотносясь со своими ощущениями, пусть даже крайне эпатажно; прагматизм; неосознаваемая надежда на помощь старших; для девиантных подростков – наркотики и забота об их наличии. Антиценности – взрослые по факту своего существования и наличия их правил жизни, традиций и стиля общения; жестокость даже к своим сверстникам. Вместе с тем им свойственна обострённая чувствительность, особенно к проявлению фальши, двойной морали, предательству дружбы, обидам, недоверию.

Нынешние подростки очень прагматичны, они взвешивают возможные варианты жизненного сценария и стремятся к наиболее легкому. Путь, выбранный «по привычке» двадцатилетними «стариками», для них неприемлем, поскольку не даёт прибыли. Например, шестнадцатилетняя Нина из того же произведения

после школы собирается или пойти работать, или же бездельничать, если найдется богатый покровитель:

«Geoff shrugged his shoulders. He was twenty-one and Nina thought that was ancient.

- So when dae ye finish the school? — he asked her.

- Next year. Ah wanted tae go now but ma Ma hassled us tae stey.

- ... Then whit?

- Git a jib. Or git oan a scheme.

- No gaunnae stey oan n take Highers?

- Naw.

- Ye should. You could go tae University.

- Whit fir?

Geoff had to think for a while. He had recently graduated with a degree in English Literature and was on the dole. So were most of his fellow graduates.

- It's a good social life, he said».

«...Джефф пожал плечами. Ему было двадцать один, и Нина считала его глубоким стариком.

- Когда заканчиваешь школу? — спросил он ее.

- В будущем году. Я хотела уйти в этом, но мама наехала, и пришлось остаться.

- ...А потом что?

- Пойду работать. Или буду оттягиваться.

- А не хочешь пойти в старшие классы?

- Не-а.

- А зря. Ты бы могла поступить в университет.

- На фигга?

Этот вопрос заставил Джеффа задуматься. Он недавно получил ученую степень по английской литературе и теперь жил на пособие по безработице. Как и большинство его однокурсников.

- Чтобы занять положение в обществе, — сказал он».

Таким образом, И. Уэлш показывает, что между современными английскими тинэйджерами и молодыми людьми немногим старше их уже возникла ценностная пропасть – первые, в отличие не только от взрослых, но и от молодых людей, всего лишь на 5-7 лет старше их, отказываются жить по принятым в обществе условиям, проявляют большее равнодушие и практическую хватку.

Взросление подростка (как правило, болезненное, конфликтное) выражается в постепенной адаптации к миру взрослых, принятии их правил и законов, растождествлении себя и своих родителей, появлении собственных убеждений и саморефлексии, угасании стремления казаться взрослым во что бы то ни стало, в выходе из детской выдуманной картины мира в реальность, в изменении стиля одежды, прически и стиля речи, отказе от эксцентричности. Это может расцениваться и как отказ от самого себя, утрата какой-то своей части и появление защитного «слоя» от окружающей среды и, в то же время, как осознание себя ча-

стью окружающего мира, «открытие» для себя других людей и способности сопереживать им. Процесс взросления приводит к некоторому смещению внутреннего видения возраста.

В художественных произведениях британских писателей, посвященных американским подросткам, ярко представлен подростковый сленг, макароничность речи с целью передать ощущение от утрированности речи подростков, её нарочитости, эпатажности, некоторой искусственности и, в конечном итоге, передать стремление подростка к ироничности и к «современному» желанию отстраняться от всего и вся, не принимать ничего близко к сердцу и не идентифицировать себя ни с кем и ни с чем, чтобы сохранить свою самобытность, уникальность. Заостряется внимание на важности для американского тинэйджера материальных ценностей, его стремлении освободиться от накопившейся энергии через негатив, противопоставлять себя всем, дабы считаться независимой личностью. Подростки не осознают своей агрессивности и не видят цивилизованных выходов для нее; полное отсутствие сострадания, толерантности, крайнее проявление эгоизма дает кратковременное облегчение, но низводит до уровня жестокого примитивного существа.

Отрицательные черты, девиантное поведение подросток считает проявлением личности. Более того, те, кто ведут себя хорошо, правильно, – это не личности, это лишь однообразная серая масса, слабовольное трусливое стадо, боящееся личностей. Видимо, считает подросток, у неличности не хватает ума и смелости выделиться из общей массы, а выделиться, по его мнению, можно лишь одним способом – быть плохим, «неправильным», потому что хорошие все одинаковые, и потому серые или вообще бесцветные, а плохие – каждый по-своему, у каждого свой яркий цвет, созданный не в толпе, а в одиночестве, что и составляет предмет гордости:

«But, brothers, this biting of their toe-nails over what is the cause of badness is what turns me into a fine laughing malchik. They don't go into the cause of goodness, so why the other shop? If lewdies are good that's because they like it and I wouldn't ever interfere with their pleasures, and so of the other shop. And I was patronizing the other shop. More, badness is of the self, the one, you or me on our oddy knockies, and that self is made by old Bog or God and is his great pride and radosty. But the not-self cannot have the bad meaning they of the government and the judges and the schools cannot allow the bad because they cannot allow the self... But what I do I do because I like to do» (A. Burgess. A Clockwork Orange). – «Но больше всего меня веселило то усердие, с которым они (взрослые), грызя ногти на пальцах ног, пытаются докопаться до причины того, почему я такой плохой. Почему люди хорошие, они дознаются не пытаются, а тут такое рвение! Хорошие люди те, которым это нравится, причем я

никоим образом не лишаю их этого удовольствия, и точно так же насчет плохих. У тех своя компания, у этих своя. Более того, когда человек плохой, это просто свойство его натуры, его личности – мой, твоей, его, каждого в своем odinotshestve, — а натуру его сотворил Бог, или Gog, или кто угодно в великом акте радостного творения. Неличность не может смириться с тем, что у кого-то эта самая личность плохая, в том смысле, что правительство, судьбы и школы не могут позволить нам быть плохими, потому что они не могут позволить нам быть личностями. Да и не вся ли наша современная история, блинн, это история борьбы маленьких храбрых личностей против огромной машины... Но то, что я делаю, я делаю потому, что мне нравится это делать» (Э. Берджесс. «Заводной апельсин»).

Видимо, по мнению героя, хорошие черты навязываются, надеваются, как одежда; чтобы быть хорошим, не надо думать вообще, просто надо выучить правила игры, автоматически применять их, а чтобы стать плохим – надо приложить усилия (приравняемые к творчеству), «вырастить» их как кристалл или цветок, а на этот акт способна только самостоятельная, независимая личность.

В американских литературных произведениях об американских подростках отражены, в основном, «вечные» подростковые жизненные ориентиры и особенности возраста. Это, с одной стороны, желание быть особенным, ярким, необычным, понимание дружбы как помощи и отсутствия предательства, способность надеяться на лучшее даже в не очень благоприятных ситуациях, желание выглядеть хорошо, нравиться и любить, быть бескомпромиссным. С другой стороны – лень, привычка пререкаться со взрослыми, «выторговывая» себе послабления в обязанностях, болтливость, приверженность клятвам, зарокам, желание жить не столько в реальном мире, сколько в мире, создаваемом богатой юношеской фантазией. У тинэйджеров ценности обычно сиюминутны, порой бывает достаточно одного слова, сплетни, чтобы хорошее стало плохим и наоборот. Они знакомы с основами самовнушения, аутотренинга, повышающего настроение и самооценку, и способны применять его в тягостные минуты жизни:

“If John calls now I’ll know I was right all along. I am special. I am different. I am leading a charmed life. I will get everything... I was born under a lucky star and everything will be perfect and beautiful forever. Oh, I know some bad things will happen, but not really tragic and I will rise above them and be a better person after all...” (J. Angell. «Turmoil in a blue and beige room»). – «Если Джон сейчас позвонит, это значит, что я все делала правильно. Я особенная. Я не такая как все. Моя жизнь восхитительная. У меня все будет... Я родилась под счастливой звездой, у меня будет все и всегда хорошо. Да, я знаю, что будут и неприятности, но, думаю, не

очень трагические. Я сумею с ними справиться и стану еще лучше» (Дж. Энжел. «Суэта в тоскливой бежевой комнате»).

В то же время тинэйджеры зачастую проявляют эмоциональную зависимость от своего пробудившегося чувства влюбленности, живут по неписанным законам юношеского и девчачьего «этикета» по отношению к противоположному полу и к друзьям.

Душевная боль, отрицательные эмоции, полученные в семье, ощущение одиночества способны отравить жизнь подростка надолго, даже на все оставшиеся годы.

“Tracy had long since given up expecting anything from her parents beyond food, shelter and arguments. The arguments had been halved when her father moved out and they might disappear altogether now...” (S. B. Pfeffer. «Pigeon Humor»). – *«Трейси уже давно перестала ждать от родителей чего-нибудь еще, кроме еды, крова и ссор. Ссоры уменьшились наполовину, когда отец бросил их, а теперь они, наверное, совсем исчезнут...»* (С. Б. Пфеффер. «Анекдот про голубя»).

Эмоции доминируют в подростковом возрасте, они составляют главную ценность, которая настолько сильна, что подменяет собой иные, истинные ценности.

Таким образом, возрастные изменения человека – это целый комплекс не только физиологических, психологических, социальных, но также и философских, мировоззренческих проблем. Они «перерастают» национальный рубеж и являются проблемами общечеловеческими, универсальными в своей регулярной повторяемости и сложности.

Подведем основные итоги.

Совокупный концепт «возраст», в который входят понятия, обозначающие различные возрастные группы, характеризуется тем, что среди репрезентирующих его ценностных ориентиров существуют как универсальные, стереотипные представления, так и специфические, национально-культурные. Аксиологическая составляющая концепта «возраст» не есть величина постоянная, она подвержена изменениям и определяется благодаря таким экстралингвистическим факторам, как гендер, время, нравственные установки в семье, этнокультурные представления разных рас и народов, социальные трансформации и отношение к ним индивида, окружение человека, особенности приобретения им личностного опыта, тип темперамента.

Лингвокультурный концепт «возраст» относится к ценностям социальным, экономическим и эстетическим. Кроме того, в личном понимании и в контексте художественного произведения возраст может идентифицироваться как ценность индивидуальная, а также микро- и макрогрупповая. Ценность концептов, составляющих различные возрастные периоды, зависит от объек-

тивных и субъективных оценок, которые нуждаются в интерпретации, особенно если они представлены имплицитно. Зачастую критерии возраста и его аксиологические параметры определяются человеком по-разному «изнутри» (как самооценка) и «снаружи» (со стороны), поэтому в основе лингвистического изучения концепта «возраст» должны лежать психологические и социокультурные знания, а также гносеологические, прагматические, когнитивные и аксиологические параметры.

В лингвокультурном плане концепт «возраст» отличается от возраста в реальном, физиологическом плане. В отличие от строгой и необратимой последовательности в жизни, в концепте «возраст» как в лингвокультурном феномене могут переплетаться его составные части, нарушаться последовательность, возникать взаимопроницаемость, размытость границ. Все это обусловлено ментальными процессами, изменением аксиологических ориентиров, национальной спецификой, что отражается в языковой картине мира человека. На основании этого концепт «возраст» можно рассматривать не как единое целостное образование, а как **концептуальную систему**, имеющую свою структуру, план содержания и план выражения посредством лексики, фразеологии, паремиологии, афористики, текстов.

По данным русского языка изменения аксиологических стереотипов концепта «возраст» и его составляющих на протяжении XX века коснулись концепта «детство» (постепенная переориентация с игры на труд, затем на учебу), концепта «юность» (проявление самостоятельности, агрессивности, деятельности, поверхностности, отрицание ценностей предыдущих поколений, появление рационализма, «антиценностей», чуждых русским аксиологическим представлениям, потеря общей культуры, культивирование материального и чувственного в ущерб духовному). Ценностные ориентиры концепта «зрелость» в наши дни не столько изменяются, сколько подвергаются переосмыслению и обретают большую личностную и жизненно важную значимость, чем прежде. Превалирующей доминантой концепта «старость» сейчас является переоценка ценностей. Углубляется конфликт и разрыв между поколениями.

Семантические изменения языковых единиц проявляются и в том, что возрастные номинации человека с течением времени могут приобрести ироническую окраску вместо положительной, потерять значения конкретных возрастных периодов и выступать в качестве ролевых, становясь знаками отношения человека к другим людям в обществе.

Русской, британской и американской лингвокультурам в отношении концепта «возраст» присущи и одинаковые, стереотипные ценности, и различающиеся. Последние касаются, в основном, концептов «молодость» и «старость». В языке современной художественной литературы отражено представление о том, что молодежь Британии не скрывает своей классовой принадлежности и живет в соответствии с её ценностными представлениями, а потому более конформна по сравнению с американскими ровесниками. В считающемся изначально бесклассовым американском обществе американская молодежь вынуждена жить по двойным стандартам, двойной жизнью, что сказывается в стиле общения и особом сленге, сильном выражении бунтарских настроений. Доминантными аксиологическими компонентами, характерными для молодежи обеих стран, стали духовный кризис и построение гармоничных отношений между поколениями отцов и детей; трудный и конфликтный процесс взросления приводит к некоторому смещению внутреннего видения возраста. В наибольшей степени национально-культурный компонент в американской лингвокультуре проявляется по отношению к концепту «старость». В сознании американцев положительные аспекты концепта молодости оказываются актуальнее, чем положительные аспекты концепта старости. Всё это репрезентировано языковыми единицами лексического, фразеологического, семантико-синтаксического и дискурсивно-текстового уровней.

Литература

Любина И.М. Лингвистические исследования концепта «возраст» // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Мат-лы 4-й межвуз. конф. молодых ученых (Краснодар, 29 апреля 2005 г.). – Краснодар: КубГУ, 2005. С. 176-180.

Любина И.М. Социально-исторические переменные концепта «возраст» // Современная лингвистика: теория и практика. Мат-лы 6-й Межвуз. научно-методич. конф. Ч. 2. – Краснодар: КВВАУ, 2006. С.16-23.

Любина И.М. Гендерный фактор аксиологии концепта «возраст» // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Мат-лы 5-й межвуз. конф. молодых ученых (Краснодар, 28 апреля 2006 г.). – Краснодар: КубГУ, 2005. с.100-106.

ЖЕНЩИНА

Данная работа посвящена лингвокогнитивному изучению средств языковой объективации концепта «женщина» в русском и казахском языках и выявлению лингвокогнитивными методами национальной специфики этого концепта в русском и казахском языковом сознании. Исследование выполнено в русле *семантико-когнитивного направления* когнитивной лингвистики, разрабатываемого научной школой Воронежского государственного университета (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Теоретической основой исследования послужили обоснованные в современной когнитивной лингвистике положения о том, что люди мыслят концептами как ментальными единицами, язык выступает средством овнешнения (объективации) содержания человеческого сознания и средством доступа к национальному сознанию, а анализ языковых средств объективации концептов позволяет исследовать и описать концептосферу человека.

Объектом исследования выступает языковая объективация концепта «женщина» в русском и казахском языках.

Предметом исследования является структура и содержание концепта «женщина» в русском и казахском языковом сознании, описание которых осуществлялось с применением методов лингвокогнитивного анализа языка.

Теоретической базой исследования выступают теоретические и методологические концепции, изложенные в работах Л.В. Адониной 2007, А.П. Бабушкина 1996, 1999, 2001, Е.Ю. Балашовой 2004, Н.Н. Болдырева 1998, 2001, 2004, С.Г. Воркачева 2001, 2002, 2003, А.А. Залевской 1998, 2001, 2003, М.М. Ивановой 2008, В.И. Карасика 2000, 2001, 2002, 2005, Н.А. Красавского 1996, 2001, Е.С. Кубряковой 1994, 1996, 2001, 2004, Е.А. Маклаковой 2006, М.С. Онищенко 2008, З.Д. Поповой 2001, З.Д. Поповой, И.А. Стернина 1999, 2001, 2003, 2004, 2006, 2007, А.В. Рудаковой 2001, 2004, Г.Г.Слышкина 2002, 2004, Ю.С. Степанова 1975, 1995, 1997, 2001, И.А. Стернина 2001, 2003, 2004, 2008, Л.А. Тавдгирдзе 2005 и др.

Материалом исследования послужили результаты направленного ассоциативного эксперимента. Согласно ряду последних исследований, направленный ассоциативный эксперимент позволяет наиболее эффективным и надежным способом описать реальное языковое сознание носителей языка и выявить когнитивные признаки, отражающие концептуализацию предметов или явле-

ний тем или иным народом (Иванова 2008, Онищенко 2008, Попова, Стернин 2006, Тавдгиридзе 2005 и др.). Такой эксперимент является наиболее информативным и дает богатый и наиболее достоверный материал для исследования концептов в актуальном языковом сознании народа.

Направленный ассоциативный эксперимент предполагает ответ на слово-стимул, ограниченный определенными условиями. В рамках данного исследования направленный ассоциативный эксперимент проводился в двух формах – «X – какая?» и «X – что делает?», поскольку эти формы, как показал проведенный нами пилотажный эксперимент, наиболее информативны, позволяют получить наиболее содержательные сведения о содержании концептов, зафиксировать наибольшее количество языковых средств, объективирующих концепты, отражающих реальное языковое сознание народа и удобных для проведения когнитивной интерпретации.

Данное исследование посвящено изучению языкового сознания русских и казахов, проживающих на территории Астраханской области (большого и малого этносов). Эксперимент проводился в 2006 – 2007 гг. среди жителей г. Астрахани и в населенных пунктах Астраханской области. В эксперименте приняли участие 303 носителя русского языка и 112 носителей казахского языка разного пола, возраста, социального положения, гражданского состояния. Разница в количестве испытуемых – представителей русского и казахского национального языкового сознания – объясняется большой трудоемкостью проведения эксперимента среди носителей казахского языка, поскольку казахи представляют малочисленное население Астраханской области, и, кроме того, многие представители данного этноса не владеют родным языком в том объеме, который позволил бы им справиться с предлагаемым экспериментом на казахском языке. Вместе с тем, результаты эксперимента являются достоверными – согласно данным Г.А. Черкасовой, полученным при анализе материалов «Русского ассоциативного словаря», при проведении ассоциативных экспериментов 100 человек является достаточным количеством испытуемых для получения научно достоверных результатов (Черкасова 2005: 227-244).

В ходе проведения направленного ассоциативного эксперимента испытуемым была предъявлена следующая инструкция: «Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте, который проводится в научных целях», и предлагалось письменно ответить на вопросы «Женщина – какая?»; «Женщина – что делает?» и «Баба – какая?»; «Баба – что делает?» для но-

сителей русского языка; аналогично носителям казахского языка было предложено ответить на вопросы «Әйел – қандай?»; «Әйел – не істейді?» и «Қатын – қандай?»; «Қатын – не істейді?». Предлагалось дать три ассоциативные реакции на слова-стимулы «женщина» и «баба», «әйел» и «қатын».

Реакции на стимулы «какая?» и «что делает?» были обобщены. В результате было получено 1773 реакции на стимул «женщина», 1674 реакции на стимул «баба», 635 реакций на стимул «әйел» и 602 реакции на слово-стимул «қатын». Совокупность реакций (ассоциатов), расположенных по убыванию их яркости, образует ассоциативное поле концепта, являющееся одной из составляющих номинативного поля соответствующего концепта.

Лингвокогнитивное исследование в рамках семантико-когнитивного подхода включает следующие этапы:

1. Построение ассоциативных полей ключевых номинаций рассматриваемых концептов.

2. Когнитивная интерпретация ассоциатов (выявление когнитивных признаков концептов).

3. Моделирование концептов в русском и казахском языковом сознании (описание макрокомпонентной, категориальной и полевой структуры концептов).

4. Сопоставительный анализ близких концептов для установления их статуса в концептосфере и выявления их национальной специфики.

Ассоциативное поле стимула «женщина» в русском языковом сознании, которое имеет следующий вид:

Женщина – 1773: красивая 192; умная 106; готовит 82; работает 79; воспитывает детей 43; стройная 41; убирает(ся) 38; добрая 35; красится 31; нежная 29; любит 25; ласковая, стирает 23; женственная 19; ведет домашнее хозяйство, воспитывает, заботливая, ухаживает за собой 17; привлекательная, рождает детей, эlegantная 16; улыбается 15; молодая 13; ухоженная, ходит по магазинам 12; любимая, любящая, хитрая 11; симпатичная, скромная ... читает журнал, читает книги детям, читает нотации, читает светскую хронику, шикарная, эгоистка, экстравагантная, эротичная, эффектная, яркая 1.

Обработка результатов ассоциативного эксперимента методом когнитивной интерпретации выявила когнитивные признаки концепта, которые были ранжированы по убыванию их яркости (индекс яркости признака определялся как отношение общего количества ассоциатов, репрезентирующих данный признак, к общему числу испытуемых):

красивая (0,91), ведет домашнее хозяйство (0,75), занимается семьей (0,42), заботится о привлекательной внешности (0,36), умная (0,35), много работает (0,30), заботливая, чуткая (0,27), женственная (0,14), добрая (0,14), любящая (0,13), производит положительное эмоциональное впечатление (0,13), жизнерадостная (0,12), деловая (0,11), следует моде (0,10), соблазняет мужчин (0,09) и др. (всего 133 когнитивных признака).

Макроструктура концепта «женщина» в русском языковом сознании состоит из следующих компонентов:

❖ *Образный компонент, включающий:*

• *перцептивный образ, в составе которого доминируют зрительные образы: (красивая (индекс яркости 0,91), светловолосая (0,04); высокая (0,02); невысокого роста (0,01); голубоглазая (0,003); кареглазая (0,003); с длинными волосами (0,003); темноволосая (0,01) и др. При этом зрительные образные признаки, выражающие внешнюю привлекательность, идеализированное представление о женщине в русском языковом сознании (красивая (0,91)) значительно преобладают над всеми остальными. Также выявлен звуковой образ: поет (0,01) и молчит (0,003). Когнитивный образ в концепте не выявлен.*

❖ *Энциклопедическое содержание, которое образуют:*

• *категориальная зона: относится к женскому полу (0,003);*

• *дифференциальная зона: ведет домашнее хозяйство (0,75), занимается семьей (0,42), рожает детей (0,07), состоит в браке (0,03) и др.;*

• *описательная зона: заботится о привлекательной внешности (0,36); умная (0,35); работает (0,30); заботливая, чуткая (0,27); добрая (0,14); женственная (0,14); любящая (0,13); производит положительное эмоциональное впечатление (0,13); жизнерадостная (0,12); деловая (0,11); следует моде (0,10) и др.;*

• *идентификационная зона: любимая (0,04), единственная (0,003), русская (0,003);*

• *мифологическая зона: загадочная (0,02); тратит деньги мужа (0,02); использует мужчину в собственных (корыстных) целях (0,02); роковая (0,01).*

❖ *Интерпретационное поле, в состав которого входят:*

• *оценочная зона: красивая (0,91); умная (0,35); добрая (0,14); злая (0,04); некрасивая (0,02); хорошая (0,02); глупая (0,01);*

- утилитарная зона: *ведет домашнее хозяйство (0,75), занимается семьей (0,42); заботится о мужчине (0,07); несет все тяготы (0,01); выгуливает собаку (0,003).*

В структуре концепта «женщина» вычленяются *когнитивные слои* (в скобках указаны суммарные индексы яркости когнитивных слоев):

- неоценочный слой (2,86): *ведет домашнее хозяйство (0,75); занимается семьей (0,42); заботится о привлекательной внешности (0,36); много работает (0,30); следует моде (0,10) и др.*

- оценочный слой (3,06):

- позитивно-оценочные признаки (2,73): *красивая (0,91); умная (0,35); заботливая, чуткая (0,27); женственная (0,14); добрая (0,14); любящая (0,13); производит положительное эмоциональное впечатление (0,13); жизнерадостная (0,12); деловая (0,11); культурно себя ведет (0,05); сексуально привлекательная (0,04); обладает твердостью духа (0,04); любимая (0,04); скромная (0,04) и др.;*

- негативно-оценочные признаки (0,30): *хитрая (0,06); злая (0,04); любит поговорить (0,04); некрасивая (0,02); использует мужчину в собственных (корыстных) целях (0,02); развратная (0,02); жестокая (0,01); несчастная (0,01); зануда (0,01); ругается (0,01); глупая (0,01) и др.*

- амбивалентно-оценочные признаки (0,03): *гордая (0,01); роковая (0,01); верит мужу (0,003); молчит (0,003) и др.*

Категориальная структура концепта «женщина» представлена 25-тью когнитивными классификационными признаками (после каждого классификационного признака в скобках указан индекс яркости, представляющий собой отношение суммарного количества составляющих его когнитивных признаков к общему количеству когнитивных признаков):

- Характерная деятельность (0,19):

- 1) характерные занятия и увлечения (0,11): *читает, разговаривает по телефону, развлекается, встречается с подругами, загорает и др.;*

- 2) занимается искусством (0,02): *поет, слушает музыку, рисует;*

- 3) занимается рукоделием (0,02): *вяжет, шьет, вышивает;*

- 4) отношение к обязанностям по хозяйству (0,02): *ведет домашнее хозяйство, несет все тяготы;*

- 5) отношение к семье (0,02): *занимается семьей, кормит;*
- Внешность (0,14):
 - 1) внешняя характеристика (0,04): *красивая, некрасивая, классического образа* и др.;
 - 2) волосы (0,03): *светловолосая, темноволосая, рыжеволосая, с длинными волосами;*
 - 3) рост (0,02): *высокая, невысокого роста;*
 - 4) фигура (0,02): *полная, крупная;*
 - 5) цвет глаз (0,02): *с голубыми глазами, с карими глазами;*
 - 6) цвет кожи (0,01): *смуглая;*
 - Социальное поведение (0,08): *хитрая, культурно себя ведет, жестокая, высокомерная* и др.;
 - Взаимоотношения с мужчиной (0,08): *соблазняет мужчин, заботится о мужчине, использует мужчину в собственных (корыстных) целях* и др.;
 - Профессиональная деятельность (0,08): *работает учителем, работает бухгалтером, работает в государственном учреждении* и др.;
 - Характер и темперамент (0,06): *заботливая, чуткая; добрая, обладает твердостью духа, злая* и др.

В результате *полевой стратификации* содержания в концепте «женщина» были вычленены ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия:

Ядро (2 признака) (2%)⁴

красивая (0,91); ведет домашнее хозяйство (0,75);

Ближняя периферия (5 признаков) (4%)

занимается семьей (0,42); заботится о привлекательной внешности (0,36); умная (0,35); много работает (0,30); заботливая, чуткая (0,27);

Дальняя периферия (41 признак) (31%)

женственная (0,14); добрая (0,14); любящая (0,13); производит положительное эмоциональное впечатление (0,13); жизнерадостная (0,12); деловая (0,11); следует моде (0,10); соблазняет муж-

⁴ От общего количества когнитивных признаков соответствующего концепта.

чин (0,09); рождает детей (0,07); заботится о мужчине (0,07); хитрая (0,06); культурно себя ведет (0,05); молодая (0,04) и др.

Крайняя периферия (85 признаков) (63%)

водит машину (0,01); жестокая (0,01); невысокого роста (0,01); полная (0,01); зануда (0,01); ругается (0,01); справедливая (0,003); талантливая (0,003); целуется (0,003) и др.

Ассоциативное поле стимула «баба» в русском языковом сознании:

Баба – 1674: толстая 78; готовит (стряпает) 71; работает 51; стирает, убирает(ся) 44; ругается 36; грубая 33; базарная, полная 26; доит корову 25; работающая 22; добрая 20; старая 17; курит, русская, сильная 16; большая, грязная, кричит, Рязанская 15; детей воспитывает 14; веселая, деревенская, ест, неухоженная, пьет 13; глупая, тупая 12; гуляет, красивая, наглая, простая, рождает (много) детей, сварливая, сельская, хозяйственная 11; неопрятная, орет, сплетничает, страшная 10; Баба-яга, злая, коня на скаку остановит, некрасивая, трудолюбивая 9; ... щедрая, шумливая, шумная, шустрая, ябедничает, языкастая 1.

Когнитивная структура концепта «баба» включает следующие когнитивные признаки:

ведет домашнее хозяйство (0,82), ругается (0,48), полная (0,38), много работает (0,36), неухоженная, неопрятная (0,23), грубая (0,22), занимается сельским хозяйством (0,21), занимается семьей (0,15), пьющая (0,14), крестьянского происхождения (0,11), развратная (0,11), злая (0,10), глупая (0,10), добрая (0,09), крупная (0,09), некрасивая (0,09), жизнерадостная (0,09) и др. (всего 138 когнитивных признаков).

Моделирование концепта «баба» в русском языковом сознании.

Макроструктура концепта «баба» выглядит следующим образом:

❖ *Образный компонент:*

● перцептивный образ включает *зрительный образ* (наиболее ярко в зрительном образе концепта «баба» представлены признаки, отражающие внешние характеристики: *неухоженная, неопрятная (0,23); некрасивая (0,09); красивая (0,05)* и др.) и *звуковой образ (0,01) (поет (0,01), шумная (0,01));*

● когнитивный образ – метафорическая зооморфная объективация концепта (*росомаха (0,003)*), указывающая на неуклюжесть.

❖ *Энциклопедическое содержание:*

● дифференциальная зона: *ведет домашнее хозяйство (0,82); занимается сельским хозяйством (0,21); занимается семьей (0,15); крестьянского происхождения (0,11); рождает детей (0,05)* и др.;

● описательная зона: *ругается (0,48); много работает (0,36); грубая (0,22); пьющая (0,14); развратная (0,11); глупая (0,10); злая (0,10); добрая (0,09); жизнерадостная (0,09); смелая (0,08); курит (0,07); любит поговорить (0,07); любит поесть (0,07); пожилого возраста (0,07); бойкая (0,04)* и др.;

● идентификационная зона: *русская (0,05), Рязанская (0,05), любимая (0,003), моя (0,003)* и др.;

● мифологическая зона: *Баба-яга (0,05), коня на скаку остановит, в горящую избу входит (0,05), бьет мужа (0,04), занимается колдовством (0,01), понукает мужем (0,01).*

❖ *Интерпретационное поле:*

● оценочная зона: *злая (0,10), глупая (0,10), добрая (0,09), некрасивая (0,09), красивая (0,05), плохая (0,03), хорошая (0,03), умная (0,01), честная (0,003);*

● утилитарная зона: *ведет домашнее хозяйство (0,82); занимается семьей (0,15); заботится о мужчине (0,03); носит воду (0,03); несет все тяготы (0,02).*

В структуре концепта «баба» выделяются когнитивные слои:

● Исторический слой (0,16): *крестьянского происхождения (0,11); занимается колдовством (0,01); в сарафане (0,003); сучит пряжу (0,003)* и др.;

● Современный слой (5,44);

● Неоценочный слой (2,93): *ведет домашнее хозяйство (0,82); полная (0,38); много работает (0,36); занимается сельским хозяйством (0,21); занимается семьей (0,15); крестьянского происхождения (0,11); крупная (0,09); пожилого возраста (0,07); сильная (0,07); любит поесть (0,07); курит (0,07); торгует (0,06)* и др.;

● Оценочный слой (2,67):

- *позитивно-оценочные признаки (0,45): добрая (0,09); жизнерадостная (0,09); смелая (0,08); красивая (0,05); хорошая (0,03) заботливая, чуткая (0,02); любящая (0,02); умная (0,01); мудрая (0,01);* и др.;

- негативно-оценочные признаки (2,09): *ругается (0,48); неухоженная, неопрятная (0,23); грубая (0,22); пьющая (0,14); развратная (0,11); злая (0,10); глупая (0,10); некрасивая (0,09); любит поговорить (0,07); Рязанская (0,05); Баба-яга (0,05); бьет мужа (0,04); сплетница (0,04); ворчливая (0,04); необразованная (0,03); плохая (0,03); жестокая (0,03) и др.*

- амбивалентно-оценочные признаки (0,12): *простодушная (0,04); бойкая (0,03); смешная (0,02); властная (0,01); выделяющаяся (0,01); прямолинейная (0,01); самоуверенная (0,003).*

Категориальная структура концепта «баба» имеет следующий вид (всего выявлено 22 классификационных признака):

- Характерная деятельность (0,19):

- 1) характерные занятия и увлечения (0,07): *любит поесть, занимается колдовством, грызет семечки* и др.;

- 2) занимается рукоделием (0,04): *вяжет, шьет, вышивает, рукодельничает, сучит пряжу;*

- 3) отношение к обязанностям по хозяйству (0,03): *ведет домашнее хозяйство, занимается сельским хозяйством, носит воду* и др.;

- 4) отношение к семье (0,03): *занимается семьей, плохо обращается с детьми, кормит, не умеет воспитывать детей и готовить;*

- 5) занимается искусством (0,02): *поет, танцует, играет на пианино;*

- Внешность (0,14):

- 1) внешняя характеристика (0,04): *некрасивая, красивая, мужеподобная* и др.;

- 2) волосы (0,03): *с длинными волосами, светловолосая, рыжеволосая, с седыми волосами;*

- 3) одежда (0,03): *в платке, в сарафане, в фартуке, простоволосая;*

- 4) фигура (0,02): *полная, крупная, худая;*

- 5) рост (0,01): *высокая, невысокого роста;*

- 6) цвет кожи (0,01): *румяная, смуглая;*

- Характер и темперамент (0,13): *злая, добрая, Баба-яга, простодушная, бойкая, властная, прямолинейная* и др.;

- Социальное поведение (0,09): *грубая, жестокая, невоспитанная, хитрая* и др.;

- Взаимоотношения с мужчиной (0,06): *бьет мужа, заботится о мужчине, понукает мужем, верная, неверная* и др.;
- Коммуникативное поведение (0,06): *ругается, любит поговорить, сплетница, ворчливая, ругается матом* и др.

Полевая модель концепта «баба» включает следующие компоненты:

Ядро (4 признака) (3%)

ведет домашнее хозяйство (0,82); ругается (0,48); полная (0,38); много работает (0,36);

Ближняя периферия (19 признаков) (14%)

неухоженная, неопрятная (0,23); грубая (0,22); занимается сельским хозяйством (0,21); занимается семьей (0,15); пьющая (0,14); крестьянского происхождения (0,11); развратная (0,11); злая (0,10); глупая (0,10); добрая (0,09); крупная (0,09); некрасивая (0,09); жизнерадостная (0,09); смелая (0,08); любит поговорить (0,07); пожилого возраста (0,07); сильная (0,07); любит поесть (0,07); курит (0,07);

Дальняя периферия (63 признака) (46%)

торгует (0,06); рождает детей (0,05); русская (0,05); Рязанская (0,05); Баба-яга (0,05); красивая (0,05); бьет мужа (0,04); простодушная (0,04); сплетница (0,04); ворчливая (0,04); бойкая (0,03); носит воду (0,03); заботится о мужчине (0,03); необразованная (0,03); плохая (0,03); жестокая (0,03); хорошая (0,03); мужеподобная (0,02); ленивая (0,02) и др.

Крайняя периферия (52 признака) (37%)

в сарафане (0,003); в фартуке (0,003); грызет семечки (0,003); в сарафане (0,003); в фартуке (0,003); грызет семечки (0,003) и др.

Ассоциативное поле стимула «эйел»(женщина) в казахском языковом сознании:

Эйел – 635: көркем (красивая) 32; жұмыс істейді (работает) 30; ақылды (умная) 24; жақсы (хорошая), жұмыскер (работающая) 16; әдепті (воспитанная, культурная, вежливая, тактичная, деликатная) 15; бала тәрбиелейді (воспитывает ребенка) 13; ас пісіреді (готовит), әдемі (красивая, изящная, симпатичная) 11; балаларды тәрбиелейді (детей воспитывает), кір жуады (стирает) 10; жайлы (тихая, спокойная, степенная, неторопливая) 8; ... үйдің шаруасын ойлайды (думает о домашнем хозяйстве), үлкен (большая),

хат жазып отыр (пишет письмо), шапшаң (быстрая, проворная), ыдыс тазалайды (чистит посуду), іске шебер (рукодельница) 1.

Когнитивная структура концепта «эйел» включает следующие признаки:

ведет домашнее хозяйство (0,74), красивая (0,65), занимается семьей (0,60), много работает (0,53), культурно себя ведет (0,32), умная (0,21), добрая (0,15), хорошая (0,15), заботливая, чуткая (0,13), образованная (0,08), спокойная (0,08), учится (0,08), заботится о мужчине (0,07), обладает твердостью духа (0,07), серьезная, порядочная (0,07) и др., всего 90 признаков.

Моделирование концепта «эйел» в казахском языковом сознании.

Макроструктура концепта «эйел» в казахском языковом сознании:

❖ **Образный компонент:**

- перцептивный образ

Зрительный образ – наиболее яркая группа признаков репрезентирует внешние характеристики: *красивая (0,65); неухоженная, неопрятная (0,01) и др. Звуковой образ: поет (0,02).*

Вкусовой образ: *сладкая (0,01).* Когнитивный образ не выявлен.

❖ **Энциклопедическое содержание:**

- дифференциальная зона: *ведет домашнее хозяйство (0,74); занимается семьей (0,60); заботится о мужчине (0,07); рождает детей (0,04) и др.;*

- описательная зона: *культурно себя ведет (0,32); умная (0,21); добрая (0,15); заботливая, чуткая (0,13); спокойная (0,08); образованная (0,08); учится (0,08); серьезная, порядочная (0,07); гостеприимная (0,06); деловая (0,06); жизнерадостная (0,06); заботится о привлекательной внешности (0,06) и др.;*

- идентификационная зона: *любимая (0,04); моя мама (0,01);*

- мифологическая зона: *имеет равные права с мужским полом (0,01).*

❖ **Интерпретационное поле:**

- оценочная зона: *красивая (0,65); умная (0,21); добрая (0,15); хорошая (0,15); злая (0,02); плохая (0,01);*

- утилитарная зона: *ведет домашнее хозяйство (0,74); занимается семьей (0,60); заботится о мужчине (0,07) и др.*

В макроструктуре концепта «эйел» вычленяются *когнитивные слои*:

- Исторический слой (0,06): *покорная (0,04); помогает при родах (0,02)*;
- Современный когнитивный слой (5,65).
- Неоценочный слой (3,05): *ведет домашнее хозяйство (0,74); занимается семьей (0,60); много работает (0,53); учится (0,08); заботится о мужчине (0,07); заботится о привлекательной внешности (0,06); молодая (0,06); занимается сельским хозяйством (0,05); танцует (0,05) и др.*;
- Оценочный слой (2,66):
 - позитивно-оценочные признаки (2,39): *красивая (0,65); культурно себя ведет (0,32); умная (0,21); добрая (0,15); хорошая (0,15); заботливая, чуткая (0,13); образованная (0,08); спокойная (0,08); обладает твердостью духа (0,07); серьезная, порядочная (0,07); гостеприимная (0,06); деловая (0,06); жизнерадостная (0,06) и др.*;
 - негативно-оценочные признаки (0,16): *жеманная (0,03); любит поговорить (0,03); злая (0,02); сплетница (0,02); жадная (0,01); жестокая (0,01); зануда (0,01); неухоженная, неопрятная (0,01); плохая (0,01); ругается (0,01)*;
 - амбивалентно-оценочные признаки (0,11): *бойкая (0,04); покорная (0,04); восприимчивая (0,01); простодушная (0,01); хваткая (0,01)*.

Категориальная структура концепта «эйел» представлена 20-тью когнитивными классификационными признаками:

- Характерная деятельность (0,19):
 - 1) характерные занятия и увлечения (0,08): *учится, пишет письмо, читает, ест, отдыхает, смотрит телевизор, разговаривает по телефону* и др.;
 - 2) занимается искусством (0,04): *танцует, поет, музыкальная, рисует*;
 - 3) занимается рукоделием (0,03): *шьет, вяжет, рукодельничает*;
 - 4) отношение к обязанностям по хозяйству (0,02): *ведет домашнее хозяйство, занимается сельским хозяйством*;
 - 5) отношение к семье (0,02): *занимается семьей; распоряжается семейным бюджетом*;

- Характер и темперамент (0,12): *заботливая, чуткая; добрая, хорошая, обладает твердостью духа, бойкая* и др.;
- Профессиональная деятельность (0,10): *работает учителем, работает в государственном учреждении, работает врачом* и др.;
- Внешность (0,09):
 - 1) внешняя характеристика (0,03): *красивая, неухоженная, неопрятная* и др.;
 - 2) фигура (0,03): *полная, худая, крупная*;
 - 3) рост (0,02): *высокая, невысокого роста*;
 - 4) волосы (0,01): *светловолосая*;
- Коммуникативное поведение (0,08): *любит поговорить, сплетница, зануда, не ругается, не сплетничает* и др.;
- Социальное поведение (0,07): *культурно себя ведет, гостеприимная, уважительная, благодарная, жестокая* и др.

Полевая модель концепта «эйел» выглядит следующим образом:

Ядро (4 признака) (4%)

ведет домашнее хозяйство (0,74); красивая (0,65); занимается семьей (0,60); много работает (0,53);

Ближняя периферия (5 признаков) (6%)

культурно себя ведет (0,32); умная (0,21); добрая (0,15); хорошая (0,15); заботливая, чуткая (0,13);

Дальняя периферия (34 признака) (38%)

образованная (0,08); спокойная (0,08); учится (0,08); заботится о мужчине (0,07); обладает твердостью духа (0,07); серьезная, порядочная (0,07); гостеприимная (0,06); деловая (0,06); жизнерадостная (0,06); заботится о привлекательной внешности (0,06); молодая (0,06); занимается сельским хозяйством (0,05); танцует (0,05) и др.

Крайняя периферия (47 признаков) (52%)

ест (0,02); злая (0,02); надежная (0,02); отдыхает (0,02); плачет (0,02); поет (0,02); помогает при родах (0,02); распоряжается семейным бюджетом (0,02); религиозная (0,02) и др.

Ассоциативное поле стимула «қатын» (баба) в казахском языковом сознании:

Қатын – 602: көркем (красивая) 21; ақылды (умная) 20; ас пісіреді (готовит) 19; жұмыс істейді (работает); жұмыскер (работающая) 15; әдемі (красивая, изящная, симпатичная) 12; жақсы (хорошая) 11; жаман (плохая); тәрбиелейді (воспитывает) 10; кір жуады (стирает); қатты (суровая, жестокая, жесткая, строгая); ұрысқақ (ругачая, бранчливая, сварливая) 9; айқайлайды (кричит) 8; ... шай құяды (наливает чай); шеберлі (мастерица, рукодельница); шошақай (непоседа); шомылады (купаются); ыдыс жуады (моет посуду); ыссы (с характером); ішкені арақ (только и делает, что пьет водку) 1.

В когнитивной структуре концепта «қатын» выделены следующие признаки:

ведет домашнее хозяйство (0,81), занимается семьей (0,41), красивая (0,39), много работает (0,33), ругается (0,23), умная (0,18), заботливая, чуткая (0,13), невоспитанная (0,12), культурно себя ведет (0,11), хорошая (0,11), плохая (0,10), жестокая (0,09), сплетница (0,09), жизнерадостная (0,08), злая (0,08), ленивая (0,08), шьет (0,08), ведет праздный образ жизни (0,07) и др., всего 102 когнитивных признака.

Моделирование концепта «қатын» в казахском языковом сознании.

Макрокомпонентная структура концепта «қатын»:

❖ *Образный компонент:*

• *перцептивный образ:*

Зрительный образ: красивая (0,39); неопрятная, неухоженная (0,06); некрасивая (0,03); морщинистая (0,01) и др. Звуковой образ: поет (0,01). Когнитивный образ не выявлен.

❖ *Энциклопедическое содержание:*

• *дифференциальная зона: ведет домашнее хозяйство (0,81); занимается семьей (0,41); рождает детей (0,04); состоит в браке (0,04) и др.;*

• *описательная зона: много работает (0,33); ругается (0,23); умная (0,18); заботливая, чуткая (0,13); невоспитанная (0,12); культурно себя ведет (0,11); сплетница (0,09); жестокая (0,09); жизнерадостная (0,08); злая (0,08); ленивая (0,08); покорная (0,06); спокойная (0,06); добрая (0,05) и др.;*

• *идентификационная зона: любимая (0,01);*

- мифологическая зона: *использует мужчину в собственных (корыстных) целях (0,01).*

- ❖ Интерпретационное поле:

- оценочная зона: *красивая (0,39); умная (0,18); хорошая (0,11); плохая (0,10); злая (0,08); добрая (0,05); некрасивая (0,03); глупая (0,02); несправедливая (0,01);*

- утилитарная зона: *ведет домашнее хозяйство (0,81); занимается семьей (0,41); заботится о мужчине (0,04); занимается сельским хозяйством (0,04).*

В структуре концепта «катын» отчетливо вычленяются когнитивные слои:

- Неоценочный слой (2,48): *ведет домашнее хозяйство (0,81); занимается семьей (0,41); много работает (0,33); шьет (0,08); вяжет (0,06); крупная (0,05); занимается сельским хозяйством (0,04); торгует (0,04); заботится о мужчине (0,04); молодая (0,04); пожилого возраста (0,04); рождает детей (0,04) и др.;*

- Оценочный слой (3,01):

- позитивно-оценочные признаки (1,44): *красивая (0,39); умная (0,18); заботливая, чуткая (0,13); культурно себя ведет (0,11); хорошая (0,11); жизнерадостная (0,08); спокойная (0,06); добрая (0,05); мудрая (0,05); женственная (0,04); серьезная, порядочная (0,04) и др.;*

- негативно-оценочные признаки (1,46): *ругается (0,23); невоспитанная (0,12); плохая (0,10); жестокая (0,09); сплетница (0,09); злая (0,08); ленивая (0,08); ведет праздный образ жизни (0,07); неопрятная, неухоженная (0,06); пьющая (0,04); лжет (0,04); не уделяет внимание семье (0,04) и др.;*

- амбивалентно-оценочные признаки (0,11): *покорная (0,06); гордая (0,03); бойкая (0,01); непоседа (0,01).*

Категориальная структура концепта «катын» образована следующими 22-мя когнитивными классификаторами:

- Характерная деятельность (0,18):

- 1) характерные занятия и увлечения (0,07): *отдыхает, ест, семечки грызет, купается* и др.;

- 2) занимается рукоделием (0,03): *шьет, вяжет, рукодельничает;*

3) отношение к обязанностям по хозяйству (0,03): *ведет домашнее хозяйство, занимается сельским хозяйством, не следит за хозяйством;*

4) отношение к семье (0,03): *занимается семьей, не уделяет внимание семье, плохо обращается с детьми;*

5) занимается искусством (0,02): *поет, танцует;*

• Социальное поведение (0,12): *невоспитанная, культурно себя ведет, жестокая, ведет праздный образ жизни, покорная и др.*

• Внешность (0,11):

1) внешняя характеристика (0,04): *красивая, некрасивая, морщинистая и др.;*

2) фигура (0,04): *крупная, полная, горбатая, худая;*

3) рост (0,02): *высокая, невысокого роста;*

4) волосы (0,01): *темноволосая;*

• Характер и темперамент (0,11): *заботливая, чуткая; хорошая, плохая, злая, ленивая, добрая и др.;*

• Производимое эмоциональное впечатление (0,07): *производит положительное эмоциональное впечатление, вызывает уважение, неприветливая и др.;*

• Профессиональная деятельность (0,07): *торгует, работает врачом, занимает руководящую должность, работает в банке и др.*

В полевой структуре концепта «катын» вычленяются следующие зоны:

Ядро (4 признака) (4%)

ведет домашнее хозяйство (0,81); занимается семьей (0,41); красивая (0,39); много работает (0,33);

Ближняя периферия (7 признаков) (7%)

ругается (0,23); умная (0,18); заботливая, чуткая (0,13); невоспитанная (0,12); культурно себя ведет (0,11); хорошая (0,11); плохая (0,10);

Дальняя периферия (41 признак) (40%)

жестокая (0,09); сплетница (0,09); жизнерадостная (0,08); злая (0,08); ленивая (0,08); шьет (0,08); ведет праздный образ жизни (0,07); вяжет (0,06); неопрятная, неухоженная (0,06); покорная (0,06); спокойная (0,06); добрая (0,05); крупная (0,05); мудрая

(0,05); занимается сельским хозяйством (0,04); никогда не работала (0,04); пьющая (0,04) и др.

Крайняя периферия (51 признак) (50%)

глупая (0,02); глухая (0,02); ест (0,02); высокая (0,02); не следит за хозяйством (0,02); невысокого роста (0,02); необразованная (0,02); неприветливая (0,02) и др.

Сопоставительный анализ концептов «женщина», «баба», «эйел» и «қатын» в русском и казахском языковом сознании показал, что из 133 когнитивных признаков концепта «женщина» и 138 когнитивных признаков концепта «баба» в зону совпадения вошли 59 признаков, соответственно зону дифференциации составили 74 признака концепта «женщина» и 79 признаков концепта «баба», что свидетельствует о заметном *преобладании зоны дифференциации над зоной совпадения концептов*.

Из 90 когнитивных признаков концепта «эйел» и 102 когнитивных признаков концепта «қатын» в зону совпадения вошли 60 когнитивных признаков, соответственно зону дифференциации составили 30 признаков концепта «эйел» и 42 признака концепта «қатын», что свидетельствует о существенном *преобладании зоны совпадения над зоной дифференциации*.

Проведенное сопоставление концептов русской концептосферы с аналогичными концептами казахской концептосферы показало, что зону совпадения всех четырех концептов составляют 35 когнитивных признаков (при этом яркость совпадающих признаков в разных концептах может различаться). Несовпадающими или совпадающими только у некоторых концептов признаками (*следует моде, светловолосая, курит, развратная, использует мужчину в собственных (корыстных) целях, работает учителем, работает в государственном учреждении, своенравная, занимается сельским хозяйством, необразованная, ленивая, невоспитанная, невоспитанная, рукодельничает* и др.) являются 98 признаков концепта «женщина», 103 признака концепта «баба», 55 признаков концепта «эйел», 67 признаков концепта «қатын». Дифференциальные признаки концептов, а также разница в индексах яркости совпадающих признаков указывают на специфические социокультурные различия сопоставляемых концептов, специфику национального языкового сознания.

Образный компонент.

Все исследуемые концепты обладают яркими образными составляющими (примерно 1/3 общего объема каждого концепта) По составу образные компоненты схожи. Во всех концептах очевидно преобладание перцептивных образов, когнитивный образ

обнаружен только в структуре концепта «баба», при этом по своему объему он весьма незначителен – 1%. Чувственные образы, главным образом, возникают на основе зрительных ощущений и отражают визуальное представление о данных явлениях. А высокие индексные показатели данного макрокомпонента свидетельствуют о том, что концептуализируемые явления представляют собой яркие наглядные образы в сознании русских и казахов. Малозначительными оказываются звуковые образы, вкусовой образ выявлен только в структуре концепта «эйел» (1%), тактильные образы не обнаружены.

Энциклопедическое содержание.

В макроструктуре всех концептов преобладают энциклопедические признаки, причем практически все они относятся к описательной зоне. Категориальная зона выявлена только в структуре концепта «женщина» (1 признак «относится к женскому полу»). Дифференциальная зона концептов представлена незначительным разнообразием признаков. Малочисленны в структуре данных концептов идентификационные признаки. Еще меньшим объемом обладает мифологическая зона (хотя она присутствует во всех концептах, что свидетельствует об их общественной значимости). Большой объем энциклопедического поля казахских концептов в сравнении с русскими указывает на то, что концептуализация данных явлений казахами в большей степени опирается на сведения, приобретенные в результате собственного опыта.

Интерпретационное поле данных концептов сравнительно невелико по объему (не более 10 – 12% содержания концепта). Невелики оценочная зона и утилитарная зона, отражающая прагматическое восприятие концептуализируемых явлений. Регулятивной зоны в данных концептах выявлено не было. Наименее объемным интерпретационным полем обладают концепты «женщина» и «баба», что свидетельствует о большей степени стереотипизированности представления о данных явлениях в русском языковом сознании.

Когнитивные слои.

Исторические слои выявлены в структуре концептов «баба» (суммарный индекс яркости – 0,16) и «эйел» (0,06). Невысокие суммарные индексы яркости устаревших признаков и малый объем исторических слоев этих концептов, а также отсутствие исторических признаков в концептах «женщина» и «қатын» указывают на то, что все рассматриваемые концепты релевантны и актуальны для современного языкового сознания.

Неоценочные и оценочные слои. В исследовании было установлено, что концепты «женщина» и «қатын» являются оценоч-

ными, а в концептах «баба» и «эйел» оценка не играет доминирующей роли, однако все эти концепты обладают достаточно заметными оценочными составляющими. При этом по характеру оценки концепт «женщина» преимущественно позитивно-оценочный, а в оценочном слое концепта «баба» преобладает отрицательная оценка, следовательно, русские концепты характеризуются полярностью. Оценочный слой концепта «эйел» характеризуется позитивной акцентуацией, а оценка концепта «қатын» в сознании носителей казахского языка амбивалентна.

Сопоставительный анализ когнитивных классификационных признаков концептов «женщина», «баба», «эйел» и «қатын» показал, что концептуализация этих явлений, главным образом, опирается на «характерную деятельность» (ядерный классификационный признак) лиц женского пола, подразумевающую характерные для них занятия и увлечения, выполнение функций в семье, увлечение искусством и рукоделием, выполнение обязанностей по хозяйству.

Также ключевыми при концептуализации данных явлений являются классификационные признаки «внешность» («женщина» – 2-е место : «баба» – 2-е : «эйел» – 4-е : «қатын» – 3-ье), «характер и темперамент» (4-ое : 3-ье : 2-ое : 3-ье), «социальное поведение» (3-ье : 4-ое : 6-ое : 2-е). Примечательна разница в концептуализации женщины русскими и казахами через взаимоотношения с мужчиной – яркость этого классификационного признака различна: 0,08 : 0,06 : 0,04 : 0,03. Заметно отличие концептов по классификационным признакам «профессиональная деятельность» (0,08 : 0,01 : 0,10 : 0,07), «производимое эмоциональное впечатление» (0,05 : 0,03 : 0,03 : 0,07) и др.

При сопоставлении категориальной структуры исследуемых концептов наблюдается отсутствие некоторых признаков в том или ином концепте. Так, в концепте «женщина» не выявлен классификационный признак «социальное происхождение», а у концептов «баба», «эйел» и «қатын» отсутствуют признаки «пол» и «гастрономические предпочтения». В казахских концептах отсутствует классификация по национально-территориальной принадлежности. В концепте «эйел» не выявлен признак «наличие вредных привычек», однако в нем обнаружен специфический признак «отношение к обычаям и традициям».

По полевой структуре и объему анализируемые концепты отличны друг от друга.

Наиболее яркие признаки, составляющие ядро и ближнюю периферию, отражают сложившиеся в обществе стереотипы. Выводы об их значимости в языковом сознании обоснованы их высо-

кими индексами яркости. Высокие индексы яркости ядерных признаков и малый объем ядра и ближней периферии концептов являются следствием устоявшегося, общепринятого в обществе стереотипного представления о концептуализируемых явлениях. Яркость ядерных признаков и объем ядра русских концептов показывает, что концепт «женщина» (ядро составляют 2% ярких признаков) несколько более стереотипизирован в русском языковом сознании, нежели концепт «баба» (3% ярких признаков). Ближняя периферия концепта «баба» более обширна и характеризуется менее выразительными контурами. Степень очерченности ядра и ближней периферии (наличие «разрывов» по яркости между зонами) также отражает уровень стереотипизации концепта.

При сравнении казахских концептов с аналогичными русскими концептами, очевидно, что русские концепты более стереотипизированы, т.е. в русском языковом сознании представление о соответствующих явлениях обусловлено более стереотипным их пониманием, о чем свидетельствует меньший объем ядра и большая яркость ядерных признаков. И наоборот, больший объем ядерных зон концептов «эйел» (ядро составляют 4% ярких признаков) и «қатын» (ядро составляют 4% ярких признаков), а также не столь высокие индексы яркости ядерных признаков указывают на их меньшую степень стандартизованности и большую степень индивидуализированности. О нестереотипизированности казахских концептов также свидетельствует то, что в них велика доля индивидуализированных признаков, и то, что ядерные и ближние периферийные зоны неярко очерчены.

В концепте «женщина» ядерными являются признаки «красивая» и «ведет домашнее хозяйство». В концепте «баба» к числу ядерных относятся признаки «ведет домашнее хозяйство», «ругается», «полная» и «много работает». Ядерные и ближние периферийные зоны русских концептов характеризуются антонимичными когнитивными признаками с противоположной оценочностью («женщина» – «баба»: «красивая» – «некрасивая»; «умная» – «глупая»). В целом, ядро и ближняя периферия концепта «женщина» характеризуются преимущественно признаками положительной направленности («красивая», «умная», «заботливая, чуткая»), тогда как в ядре и ближней периферии концепта «баба» в большей степени содержатся негативно-оценочные признаки («ругается», «неухоженная, неопрятная», «грубая», «пьющая», «развратная», «злая», «глупая», «некрасивая»).

Казахские концепты по содержанию ядра полностью совпадают («ведет домашнее хозяйство», «красивая», «занимается семьей», «много работает»). Практически идентичны по содержанию ближние периферийные зоны этих концептов. Ближняя периферия концепта «қатын» отличается от ближней периферии концепта «эйел» присутствием в ней 3 признаков отрицательной оценочности («ругается», «невоспитанная», «плохая»). Все остальные признаки данных зон совпадают, и в них доминирует положительная оценка.

В ядре русских и казахских концептов выявляются совпадающие когнитивные признаки «ведет домашнее хозяйство», «много работает», «занимается семьей». Ядерные и ближние периферийные зоны русских и казахских концептов пересекаются, что указывает на схожую концептуализацию лиц женского пола в русском и казахском сознании.

Дальняя и крайняя периферийные зоны всех концептов очень обширны, что свидетельствует о многообразии средств языковой объективации данных концептов, о разнообразии способов концептуализации, об их обсуждаемости и коммуникативной релевантности.

Проведенное исследование позволяет предложить четыре критерия разграничения близких концептов: 1. Объем ядра; 2. Состав ядра и ближней периферии; 3. Соотношение зоны совпадения и зоны дифференциации; 4. Акцентуация оценочного слоя.

Сопоставительный анализ русских концептов показал различия в составе когнитивных признаков, в объеме и содержании ядерных и ближних периферийных зон, в яркости и оценочности когнитивных признаков, входящих в эти полевые зоны, преобладание зоны совпадения над зоной дифференциации, противоположную акцентуацию оценочных слоев.

Исследование казахских концептов показало, что эти концепты не различаются по объему ядра, их ядерные зоны по содержанию идентичны, а зоны ближней периферии практически совпадают. Зона дифференциации по отношению к зоне совпадения незначительна. Концепт «эйел» является не оценочным, его оценочный слой характеризуется позитивной акцентуацией, а оценочный концепт «қатын» — оценочно амбивалентный.

Исходя из вышеуказанных критериев, можно сделать вывод о том, что «женщина» и «баба» являются разными концептами русской концептосферы, а «эйел» и «қатын» составляют единый концепт «эйел»/«қатын», а соответствующие лексемы являются его различными языковыми репрезентантами и объективируют различные наборы его когнитивных признаков.

Что касается оценочности, то, как показало исследование, русский концепт «женщина» – позитивно-оценочный, концепт «баба» характеризуется негативной акцентуацией оценочного слоя. Казахский концепт является оценочно амбивалентным.

В данном исследовании ставилась задача сравнить аналогичные концепты в сознании разных национальных групп (большого и малого этноса). Русские и казахи проживают на территории Астраханской области, тесно взаимодействуя друг с другом. Носители казахского языка в этом регионе проживают либо рассеяно, либо компактными группами. Исследование показало влияние русской концептосферы на концепты в концептосфере малой национальной культурной общности, на их содержание в сознании носителей языка национального меньшинства. На сознание микроэтноса (казахов) влияет действительность макроэтноса (русских), что приводит к изменениям в концепте микроэтноса («эйел» / «қатын») в направлении к содержанию концептов русского макроэтноса и в результате казахский концепт по структуре и содержанию становится ближе русским концептам.

Концептосфера микроэтноса претерпевает ряд изменений, поскольку малый этнос вписывается в культуру и быт большого этноса, вследствие чего наблюдается ассимиляция концептосферы микроэтноса, и явления начинают концептуализироваться сходным образом. Изменения концептуализации под влиянием жизни малого этноса в большом были отражены в выявленных в результате эксперимента языковых единицах, подвергнутых когнитивной интерпретации. Влияние русской концептосферы на развитие казахского концепта проявилось в следующих признаках казахского концепта «эйел»/«қатын»: «распоряжается семейным бюджетом», «имеет равные права с мужским полом», «пьющая», «использует мужчину в собственных (корыстных) целях», «ругается матом», выражение которых в силу этнического и национально-культурного своеобразия было несвойственно казахскому сознанию. Однако эти изменения концептуализации отражены в периферийных компонентах структуры концепта, ядерные компоненты остаются сохранными.

В когнитивной структуре казахского концепта «эйел»/«қатын» присутствуют признаки, отражающие развитие концепта. В концепте наблюдается элемент динамики. Безусловно, изменение содержания и структуры казахского концепта обусловлено еще и глобальным интеграционным развитием всех областей культуры, экономики, техники, общественной и индивидуальной жизни представителей казахской лингвокультуры. Так, само явление «эйел»/«қатын» приобрело признаки, которые приводят к изме-

нению его концептуализации носителями казахского языка и отражают концептуализацию женщины через стремление к получению образования, к карьерному росту, через профессиональную деятельность. Подобная концептуализация прежде была несвойственна казахскому менталитету в силу его национально-культурной специфики, но теперь эти признаки актуальны и были отражены казахским языковым сознанием: «образованная», «учится», «деловая», «работает учителем», «работает в государственном учреждении», «работает врачом», «выполняет общественную работу», «занимает руководящую должность», «работает в банке».

Несмотря на значительное число выявленных сходств, казахскому и русским концептам свойственно проявление национальной специфики, которая обнаруживается в национально-специфичных когнитивных и классификационных признаках.

Национальное своеобразие казахского концепта «эйел»/«қатын» отражено в следующих признаках:

- национально-специфичные когнитивные признаки: «благодарная», «восприимчивая», «вызывает уважение», «гостеприимная», «жеманная», «не ругается», «не сплетничает», «помогает при родах», «покорная», «религиозная», «уважительная», «хваткая», «хранит казахские традиции»;

- национально-специфичные когнитивные классификационные признаки: «отношение к обычаям и традициям».

О национальной специфике концепта «женщина» свидетельствуют следующие признаки:

- национально-специфичные когнитивные признаки: «соблазняет мужчин», «сексуально привлекательная», «загадочная», «занимается спортом», «тратит деньги мужа», «развлекается», «водит машину», «встречается с подругами», «высокомерная», «роковая», «успешная», «несчастливая», «путешествует»;

- национально-специфичные классификационные признаки: «пол», «гастрономические предпочтения», «национально-территориальная принадлежность».

Национально-специфичные признаки концепта «баба» отражают стереотипное, исторически сложившееся, мифологическое представление о данном явлении:

- национально-специфичные когнитивные признаки: «грубая», «крестьянского происхождения», «любит поесть», «Рязанская», «Баба-яга», «бьет мужа», «ворчливая», «носит воду», «мужеподобная», «в платке», «понукает мужем»,

«румяная», «властная», «жалуется на жизнь», «занимается колдовством», «в сарафане», «в фартуке»;

▪ национально-специфичные когнитивные классификационные признаки: «национально-территориальная принадлежность», «социальное происхождение».

Однако признаки, отражающие национальную специфику концептов, в их полевой структуре занимают периферийную позицию. Невысокая яркость и не очень большое количество выявленных национально-специфичных признаков концептов указывают на высокую степень сближения концептов в сознании двух этносов.

Казахский и русские концепты схожи по своему содержанию и имеют значительную интегральную составляющую, которая, вследствие развития концептов и тесного взаимодействия соседствующих лингвокультур в едином мультикультурном пространстве, постепенно увеличивается. В результате происходит сближение концептуализации действительности русским и казахским национальным сознанием.

Литература

Досимова М.С. Концепт *женщина* в русских поговорках // Культура общения и ее формирование. Вып. 16 / Науч. ред. И.А.Стернин. Воронеж: Истоки, 2006. — С. 90-95.

Досимова М.С., Дуссалиева Э.А. Коммуникативные признаки в структуре концептов *мужчина* и *женщина* // Коммуникативные исследования / Науч. ред. И.А.Стернин. Воронеж: Истоки, 2006. — С. 39-42.

Досимова М.С. Концепт «женщина» в объективации русской фразеологией // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. / Науч. ред. О.Н. Чарыкова. Воронеж: Истоки, 2007. — С. 38-42.

Досимова М.С. Экспериментальное исследование концепта «женщина» // Вестник ВГУ. Серия: «Филология. Журналистика». — 2007.- Вып.2. — С.30-33.

Досимова М.С. Национальная специфика концептов *женщина* и *баба* (экспериментальное исследование) // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения. Материалы Международной научной конференции 15 – 16 октября 2007г. / Под ред. Е.М. Стомпель, Ю.Н. Петелиной. — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. — С. 39-41.

Досимова М.С. Ассоциативное поле лексемы «қатын» (баба) (на материале казахского языка) // Культура общения и ее формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 20 / Под ред. И.А.Стернина, А.В. Рудаковой. — Воронеж: Истоки, 2008. — С. 94-98.

Досимова М.С. Концепт «қатын» (баба) в казахском языковом сознании // Лингвоконцептология. Вып. 1 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 62-68.

Досимова М.С. Объективация концепта «қатын» в казахском языковом сознании // Вопросы лингвистики и литературоведения. Научный журнал. Вып. 2 (2). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – С. 17-24.

Т.М. Григоренко
(Краснодар)

ОСТРОУМИЕ

Данная работа посвящена изучению концепта «Остроумие» («Wit»), его лексико-семантическим интерпретациям в русском и английском языках. Феномен остроумия, несмотря на свою распространенность и долгую историю, до сих пор остается малоизученным. Остроумие как часть смысловой парадигмы, изучали философы, психологи, нейрофизиологи и литературоведы различных эпох. Однако структурно-семантические, лингвopsихологические и лингвокультурные особенности функционирования концепта «Остроумие» («Wit»), его возникновение и смысловое развитие в русском и английском языке, роль и место в публицистических текстах современной периодической печати, его лингвокультурные деривации, а также психолингвистические механизмы формирования эффекта остроумия с позиций современной языковой картины мира остаются за рамками исследовательских интересов.

Теоретической основой для проведения данного исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики (С.А. Аскольдов-Алексеев, Н.Д. Арutyонова, А.Г. Баранов, А.Н. Баранов, Л.Ю. Буянова, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Р.И. Павиленис, G. Lakoff), нейропсихологии и психолингвистики (Т.В. Ахутина, Л.Я. Балонов, В.Л. Деглин, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Е.С. Сеницын, Ф.И. Случевский, Т.В. Черниговская, E. Bleuler, S. Freud, A. Koestler, W. MacCary, G. Miller), лингвокультурологии (Г.А. Брутян, Ж. Вардзелашвили, Г.Д. Гачев, В.В. Колесов, Г.В. Колшанский, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров, В.Н. Телия), концептологии (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Е.А. Плеухова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.Ф. Фрумкина), лингвостилистики (В.В. Виноградов, Р.И. Гальперин, А.Н. Лук, Н.М. Разинкина).

В ходе исследования было выявлено, что концепт «Остроумие» в русском языке и концепт «Wit» в английском – это не два эквивалентных понятия. Каждый из концептов представляет собой этнически окрашенное представление об интеллекте и юморе, заключенное в одной вербальной оболочке. Безусловно, концепты «Остроумие» и «Wit» в определенной мере сопоставимы друг с другом, но вследствие того, что они отражают культуру и опыт двух разных наций, каждый обладает индивидуальными, специфичными характеристиками, реализуемыми лишь в свойственной ему (в нашем случае – русской или английской) лингвокультурной картине мира.

Этимологический и семантический анализ английского концепта «Wit» (остроумие) позволил нам заключить, что данный концепт подвергался неоднократному переосмыслению. Первые значения концепта «Wit» (остроумие), зафиксированные еще в англо-саксонском языке, – «разум, интеллект» (*wit, intelligence*) (An Anglo-Saxon Dictionary by Bosworth & Toller, 1972 : 1243), не имели ничего общего со сферой комического. В период среднеанглийского языка (11 — 15 вв.) существительное «wit» приобрело следующие значения:

– «разум как средоточие мысли, сознания и т.д.; мысль; также разум Бога» (*the mind as the seat of thought, consciousness, etc.; thought; also, the mind of God*) и

– «умственные возможности, духовное начало» (*mental disposition, spirit*) (Перевод наш – Г.Т.) (A Concise Dictionary of Middle English, 2006 : 574).

Затем, в 19-ом веке, помимо уже перечисленных, появляется такое толкование как:

– «*a man of fancy or wit*» (человек, одаренный фантазией или умом) (Перевод наш – Г.Т.) (Webster's Revised Unabridged Dictionary, 1828 : 1382), из которого, менее чем через столетие, образуется новое значение, окрашенное комически:

– «человек выдающегося разума или эрудиции; гениальный человек, обладающий фантазией или чувством юмора; тот, кто выделяется за счет своих ярких или смешных высказываний, остроумных ответов и т.п.» (*a person of eminent sense or knowledge; a man of genius, fancy, or humor; one distinguished for bright or amusing sayings, for repartee, and the like*) (Перевод наш – Г.Т.) (Webster's Revised Unabridged Dictionary, 1913 : 1659).

По прошествии времени, «Wit» (остроумие) модифицируется в сложный абстрактный концепт, неразрывно связанный с юмором и умственными способностями: «*талант или свойство использовать неожиданные ассоциации между полярными или несопо-*

ставимыми словами или идеями с целью добиться интеллектуально-наполненного юмористического эффекта» (*the talent or quality of using unexpected associations between contrasting or disparate words or ideas to make a clever humorous effect*) (Перевод наш – Г.Т.) (Collins Dictionary of English Language, 2006 : 539).

Обладая богатой историей и отражая философское видение, концепт «Wit» (остроумие) прошел трансформацию от его первого значения «видеть» к «знать», преобразовавшись в «видеть то, чего не замечают другие», т.е. абстрактно отмечать «неожиданные ассоциации» между словами или идеями, которые с трудом поддаются обнаружению людям, не обладающим широким спектром знаний. Фактически, этот концепт отражает трансформацию общечеловеческих ценностей: со временем стало важно не просто обладать умом, а уметь это обыгрывать, то есть формулировать свои оригинальные идеи посредством искусного подбора слов, таким образом, демонстрируя свою эрудицию и языковую компетенцию.

Прежде чем обратиться к этимологическим корням концепта «Остроумие» в русском языке, необходимо отметить, что само слово состоит из двух корней «остр» и «ум», поэтому и анализ его происхождения проводился с учетом этой этимологической особенности.

Первый корень «остр» в памятниках письменности отмечается с XI века. Он образован от праславянской формы «ostrъ» («остр»), в свою очередь произошедшей от индоевропейского корня «ок-/ак-» (ЭСРЯ Цыганенко, 1989 : 280). Корень «ум» является древнеславянским и, как и предыдущий корень, стал известен с XI века; на старославянском «умъ» – это «душа, мысль, понимание» (ИЭССРЯ Черных, Т.2 : 289). Первое упоминание о новообразовавшемся слове из двух старославянских корней «остроумие» мы находим в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, который представляет значение остроумия как «остроты ума», за которым следуют примеры употребления «остроумный писатель; это остроумное заключение; остроумный человек» (ТСЖВЯ Даля, 1956, Т.2 : 705).

Далее концепт «Остроумие» из «остроты ума» преобразовывается по определению Д.Н. Ушакова в «Изощренность мысли, изобретательность в нахождении удачных, ярких, красочных или смешных выражений, а также удачных решений, действий» подкрепляя это толкование примером выражения «неистошное остроумие; ваша выдумка не лишена остроумия» (ТСРЯ Ушакова, 1935-40, Т.2 : 886).

Другой источник, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, представляет «Остроумие» в двух значениях: первое, в качестве «*изобретательности в нахождении ярких, удачных, смешных или язвительных выражений*», например, «*неистоцимое остроумие*»; и второе, как «*изобретательность и тонкость ума*», например, «*проявить остроумие в решении вопроса*» или «*догадка не лишена остроумия*» (СРЯ Ожегова, 1984 : 399). Здесь считаем необходимым отметить, что мы рассматриваем концепт «Остроумие» только в его *комическом* аспекте, ставшим столь актуальным в современном русском языке.

«Словарь русского языка в четырех томах», или так называемый «Малый академический словарь», определяет «Остроумие» как «*изоощренность мысли, изобретательность в нахождении ярких, острых или смешных выражений, определений*», сопровождая его примером из критической статьи В.Г. Короленко о А.П. Чехове «*Вся книга [«Пестрые рассказы»] – сверкала юмором, весельем, часто неподдельным остроумием и необыкновенной сжатостью и силой изображения*» (СРЯ, 1999, Т.2 : 658).

В свою очередь «Большой современный толковый словарь русского языка» обозначает остроумие как «*изобретательность в нахождении удачных, ярких, красочных, смешных или язвительных и метких выражений, а также удачных решений и действий*» (БСТСРЯ Ефремовой, 2006 : 712).

Однако существует целый ряд авторитетных энциклопедий, активно использующих концепт «Остроумие» при описании творческой деятельности многих писателей и драматургов, но не посвящающих остроумию отдельной статьи как самостоятельному явлению в языке, таким образом, не давая концепту «Остроумие» никакого конкретного определения. Такой позиции придерживаются, например, «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», интернет-энциклопедия «Кругосвет» и «Литературная энциклопедия».

Тем не менее, проведенные в диахронии наблюдения свидетельствуют о формировании и развитии в русском языке концепта «Остроумие» и, аналогично английскому концепту «Wit», зарождаясь в простых значениях, постепенно обогащают свою структуру все более сложными семантическими оттенками. Еще одна параллель русского концепта «Остроумие» с английским «Wit» заключается в том, что изначально оба концепта не входили в сферу комического, но в процессе своих семантических трансформаций они развивают новое актуальное значение «*интеллектуально-наполненного юмора*».

Анализ этимологических и семантических дефиниций проводился с целью установить схожие, а также не имеющие аналогов **семы** в значениях слов «Wit» и «Остроумие», обозначающих исследуемые концепты. Вслед за И.М. Кобозевой, под «семой» мы понимаем минимальную единицу значения, так называемый «смысловый атом» (Кобозева, 2007: 111). Анализ выявил, что лексические значения «Остроумие» и «Wit» имеют ряд как сходных сем, так и безэквивалентных.

По итогам этимологического анализа было выявлено 3 сходные семы, которые встречались как в дефинициях русских корней «остр» и «ум», так и в толкованиях происхождения английского корня «wit». Это такие семы как «ум, рассудок», «сознание, понимание», «мысль, осмысление». Обнаружен также ряд безэквивалентных сем, т.е. сем, являющихся уникальной характеристикой происхождения только одного из исследуемых нами концептов. Для русского концепта «Остроумие» такими семами стали «грань, край, угол», «острие, вершина», «знак, указание», «явный, явь», «душа»; для английского «Wit» – семы «здравый ум» и «видеть».

Семантический анализ концептов «Остроумие» и «Wit» в синхроническом аспекте проводился с целью выявления некоторого массива значений концепта «Остроумие» в русском языке и «Wit» в английском языке в ходе содержательного анализа и обработки статистических характеристик. Для осуществления данного этапа анализа английские дефиниции концепта «Wit» были переведены нами на русский язык, вследствие чего можем полагать, что существует небольшая, но допустимая погрешность при дальнейшем подсчете эквивалентных и безэквивалентных сем согласно примененному критерию Стьюдента.

Наиболее частотными семами анализируемых лексических значений «Остроумие» и «Wit» являются «интеллектуальность, ум, разум». На втором месте по частотности употребления сем в словарных дефинициях следуют семы «изобретательность, находчивость» при соотношении восемь русских сем к двум английским. Русская сема «изобретательность» часто сопровождается такими семами как «изошренность» (в дефинициях концепта «Остроумие» встречалась 3 раза) и «тонкость» (встретилась дважды), обе из которых при своей довольно высокой частотности остаются безэквивалентными по отношению к английским семам. На третьем месте расположены семы «мысль, осмысление, идея» в соотношении три русские семы к десяти английским. Присутствие вышеуказанных сем безусловно для значений, смысловым ядром которых является такое понятие как «разум»,

т.к. «мысль, осмысление, идея» – это непосредственные продукты работы разума.

Особого внимания заслуживает сема, которая решила судьбу лексикализации концептов «Остроумие» и «Wit», прочно вошедшая в их состав в начале 19-го века и переместила их в сферу комического, – речь идет о семе «смешной, чувство юмора» в соотношении четыре русских семы к четырем английским. В одной из дефиниций концепта «Wit» сема «чувство юмора» (sense of humour) была сопряжена с другой английской семой – «фантазия, воображение» (fancy); последняя так и осталась безэквивалентной русским семам.

Также интересны семы «удачный» и «яркий» (в обоих случаях четыре русских семы к одной английской). В русских толкованиях цепочка «удачный» - «яркий» дополнялась русской семой «язвительный» (СРЯ Ожегова, БТСРЯ Ефремовой), а также «меткий» (СРЯ в 4 т.) и «острый» (БТСРЯ Ефремовой). Из этого следует еще один вывод: русский концепт «Остроумие» семантически более негативен. Сама корневая сема «острый» подразумевает то, что человек, обладающий остроумием способен нанести своим интеллектом некий укол, т.е. вербально «ранить» оппонента. Это и отражено в дефинициях этого концепта: сема «меткий», которая имеет сильную семантическую связь с оружием (первое значение слова «меткий» в словаре Т.Ф. Ефремовой – «*попадающий в цель без промаха (о снаряде, оружии)*»). Сема «язвительный» тоже несет на себе негативную окраску (переносное значение которой по БТСРЯ Ефремовой – «*стремящийся досадить, причинить нравственные страдания, уколоть словами; колкий, ядовитый*») (БТСРЯ Ефремовой, 2006 : 263).

Английский же концепт «Wit» нередко включает в себя такие семы как «удовольствие» и «приятный» (частотность 1 и 2, соответственно), реализуемые в таких характеристиках концепта как:

- *способность вызывать удивление, сопряженное с удовольствием* (Webster's RUD 1828);
- *удачное сопоставление для создания приятного удивления* (Webster's RUD1913);
- *способность доставлять неожиданное интеллектуальное удовольствие благодаря неожиданной комбинации выражений* (Concise Oxford DCE, 1956).

Итак, есть основание утверждать, что английский концепт «Wit» более «положительно-настроенный». В основном, он связан с получением «интеллектуального удовольствия», тогда как русский концепт «Остроумие» скорее связан с получением интеллектуального «ранения».

Так как семантическое значение концептов «Остроумие» и «Wit» состоит из набора смысловых атомов, был проведен компонентный анализ, в ходе которого не только были выявлены основные семантические составляющие вышеуказанных концептов, но и принцип их организации.

Именно потому, что и русский концепт «Остроумие», и английский концепт «Wit» являются абстрактными, возникла необходимость проведения структуризации обнаруженных вследствие компонентного анализа сем.

На базе словарных дефиниций концептов «Остроумие» и «Wit» были созданы схематические структуры обоих концептов, где для каждого семантического компонента найден его гипероним, а затем все гиперонимы были представлены в синтаксической последовательности, характерной большинству рассмотренных нами словарных толкований. Важно отметить, что анализировались лишь те дефиниции, которые соответствуют *современному* пониманию концептов «Остроумие» и «Wit», т.е. остроумие как часть *комического*.

Семантическая структура русского концепта «Остроумие» включает следующие компоненты: 1) «тонкость ума» (ядро дефиниции), 2) «в нахождении вербальной формы» (компоненты «действие» и «продукт»), 3) «острой» и «смешной» (компоненты «характеристики продукта»).

Семантическая структура соответствующего английского концепта «Wit» включает следующие компоненты: 1) «mind quality» — «свойство ума» (ядро дефиниции), 2) «to create verbal form» — «создавать вербальную форму» (компоненты «действие» и «продукт»), 3) «unexpected» — «неожиданную», «comical» — «комическую», «mental» — «интеллектуальную» (компоненты «характеристики продукта»), 4) «by joining incongruous words inventively» — «посредством изобретательного соединения несочетаемых слов» (компонент «образ действия»), 5) «to make clever humor» — «для создания интеллектуально-наполненного юмора» (компонент «цель»).

Как показал структурный анализ, концепт «Остроумие» в русском языке и концепт «Wit» в английском языке, при общем сходстве, отличаются набором компонентов, имеющих соответственно и различную последовательность. Например, английский концепт «Wit» имеет несколько дополнительных компонентов в своей семантической структуре (такие как компонент образа действия и компонент-цель), отсутствующие в семантической структуре русского концепта «Остроумие». Эти различия обусловлены не только особенностями этимологического и семантического

развития концептов, но и принадлежностью русского концепта «Остроумие» и английского концепта «Wit» к разным языковым картинам мира.

Как английский концепт «Wit», так и русский концепт «Остроумие», в большинстве случаев немислим и непереводем в отрыве от языковой картины мира. Безусловно, существуют остроумия универсальные, т.е. не затрагивающие и не подразумевающие какие-либо понятия, специфичные для того языка, на котором они созданы, но чем изощренней и чем тоньше остроумия, тем более узкую и незаметную для обыденного сознания прослойку знаний она затрагивает. Остроумие как концепт является не только *языковым* шифром, но и шифром *интеллектуальным*. Важно не просто обладать определенной языковой картиной мира, а, сравнивая вслед за Е.С.Кубряковой языковую картину мира с картой, иметь точную, хорошо изученную во всех возможных направлениях карту окружающего мира.

Остроумие как психическое и языковое явление непосредственно связано с неординарным и нетипичным ходом мышления. Как показывает проведенное исследование неожиданность возникающих у адресанта ассоциаций противопоставляется стандартному мыслительному процессу, в ходе которого используются различные языковые штампы и стереотипы. Тогда как для обнаружения неожиданной связи, обозначенной остроумцем, необходимо мыслить вне этих категорий. Такое мышление является очень сложным психолингвистическим процессом, обусловленным тем, что познавая мир, homo sciens сталкивается с огромным потоком различных устоявшихся понятий, сравнений и выражений в языке и переосмысливает всю накопленную информацию, начиная мышление «с чистого листа».

Так авторитетный английский лингвист и психолог Артур Кестлер утверждал, что сознательные и бессознательные процессы, лежащие в основе художественного новаторства, научного открытия и комедийного вдохновения, — имеют общую модель, которую он называет «*бисоциативным мышлением*». (Koestler, 1984 : 53). Суть бисоциативного мышления заключается в способности воспринимать действительность сразу в нескольких плоскостях, что и имеет прямое отношение к рассматриваемому нами концепту «Остроумие» (Wit), так как для установления неожиданных ассоциаций между понятиями/идеями (что и является сутью остроумия), необходимо уметь мыслить бисоциативно. Отметим, что и в понимании продуктов остроумия, а именно остроумия, бисоциативное мышление также играет ключевую роль.

Бисоциативное мышление можно рассмотреть на примере главного героя пьесы «Гамлет» Уильяма Шекспира. Персонаж Гамлета всегда был в центре различных споров и дискуссий, одной из самых острых проблем и по сей день остается вопрос о психическом состоянии Гамлета: так ли хорошо он притворялся сумасшедшим или, запутавшись в своей игре, он все-таки утратил твердый рассудок и впал в безумие? Анализируя язык и речь Гамлета, английский лингвист и литературовед Уильям МакКэри подчеркивает, что с одной стороны, Гамлет в своей речи сознательно использует огромную долю игры слов: он мыслит в двух разных плоскостях, в первой находится его замысел отмщения, во второй – завуалированные намеки на него. И в те моменты, когда Гамлет хочет предстать сумасшедшим, он передает свои подлинные мысли через некое иносказание, которое имеет определенную, но невидимую остальным персонажам, связь с его настоящими мыслями. Например, пьеса, которую Гамлет ставил специально для своего дяди и главного объекта мести Короля Клавдия и для своей матери королевы Гертруды называлась «*Mousetrap*», т.е. «Мышеловка». Никому, кроме Гамлета, не была понятна связь между названием пьесы и его тайным планом отмщения, ведь сама пьеса и была той самой ловушкой для прототипов ее главных героев. То есть, Гамлет сознательно связывает два различных психолингвистических плана: истинный замысел и его абстрактное выражение. Более того, в тонком сравнении разоблачительной пьесы с мышеловкой присутствует и толика, пусть очень циничного, но юмора, и именно поэтому мы смело можем назвать Гамлета остроумцем. Но, по словам МакКэри, «такое облечение истинных мыслей в некую, недоступную для других, психолингвистическую форму, является главным аргументом в пользу безумия Гамлета, поскольку психологи всегда считали избыточное применение иносказаний и игры слов одной из характерных черт шизофрении» (MacCaig, 1998 : 87).

Швейцарский психиатр Ю. Блейлер, исследуя лексику с точки зрения частотности, говорил о «*разрыхлении ассоциаций*» у шизофреников (Bleuler, 1950 : 37), что очень схоже с определением остроумия, основной составляющей которого являются неожиданные и едва ли сопоставимые ассоциации. При статистическом анализе синтаксической структуры текстов больных шизофренией ученые психологи зафиксировали нарушения структуры сложного предложения, а также, появление «*сочетаний, несвойственных языку*». (Леонтьев, 1976 : 47).

Особенно это наблюдается при нарушении согласованности функций левого и правого полушарий. Согласно исследованию,

проводившемся Т.В. Черниговской и В.Л. Деглиным, была выявлена определенная функциональная специализация полушарий мозга на материале анализа поведения больных с выраженными признаками афазии в условиях преходящего угнетения одного из полушарий мозга.

Дальнейшее изучение данной проблемы показало, что, условно говоря, речь левого полушария, вышедшая из-под контроля правого полушария – в большей мере и есть речь страдающего рассогласованностью функций головного мозга (Баллонов, Деглин, Черниговская, 1985 : 112). Поскольку левое полушарие головного мозга отвечает за рациональное, аналитическое и вербальное логическое мышление, а также за абстрактное мышление. Восприятие мира посредством такого мышления опирается на разум и логику с рациональным выделением последовательности причин и следствий какого-либо события. Тогда как правое полушарие занимается обработкой невербальной информации, которая выражается не в словах, а в символах и образах, оно ответственно за чувственное восприятие мира (Синицын, 2001 : 48). В связи с проведенным анализом логично подчеркнуть, что следствием строгого аналитического мышления, коим и является остроумие, устанавливаются неожиданные связи между разобщенными, а иногда и полярными словами/идеями.

И для остроумца, и для человека с определенными функциональными отклонениями, является характерным аналитическое мышление, вышедшее за границы чувственного восприятия (так как уже отмечалось выше, правое полушарие мозга играет минимальную роль в данном типе мышления). С помощью этого достигается новая ступень осмысления: мышления, проходящего как бы «над» сложившейся концептосферой, и благодаря этому взгляду «сверху» возможно построение абсолютно новых, несвойственных мышлению обычного человека связей. Под «мышлением обычного человека» мы подразумеваем мышление, в процессе которого в равной степени активизируются оба полушария головного мозга. Но основное различие между шизофреником и остроумцем, безусловно, состоит в том, что первый не в силах контролировать процесс порождения остроумия, которые случайно возникают в его бессвязной и неосознанной речи, тогда как остроумец *осознанно* контролирует процесс речепорождения, используя особый тип мышления. Для него это хороший инструмент установления неожиданных ассоциаций, а для шизофреника – это, скорее всего, психолингвистические оковы.

Для понимания такого сложного абстрактного концепта как «Остроумие» («Wit») обратимся к его языковой репрезентации,

отражающей лингвокультурную специфику социума. Языковая игра, частью которой и является остроумие – один из самых древних способов иносказания. Как свидетельствуют ранние хроники, древнеиндийские поэты, которые писали на санскрите, могли себе позволить раскрыть быт богов не более чем в завуалированных аллюзиях, и поэтому очень часто прибегали к такому приему как языковая игра. Древние поэты изобретательно переплетали два плана – эстетический и литературный, и удачно использовали яркие, меткие выражения для создания различных форм риторических фигур, что сохраняло в произведениях элементы «игр в загадки».

Многие поэты намеренно имитировали иррациональный процесс бессознательного в своих работах, в точной, взвешенной манере написания. При этом добавляя в свои произведения реалии повседневной, обыденной жизни общества. Согласно древним верованиям, ведические мудрецы, которым и доверялось написание священных текстов, получали вдохновение, ниспосланное на них богом, покровителем творческого потока, Агни, и в трактовке всецело полагались на свою интуицию и, в особенности, на остроумие (Jansen, 1993).

Но современный концепт «Остроумие», как показывает проводимое исследование, далек от древнеиндийского: он мало связан с юмором. Так что «поэтический юмор» в классических древнеиндийских произведениях вряд ли покажется современному читателю сверкающим остроумием. Для древних поэтов остроумие было прежде всего *ключом к загадке*.

С течением времени остроумие постепенно утратило свой магический смысл и превратилось в светскую забаву. Расцвет интереса к исследованию механизмов остроты пришелся на XVII век. Английский философ Томас Гоббс (1588-1679) в своем произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651) отмечал высокую роль остроумия в тогдашнем светском обществе: «Все действия и речи, проистекающие или кажущиеся проистекающими из богатого опыта, знания, рассудительности или **остроумия**, суть предметы почитания. Ибо все эти вещи являются силой» (*Выделено нами – Т.Г.*) (Гоббс, 2001 : 34).

Другая осторожная попытка в определении этого понятия была сделана английским поэтом А. Каули, который написал «Оду Остроумию» (Ode to Wit). Ода состоит из девяти частей, каждая изобилует метафорами, сравнениями, аллюзиями. На протяжении всех своих рассуждений, А.Каули не делает никаких точных наблюдений и заканчивает оду следующими словами:

«Correct my error with thy pen,
And if any ask me then,
What thing right wit, and height of genius is,
I'll only shew your lines, and say, 'Tis this».
(Cowley, 2001 : 58)

«Исправь мою ошибку своим пером,
И если меня кто-то спросит,
Что такое остроумие и какова мера его гения
Я лишь обозначу его штрихами и скажу: «Вот оно».
(Перевод наш – Т.Г.).

Другой английский писатель и литературный критик, Джон Драйден, в предисловии к либретто будущей оперы, дал одно из первых определений остроты. «Острота – это уместность мыслей и слов», — писал он, — «или, лучше сказать, это мысли и слова изящно примененные к определенной теме» (Перевод наш – Т.Г.) (Dryden, 1988 : 76).

Джон Лок, один из английских философов 17 века, в своем трактате «Опыт о человеческом разуме» заключил, что острота содержится в чем-то, что не согласовывается с истиной или благоразумием, а также, что остроумие, прежде всего, лежит в сближении идей и в их объединении, быстром и разнообразном, которое и дает ощущение удовольствия» (Перевод наш – Т.Г.) (Locke, 1997 : 31).

В продолжение этой мысли, известный английский политик и писатель Джозеф Эддисон добавляет, что острота не всегда производит приятный и забавный эффект. Например, если автор выбрал довольно сложную и неприглядную тему, то неожиданное сравнение с похожим предметом безусловно будет остротой, но вряд ли вызовет восторг. В подтверждение своих слов Дж. Эддисон приводит пример, еще раз напоминая, что важной составляющей остроты является **элемент неожиданности**: «Когда поэт говорит нам, что грудь его возлюбленной бела как снег, то в этом сравнении не обнаруживается никакой остроты; но если он, вздыхая, добавляет, что она и так же холодна, то это уже перерастает в остроту» (Перевод наш – Т.Г.) (Addison, 2001 : 271).

Корбин Моррис, в своем эссе 1744-го года, посвященном «установлению точных критериев остроумия, юмора, шутки, сатиры и насмешки», проанализировав все известные источники, делает вывод, что «острота – это озарение, появляющееся от быстрого разъяснения сути одного из предметов, точным и неожиданным сравнением его с другим предметом» (Перевод наш – Т.Г.) (Morris, 2006 : 37).

Впоследствии трактовкой остроты занимались в основном философы, нежели лингвисты. Например, известный немецкий романист и сатирик Жан Пауль, живший в конце XVIII – начале XIX века, метко усмотрел самую суть остроумия: «Свобода дает остроумие, а остроумие дает свободу. Остроумие является одной только игрой идеями» (цит. по: История немецкой литературы, 1966, Т. 3 : 172).

И действительно, свобода, о которой говорит Жан Пауль, является наивысшей свободой – *свободой мысли*. И чем шире мыслит человек, чем больше понятий и трактовок вмещает его сознание – тем остроумнее он является. Ведь остроумие – это в большей степени избавление от штампов и клише, которые столь прочно вживаются в наше мышление в течение жизни.

Не менее интересен и подход к исследованию остроумия известного австрийского психолога Зигмунда Фрейда, который посвятил этому понятию свою работу «Остроумие и его отношение к бессознательному». Он считал, что остроумие носит подсознательный характер и по его движущим мотивам разделял на:

- обусловленное сексуально, т.е. это такое же средство привлечь партнера, как, например, красивый павлиний хвост;
- обусловленное агрессивно, т.е. едкая острота по адресу врага и соперника, нечто вроде символического убийства;
- остроумие цинически-святоотатственное, т.е. протест против ограничений, налагаемых;
- остроумие скептическое, т.е. сомнение в надежности познания (Фрейд, 2005 : 48).

З.Фрейд проводил различие между чувством юмора и остроумием, которое он выводил из представления об экономии психической энергии. Так, остроумие экономит психическую энергию, так как снимает необходимость тормозить свои агрессивные побуждения. Комическое же отличается от остроумного тем, что оно неумышленно (ibid, 71).

Огромный вклад в исследование и создание остроумия сделал Амброс Бирс в своей книге под названием «Словарь Дьявола». В предисловии к своей книге, автор особо подчеркивает тех, кому адресуется книга:

«In merely resuming his own the author hopes to be held guiltless by those to whom the work is addressed – enlightened souls who prefer dry wines to sweet, sense to sentiment, wit to humor and clean English to slang» (Bierce, 2007 : 5).

«Вновь обретая свою собственность, автор надеется, что будет признан невиновным теми, кому адресована эта книга – просветленными душами, которые предпочитают сухие вина сладким, чувства –

сантиментам, остроумие – юмору, а чистый английский – слэнгу» (Перевод наш – Т.Г.).

Параллелизм, созданный автором в последнем предложении, нацелен подчеркнуть, что остроумие, в отличие от юмора, доступно ограниченному количеству людей – т.е. «просветленным душам», – которые, более того, еще и трепетно относятся к литературному языку, не разбавляя его разговорными формами.

Также в ходе нашего исследования особого внимания заслужили лингвостилистические составляющие остроумия, а именно – сравнение и парадокс. В ходе анализа за основу мы приняли нижеследующее определение остроумия, взятое из «Большой Советской Энциклопедии», так как оно наиболее полно отражает суть этого концепта и являет собой квинтэссенцию всех приведенных выше определений. «*Остроумие характеризуется игрой слов, понятий, фактов, по сути своей далеких, но по ассоциации, либо по словесному звучанию, сближенных*». Более того, в толковании особо подчеркивается, что острота «*вырастает из сравнения, и строится на сближении далеких, более или менее отвлеченных понятий*» (Большая Советская энциклопедия, 1974 : 614). И если учесть, то сближением далеких и отвлеченных понятий является парадокс, можно заключить, что непосредственный продукт остроумия – острота, – это высказывание, находящееся между двумя полюсами – сравнением, с одной стороны, и парадоксом, с другой. Более того, в другом определении «остроумия», взятого из «Литературного энциклопедического словаря», больший акцент делается на сближенность остроумия и стилистического приема «парадокс». В толковании говорится, что остроумие своей неожиданностью и парадоксальностью вызывает комический эффект и нередко непосредственный продукт остроумия – острота, смыкается с парадоксом и стилистической иронией (ЛЭС, 1987 : 431).

По словам И.Р.Гальперина, обязательным условием для стилистического приема сравнения является сходство какой-нибудь одной черты при полном расхождении других черт. Более того, И.Р.Гальперин добавляет, что «сходство, обычно усматривается в тех чертах, признаках, которые не являются существенными, характерными для обоих сравниваемых предметов (явлений), а лишь для одного из членов сравнения» (Гальперин, 1958 : 168).

Аналогичный эффект может наблюдаться и в остроте, когда некой незначительной детали уделяется основное внимание и она становится ключом к пониманию всего высказывания. В качестве примера можно привести остроту из «Словаря Дьявола» А. Бирса. Автор толкует дружбу как «*корабль, достаточно боль-*

шой, чтобы перевозить двоих в хорошую погоду, но способный вместить лишь одного в плохую» (перевод наш – Т.Г.) (*a ship big enough to carry two in fair weather, but only one in foul*) (Bierce, 2007: 47). Эта острота представляет собой аллюзию на всем известную поговорку о том, что «друзья познаются в беде» (в английском языке существует два варианта: либо «*a friend in need is a friend indeed*» (досл. друг в нужде – настоящий друг), либо, что ближе к анализируемой остроте – «*prosperity makes friends, adversity tries them*» (досл. благополучие создает друзей, а неприятности их испытывают). Мнение автора по этому поводу весьма категорично: в плохую погоду, т.е. в беде, человек остается один, дружба не выдерживает груза чьих-либо проблем, но когда все проблемы решены, создаются все условия для хорошей дружбы. Таким образом, при сравнении двух ситуаций, а именно размера корабля в плохую и хорошую погоду, получается острота, которая содержит в себе намек на общеизвестную поговорку о дружбе. Деталью, которая меняет всю картину, является размер корабля. Безусловно, читатель поймет, что «физически» размер корабля остается неизменным, «тесно» на нем становится из-за погоды. Автор косвенно утверждает, что такого понятия как «хороший друг», который, по сложившемуся в обществе мнению, всегда должен приходить на помощь, не существует. И, следовательно, у реципиента этой остроты само понятие «дружба» должно подвергнуться переоценке, поскольку такое парадоксальное сравнение не может вписаться в уже сложившуюся картину мира.

Более того, остроумие может использовать как эксплицитное (прямое) сравнение, т.е. в высказывании будут открыто проводиться параллели между предметами или идеями (как это было рассмотрено выше), так и имплицитное сравнение, в котором часть сравниваемых предметов/идей лишь подразумевается. Это можно проиллюстрировать следующим примером. «*Страхование*», – пишет в «Словаре Дьявола» А. Бирс, – «это современная изобретательная игра на удачу, в которой игроку позволено наслаждаться приятным заблуждением, будто он обыгрывает человека, сдающего карты» (*Insurance – an ingenious modern game of chance in which the player is permitted to enjoy the comfortable conviction that he is beating the man who keeps the table*) (Bierce, 2007 : 62). Автор лишь делает намек на то, что страхование очень похоже на игру в казино, ведь страховые компании, как собственно и казино, всегда в выигрыше. В этой остроте происходит сравнение страхования и игры в казино, но последняя часть тождества остается за скобками, делая это сравнение имплицитным.

Более того, парадоксальность остроты – явление контекстуальное, так как два явления/предмета, которые подлежат сравне-

нию, нельзя противопоставить лексически. Для наглядности приведем пример. В высказывании О.Уайльда «Я недостаточно молод, чтобы знать все» (перевод наш – Т.Г.) (*I am not young enough to know everything*) (Wilde, 2003 : 238). Основой парадокса является заявление о том, что молодые люди знают все. Логически рассуждая, это высказывание легко опровергается, так как у молодых людей не было достаточно времени, чтобы узнать все, но с другой стороны делается акцент на такое распространенное явление среди людей как максимализм, т.е. на уверенность молодежи, что она на самом деле *знает всё*. Таким образом, парадокс читается только в контексте, при этом, оставляя место и для сравнения: автор сравнивает себя с молодежью.

Как видно из проанализированного материала, остроумие включает в себя две лингвостилистические составляющие – **парадокс** и **сравнение**. Именно определенная доля сравнения может превратить парадоксальное высказывание в остроту, и наоборот, присутствие алогичности в некоем сравнительном высказывании позволяет нам рассматривать его как продукт остроумия. Из чего следует заключение, что сравнение и парадокс в остроте неделимы. Безусловно, в некоторых случаях один лингвостилистический прием может превосходить другой, но каждый раз оставляя определенное, пусть и небольшое, место соседствующему приему.

Одним из ключевых свойств концепта является его принадлежность к этнокультурному миру человека и, следовательно, познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка. Это верно и для концептов «Остроумие» в русском и «Wit» в английском языках.

Ярким примером этого может послужить современное английское выражение «Manhattan wit», в настоящее время еще не зафиксированное ни в одном словаре, но уже активно используемое в англоязычной прессе. «Manhattan wit» – это особый вид остроумия, присущий жителям Манхэттена – центрального района американского города Нью-Йорка, занимающего одноименный остров. Приведем в качестве примера отрывок из рецензии, опубликованный в британской газете «The Sunday Times» на новый американский мюзикл:

*«John Doyle's production crackles with confidence, intelligence, edgy humour and that acid but generous irony of which Stephen Sondheim is such a master (...) Sondheim's mellow tones and sharp dissonances combine deep feeling and vitriolic observation, and his lyrics sparkle with kindness and biting **Manhattan wit**»* (Выделено нами – Т. Г.) (The Sunday Times: John Peter «Merrily We Roll Along» January 27, 2008).

«Постановка Джона Дойла ярко выделяется уверенностью, умом, резким юмором и той самой едкой, но великодушной иронией, которой Стивен Сондхайм владеет в совершенстве (...) Зрелое звучание и резкий диссонанс музыки Сондхайма сочетаются с глубоким чувством и саркастическими наблюдениями, а его слова к мюзиклу светятся добротой и колким **Манхэттенским остроумием**» (Перевод наш – Т.Г.).

Предваряя само словосочетание «Манхэттенское остроумие», характеризующее манеру написания слов к мюзиклу, автор статьи отмечает, что главные черты новой постановки мюзикла – это «ум», «едкая, но великодушная ирония», «резкий юмор», а также, оговаривая музыкальную сторону, отмечается, что постановка обладает «глубоким чувством» и «саркастическими наблюдениями». Автор подводит читателя к словосочетанию «*Manhattan wit*» таким образом, что у читателя уже не остается сомнений в том, что же это такое. Более того, само «Манхэттенское остроумие» характеризуется как «колкое» (*biting*), но в то же время, оно сочетается со «светящейся добротой».

Данный отрывок рецензии построен на контрасте: с одной стороны, в нем содержится целая россыпь негативно-настроенных определений, таких как «*edgy*» – резкий, несдержанный; «*acid*» – едкий, язвительный; «*sharp*» – резкий, острый, пронзительный; «*vitriolic*» – саркастический, едкий, резкий; «*biting*» – колкий, резкий, язвительный, острый; с другой же стороны эти определения уравновешиваются положительными оборотами:

– **confidence, intelligence, edgy humour** — уверенность, ум, резкий юмор (здесь и далее выделено нами – Т.Г.);

– **acid but generous irony** — едкая, но великодушная ирония;

– **mellow tones and sharp dissonances** — зрелое звучание и резкий диссонанс;

– **combine deep feeling and vitriolic observation** — сочетается с глубоким чувством и саркастическими наблюдениями;

– **lyrics sparkle with kindness and biting Manhattan wit** — слова к мюзиклу светятся добротой и колким Манхэттенским остроумием.

На основе данного отрывка мы можем сделать вывод о том, что «Манхэттенское остроумие» – это контраст положительного тона автора с вкраплениями едких, колких нот, которые неотступно преследуют любое добродушное наблюдение. В таком случае возможен легкий цинизм в высказываниях, главное правило которого будет не омрачать общую картину повествования, а лишь слегка ее корректировать, подсказывать читателю нужное направление. Таким образом, проводя параллель между соотно-

шением мюзиклов и серьезных театральнo-драматических произведений, мы можем утверждать, что «Манхэттенское остроумие» является легким жанром остроумия в целом.

Рассмотрим еще одно наблюдение по поводу реализации концепта «Wit» в свойственной ему лингвокультурной картине мира, сделанное английским обозревателем газеты «The Times»:

«But if native English writers sometimes struggle to communicate humour to native English readers, how much more difficult must it be for humour to be conveyed across national, ethnic, religious or language divides? Indeed, since so much humour depends on an absurd proposition being inserted into a shared reality, or a shared view of the world, the very notion of foreigners understanding our wit, or us theirs, is surely inherently unlikely» (The Times: Richard Morrison "Ha ha hard" January 26, 2008) (Выделено нами. – Т.Г.).

*«Но если даже английским писателям приходится прилагать немалые усилия для того, чтобы донести юмор до коренных английских читателей, насколько же это сложнее передавать юмор, преодолевая этнические, религиозные и языковые барьеры? И, действительно, если юмор настолько зависит от абсурдного высказывания в рамках окружающей действительности или всеобщего взгляда на мир, само представление об иностранцах понимающих наше остроумие, или о том, что мы понимаем их **остроумие**, по сути весьма маловероятно»* (Перевод наш – Т.Г.).

В данном отрывке поднимаются две проблемы, связанные с концептом «Wit» (остроумие).

Первая – проблема преодоления этнокультурных границ, т.е. в статье косвенно утверждается, что каждый народ обладает свойственным лишь ему чувством юмора, который в отрыве от языковой картины мира (последняя, по мнению автора, включает в себя, прежде всего, национальные, религиозные и языковые аспекты) потеряет всякий смысл и станет абсолютно непонятным иностранному читателю.

И вторая проблема заключается в том, что зачастую даже в условиях одной и той же языковой картины мира читатели все равно не понимают авторское остроумие, так как оно представляет собой некий интеллектуальный код, разгадать который сможет лишь читатель с определенной сложившейся концептосферой. И тогда автору приходится *«прилагать немалые усилия для того, чтобы донести юмор до коренных английских читателей»*, т.е. объяснять все более детально, ничего не умалчивая и не полагаясь самонадеянно на широкий кругозор и начитанность реципиента.

Теперь рассмотрим лингвокультурологическую реализацию концепта «Остроумие» в русской картине мира на примере отрывка из статьи «Бахохульство», опубликованной в газете «Коммерсантъ»:

«Такой шумный, крикливый, шепотной Бах не может вызывать иных мыслей, кроме как о кошмарной напряженности развинтившихся от истерии нервов. Во всем – и в шатких адажио, и в быстрых частях, сыгранных без всякой оглядки на существование оркестра и в таком темпе, что увлекательнейшая баховская текстура превращалась в какое-то липкое пюре, – изумляла не только произвольная ритмика. И не только невнимание к преподанным в тексте партии логичности и остроумию (остроумию не в смысле Елены Степаненко, а в смысле типичных для барокко игр ума)» (Выделено нами – Т.Г.) (Сергей Ходнев. «Бахохульство». Газета Коммерсантъ» № 61 (2900) от 06.04.2004).

Само заглавие статьи представляет собой каламбур, основанный на фонетическом сходстве слова «богохульство», т.е. осквернение Бога, и фамилии прославленного немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха. Так, с самого начала читателю дают понять, что в статье пойдет речь о каком-то некорректном обращении с музыкальными произведениями Баха. И, действительно, в трактовке современных исполнителей Бах оказывается «шумным, крикливым и шепотным», более того, «увлекательнейшая баховская текстура превращалась в какое-то липкое пюре» и в конце автор говорит о «невнимании к преподанным в тексте партии логичности и остроумию» – и тут же в скобках поясняет какому остроумию – «остроумию не в смысле Елены Степаненко, а в смысле типичных для барокко игр ума».

Для иностранного читателя, не знакомого с этнокультурным миром России, понять, что же такое «остроумие в смысле Елены Степаненко», представляется вряд ли возможным. А большинству коренных русских жителей хорошо известно, что Елена Степаненко – это эстрадный юморист, выступающий перед публикой со своими комическими монологами, посвященными общебытовым проблемам и межличностным отношениям, доступным для понимания любому реципиенту в рамках русской языковой картины мира. Но качество этого «остроумия» является весьма сомнительным, так как хорошее остроумие не может быть понято широкими массами населения, поскольку является интеллектуально-наполненным видом юмора, а остроумие общедоступное в основном базируется на банальных и заурядных аспектах жизни. Такой тип остроумия очень трудно отнести к обозначенным автором статьи «играм ума», поэтому и контраст, созданный таким сравнением («**остроумию не в смысле Елены Степаненко, а в смысле типичных для барокко игр ума**»), для русского читателя является разительным и весьма красноречивым.

И еще один пример, непосредственно трактующий концепт «Wit» (остроумие) в плане его интеллектуальной направленности.

Это цитата знаменитого английского актера, драматурга и композитора Нозля Каурда:

«Wit ought to be a glorious treat like caviar. Never spread it about like marmalade» (The Daily Telegraph: Laura Clout «Oscar Wilde voted greatest British wit» 16/10/2007).

«Остроумие должно быть таким же восхитительным угощением как икра. Никогда не размазывайте его словно варенье» (Перевод наш – Т. Г.).

Неожиданное, но блестящее сравнение остроумия с икрой вновь подчеркивает то, что остроумие, как и икра, – деликатес, доступный ограниченному количеству людей; если в случае с икрой нужно иметь большую сумму денег, то остроумие, в свою очередь, потребует немалых интеллектуальных затрат. И, более того, если мы начнем «размазывать» остроумие, т.е. пытаться каким-то образом его словесно дополнить или объяснить, мы, безусловно, его испортим. Каждый деликатес хорош лишь в малых количествах, и ключевая сторона остроумия – лаконичность.

С другой стороны, остроумие может быть и универсальным, т.е. способным пересечь границы различных картин мира без значительных смысловых потерь. Например, статья под заголовком *«Кандидаты-республиканцы испытали остроумие друг на друге»*, опубликованная в газете «Коммерсантъ», освещает дебаты кандидатов в президенты от республиканской партии в США:

*«Губернатору Арканзаса Майку Хакаби был задан вопрос, что сделал бы Иисус со смертной казнью, будь он президентом. «Иисус был слишком умен, чтобы выдвигаться на государственный пост»,— заявил губернатор Арканзаса. Эта реплика была признана аудиторией самой **остроумной** за вечер». (Ирэна Шекоян «Кандидаты-республиканцы испытали остроумие друг на друге». Газета «Коммерсантъ» № 221(3797) от 30.11.2007) (Выделено нами – Т.Г.).*

В данном случае, острота о том, что *«Иисус был слишком умен, чтобы выдвигаться на государственный пост»*, не затрагивает никаких специфичных для американской картины мира реалий, и поэтому ее перевод на русский язык является адекватным и понятным русскому читателю без каких-либо дополнительных комментариев. Для сравнения, приведем это же высказывание в оригинале: *«Jesus was too smart to ever run for public office»* (<http://mediamatters.org/items/200711300008>).

Такая личность как Иисус является частью практически каждой языковой картины мира; разнится лишь ее место в конкретной картине мира определенного социума, а также отношение к ней, зависящее от многих факторов: прежде всего – преобладающего

вероисповедания, а также от светской, либо религиозной организации общества, и т.д.

С помощью такой остроты Майк Хакаби ушел от прямого ответа на вопрос о предположительном отношении Иисуса к смертной казни. Более того, благодаря этому высказыванию он не только удачно отразил нападение со стороны соперника, но также вызвал своим остроумием симпатию телезрителей. Это было неожиданно, метко и содержало нужную долю юмора, именно поэтому и было расценено как «остроумие» в обеих картинах мира, как русской, так и американской.

В данной остроте преобладающим лингвостилистическим компонентом является сравнение «Иисус – президент», оставляя место и другому компоненту, парадоксу, присутствующему в конкретной идее о том, что Иисус мог когда-либо помышлять о вступлении в должность государственного служащего.

Политика и власть является одной из самых актуальных тем для каждого общества, поэтому и в русской картине мира мы можем встретить немало острот, посвященных различным проблемам этой сферы. Так, например, в разделе «Общество», «Литературная газета» обсуждает настоящее политическое и экономическое положение России, а также несоответствие реальности тому, что которые описывают средства массовой информации. По этому поводу автор статьи: «Полемика: что с нами происходит?» Лев Аннинский размышляет таким образом:

«Смутно, черно, пёстро: не поймешь, то ли реальные концепции сталкиваются, высекая искры остроумия, то ли иллюзии скрещиваются, напуская туман. Что может родиться от скрещивания иллюзий? Как это итожить?» (Выделено нами – Т.Г.) («Литературная газета» №11 (5153)(2007-03-17).

С лингвистической точки зрения, очень интересно авторское выражение «высекать искры остроумия», которое сразу же привлекает внимания читателя не только своей необычностью, и в то же время, точностью формулировки, но и благодаря своей фонетической форме: здесь присутствует стилистический прием *аллитерации*, придающий фразе особый ритм: во-первых, во всей фразе после первого гласного звука повторяется согласный «с»: «*высека́ть искры остроумия*»; во-вторых, в словосочетании «*искры остроумия*» созвучными являются группы звуков «скр» и «стр» в начале каждого из слов; при этом в обоих случаях им предшествует одиночный гласный звук.

Слова «*искры*» и «*остроумие*» созвучны не только фонетически, но и «семантически»: остроумие – всегда очень яркое явление, при этом лаконичное, но также способное слегка «обжечь». Как одна из параллелей, может вспомниться устойчивое выраже-

ние «искромётный юмор», которое, скорее всего, и стало почвой для рождения этого авторского неологизма.

Далее в статье аналитические рассуждения заходят в тупик, и вместо них появляется целый ряд вопросов, который, в конце концов, увенчался остроумным авторским наблюдением: «...да как у меня язык повернется обсуждать, что в этой «остальной России» происходит? Власть ругать? Да где она начинается и где кончается – власть? В Кремле, что ли? Внутри Садового кольца? Внутри Третьего кольца? Четвертого?.. Да разве власть эта дотянется до всех российских углов? Любой дворник в любом дворе любого города – и власть, и народ разом» (ibid).

Сплетение двух противоположных слоев общества, самого обеспеченного — представителей власти и, наоборот, наименее обеспеченного и обросшего огромным количеством стереотипов в русской картине мира, — представителей сферы коммунальных услуг, на первый взгляд, кажется парадоксальным или просто смешным. Дворник — это большой и многогранный концепт в русской культуре, который у русскоязычного человека, прежде всего, вызывает ассоциации с социальной незащищенностью и низким материальным достатком. Но чем больше читатель будет раздумывать над уравнением «дворник равняется власти», тем больше соответствий он найдет. Безусловно, будучи представителем «народа», дворник в той или иной мере «владеет» территорией, охраняет ее и оберегает, знает «свой народ» в лицо, общается с ним на одном языке и находится в курсе всех происходящих событий. А кто владеет информацией — тот, как известно, владеет миром.

Очевидно, что английский концепт «Wit» требует для себя большее количество конкретизаторов (объяснений, обозначений), составляющих лингвокультурные смыслы, а также представляющие социокультурные или этнические доминанты текста. Более того, в текстовом пространстве концепта «Wit» устанавливается особый языковой механизм интеллектуальных приращений к семантике самого концепта «Wit», (например, в случае с выражением «Manhattan wit» (Манхэттенское остроумие), обладающих индивидуальными специфическими характеристиками функционирования. Как в русском, так и в английском языке, концепт «Остроумие» является феноменом рационального вербального и ментального поведения адресанта. Будучи социально- и личностно-ориентированными, функционирование мышления и все вербализованные формы являются осознанными, а значит особо интеллектуально кодированными различными средствами языка. Например, положительно-коннотированные однородные члены предложения для концепта «Остроумие» (*«остроумие и ориги-*

нальность», «логичность и остроумие» и др.) и отрицательно-коннотированные определения для концепта «Wit» («*caustic wit*» — едкое остроумие; «*mordant wit*» — язвительное остроумие), стилистический прием аллитерации (*искры остроумия*), сплетение разноплановых лингвокультурных компонентов (*власть-дворник*), взаимодействие лингвостилистических приемов сравнения и парадокса в межлингвокультурном пространстве (*Иисус – президент*).

Подведем основные итоги.

Концепт «Остроумие» («Wit») – это многогранный лингвокультурологический шифр, представляющий собой квинтэссенцию общечеловеческого понимания и языкового представления об интеллектуально-наполненном юморе, синтезированном человеческим мышлением. Концепт «Остроумие» в русском языке и концепт «Wit» в английском языке актуализируют разнообразные характеристики феномена остроумия, репрезентирующие соответствующие лингвокультуры. Каждый из концептов представляет собой **этнически окрашенное** представление об интеллекте и юморе, заключенное в отдельной вербальной оболочке.

Концепты «Остроумие» в русском языке и «Wit» в английском отражают культуру и опыт двух разных наций и обладают индивидуальными, специфическими характеристиками, реализуемыми в конкретной лингвокультурной картине мира. Английский концепт «Wit» «положительно-настроенный». В основном, он связан с получением «интеллектуального удовольствия»; предполагается творческая реализация умственных способностей, сравнимая с талантом, гениальностью, т.е. со свойствами, присущими лишь небольшому количеству людей. Русский концепт «Остроумие» связан с получением интеллектуального «ранения». Русской остроте (продукту остроумия) присуща интеллектуальная «изобретательность», «тонкость» или «изошренность». Важным является *качество* производимого продукта

Когнитивно-культурологическая модель концепта «Остроумие» включает в себя две лингвостилистические составляющие – сравнение и парадокс. Присутствие алогичности в высказывании одновременно с проведением сравнения определенных феноменов запускает лингвистические механизмы остроумия, что и определяет их функциональное единство. Из чего следует заключение, что сравнение и парадокс в остроте неделимы. При этом наблюдается некая разбалансированность присутствия той или иной лингвостилистической составляющей.

Логически острота (продукт остроумия) находится между двух полярностей: обоснованного с точки зрения логики *сравнения*,

положительного полюса, и *парадокса* – алогичного, отрицательного полюса. Идеальная острота (понятие нереальное, являющееся неким абсолютом) находится посередине между сравнением и парадоксом. Оценить качество остроты, ее тонкость можно путем анализа того, насколько она тяготеет к одному из полюсов.

Остроумие как психолингвистический феномен основывается на особом типе мышления, который заключается в освобождении от языковых штампов и стереотипов. Такой тип мышления происходит вне сложившейся, логически обусловленной концептосферы, и благодаря этому взгляду «сверху» наблюдается построение абсолютно новых, несвойственных традиционному мышлению смысловых связей. Для остроумия, в первую очередь, важна игра смысловых ассоциаций, т.е. неожиданная логико-смысловая интерпретация феномена, с последующей его вербализацией в виде смысловой игры.

Литература

Григоренко Т.М. Интегральные и дифференциальные характеристики каламбура и остроты и их перевод (на материале пьес Оскара Уайльда) // Экологический вестник научных центров Черноморского экономического сотрудничества. Приложение № 2: дискурсивное пространство: эволюция и интерпретация. Краснодар, 2006. С. 237-239.

Григоренко Т.М. Манера речевого поведения как источник конфликта // Труды Кубанского государственного аграрного университета. Выпуск 4. Краснодар, 2006. С. 330-335.

Григоренко Т.М. Лингвокультурные интерпретации концепта «Wit» (остроумие) в английском языке // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 7: сборник научных трудов. Москва-Пятигорск, 2008. С. 331-338.

Григоренко Т.М. Лингвостилистические составляющие остроумия: сравнение и парадокс // Лингво-прагматика современных процессов межкультурной коммуникации. Краснодар, 2007. С. 40-51.

Григоренко Т.М. Остроты и каламбуры и их перевод на русский язык (на материале пьес Оскара Уайльда) // Современная лингвистика: теория и практика: материалы VI Межвузовской научно-методической конференции. Ч. 1. – Краснодар: КВВАУЛ, 2006. С. 56-60.

Григоренко Т.М. Остроумие как психолингвистический феномен // Филология как средоточие знаний о мире: Сборник научных трудов. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. С. 132-136.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Цель настоящей работы – охарактеризовать концепт «предательство» как архетипическое ментальное образование. Для достижения данной цели выдвинуты следующие задачи: 1) установить конститутивные признаки архетипических концептов, 2) построить модель лингвокультурного концепта «предательство», 3) определить понятийные, образные и ценностные характеристики данного концепта.

В современной антропологической лингвистике изучению концептов уделяется особое внимание, что делает возможным, используя накопленные данные, структурировать концепты и производить их типологию. Важнейшей дискурсивной характеристикой концептов является их транслируемость (С.Х. Ляпин). В связи с этим возможно противопоставление активно и пассивно транслируемых концептов. К числу первых относятся архетипические концепты, в основании которых лежит система установок и поведенческих реакций, влияющих на жизнь людей (В.И. Карасик). Отличительная особенность данной разновидности концептов состоит в том, что они связаны с архетипическими образами как прототипическими представлениями о действительности, во многом определяющими психические реакции и поведение человека. В основе понятия архетипа лежит теория, предложенная швейцарским ученым К.Г. Юнгом, который под слоем «личностного бессознательного», составляющего основной предмет изучения в классическом психоанализе З. Фрейда, обнаружил «коллективное бессознательное», трактуемое им как общечеловеческое основание душевной жизни индивидов, наследуемое, а не формирующееся на базе индивидуального опыта. Если в личностном бессознательном основную роль играют «комплексы», то структурообразующими элементами коллективного бессознательного являются архетипы – универсальные модели бессознательной психической активности.

При выделении архетипических концептов мы исходим из следующих положений: во-первых, лингвокультурный концепт можно отнести к классу архетипических, если в его основе лежит размытый оценочно-маркированный образ, представление о том или ином фрагменте действительности, не поддающееся рациональной рефлексии, базирующиеся на дуальной категоризации мира и проявляющееся как след коллективного опыта в индивидуальном сознании; во-вторых, архетипический концепт сориентирован на

важнейшие биологические в своей основе ценности бытия (жизнь – смерть, опасность — защита, хорошо – плохо, свой — чужой), и потому обладает универсальным характером для всего человечества, в-третьих, архетипический концепт отличается бинарным оценочным характером, выражающимся в неделимой диаде «+» и «-». Архетипический концепт обладает отличительным набором конститутивных признаков, совокупность которых дает представление об этом концепте в рамках изучаемой культуры.

В основе лингвокультурного концепта «предательство» лежит архетипическое представление о важности и необходимости сохранять верность. При этом взаимоотношение верности и предательства представляет собой своеобразное единство, которое мы определяем как архетипическую оппозиционную пару, отражающую ценностные доминанты в поведении представителей русско-го и английского лингвокультурных сообществ.

С целью установления понятийных характеристик концепта «предательство» в русской и английской лингвокультурах был выстроен фрейм, вершинными узлами которого являются: действие, выраженное в различных формах, в том числе и вербальной, совершаемое в силу различных мотивационных установок, сопровождающееся некоторой конфликтной ситуацией и влекущее за собой изменение в качестве отношений между субъектом и объектом действия (с положительного на отрицательное). В качестве субъекта рассматриваемого действия выступает лицо или группа лиц, наделенных определенными качествами и характеристиками и иницирующими данное действие. Объектом действия следует считать лицо или группу лиц, на которых действие направлено. Условием совершения действия выступают определенного рода отношения между субъектом и объектом, что находит свое отражение в определенной доле доверия субъекту со стороны объекта действия.

В качестве сферы совершения предательства в настоящем исследовании рассматривается сфера межличностных отношений. Следуя тезису о том, что межличностные отношения – это субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения, представляется необходимым уточнить характер протекания предательства. Так, анализируя направленность изучаемого действия, можно прийти к выводу о том, что оно может быть направлено от субъекта во внешний мир, то есть, субъект предает другого человека или группу людей, общие интересы, а в варианте «предательство самого себя» бывает нацелено от субъ-

екта на его внутреннее «я»: его ценности и принципы. Во втором случае Участник 1 является одновременно и субъектом, и объектом совершаемого поступка. В обоих рассматриваемых случаях предательство сопряжено с некоторым конфликтом, определяемым как противоречие мотивов, целей и ожиданий сторон. На наш взгляд, такой конфликт может принимать как внешнюю, так и внутреннюю формы, а именно: поведение субъекта, предающего другое лицо или группу лиц, вызывает отрицательную реакцию со стороны объекта/объектов предательства, а также со стороны третьих лиц, что может повлечь за собой качественные изменения в их отношениях. В данной ситуации уместно говорить о внешнем конфликте, поскольку, выявляя разногласие между двумя или более членами группы, он носит межличностный характер. В случае, когда объектом предательства становится сам субъект, точнее, его внутренние духовные и нравственные установки, следует различать конфликт внутренний, личностный, происходящий на уровне индивидуального сознания. Результатом предательства в данной ситуации является нарушение целостности личности как совокупности биологических, психологических и социальных характеристик. К элементам последних социологи относят духовный мир человека, нравственные нормы и принципы, которыми он руководствуется и которые определяют линию его поведения.

Учитывая ориентацию на объект совершаемого действия, предательство можно рассматривать как нарушение верности в любви, дружбе, то есть, оно может произойти в сфере личных отношений. Характерной особенностью такого рода отношений является тот факт, что они не оформляются законодательно и не упорядочиваются институционально. Они складываются благодаря общности мировоззрения, убеждений, дружбы, любви. В данном случае сохранение верности основывается на доверительных отношениях, ожидании честного поведения сторон друг с другом, подчиняющегося императиву внутреннего нравственного закона. В то же время, принимая во внимание фактор включенности личности в социальные институты, предательство может иметь место в отношениях внутри какой-либо организации, корпорации, государственного устройства, а также такого социального института, как институт семьи и брака. Подобного рода отношения подлежат законодательному оформлению. При этом следует учитывать, что в повседневной жизни грани непосредственно личных и институциональных отношений часто переплетаются, вследствие чего предательство можно рассматривать как действие,

включающее в себя компоненты обеих этих разновидностей человеческих отношений.

В исследовании приводится анализ таких наиболее важных, на наш взгляд, узлов фрейма «предательство», как: «действие», «Участник 1» и «Участник 2».

Понятие «Участник 1», являющееся необходимым составляющим изучаемого концепта на понятийном уровне и в русской, и в английской лингвокультурах, объективируется в нескольких лексических единицах, имеющих в качестве стержневого признака компоненты «человек, предавший кого-либо», «нарушивший верность», «вероломно изменивший».

В русской лингвокультуре это понятие раскрывается в таких словах, как: «предатель (предательница)», «изменник», «изменщик», «доноситель», «доносчик», «сикофант», «ябеда», «наушник», «Иуда», «искариот», «ренегат», «вероотступник», «христопродавец», «стукач», «провокактор», «коллорационист», «двурушник», «отступник», «веролом», «клятвопреступник», «переметчик», «перебежчик», «отщепенец», «дезертир». У всех рассмотренных лексических единиц стержневым семантическим признаком является: «человек, предавший кого-либо, что-либо». Кроме основной характеристики выделяются дополнительные, а именно: «тот, кто изменил прежним взглядам», «лицемерный человек, притворяющийся другом и друга предающий в силу разных причин», «непостоянный во взглядах», «тайно замышляющий что-либо», «нарушивший супружескую верность», «нарушивший клятву», «нарушивший гражданский долг».

В английском языке лексическая единица «*betraye*», как производная форма базовой леммы «*betrayal*», раскрывающая признак Участник 1 в английской лингвокультуре, имеет также ряд сходных по значению единиц: «*traitor*», «*back-stabber*», «*double-crosser*», «*renegade*», «*collaborator*», «*informer*», «*quisling*», «*Judas*», «*double-agent*», «*mole*», «*rat*», «*stool pigeon*», «*turncoat*», «*defector*», «*two-timer*». Основными семантическими признаками, объединяющими слова-синонимы базовой леммы «*betraye*» в английской лингвокультуре является: «*a person who betrays another's trust*» и «*one that commits treason against his country or friend or organization*», а дополнительными можно назвать «*one that secretly helps an enemy or opponent by giving them information*», «*one that leaves a country or party or organization and goes to another one*».

При рассмотрении значений лемм, обозначающих субъект предательства, прослеживаются два вектора, характеризующих тип поведения лица предающего. Так, сопоставляя единицы

«двурешник», «доноситель» «наушник», «ябеда» *versus* «перебежчик», «переметчик», «ренегат» в русском языке и «traitor», «collaborator», «mole» *versus* «turncoat», «defector», «renegade», можно заключить, что предавать можно тайно, не меняя официально установленного статуса друга, сотрудника, коллеги, гражданина страны, и предать можно открыто, объявив публично о выходе из группы, коллектива, организации и, соответственно, поменяв свой статус — быв другом, коллегой (friend), можно стать оппонентом, конкурентом (opponent), а можно и врагом (enemy). Тем самым можно сделать вывод об изменениях в статусных характеристиках субъекта и объекта предательства.

Понятие «действие» в качестве вершинного узла фрейма изучаемого концепта на языковом уровне в русском языке представлено единицей «предавать», которая означает «изменнически выдать, вероломно отдать во власть, распоряжение кого-либо», «изменить, нарушить верность – предать дружбу, общее дело». В русском языке понятие «предавать» также может быть выражено словами: «продать», «заложить», «настучать», «сдать (друга, партнера, сообщника).

В английской лингвокультуре рассматриваемый признак представлен единицей «betray», которая понимается как: «reveal unintentionally, disclose involuntarily»; «deliver into the hands of an enemy»; «seduce and abandon»; «desert, especially in time of need»; «mislead, lead astray into error, sin, danger»; «prove faithless, treacherous, disloyal to someone»; «reveal government's secrets»; «inform on or against someone»; «break one's promise»; «stab in the back»; «do something deliberately to harm somebody or help their opponents»; «allow (a secret) to become known (by accident or on purpose)»; «commit (high) treason»; «trick, deceive». Общей со словом «betray» семьей «reveal» обладают такие единицы как «disclose», «divulge», «tell», «give away», «leak», «unmask», «expose», «bring out into the open», «peach on», в значении которых прослеживается компонент «voluntary, deliberate informing».

Необходимо отметить, что, рассматривая такие признаки концепта «предательство» в английском языке, как «accidental», «sudden» *versus* «purposeful», «harm deliberately», «mens rea», а также «лицемерие», «злой умысел», «вероломство», «коварство», выявленных у лексем, объективирующих понятие субъекта действия в русском языке, можно проследить нарастание интенциональности: предать можно случайно, по неосторожности, по ошибке, не имея преступного замысла (criminal intent) либо лицемерно обманув, т.е. хитря, притворяясь другом, коварно вынашивая план измены, прикрываясь маской дружеского расположения.

Сопоставление вышеуказанных признаков дает возможность проследить также временной фактор, промежуток реального времени совершения предательства. То есть, предательство может явиться результатом чьих-то намерений, чьей-то продуманной стратегии: от момента начального импульса, замысла предательства до момента его совершения может пройти довольно много времени – от нескольких минут до нескольких лет, а также может оказаться необходимым составление плана, продумывание этапов предстоящего действия. С другой стороны, предательство можно совершить неожиданно, внезапно, в один миг. При чем категории «неожиданность», «внезапность» можно применить по отношению к состоянию и того, кого предали – прослеживается эмоциональная значимость именно первого момента осознания предательства – и того, кто предает, выдавая по ошибке, неведению чужой секрет, тайну.

Синонимический ряд лексем, распредмечивающих концепт «предательство» в русской лингвокультуре составляют, в том числе, единицы «измена», «коварство», «вероломство», а в английской лингвокультуре – единицы «treason», «perfidy», «treachery», «infidelity», также реализующиеся в сфере институциональных и лично-ориентированных отношений. При этом в большинстве английских словарей элементы значения, связанные с изменой в сфере институциональных отношений, стоят в словарной статье на первом месте. На наш взгляд, это служит свидетельством того, что для английского сознания юридическая сторона является более актуальной. в русском языковом сознании релевантным оказывается противопоставление предательства как поступка измены по отношению к «своим» в пользу «чужих» и поступка измены по отношению к любимому человеку. В последнем случае имеются в виду отношения между мужчиной и женщиной.

При анализе семантических признаков ключевых лексем, распредмечивающих концепт предательство в русской и английской лингвокультурах, нами были обнаружены 1) направленность изучаемого действия, при этом выявляются вертикальная и горизонтальная модели предательства, 2) ассоциативные связи рассматриваемого концепта с его «зеркальной противоположностью» — концептом «верность», а также такими концептами, в равной мере отражающими бинарные противопоставления, как: «правда — ложь», «истина — обман», «искренность — лицемерие», «дружба — вражда», «свой — чужой».

К основным семантическим признакам концепта «предательство» в обеих лингвокультурах относятся следующие: а) диада

«предательство – верность» по отношению к своим, б) действие со скрытой злонамеренной и демонстрируемой доброжелательной интенцией, в) неожиданное для объекта действие.

При сопоставлении языкового наполнения понятия «объект предательства» в обеих лингвокультурах можно выделить 1) признак «взаимодействие», проявляющий включенность субъекта предательства в различные общественные институты, и потому подчеркивающий социальный статус изучаемого концепта, 2) иерархическую последовательность, с которой представлены лица, выступающие объектом предательства: а) отдельное лицо; б) микрогруппы лиц; в) макрогруппы лиц, 3) наличие абстрактного понятия в качестве объекта совершаемого действия, то есть, предательство может заключаться в перемене взглядов, принципов, измене общему делу, невыполнении гражданского долга, 4) признаки «ориентированность на внешний мир» и «ориентированность на внутреннее «я» человека», причем в последнем случае объектом действия является сам субъект.

Анализ фразеологических единиц, объективирующих рассматриваемый концепт, показал, что в семантике рассмотренных фразеологизмов находят выражение те же признаки, которые были выявлены при анализе значения лексических единиц. Во-вторых, в семантике выделенных фразеологических единиц, относящихся к ситуации предательства, отражены оппозиционные пары, основанные на архетипическом противопоставлении «плюс — минус», фиксирующих представление о мироздании с использованием дуальной категоризации. В-третьих, языковая реализация признака «предательство самого себя» во фразеологических единицах, также как и в единицах лексических, не столь вариативна.

Внутренняя форма лексем, распредмечивающих концепт «предательство» в русской и английской лингвокультурах, полученная в ходе этимологического анализа, позволила прийти к следующим заключениям: субъект предательства выступает своего рода контейнером, в который объект совершаемого действия помещает свои секреты, надежды, ожидания верности и уверенность в сохранности доверяемой тайны. Предавая, субъект предательства отдает доверенную ему информацию в чужие руки. Сходство структуры понятий «вера» и «доверие» в контексте различных индоевропейских языков свидетельствуют о древности и важности данных концептов, а тесная и неразрывная этимологическая связь лексем, объективирующих вышеназванные концепты с единицами русского и английского языков, распредмечивающих концепт «предательство», свидетельствуют о том, что речь

идет об архетипической оппозиции, уходящей корнями глубоко в историю обеих сопоставляемых лингвокультур.

Типология предательства выстраивается в работе с учетом: 1) ориентации на объект изучаемого действия, при этом, в зависимости от его направленности, выделяются 1) предательство, направленное от субъекта во внешний мир – 1а) предательство отдельного лица, 1b) предательство микрогруппы лиц, 1с) предательство макрогруппы лиц 1d) предательство Супер-объекта (предательство Бога) и 2) предательство, направленное от субъекта на его внутреннее «я», его внутриличностные ценностные установки – предательство самого себя; 2) на субъект совершаемого действия — а) предательство, совершаемое родителями по отношению к детям, б) предательство, осуществленное любимым человеком, с) предательство, на которое идет общество, d) предательство, которое можно ожидать от собственного тела, е) предательство, совершаемое другом; 3) мотивов и причин, вызывающих предательство – а) предательство, вызванное страхом смерти или пыток, б) предательство из-за корыстных мотивов, с) предательство по халатности, равнодушию, d) предательство, вызванное жадностью материальных благ, е) физического удовольствия, f) предательство из гордости, самопревозношения; 4) критерия осуществления того или иного рода деятельности — а) бесхозяйственность в финансах, б) увлечение азартными играми, с) присвоение чужого имущества, d) злоупотребление алкоголем и наркотиками, е) любовные интриги, а также f) любое скрытное поведение; 5) сферы совершения рассматриваемого действия — а) предательство в сфере личных, интимных отношений и б) предательство в сфере статусно-ориентированных, институциональных отношений. Внутри первой разновидности предательства этого типа в английской лингвокультуре выявляются такие его вариации, как: аа) финансовая неверность, ab) измена в режиме онлайн, которой противопоставлена ac) измена в режиме офлайн; б) критерия «преднамеренности — непреднамеренности» — а) преднамеренное предательство, б) непреднамеренное предательство; 7) возможности оправданности – неоправданности совершенного поступка.

Образно-перцептивные характеристики концепта «предательство» выявляются через восприятие лица, совершающего рассматриваемое действие. В обеих лингвокультурах большинство респондентов (84% в русской и 81% в английской лингвокультуре) обоих полов высказались в пользу того, что предатель не ассоциируется у них с какими-то ни было отличительными чертами:

«Предатель может выглядеть как угодно. Совершить подлость и причинить боль может любой. Это обычный человек. Им может быть и мужчина, и женщина, вы и я» (М).

«There are no particular traits of appearance by which I could confidently identify a potential betrayer» (Ж).

Таким образом, можно заключить, что для большинства представителей обеих лингвокультур образ предателя воспринимается скорее через его поступки, через чувства и переживания того, кого предали, а не через внешность субъекта, что свидетельствует о том, что в момент предательства акцент чувственного восприятия жертвы совершаемого действия перемещается на свой внутренний мир, свои собственные переживания.

Доминирующими характеристиками внешности предателя, выявленными в ответах представителей русской лингвокультуры, являются признаки «неприятно красив», «видимость дружелюбного настроения», «взгляд исподлобья», «тонкие губы», «серая мышка». Среди наиболее распространенных характеристик поведения предателя и его манеры говорить, встречающихся в ответах представителей обеих лингвокультур, можно выделить следующие: «двигается тайком, украдкой / you don't notice him walking», «разговаривает полупшепотом / speaks in a low voice», «ходит на цыпочках», «старается быть незаметным / should be from the shadows», «не смотрит в глаза / eye contact would be avoided», «контролирует свое поведение / ability to control facial features».

Реакции, полученные на слова-стимулы «предатель», «предать» и «предательство» показывают, во-первых, что в сознании российских респондентов, предатель представлен как 1) мужчина, 2) злой по своей природе, 3) совершающий низкий поступок, 4) изменяющий Родине, стране, 5) он нарушает идеалы дружбы, 6) разглашает военную тайну и 7) вызывает широкий спектр чувств и эмоций.

Реакции на слова «betrayal», «perfidy», «treachery», «treason» показали, что в сознании представителей английской лингвокультуры образ предателя ассоциируется с образом 1) человека (людей) с лукавым выражением лица, 2) который своим коварством (выдачей чужой тайны, изменой стране, супруге(у), другу, нарушением Десяти Заповедей) 3) разрушает доверие и дружбу.

Сопоставление полученных ассоциаций позволяет проследить сходство в образном восприятии предателя в обеих сопоставляемых лингвокультурах.

Реакции представителей русской и в той же мере английской лингвокультуры на слова-стимулы, ассоциирующиеся с предательством, несут отпечаток архетипической дуальной категоризации при означивании фрагментов переживаемого опыта. Так, в

них прослеживаются следующие архетипические пары: «**верх — низ**»: *высшие идеалы, top secret, high treason — низкое предательство, let down, underhanded*; «**друг — враг**»: *друг, дружба, mutual friend — враг, enemy, lost friendship, et tu, Brute*; «**начало — конец**»: *конец, разрыв, больше никогда — break up, split up, no more, can't forgive*; «**жизнь — смерть**»: *смерть, умер — death, death crime, want to kill*.

При этом в двух последних оппозициях первый элемент не представлен, что служит свидетельством того, что в этих архетипических парах эмоционально и ценностно-маркированным является именно второй элемент, и в языковом сознании смерть как противоположность жизни, конец как антипод начала и предательство как противопоставление верности выражены наиболее детально.

В ответах информантов в обеих лингвокультурах, раскрывающих образно-перцептивное восприятие ситуации предательства, наиболее отчетливо проступает архетипическая оппозиция «свой — чужой»:

«Понятие предательства не относится к чужому, это относится только к своему. Предает свой, тот, кому вы верили».

«A betrayer is someone who betrays the trust of someone. It implies a confidence placed in a person that is then broken. In turn it implies that the two parties know one another, or come to know one another, well. The betrayer is often intimate with the person betrayed, which is what makes betrayal hurtful».

Учитывая наличие близких, интимных отношений между субъектом и объектом предательства (*The 'intimacy' between betrayer and betrayed often, but not necessarily, implies love and/or sexual relationship between the parties*) на передний план выходит архетипическое представление о предателе, как о том, кто нарушил священный запрет, табу. Во многом данная реакция обусловлена заповедями Декалога: «Не прелюбодействуй» и «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего...ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20: 13, 17). Кроме того, веками складывающаяся оппозиция «свой — чужой», также являющаяся архетипом, четко обуславливает стереотип поведения: не предавать своих. Учитывая тот факт, что, согласно древним верованиям, нарушивший табу сам становится табу, «заклятым», можно объяснить нежелание многих людей, пострадавших от измены, продолжать какие-то ни было отношения с предателем.

Абстрактная категория предательства в обеих лингвокультурах осмысливается как сущность вещная, поддающаяся счету (*еще одно предательство, двойное, многократное, последнее предательство, тьмы предательств — another betrayal, a second*

betrayal, final betrayal, constant, total unfaithfulness, ultimate betrayal), измерению (*мелкое – огромное, вселенское – scale of betrayal, massive, epoch-making, universal betrayal*), имеющая временную протяженность: (*внезапное, неожиданное, постоянное — long-term infidelity, premeditated act*). У предательства есть цена (*цена предательства, тридцать сребреников, продать, продать ни за грош – 30 pieces of silver, sell out*). Представляется возможным объяснить данный факт тем, что процессы мышления человека образны по своей природе и позволяют осмысливать некоторые аспекты одного понятия в терминах другого.

Примеры художественной литературы русской лингвокультуры позволили получить доступ к образно-перцептивному моделированию ситуации предательства, совершаемого в сфере институциональных отношений: 1) человек или группа лиц, 2) нарушая чувство долга и присягу на верность стране (правителю), 3) переходит на службу врагу, 4) что влечет за собой осуждение, и 5) наказанием за что служит смертная казнь.

Ситуация предательства, измены собственной стране воспринимается в английской лингвокультуре следующим образом: 1) лицо или группа лиц, 2) нарушая закон и клятву верности, 3) путем скрытой деятельности, 4) наносят вред собственному правительству, 5) поднимают вооруженное восстание против монарха и 6) заслуживают смертной казни. Сопоставление полученных данных показывает, что в целом представление о ситуации предательства в сфере институциональных отношений в русской и в английской лингвокультурах совпадает.

Метафорически концепт «предательство» осмысливается в русской и английской лингвокультурах через представление о хищном, неприятном животном – волке, крысе. Предатель ассоциируется с вампиром, пьющим кровь своих жертв ради поддержания собственной жизни. Фразеологические единицы русского и английского языков раскрывают связь концепта «предательство» с 1) **игрой, карточным или спортивным соревнованием** — *вести собственную игру, ударить ниже пояса – a double game, play both ends against the middle, play it low on, play double*, 2) с **войной, военными действиями**. Конвенциональное представление делит участников военных действий на 1) «своих» (к которым относятся, в том числе, и союзники) и 2) «чужих» (противник, враг, соперник), что находит свое отражение во фразеологических единицах обоих языков: 1) *встать под ч/л знамена, собрат по оружию, в одном лагере – join (march under) one's standards, companion (comrade) in arms, stick to one's colours, under one's standards, be in one camp*; 2) *враг у ворот, вражья сила, враг ро-*

да человеческого – *the enemy at the gate, the enemy (traitor) inside, sworn enemy, a foeman worthy of one's steel*. Кроме того, во время военных действий, как правило, проявляются люди, в силу разных причин идущие на предательство, что также находит свое отражение в единицах фразеологического фонда обеих лингвокультур: *вывешивать белый флаг, сдать позиции – sell the fort, sail under false colours, hang out (hoist, show) the white flag, have a foot in both camps, change front, a false front, lower (strike) one's colours, steal a march on, act in disguise*, 3) **актерской игрой, театральным действием** — *играть роль, носить маску, под личиной ч/л, – play the role, under the mask of, throw off one's disguise (the mask)*, 4) **с образами, связанными с охотой** — *поймать (уловить) в сети, расставить сети, вырыть яму, подсадная утка – shoot at a pigeon and kill a crow, run with the hare and hunt with the hounds, a stool pigeon*.

И в английской, и в русской лингвокультурах выделяется пласт образов, метафорически соотнесенных с пространственным отдалением объекта и субъекта предательства друг от друга:

«Мать подруга лучшая кинула. Они открыли свой бизнес, и когда дело коснулось денег, дружба ушла» (ответы информантов).

«Alan exhibited a certain kind of treachery, casually throwing me over for someone else who «was better in bed» (<http://info.ox.ac.uk>).

Кроме того, в английской лингвокультуре, для которой характерно четкое разграничение «моего» и «чужого» пространства, предательство приравнивается к нарушению границ – предатель «открывает ворота», делает личное пространство видимым и потому уязвимым для постороннего:

«Ah, but, Benedicta, the enemy is strong, and you have a traitor to unbar the gates. Your own heart, poor child, will at last betray you» (<http://info.ox.ac.uk>).

В обеих лингвокультурах предательство осмысливается, в том числе, и через связь с ударом, физическим повреждением:

«Another body-blow, another betrayal» (<http://info.ox.ac.uk>).

*«Измена — удивительное явление. С одной стороны, измены весьма распространены, и некоторые из нас сталкивались в жизни с этим явлением даже не один раз; с другой стороны — всякий раз испытываешь сильнейшую душевную боль, возникает ощущение, будто мир разваливается на мелкие части и нет уже никакой возможности что-либо склеить и наладить». При этом возможное восстановление отношений и разрушенного доверия приравнивается с воссоединением разрозненных частей (склеить, наладить / *claw back, mend*). Такая же ассоциативная связь прослеживается и в английских фразеологических единицах «*break faith with something/someone*» и «*break the vow*», которым противопоставлена единица «*keep**

faith with something/someone». При осуществлении предательского поступка происходит разрыв, разрушение целостности. Данная мысль объясняет наличие в русском языке лексической единицы «вероломец», то есть, ломающий (разрушающий) веру.

И в русской, и в английской лингвокультурах предательство сравнивается с болезнью:

«As you begin to understand the nature of your feelings and look for ways to proactively heal, you will be on the road to recovery» (ответы информантов).

«Предательство нужно пережить. Оно – как болезнь: сначала больно, и бросает то в жар, то в холод, а потом прививается иммунитет. Хотя оно мутирует, как вирус гриппа – устоишь перед одним, доконают следующие» (там же).

Ценностные характеристики изучаемого концепта, проанализированные на материале ценностно-маркированных высказываний (пословиц, поговорок, афоризмов и авторских высказываний), обнаруживают постоянную ориентированность при оценке предательства на верность как его противоположность. В силу того, что верность признается ведущей ценностью в сферах личных и статусно-ориентированных отношений (*верен, что золото в огне; больше той любви не бывает, как друг за друга умирает / between friends all is common; friendship is not to be bought; prosperity makes friends, but adversity tries them*), предательство расценивается как ее нарушение, которое может принимать различные формы: нарушение супружеской верности (при этом в русской лингвокультуре наблюдается оправдание мужской неверности – *честный муж одну только жену обманывает; чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая*), нарушение верности в дружбе (*на друга надеяться – самому пропадать; кто легко верит, легко и пропадает; ручаясь за друга, предаешься врагу; за три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену / lend your money and lose your friend; false friends are worse than bitter (open) enemies*), верности данной клятве, слову, что получает одинаково отрицательную характеристику в обеих лингвокультурах, измена родине.

Отрицательно маркированными в русской паремиологии оказывается доносительство и разглашение секретной информации: *(доводчику (доказчику, доносчику) первый кнут; кто переносит вести, тому бы на день плетей двести; кто станет доносить, тому головы не сносить; ябедника на том свете за язык вешают; не из чести переносят вести; чужой тайны не продавай; открыть тайну – погубить верность)*. В английской паремиологии не наблюдается отрицательная оценка разглашения секрета, однако, при этом выявляется предупреждение о такой воз-

возможности: *(when three know it, all know it)*. В английской паремиологии существует ряд единиц, выражающих приоритетное отношение к честности и осторожности в отношениях между людьми: *(honesty is the best policy; passion will master you if you do not master your passion; keep your mouth shut and your ears open)*.

И в русской, и в английской лингвокультуре прослеживается негативная оценка сокрытия злонамеренной интенции, коварства при видимом дружелюбии: *(звяга-то овечья, а сыть-то человека; прост, как свинья, а лукав, как змея; из-за угла, да камнем; в ногах ползает, а за пятку хватает; подал ручку, да подставил ножку / when the fox preaches, then beware of your geese; who makes the fairest show means most deceit)*.

Ряд паремиологических единиц содержат в себе ссылку на возможные мотивы предательства: преследование интересов материальной выгоды — *корень всех зол – сребролюбие / the love of money is the root of all evil; жажду мести: око за око, зуб за зуб / an eye for an eye and a tooth for a tooth*. Полное совпадение данных единиц объясняется общим для русской и английской лингвокультур прецедентным феноменом – текстом Библии.

В обеих лингвокультурах выявляются единицы *деньги не пахнут; своя рубашка ближе к телу; где ни жить, только бы сыту быть; цель оправдывает средства; хоть в Орде, да в добре / money has no smell; money makes the man; money answers all things; dog eat dog; the parson (priest) always christens his own child first; the winner takes it all*, которые в своей дискурсивной реализации отражают ценностные ориентиры лица, идущего на предательство. При этом в словарях и русского и английского языков они имеют помету *циничн. (often dissapr.)*, что свидетельствует об отрицательной общественной оценке лица, не считающегося с моральными принципами ради достижения собственного блага.

Таким образом, проанализированные паремиологические единицы русского и английского языков позволяют выделить следующие ценности в русской и английской лингвокультурах: 1) верность и преданность — приоритеты в отношениях между близкими людьми; 2) доносительство и разглашение секрета доверившегося человека считаются нарушением нормы межличностного общения; 3) приоритетное отношение к честности и осторожности в отношениях между людьми; 4) сокрытие злонамеренной интенции и коварство при видимом дружелюбии расцениваются как неприемлемые.

Обращение к художественным текстам русской и английской лингво-культур, а также анализ сочинений информантов на тему «Как вы относитесь к предательству?» обнаруживают градуиро-

ванность оценки предательства и измены. Так, предательство и лица, совершающие рассматриваемое действие, в обеих лингвокультурах характеризуются в большинстве случаев с использованием отрицательного оценочного знака:

«Не льстись предательством ты счастье сыскать!

У самых тех всегда в глазах предатель низок,

Кто при нужде его не ставит в грех ласкать;

И первый завсегда к беде предатель близок». (И.А. Крылов «Мальчик и Червяк»).

«The traitor to humanity is the traitor most accursed» (<http://info.ox.ac.uk>).

Во вторых, в ответах информантов выделяется пласт оценочных суждений, отражающих нейтральное отношение к предательству:

«Предательство – это просто набор установок, заданных человеку в младенчестве. Само по себе оно не плохо и не хорошо, само по себе это просто оружие слабого, который бьётся за своё место под солнцем».

«I see your point... nobody's perfect... we're all humans & we have all done wrong, whether we meant to or not».

Считаем важным отметить, что, на наш взгляд, нейтральное отношение к предательству, высказанное в вышеуказанный примерах, носит условный характер в силу того, что в них в большей степени отражены либо защитная тактика поведения при предательстве, либо оправдание совершенного поступка. При этом латентно прослеживается отрицательный знак оценки рассматриваемого поступка.

В-третьих, в обеих лингвокультурах предательство может трактоваться с утилитарной точки зрения, с позиции пользы (носительный «плюс»):

«And, perhaps, with this act of treachery I can finally buy my freedom from the burden of buried horror that bound me to Andy twenty years ago, so that — dispossessed of that trespass — I'm left free to betray him again, now» (<http://info.ox.ac.uk>).

«ОПАСАЙТЕСЬ!!! Предательство входит в моду!))) Вау! Это так круто! Подставь ногу ближнему своему, и тебе зачтется!!! Главный девиз нынешнего поколения – «Нет дружбы без ВЫГОДЫ!!!» (<http://www.zavalinka.syzran.ru>). В данных примерах просвечивает мысль о том, что предательство может быть использовано на достижение блага, его можно рассматривать как действие полезное и даже модное. Тем не менее, следует подчеркнуть, что, как и в случае с нейтральным отношением к рассматриваемому действию, утилитарная трактовка предательства не подразумевает положительного отношения к коварству и измене как таковым.

В обеих лингвокультурах отношение к предательству проходит своеобразные ступени развития: сначала, в момент неожиданно-

сти и внезапности объект предательства, а также лицо, оценивающее поступок со стороны, воспринимают его резко негативно, при этом их реакция не рефлексирована на уровне ratio:

«Папа живет там, в чужой стране? — подумал я. — Значит, он просто предатель». (В. Железников. «Хорошим людям — доброе утро»).

«When I knew the truth about them, I wanted to kill them and to kill myself» (www.britishpapers.co.uk).

В дальнейшей рефлексии предательство получает более рациональную оценку:

«Unfortunate if accidental, but happens a lot. If intended, it depends on the circumstances. If it is against an innocent individual, just to cheat him out of something, then it is very bad. If it is revenge – depends on the circumstances – may be the person deserves it. If there was a conspiracy to betray Hitler – it is a pity it didn't work! Betraying your grandmother to obtain her life savings is not so good» (ответы информантов).

«Категория предательства очень подвижна. Совсем недавно я видел снова сюжет, связанный с Саблиным — это тот морской офицер, который повернул корабль на Санкт-Петербург во времена Брежнева, был в результате схвачен, расстрелян как изменник, как предатель, человек, нарушивший воинскую клятву. Это все так, но он хотел как бы крикнуть на весь мир вещи, гораздо более существенные — о режиме, в котором мы жили. Может быть, он первый герой, а не предатель?» (www.ruscorpora.ru).

На наш взгляд, отношение к рассматриваемому действию зависит от внутренних нравственных установок личности. То есть предательство, действие, суть которого сводится к нарушению верности А (под А подразумевается супруг(а), друг, коллега, господин, страна), может рассматриваться субъектом как приемлемое, если при этом более сильным, важным, значимым является сохранение верности В (в качестве В может выступать любая альтернатива А). В этой связи возникает возможность оправдания предательского поступка, и это в равной мере фиксируется в обеих лингвокультурах:

«Когда человека объявляли врагом народа, членов его семьи подозревали в том, что они тоже враги. И дети, родители, братья и сестры, мужа и жены шли в партбюро и отрекались от своих родственников. Вполне искренне отрекались – предатели? Но... Они же не предавали идею. Они искренне верили, что построение коммунизма требует жертв, государство действительно знает, как лучше, и вообще» (опрос информантов).

«If I loved a woman of rank above my own she would make me a renegade; for her sake I should deny my faith» (<http://info.ox.ac.uk>).

Дальнейшее осмысление предательства направлено на выяснение его причин и мотивов и в ряде случаев приводит к более мягкой оценке и даже к оправданию совершенного действия.

Проанализированные литературные источники и ответы информантов в обеих лингвокультурах позволяют выделить гендерные характеристики оценки предательства и измены: в обеих лингвокультурах большинство мужчин рассматривает супружескую неверность как действие приемлемое и нормальное, в то время как большинство женщин подобное поведение расценивают как непροститительное, при этом в ответах респондентов, представляющих английскую лингвокультуру, подчеркивается, что женщины способны на более изощренную месть за предательство, чем мужчины.

В афоризмах и авторских высказываниях происходит развитие и уточнение основных ценностных характеристик верности и неприемлемости предательства. При этом выявляется некоторая противоречивость в оценке, присущая в равной мере и русской, и английской лингвокультурам: с одной стороны, признается приоритет сохранения верности собственной стране (*Для измены родине нужна чрезвычайная низость души* (Н.Г. Чернышевский) / *Treason doth never prosper* (J. Harrington)), с другой стороны, допускается возможность преобладания личных интересов (*Когда отчизна предаем, то не знаешь, кого и спасать — родину или душу? / I hate the idea of causes, and if I had to choose between betraying my country and betraying my friend, I hope I should have the guts to betray my country*) (Edward Morgan).

В обеих лингвокультурах предательство близкого человека приравнивается к предательству человеком самого себя:

«Но старший Самсонов всё же остался в сыне, безмолвно подарив ему на прощанье одну божественную простую истину: человек, предавая, прежде всего предаёт самого себя» (В.Максимов «Прощание из ниоткуда»)

«Though those that are betrayed Do feel the treason sharply, yet the traitor Stands in worse case of woe». (W. Shakespeare «Cymbeline»).

Суммируя вышеизложенные результаты, полученные в ходе анализа понятийной, образной и ценностной составляющих концепта «предательство», мы приходим к заключению, что изучаемый концепт, рассмотренный в его бытовании в русской и английской лингвокультурах, следует причислить к классу архетипических лингвокультурных концептов.

Подведем основные итоги.

Архетипический концепт представляет собой сложное ментальное образование, конститутивными признаками которого являются следующие: а) размытый оценочно-маркированный образ, не поддающийся рациональной рефлексии, базирующийся на дуальной категоризации мира и проявляющийся как след коллективного опыта в индивидуальном сознании; б) ориентация на

важнейшие витальные ценности бытия (жизнь – смерть, опасность – защищенность, хорошо – плохо, свой – чужой), и вытекающая отсюда универсальность для человечества, в) бинарный оценочный характер, выражающийся в неделимой диаде положительной и отрицательной оценок.

Содержательный минимум концепта «предательство» моделируется в виде следующего фрейма: действие, субъект, объект рассматриваемого действия, условие совершения действия, возможные мотивы, цель, средства совершения действия, сфера совершения предательства, результат действия.

Понятийные характеристики концепта «предательство» сводятся к следующим важнейшим характеристикам: а) диада «предательство – верность» по отношению к «своим», основанная на сакрализации доверия, б) действие со скрытой злонамеренной и демонстрируемой доброжелательной интенцией, в) неожиданность действия для объекта. К основным разновидностям предательства относятся измена в личных отношениях между мужчиной и женщиной, предательство в дружбе, предательство своей страны или социальной группы, предательство по отношению к самому себе (измена своим принципам).

Образные характеристики концепта «предательство» проявляются в личности субъекта, совершающего предательство и находят следующее выражение: в перцептивном плане – внешняя замаскированность, стремление быть незаметным, в метафорическом плане – сравнение с ударом, нечестной игрой, болезнью, нарушением целостности, хищным неприятным животным, разыгрыванием спектакля, попаданием в ловушку.

К числу ценностных характеристик концепта «предательство» относятся следующие: а) это один из наиболее отрицательно оцениваемых поступков, б) первая реакция на предательство всегда не критична, эмоциональна и негативна, и это составляет архетипическую суть данного концепта, в) рациональное осмысление предательства направлено на выявление его причин и мотивов и в ряде случаев приводит к смягчению оценки совершенного действия.

Способы языкового выражения концепта «предательство» в русской и английской лингвокультурах свидетельствуют о значительном совпадении понятийных, образных и ценностных признаков данного концепта. Основное различие в осмыслении предательства в рассмотренных лингвокультурах состоит в большей значимости выраженного институционального аспекта предательства для англичан, что объясняется большей ориентирован-

ностью английской культуры на соблюдение юридических норм по сравнению с традиционной русской лингвокультурой.

Литература

Савельева, У.А. Языковое наполнение узла «Объект предательства» фрейма «предательство» в русской и английской лингвокультурах // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. 2006. № 8 (21). Спецвыпуск. Гуманитарные науки. Издательский дом «Астраханский университет». — С. 272-276.

Савельева, У.А. Архетипы в человеческом сознании // Гуманитарные исследования. № 3 (23). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. — С. 30-35.

Савельева, У.А. К вопросу о концепте в теории межкультурной коммуникации // Культурологический подход к изучению литературы, русского, иностранного и родного языков в общеобразовательных учреждениях: Изд-во АОИУУ, 2005. — С. 196-199.

Савельева, У.А. Концепт «предательство» в английской и русской лингвокультурах (на материале словарных дефиниций ключевых лексем) // Россия и Восток. Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие Каспийского региона. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. Т. II: Культура как основа межличностного и межэтнического взаимодействия. — С. 333-336.

Савельева, У.А. Модель понятийного компонента концепта «предательство» в английской и русской лингвокультурах // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. — С. 133-136.

Савельева, У.А. Содержательное наполнение концепта «предательство» в трагедии У. Шекспира «Король Лир» // Международная научная конференция «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное»: материалы. — Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. — С. 266-268.

Савельева, У.А. Оппозиция концептов «предательство» и «верность» в художественном тексте (на материале трагедии У. Шекспира «король Лир») // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. Вып.1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. — С. 123-129.

Савельева, У.А. Отношение к предательству в религиозном дискурсе // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения: материалы Международной научной конференции / под ред. Е.М. Стомпель, Ю.Н. Петелиной. — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. — С. 109-113.

Н.В. Саварцева
(Иркутск)

ВЕРНОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Данная работа посвящена комплексному анализу актуализации этических концептов «верность» и «предательство» в английском языковом сознании.

Семантика внутреннего мира человека, объективируемая как коллективно обобщенные и коллективно осмысленные значения, конституируется рядом универсальных семантически дискретных констант, совокупность которых составляет определенную семиосферу. Данные константы всегда имеют «установку на смысл» и «замыкаются» на «человеке и его атрибутах: мышлении, сознании, психике, языке». Их семантика обусловливается социальной и психофизиологической организацией человека: она формируется в определенном семиотическом пространстве в процессе социализации индивида, а не наследуется при рождении. Значительное место в семиосфере внутреннего мира человека занимает его морально-нравственный мир: долг, вера, совесть и т. д. (Малинович Ю. М. 2007: 42, 50-52).

Предметом лингвистических исследований настоящего времени становятся концепты: «стыд» (Арутюнова 2000), «совесть» (Арутюнова 2000; Урысон 2000; Кондратьева 2006), «чистота» (Яковлева 2000), «добродетель» (Слепнева 2006), «преступление» (Евтушок 2004); «наказание» (Контримович 2004); «грех» (Панова 2000), «долг» (Кошелев 2000); категории эгоцентрической направленности: «совесть» (Чижова 2005), «добро» и «зло» (Пашаева 2004); специальное лингвистическое рассмотрение получила языковая актуализация морального дискурса (Ошкина 2006).

И, несмотря на то, что исследуемые нами универсальные смыслы верности и предательства соотносятся с концептосферой правды и лжи – темой, к которой обращались многие ученые-лингвисты, и являются смежными с уже хорошо изученными лингвистическими феноменами: «правда», «истина» (Болинджер 1987; Арутюнова 1991; Шатуновский 1991; Топорова 1995; Янко 1995; Хромова 2002; Никитина 2003), «искренность / неискренность» (Плотникова 2000), «обман» (Панченко 1999; Токарева 2001), «ложь» (Вайнрих 1987; Морозова 2005; Baskett 1974; Zuckerman 1985; Sweetser 1987 и многие другие), концепты «верность» и «предательство» специального научного рассмотрения пока не получили.

Знаки-репрезентанты исследуемых концептов «верность» и «предательство» – абстрактные имена, представляющие собой результат осмысления сложного мира состояний, отношений, свойств. Они создают идеальные объекты, относящиеся к чув-

ствуемому и умпостижаемому миру – внутреннему миру человека.

В соответствии с трехчастной моделью актуализации языковых единиц в диссертации рассматриваются семантические особенности лексем-репрезентантов концептов «верность» и «предательство» (виртуальная актуализация); изучается синтактика словесных знаков (относительная актуализация); исследуются прагматические особенности функционирования языковых единиц, объективирующих изучаемые концепты в дискурсе (абсолютная актуализация).

В результате проведенного исследования ключевых лексем-репрезентантов концептов (*faithfulness / betrayal*) выделены 6 признаков концепта «верность»: 1) «непоколебимость, постоянство в чувствах, привязанности»; 2) «постоянство в следовании идеалам какой-либо религиозной веры, в поддержке какой-либо идеи, убеждения, партии или группы»; 3) «твердость в выполнении обещаний и соблюдении долга»; 4) «интимные отношения только с одним постоянным партнером / супругом»; 5) «надежный»; 6) «посвящение себя целиком какому-либо делу»; и 8 признаков концепта «предательство»: 1) «выдать врагу»; 2) «выдать какую-либо информацию, особенно секрет»; 3) «проявление подлинных чувств и намерений, которые человек предпочел бы скрыть»; 4) «намеренно обмануть, ввести кого-либо в заблуждение»; 5) «отказ от старых убеждений и принципов»; 6) «разочаровать чьи-либо надежды, доверие и ожидания»; 7) «оставить кого-либо в трудный момент»; 8) «интимные отношения не только с постоянным партнером / супругом».

Обращение к материалам словарей-тезаурусов, словарей синонимов и идиом позволяет уточнить представление о верности и предательстве и определить их дополнительные признаки. Выявленные признаки расширяют ментальную структуру исследуемых концептов, увеличивают объем их культурно-маркированного содержания. Носители англоязычной культуры ассоциируют феномен верности с искренностью, честностью, любовью, дружбой, поддержкой, защитой. Предательство отождествляется с грязью, продажностью, нечестной игрой, неискренностью, доносом, опасностью.

Большое количество синонимов, эксплицирующих концепты «верность» и «предательство», свидетельствует об их значимости для англоговорящих. Данные концепты характеризуются высокой степенью семиотической, «номинативной плотности» (термин В. И. Карасика 2002: 133), они эксплицируются не только це-

лым рядом синонимов, но и находят отражение в идиоматических и паремиологических единицах, мифологических образах.

Признаки, выявленные путем анализа лексикографических данных, формируют понятийную составляющую исследуемых концептов и принадлежат уровню коллективного сознания. Семантические инварианты содержания абстрактных имен – их репрезентантов, обеспечивающие их относительное понимание, существуют в культуре этноса независимо от того, владеет ли ими отдельный индивид.

Изучение языковых знаков-репрезентантов концептов в синтагматической цепи позволило нам прийти к следующему заключению: их лексическая сочетаемость обусловлена также образным представлением. Данный языковой факт объясняется тем, что за абстрактными именами, номинирующими исследуемые концепты, стоят явления идеального, невидимого мира, постигаемые путем сравнения с реальным, вещным миром. Именно поэтому сочетаемость абстрактных имен открыта для метафоризации.

Буквальное прочтение глаголов и имен, употребляемых в сочетании с абстрактными именами, вербализующими изучаемые концепты, позволило выделить гештальты – имплицитные лексические параметры, «импликатуры предикативно-атрибутивной сочетаемости абстрактного имени» (Чернейко 1997: 295), метафоризирующие явления внутреннего мира человека и проецирующие их на материальный мир. Данные гештальты формируют признаки локализации, характера, вещества, стихий, а также темпоральные, артефактные, антропоморфные, теоморфные, зооморфные, вегетативные, эмоциональные, социальные признаки концептов «верность» и «предательство».

Темпоральные признаки.

Во всем корпусе проанализированного нами иллюстративного материала большой удельный вес занимают такие высказывания, в которых единицы, осуществляющие вербализацию концепта «верность», комбинируются с временными маркерами: *for over thirty years, over the years, for nearly forty years, the long ... years, so long, as long as...* и т. д., что говорит в пользу того факта, что верность носит процессуальный характер. Она длится долгие годы, может продолжаться до самой смерти и увеличиваться с каждым прожитым днем: *His household consisted of his niece, Greta; a secretary; an old German servant who had served him faithfully for nearly forty years...* (Christie).

Характеристика пространственной протяженности «длина» отражает протяжение верности во времени: *“Charles really was very*

sweet and she was determined to reward him at last for his *long devotion*" (Maugham).

У концепта «предательство» зафиксированы темпоральные признаки «времени суток». Для исследуемого концепта актуален признак «полночь»: May the United Nations ever be vigilant and potent to defeat the swallowing up of any nation, at any time, by any means – by army with banners, by force or by fraud, by tricks or by *midnight treachery* (BQ, Lodge).

Признаки локализации.

Пространственные отношения могут экстраполироваться на сферы непространственных отношений. Как отмечал Г. Пауль, «все психическое представляется нам покоящимся внутри нас то ли в отдельных частях тела, то ли в душе, которой в этом случае приписываются пространственные атрибуты» (Пауль 1960: 116).

У концептов, входящих в семиосферу внутреннего мира человека, выделяют два прагматически отличающихся типа локализации: а) локализация внутри тела человека и б) локализация субъектов и объектов внутреннего мира в идеальном (воображаемом) пространстве (Пименова 2004: 296).

В пространстве внутреннего мира верность и предательство могут находиться внутри тела, которое являетсяместищем чувств, эмоций и настроений. Реализация гештальта *Тело – контейнер для верности / предательства* актуализируется в следующих контекстах: Eve refused to leave Alexandra's side. Mrs. Chandler thought she had never seen such *devotion in a sister*. It was truly touching (Sheldon); Wise married women don't trouble themselves about *infidelity in their husbands* (Johnson).

Верность, как подавляющее большинство констант внутреннего мира человека, согласно наивным представлениям, «локализуется» в сердце: *faithful and devoted heart, faithful heart*, что обуславливает частую сочетаемость лексемы *heart* с языковыми знаками, репрезентирующими концепт «верность» в английском языковом сознании: "...Now and always you have my *faithful and devoted heart*, dear Mathew..." (Christie).

Сердце как средоточие внутренней и духовной жизни человека являетсяместищем не только положительных, но и отрицательных эмоциональных переживаний и свойств человеческой природы. Локализация предательства в сердце вербализуется лексемами *telltale, false* в сочетании со словом *heart*: ...features Jean Gabin in his robust glory as a master of thief with a *telltale heart* (The New Yorker, 23).

В пространстве внутреннего мира человека кровь – это не просто красная жидкость, обеспечивающая питание и обмен веществ в организме, но и локус души и чувств. Примером локали-

зации верности в крови может послужить следующее высказывание: Carthoris of Helium did not ask, though he noted it, for his loyalty to Kulan Tith was the *loyalty of the blood* of John Carter of Virginia for a friend, greater than which could be no loyalty (Burroughs).

Окказиональными локусами верности могут также выступать разум (*mind*) и характер (*character*): *Faithfulness* and truth are the most sacred excellences and endowments of the *human mind* (BQ, Cicero); *Loyalty* is a feature *in a boy's character* that inspires boundless hope (Baden-Powell).

Душа как «alter ego» человека, его внутреннее «Я», также может функционировать как «орган внутренней жизни» человека (Урысон 1999: 89), где локализуются и переживаются чувства и состояния: ...the experience of parental *betrayal within* a child's *psyche* (Hedva).

Организация мифического (воображаемого) пространства внутреннего мира человека может быть эксплицирована различными языковыми средствами. Употребление пространственных предлогов помогает выразить более сложные стороны объективации явлений внутреннего мира.

Гештальт *Верность / предательство – контейнер* актуализирует пространственные характеристики верности и предательства посредством предлога *in*, находящегося в препозиции к языковым знакам-репрезентантам концептов: The samurai is thus depicted as some sort of spiritual killing machine, *absorbed in loyalty* and death... (Cameron Hurst); To them she had done worse than murder her father. She had tried *to betray him into disloyalty* to the South (Mitchell).

Антропоморфные признаки.

Для лексем, репрезентирующих концепты «верность» и «предательство», характерна валентность персонализации. Верность и предательство персонифицируются: они – «живые люди», личности со своими особенностями, проявляющимися в неких социальных отношениях и взаимодействии.

Они могут олицетворяться конкретным человеком, являющимся их воплощением: "Children, I leave you to Hannah's care and Mr. Laurence's protection. *Hannah is faithfulness itself*, and our good neighbor will guard you as if you were his own" (Alcott).

Реализация когнитивной модели *Верность – человек* возможна разнообразными языковыми средствами. Персонификация верности конкретизируется гештальтами *Верность – мать* и *Верность – сестра*: *Devotion and her daughter* Love Still bid the birthing spirit soar... (Byron); *Fidelity is the sister* of justice (Horace).

В вышеприведенных примерах у концепта «верность» зафиксированы «женские» характеристики, что свидетельствует о наличии гендерной дифференциации концепта.

Верности свойственны и «мужские» признаки, что подтверждается наличием гештальта *Верность – борец*. Как *борец*, она завоевывает право говорить объекту преданности всю нелицеприятную правду о его поступках: Doro looked at him – a look Isaac had come to recognize, a look that gave him permission to say what Doro would not hear from others. Over the years, Isaac's usefulness and *loyalty had won* him the right to say what he felt and be heard – though not necessarily heeded (Butler).

В данном гештальте может рефлексироваться описание внутренней силы человека – борца за какие-либо убеждения и идеалы, а также наличие некоего внутреннего конфликта человека, который борется с противоречивыми эмоциями и чувствами: Weird scenario with Perpetua (penultimate boss), since knew I was messaging and v. angry, but fact that was messaging ultimate boss gave *self conflicting feelings of loyalty* – distinctly un-level playing field where anyone with ounce of sense would say ultimate boss should hold away (Fielding).

Непобедимость верности эксплицирована гештальтом *Верность – достойный противник*: There was something within his own breast with which the *invincible loyalty* which that youth had preserved, corresponded much better than it had done with the religion of Thwackum, or with the virtue of Square (Fielding).

Верность, подобно *узроку*, способна выигрывать и проигрывать: *Loyalty* is still the same, whether it *wins or loses* the game... (Answers, Butler).

Одним из наиболее широко представленных гештальтов является *Верность – слепой человек*. Верности приписываются характеристики «слепота», «неспособность видеть», получающие в ряде случаев отрицательную оценку: And when she thought about those troubles now – from the death of Bouncer, to the fire Jimmy had set at school, ..., to Shar's *blind devotion* to her birds, to all the ways her children had been shouting out for her notice and failing to get it... (George).

В последнем примере налицо игра слов: лексема *blind* употребляется не только для обозначения плохого зрения Шэрон, любимым занятием которой было наблюдение с биноклем за птицами, но также для указания на то, что эта ее «слепая» верность явилась своего рода бегством от далеко не радужной реальности и нежеланием замечать происходящее вокруг.

Антропоморфизм верности реализуется также в гештальте *Верность – немой человек*: Everyone knew his *dumb devotion* to her (Mitchell).

Антропоморфные признаки верности проявляются в ее телесных характеристиках. Как живое существо, она может:

– *дотрагиваться*: The sea – this truth must be confessed – has no generosity. No display of manly qualities – courage, hardihood, endurance, *faith-*

fulness – has ever been known to touch its irresponsible consciousness of power (Conrad);

– вздрагивать: ...*unflinching loyalty* to the emperor (Cameron Hurst);

– рождаться: *Faithfulness and devotion*, things *born of fire*..., were his... (London).

Предательство, уподобляемое человеку, обладает способностью совершать разнообразные поступки и действия: отправлять, идти, нести, сдерживать обещания и т. п.: ...Joe's *betrayal* of Karen *sent* her to her emotional depths (Hedva); But even one step farther our *infidelity has gone* (Emerson); The *betrayal* of trust *carries* a heavy taboo (Ames); If hell and *treason hold their promises*... (Shakespeare).

У предательства, так же как и у человека, есть рот, руки, лицо: These things put arguments into the *mouth of infidelity* (Twain); ...we should have had no note of warning and might all have perished *by the hand of treachery* (Stevenson).

Показательно наличие у предательства не одного, а двух лиц, что является свидетельством двойственности поведения, неискренности. Число «два» является символом раздвоения, лукавства и лицемерия (Пименова 2004: 26-27), часто являющихся составляющими ситуации измены: ...Melanie knew all the pettiness, the meanness, the *two-faced disloyalty* and the hypocrisy that were in here (Mitchell).

Предательство не всегда заметно, оно может быть латентным, скрытым, и вследствие этого – может скрываться в засаде (*to lurk*) и прятаться (*to skulk*): ...a *great betrayal surely lurks* down the road... (Mason); Deceit and *treachery skulk* with hatred... (Tupper).

Гештальт *Предательство – человек* может конкретизироваться следующим образом:

– *Предательство – враг*, против которого необходимо найти оружие: We have to distrust each other. It's our only *defense against betrayal* (Williams);

– *Предательство – грабитель*: The ridicule he had endured for years seemed now to weigh him down, and the final blow of Blanche's *treachery had robbed* him of the resiliency which had made him take it so gaily (Maugham).

Теоморфные (Божественные признаки).

В текстах англоязычных авторов встречаются следующие эпитеты верности: «нерушимая», «неумирающая», «вечная», свойственные некой всевышней сущности, наделенной неземными, божественными характеристиками. В данном случае уместно говорить о гештальте *Верность – божественное существо*: ...he had a *deep, undying affection* for Rosalind (Fitzgerald); He promises Lucy a white picket fence, babies, a trip to Mexico, and *eternal fidelity* (Lahr).

Бессмертие, или вечность, является общим свойством Бога и верности. Если верность ассоциируется с Богом, то предатель-

ство, напротив, представляет собой поступок, на который человека толкает Дьявол, Сатана: ...banishing a rogue *disloyal thought Satan*... (Fielding).

Вегетативные признаки.

Вегетативные признаки верности отмечены в гештальте *Верность – растение*.

Настоящая, преданная дружба – растение, которое медленно растет и должно выдержать не одно несчастье, прежде чем именоваться таковой: *True friendship is a plant* of slow growth and must undergo and withstand shocks of adversity before it is entitled to the appellation (СЦИАЯ, 167).

Верности, как растению, присуще свойство увядать и не увядать: Both revert, from the perspective of an old woman facing death near the bloated end of the twentieth century, to an era when a certain grandeur could attach to human decisions, made as they were under the shadow of global war and in living memory of *faded virtues – loyalty* and honesty and valor... (Updike); ...this makes me a bigot in the *fadeless fidelity* of man... (Melville).

Артефактные признаки.

Ввиду того, что внутренний мир человека моделируется по образу и подобию внешнего, материального мира (Арутюнова 2003: 95), семантика внутреннего мира человека «предметно детерминирована» (Малинович Ю. М. 2007: 52), источником «психологической» лексики может служить «физическая» лексика, используемая в метафорических смыслах.

«Опредмечивание» оценочных этических номинаций выступает важнейшим способом их интерпретации. Этические коннотации появляются у выражений с «физическим» значением при их переносном употреблении, в описаниях ситуаций, в которых объектом воздействия являются не физические предметы, а психологические, эмоциональные и социальные сущности (Рябцева 2000: 178).

Концептуализация верности и предательства в виде артефактов имеет своим следствием то, что им может быть предцирован ряд следующих предметных характеристик:

— «измеримость»: So much of what is best in us is bound up in our love of family, that it remains the measure of our stability because it *measures our sense of loyalty* (Long); I'll take fifty percent efficiency to get *one hundred percent loyalty* (Answers, Goldwyn);

— «глубина»: "...He has a wonderful faculty of love. One has only to glance at his face when he's looking at you to see how *deeply, how devotedly* he's attached to you..." (Maugham); "...for you have revealed... *the depth of your disloyalty* that I have long suspected" (Burroughs);

— «размер»: The British prime minister's plan, which one tabloid has called "*The Great Betrayal*", will need to satisfy numerous heads of state who have their own domestic agendas to defend (Parker);

— «форма», которая может меняться в зависимости от обстоятельств: While the *form of the treachery* varies slightly from case to case... (Coulter);

— «перцептивность»:

а) зрительная: ...Bob's candor and *integrity are seen* as beside the point (Denby); ...what US hawks *see* as Chancellor Gerhard Schröder's "*treachery*" (Beaumont);

б) вкусовая – при помощи вкусового восприятия у предательства выявляется признак «горечь»: The *bitter sense of betrayal* felt in China about its communist neighbour... (Callick);

в) слуховая – способность предательства резонировать, производить звук объективирует признак «восприятие посредством слуха», предательство осмысливается как звучащая субстанция: ...*Betrayal* should *resonate* among... (Johnson);

г) осязательная – сочетаемость имени концепта с глаголом *to face*, обозначающим не только «стоять лицом, смотреть в лицо», но и «сталкиваться с чем-либо», актуализирует признак «восприятие посредством зрения» и «восприятие посредством осязания»: But then he saw what she was doing, and he knew it arose from the anger and despair with which she had *faced* the act of *betrayal* that he had asked her to commit (George).

— «дискретность», которая актуализируется признаком «деление / неделение», используемым в описаниях ситуаций сохранения / несохранения верности: The Cornish Melwas, split into two different knights, *divides his allegiance* (Celtic Mythology, 288); His *loyalty* to that bloc *was undivided* as ever (Caro).

В ряде случаев верность приобретает более конкретные очертания, реализуясь в гештальтах:

— *Верность – икона*: Cranes carry this heavy mystical baggage. They're *icons of fidelity* and happiness (Burgess);

— *Верность – нить*, в котором объективируется свойство верности объединять и связывать (*to wind up*) людей воедино: *By faithfulness* we are collected and *wound up* into unity within ourselves, whereas we had been scattered abroad in multiplicity (Saint Augustine);

— *Верность – ткань*: The *fabric of faithfulness: weaving together* belief and behavior... (Garber).

Гештальт *Верность – стержень / опора* выводим из сочетания знаков-репрезентантов концепта с прилагательными *inflexible* и *steady*, акцентирующими качества негибкости и твердости, прочности: ...they looked into her young face and saw there the *inflexible loyalty* to the old days (Mitchell); For the great mass of mankind, the only sav-

ing grace needed is a *steady fidelity* to what is nearest to hand and heart for the short moment of each human effort (Conrad).

Среди других образов, эксплицируемых гештальтами, можно выделить следующие: *Верность – ширма / маска, Верность – плащ / мантия, Верность – щит, Верность – огрызок* и т. д.

Подобно материальному предмету, предательство можно силой вырвать у кого-либо, распространить: Only death could have *forced that disloyalty from* Melanie (Mitchell); Only those who *spread treachery*, fire and death out of hatred for the prosperity of others are undeserving of pity (Marti).

Гештальт *Предательство – имущество* выводим из сочетания имени концепта в позиции объекта с глаголом *to have*: ...the only love which has lasted is the love which *has* everything, every disappointment, every failure and *every betrayal*... (Greene).

Предательство-предмет незаметен, скрыт от глаз, его необходимо обнаружить, выявить, обнажить: This pierced me like a sword, and seemed to *lay bare my private disloyalty* (Stevenson).

Артефактные признаки исследуемого концепта объективируются также гештальтом *Предательство – острая бритва*, которая глубоко ранит человека: "*Betray*" was a strong word, and it sounded as *sharp* as it was: *a blade of a word, slicing Martin deep inside* (Rice).

Нравственное осуждение и запрет совершения предательства актуализируются в гештальте *Предательство – нарисованная черта*. Предательство выступает той чертой, гранью, за которую не следует переступить: "One *draws the line* somewhere. With me, it's *infidelity*" (George).

Ряд выявленных гештальтов формирует некие сводные, достаточно противоречивые с точки зрения логики, образы верности и предательства. Так, верность может концептуализироваться как: контейнер и его содержимое; клятва, основа брака, долг, сила, объединяющая людей; божественное существо; растение; материальный предмет, дорогой подарок, товар, маска, плащ, щит, механизм, инструмент, фундамент, сосуд; жидкость, огонь; живой человек, проявляющий себя в роли матери, борца, игрока и т. д. Предательство получает метафорическое осмысление в сознании англоговорящих как: болезнь, рана, приступ; преступление, обида; контейнер, его содержимое; враг, грабитель, законодатель; бритва; жидкость, огонь, земля и т. д.

Признаки, заключенные в гештальтах, в структуре концептов формируют их образную составляющую и относятся к уровню индивидуального сознания. Метафоры-гештальты являются продуктом индивидуального словотворчества и создаются языковой личностью в соответствии с ее способностями к образному выражению своих мыслей.

Образное осмысление явлений внутреннего мира носит архетипический характер. В основе метафорических номинаций исследуемых концептов лежат своего рода архетипы, определенные «макроконцепты» (термин М. В. Пименовой 2004: 14) – сложные ментальные образования, связанные с входящими в их структуру концептами гиперонимическими отношениями. Такими макроконцептами в данном случае являются «человек», «предмет / артефакт», «растение», «теоморфное существо», «зооморфное существо», «пространство», «время», «стихия», «вещество», «общественное явление».

При изучении уровня абсолютной актуализации этических концептов «верность» и «предательство», осуществляемой в дискурсе, последний определяем, вслед за Н. Д. Арутюновой, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженную в жизнь» (Арутюнова 1990: 136-137).

Исходя из этого понимания дискурса, постулирующего его обращенность к прагматической ситуации, а также из положения, согласно которому «смыслы, задающие форму существования знаков в актуальной коммуникации, всегда ситуативны» (Морозова 2005: 48), обращаемся к исследованию ситуаций верности и предательства.

Из множества дефиниций термина «ситуация», существующих в специальной литературе, берем за основу определение ситуации, актуальное для антропоцентрически ориентированной лингвистики. Вслед за В. Г. Гаком (Гак 1968: 12), дефинируем ситуацию как особый «квант жизни», представляющий собой результат координации субстанций в пространстве и времени.

Принимаем концепцию семиотической (стратификационной) модели ситуации, предложенной М. А. К. Хэллidayем (Halliday 1978; 1985), основные функции языка в которой – концептуальная (ideational), оценочно-коммуникативная (interpersonal), текстовая (textual) – соотнесены с тремя важнейшими измерениями контекста: поле (field), тональность (tenor), формат (mode).

В поле ситуации исследуем проекцию экстралингвистической сферы, в которой происходит динамическое развитие ситуации, в сферу коммуникативную. Поле ситуаций верности и предательства представлено различными модусами их функционирования, наиболее яркие из которых – интимно-личностная сфера, профессионально-деловая сфера, политическая и религиозная сферы.

При описании тональности ситуации рассматриваются ее участники, их отношения, присущие им роли. Непременными составляющими ситуаций верности и предательства являются участники: субъект и объект, при описании которых выделялись социальная и психологическая составляющие. В первой рассматривались различные социальные роли: статусные роли, получаемые человеком при рождении – пол, национальность, возраст; позиционные роли, предполагающие владение какой-либо позицией, например, позицией «родитель», «учитель». Психологическая составляющая рассматривалась по таким параметрам, как мотив / причина верности и предательства, эмоции субъекта и объекта, оценка.

В ходе анализа социальной составляющей ситуаций верности и предательства обнаружилось, что контекст нейтрален по отношению к статусу участников данных ситуаций. В соответствии со сферами проявления верности и предательства к типичным позиционным (реляционным) ролям относятся роли: супругов / возлюбленных, родителей / детей, брата / сестры, других членов семьи, друзей в интимно-личностной сфере; босса / служащих, представителей различных профессий в профессионально-деловой сфере; избирателей / политиков в политической сфере; носителей религиозных убеждений в религиозной сфере.

Причиной верности, как показало исследование языкового материала, является внутренняя предрасположенность. Верность, как представляется, является внутренним качеством человека, неотъемлемой чертой характера: *The ministry proffered various civil offices which yielded not only honor but profit; but he declined them all, with the chivalrous independence and loyalty that had marked his character through life (Cooper).*

Верность как ценность воспринимается англоязычным сознанием неоднозначно. Мелиоративная оценка исследуемого феномена находит выражение в отождествлении верности с добродетелью: *Holden sought to rally his geriatric legions around Deron Williams, a Holden aide whose loyalty to his boss seemed his chief virtue (Meyerson).*

Верность-ценность очень много значит для человека, может искупить грехи и быть мотивирующей силой в достижении какой-либо цели, отсутствие ее – причина многих жизненных неудач: *Lack of loyalty is one of the major causes of failure in every walk of life (Hill).*

Наряду с позитивным восприятием верности, существуют точки зрения о ней как о ценности отрицательного характера. Так, в английском языковом сознании верность в любви может ассоциироваться с вялой привычкой и отсутствием воображения: *People who love only once in their lives are... shallow people. What they call their*

loyalty and their fidelity, I call either the lethargy of custom or their lack of imagination (Wilde).

Патриотизм, любовь, вера, семья могут рассматриваться как весьма эфемерные сущности. Для человека, испытывающего голод в течение долгого времени, преданность отечеству, наряду с любовью и семьей, всего лишь тень слова: Love and business and family and religion and art and patriotism are nothing but shadows of words when a man's starving (СЦИАЯ, 76).

Предательство относится к общественно порицаемым практикам, что находит свое лингвистическое преломление в следующих высказываниях, содержащих общую отрицательную, а также отрицательную этическую оценку: Betrayal is the worst (BQ, Redgrave); If, perchance, the black is killed, it is evidence of his disloyalty to Issus – the unpardonable sin (Burroughs).

Языковая объективация предательства может содержать и отрицательную рациональную оценку. Предательство, наряду с обманом, по известному выражению Бенжамина Франклина, является практикой глупцов: Tricks and treachery are the practice of fools, that don't have brains enough to be honest (Franklin).

Отрицательная эмоциональная оценка предательства обусловлена тем, что оно, как правило, каузирует ярко выраженные эмоции отрицательного спектра: гнев, ярость, обиду, ненависть, страх, причиняя людям большое горе: Much of her anger and hurt came from her sense of betrayal that she was the last to be told (Chastity Bono); Dana recalled the first time she had come here. How wonderful Roger and Pamela had seemed to be. And they were Judases, murderous monsters. They had Kemal. Dana was filled with an overpowering hatred (Sheldon).

В случае предательства люди переживают шок, испытывают уныние и опустошение: ...how to find our way through pain, ..., shock of betrayal to feel fully alive again (Hedva); "I felt devastated. Wounded. Betrayed. How could this person do this to me?" (Winfrey...); Such disloyalty in trusted servants is one of the most disheartening things that can happen to a public performer (Houdini).

Боль и страдание – типичные характеристики эмоционального состояния объекта предательства: Her pain absorbed her so that she could not feel the grief she might have felt from the discovery of Tom's perfidy. She had always known in her bones that he was unfaithful to her (Maugham).

Предательство может причинять страдание не только тому, кого предадут, но и тому, кто предает: This morning he had suffered to extremity. This morning he had been a liar and a traitor. ...Mor stroke her hair. He loved her. Now he made her grief. But soon he would make her happiness. Meanwhile, it was he who was to be pitied, who had to act the murderer and the traitor. Her grief was that of a temporary deprivation. His was a grief for things which would never mend again once they were broken (Murdock).

При описании формата ситуаций обращаемся к исследованию невербального коммуникативного кода / канала, представленного совокупностью паралингвистических факторов – кинесикой, проксемикой, такесикой, просодическими характеристиками. Невербальными показателями верности и предательства являются: выражение лица, взгляд; нервное возбуждение, сопровождающееся каким-либо произвольным движением; удлинение пауз, уклончивость в ответах.

Анализ ситуаций верности и предательства показал, насколько многомерны и неоднозначны исследуемые сущности. Одна и та же ситуация реальной действительности может быть расценена как предательство линии государственной политики или как простое разногласие во взглядах, деятельность политической оппозиции. То, что является предательством для одного человека, не будет предательством для другого. То, что для одного – верность, другой назовет вялой привычкой и отсутствием воображения. В плане содержания подобный субъективный характер восприятия ситуаций верности и предательства есть продукт индивидуального сознания человека.

Выбор стратификационной модели изучения ситуаций верности и предательства в дискурсе позволил определить содержание ценностной составляющей концептов «верность» и «предательство», выводимой из анализа эмоций участников ситуаций и причин возникновения данных ситуаций.

Проведенное исследование дало возможность выявить два различных модуса существования абстрактных имен-репрезентантов концептов: в коллективном сознании и в индивидуальном сознании. Семантический инвариант содержания имен-репрезентантов исследуемых концептов в коллективном сознании значительно меньше и беднее вариативной части, существующей в индивидуальном сознании и производной от опыта конкретной языковой личности, ее ценностной системы координат. В индивидуальном сознании языковые знаки-репрезентанты концептов заполняются личностными смыслами, представляющими собой варианты коллективных смыслов.

Резюмируем.

«Верность» и «предательство» как непрременные составляющие семиосферы внутреннего мира человека и аксиосферы, формируемой различными проявлениями ценностного сознания, являются базовыми концептами англоязычной культуры, представляя собой несомненную экзистенциальную значимость для отдельно взятой языковой личности и для всего лингвокультурного сообщества.

Концепты «верность» и «предательство» характеризуются высокой степенью «семиотической плотности», вербализуясь в частотных, общеупотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологических и паремиологических единицах.

Концепты «верность» и «предательство» имеют нежесткую структуру, представленную понятийным, образным и ценностным компонентами. Понятийная составляющая концептов конституируется набором признаков, извлеченных из лексикографических толкований имен концептов, образная составляющая представлена совокупностью метафор-гешталтов, ценностная составляющая формируется различными оценками.

В основе метафорических номинаций исследуемых концептов лежат определенные архетипы – макроконцепты «человек», «предмет / артефакт», «растение», «теоморфное существо», «зооморфное существо», «пространство», «время», «стихия», «вещество», «общественное явление», формирующие признаки локализации, вещества, стихий, характера, а также темпоральные, артефактные, антропоморфные, теоморфные, зооморфные, вегетативные, эмоциональные, социальные признаки концептов «верность» и «предательство».

Семантический инвариант содержания имен-репрезентантов исследуемых концептов, обеспечивающий их относительное понимание на уровне коллективного сознания, значительно меньше и беднее вариативной части, существующей в индивидуальном сознании (на уровне личностного смысла) и производной от опыта конкретной языковой личности.

Литература

Саварцева, Н. В. Прагматическая ситуация предательства: уровень абсолютной актуализации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – № 1. – С. 169-175.

Скородумова, Н. В. Этические концепты «верность» и «предательство» в английском языковом сознании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб., 2007. – № 22 (53). – С. 206-211.

Скородумова, Н. В. К вопросу о понятийной составляющей концептов ПРЕДАННОСТЬ и ПРЕДАТЕЛЬСТВО (на материале английского языка) // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: материалы XIV Всероссийской научно-технической конференции ИВВАИУ (Иркутск, 5-7 октября 2005 г.). – Иркутск : ИВВАИУ, 2005. – С. 181-188.

Скородумова, Н. В. Сочетаемость лексем, репрезентирующих концепты ПРЕДАННОСТЬ и ПРЕДАТЕЛЬСТВО // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ.

Сер. Лингвистика / под ред. проф. М. В. Малинович. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – № 5. – С. 198-205.

Скородумова, Н. В. Виртуальная актуализация лексических единиц синонимического ряда, репрезентирующих концепты ПРЕДАННОСТЬ и ПРЕДАТЕЛЬСТВО (на материале английского языка) // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Международной научно-практической конференции (Барнаул, 5-6 октября 2006 г.). В 2 частях / под ред. Т. Г. Пшенкиной. – Часть 1. – Барнаул : БГПУ, 2006. – С. 290-293.

Скородумова, Н. В. Объективация этического концепта «верность» в англоязычном сознании (по результатам анкетирования) // Лингвистика. Лингводидактика. Информатика: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 26 февраля – 3 марта 2007 г.). – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – С. 65-66.

Скородумова, Н. В. Фразеологические образования как средство репрезентации концепта «верность» (на материале современного английского языка) // Инновации в профессионально-ориентированном обучении иностранным языкам: материалы XIII межвузовской научно-методической конференции (Иркутск, 20-22 марта 2007 г.). Часть II. – Иркутск : ИВВАИУ (ВИ), 2007. – С. 65-68.

Скородумова, Н. В. Верность // Внутренний мир человека: Семантические константы. Коллективная монография к юбилею доктора филологических наук, профессора Ю. М. Малиновича / отв. ред. М. В. Малинович. – Иркутск, 2007. – С. 246-272.

Л.В. Туленинова
(Луганск)

ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНЬ

Цель данной работы заключается в сопоставительной характеристике концептов «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах.

Ознакомление со специальной теоретической литературой позволяет заключить, что ученые (медики, психологи, социологи) сталкиваются с большими трудностями в определении понятия «здоровье» (Н.М. Амосов, К. Бойд, Р. Дауни и др.). Это обусловлено размытостью прежде всего медицинской *нормы* здоровья. Известная диффузность здоровья как медико-психосоциального явления стала причиной его отнесения к категории *элюзивных понятий* (термин К. Бойда).

Анализ английских и русских словарных дефиниций, определяющих объем понятия здоровья, обнаруживает минимальное количество его признаков, что согласуется с теорией элюзивности К. Бойда.

Здоровье, по словарю В.И.Даля, – это «состоянье животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни» (ТСЖВЯ 2000: 675); по словарю С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, – «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» (Ожегов, Шведова 1994: 223), по словарю Д.Н.Ушакова, – это «состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма» (ТСРЯУ). Приведем далее соответствующие толкования английских словарей: «health – physical or mental well-being, freedom from disease, pain, or defect; normalcy of physical and mental functions; soundness» (OWD 1999: 297); «health – the state of being physically and mentally healthy» (WNWD&T 1998: 213).

Как можно видеть, семантические признаки слов *здоровье* и *health* принципиально идентичны – «отсутствие физических повреждений и болезни», «нормальность физического функционирования организма человека», «физическое и психологическое благополучие».

В специальных энциклопедических справочниках предлагаются более полные по сравнению с филологическими дефинициями определения здоровья. «Здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов» (БСЭ 1972: 442). Аналогичные определения обнаруживаются и в английских источниках (BNE 1994: 779; Meeks, Heit 1999: 5; Wayne, Payne 2000: 8). В Большом психологическом словаре предлагается следующее понимание здоровья: «1) индивидуальное З. – естественное состояние организма на фоне отсутствия патологических сдвигов, оптимальной связи со средой, согласованности всех функций; 2) З. представляет собой гармоничную совокупность структурно-функциональных данных организма, и обеспечивающих организму оптимальную жизнедеятельность, а также полноценную трудовую жизнедеятельность; 3) индивидуальное З. – это гармоничное единство всевозможных обменных процессов в организме, что создает условия оптимальной жизнедеятельности всех систем и подсистем организма; 4) З. – это процесс сохранения и развития биологических, физиологических, психологических функций, трудоспособности и социальной активности человека при максимальной продолжительности его активной жизни» (БПС 2003: 173).

Обращение к энциклопедическим и филологическим дефинициям номинантов концепта «здоровье» / «health» позволяет выявить его следующие основные когнитивные признаки – «целост-

ность организма человека», «устойчивость функционирования организма человека», «(физическая) сила человека». Помимо них в энциклопедических дефинициях обнаруживаются такие когнитивные признаки, как «оптимальная жизнедеятельность», «адекватность окружающей среде», «обменные процессы в организме», «полноценная трудовая жизнедеятельность», «социальная активность человека».

Сопоставление дефиниций понятия «здоровье» в английском и русском языках позволяет заключить, что целостность и устойчивость (физическая и эмоциональная) организма человека, а также его способность к эффективному функционированию являются обязательными признаками здоровья в обеих лингвокультурах.

Сравнение энциклопедических дефиниций феномена здоровья с его филологическими определениями позволяет сделать следующий вывод: признаки понятия здоровья в научной картине мира названы более полно: кроме подразумеваемых в повседневном знании двух составляющих (физического и эмоционального) благополучия здоровья в ней выделены и социальные факторы как его неотъемлемые определяющие.

Исходя из идеи лингвистической детерминированности образного видения мира, сформулированной и обоснованной в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а затем получившей развитие и уточнение в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия, М. Бенсон и др.), мы обратились к этимологии слов, сохранивших следы архетипа здоровья. Английское слово *health* происходит от древнегерманского корня, означающего целостность: др.-англ. *hal* (целый неповрежденный, здоровый) происходит от др.-герм. *khailaz* (неповрежденный) (Harper D. Online Etymology Dictionary/ Douglas Harper © November 2001 [Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.etym.z12.org.ua/zindex.html>]), русское слово *здоровый* происходит от праславянского *ъdorъvъ*, где *съ* – др.-инд. *su* – хороший и *dorvo* – дерево вместе дают «из хорошего дерева» (ЭСРЯ 1986: 90; Шанский 1971: 161), т.е. согласно древнерусским представлениям, здоровый человек – высок и крепок подобного дереву. Эти лингвистические факты как и данные из «Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языках» М.М. Маковского убедили нас в том, что мифологема «дерево», вобрав в себя идеи универсалии «гармоничное единение», явилась основой концептуальной метафоризации идеи-образа «здоровье», который лег, в свою очередь, в основу многих образов здоровья, про-

слеживаемых во внутренней форме современных лексем и их сочетаний в обоих языках: «строение», «вода», «огонь, свет, энергия», «растение», «верх», «устойчивость», «сила» и т.п.

В российском обществе культ воды сохранялся вплоть до 20 века. Приведем пример: *«Стану раба Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, пойду я в чистое поле, в чистом поле стоит белая береза, кудрявая. Я поклонюся, помолюся, попрошу истинного Христа батюшку, Матушку Пресвятую Богородицу, чтобы у меня никогда не скомнуло, никогда не болело – ни в каких мозгах, ни в каких ростах, ни в алой крови, ни на гладкой коже. Отныне до веки веков. Аминь* (Наговорить на воду, выпить)» (РЗ 1998: 230).

Не менее глубоко коренится как в русском, так и в английском социумах выше упомянутая мифологема «дерево». Для выздоровления «к целебному дереву ползли на коленях, раздевали больного донага и укладывали его головой к корням. Затем, читая молитвы и заговоры, больного обсыпали зерном, обливали водой, переодевали в чистую одежду, оставив старую на ветвях дерева, кланялись ему со словами: «Прости, Матушка сыра Земля и Свято Дерево, отпусти!» (Левкиевская 2005: 50-51). Согласно английской мифологии, многочисленные феи обитают на деревьях, за причинение им вреда они могут наказать человека болезнью, как в истории «Терновое дерево на валу», в которой хозяин дома, решивший расширить дорогу возле дома, все время чувствовал недомогание, как только приближался к терновому дереву, чтобы убрать от него дерновую землю и таким образом нанести ему вред. Прекратив беспокоить дерево, он сразу выздоровел» (МБО 2004: 356).

При описании концепта традиционно обращаются к фольклорным прецедентным текстам (пословицам, поговоркам, а иногда и к заговорам и заклинаниям). Проанализированные фольклорные тексты выявили целый ряд метафорических моделей (далее – ММ), во многом совпадающими с образами, зафиксированными в мифах: дерево, камень и юг (как олицетворение Солнца) в английской лингвокультуре; дерево, заря и Восток (как олицетворение Солнца), камень, вода и земля, соответственно, в русской лингвокультуре. Мы выделили шесть общих для обеих лингвокультур ММ: «Здоровье – сила и крепость», «Здоровье – целостность, неповрежденность формы», «Здоровье – живое существо», «Здоровье – яркие и контрастные цвета (красный и белый)», «Здоровье – измеряемая, аксиологическая субстанция», «Здоровье – это дар» и по одной специфической ММ: для русской лингвокультуры – «Здоровье – дитя», для английской лингвокультуры – «Здоровье сладкое на вкус». Авторские прецедентные тексты (афоризмы) дополнили этот список следующими метафо-

рическими моделями: «Здоровье – источник наслаждения», «Здоровье – фундамент счастья и могущества», «Здоровье – победа в битве», «Здоровье – желанное благо, счастье и блаженство», «Здоровье – сложная структура», «Здоровье – сокровище», «Здоровье – товар (то, за что платят)», «Здоровье имеет источник света и тепла», «Здоровье имеет протяженность во времени», «Здоровье – гармония души и тела».

Применение метода сочетаемостного анализа к словам, номинирующим здоровье в обоих языках (были использованы следующие лексикографические источники – Бенсон М., Бенсон Э., Илсон 1990; Дейнан 2003; Хидекель 2004; Грязнов 2004; Москвин 1992; Литвинов 2006; Шушков 2003; Локетт 2003; Квеселевич 1998; ПМЛ 2003; РАС 2002; ССАИ 2003; ФСРЯ 1987; ODPSQ 1998), выявило основные образные характеристики концепта «здоровье»:

1) «строение»: *to build up one's h.*; здоровье может быть хрупким: *слабое здоровье; fragile/frail health*, крепким: *крепкое здоровье; strong health*, его целостность может быть нарушена: *разрушенное здоровье; расстроить з.; to ruin one's h.; break/break down h., to wear down h./ to undermine h./ to last out*, восстановлена: *поправить/ восстановить здоровье; to restore/to recover h.; bring back h./pick up h./to repair h*, сохранена: *keep good health / to preserve h.; сохранить здоровье*.

2) «благо, желаемое кому-либо»: *желать з. – to wish h.* и «благополучие»: *опасно / вред / ущерб здоровью, увечье; здоровью вредить; враг здоровья; польза; hazardous /hurtful/ harmful/ detrimental to health/injurious to h./worry about h./useful for health; beneficial to h.; to improve h./interfere with h./problems of h./to tell upon h.*;

3) «деньги или товар»: *тратить/ платить/ расплачиваться/купить; cost h./ fool away h./ owe h.; place h. above every other consideration/at the expense of one's h.; гарантировать з.*;

4) «металл»: *кузница здоровья; закалять з; железное здоровье; to be as hard as nails*;

5) «вода»: *источник здоровья; to brim over with health – переливаться через край, safe and sound*;

6) «огонь, свет, энергия»: *to radiate h.; пышет здоровьем*;

7) «растение»: *росток здоровья; цветущий вид; exuberant h., to bloom; fresh as a daisy; to look fresh*;

8) «яркие цвета, краски»: *rosy cheeks; fresh as (new) paint; to be in the green; to be/look rosy about the gills- быть/выглядеть здоровым; кровь с молоком, румянец во всю щеку*;

9) «верх»: *excellent health; build up; check up; heal up*;

10) «устойчивость»: *steady pulse/nerves; стабильное состояние, крепкие нервы;*

11) «сила»: *силен / здоров как бык; крепкое здоровье; strong eyes/nerves/constitution; to be/feel quite strong; as strong as a horse; failing h./robust h.; to last out.*

Образная составляющая концепта, как известно, неразрывно связана с его ценностной составляющей. Мы установили, что в обоих языках в той или иной степени выражены все виды оценок. Общеоценочные определения здоровья (как состояния организма) «хороший» / «good» свидетельствуют о совпадении положительной характеристики состояния здорового организма в обоих социумах. Частнооценочные характеристики здоровья также, в основном, совпали в английском и русском языках. Однако применение номинаций здоровья для оценки предметов и явлений окружающей действительности у двух народов имеет свои особенности: так, в частности, оценочное значение (переносное) «большой» лексем *здоровый / healthy* уточняется английскими словарями как «демонстрирующий успех» и близко оценочному значению «успешный», т.е. оно имеет положительную коннотацию. Оценочное же употребление лексемы *здоровый* также в значении «большой» (о предметах, явлениях: большой, сильный, громкий, крепкий) уточняется, когда речь идет о людях – «сильный, крепкого сложения»: *здоровый парень*, имплицитно включая рационалистическую оценку: сильный, значит, успешно действующий, также расценивается как положительное. Однако в зависимости от номинации объекта, к которому такая оценка относится, она может принимать и негативные коннотации, напр., *здоровый/здоровенный/здоровущий лоб/бугай*. В английских источниках такие коннотации нами не выявлены, так же, как и коннотации «ловко делать что-н., искусен» от краткого прилагательного *здоров*: *Здоров плясать! Здоров на выдумки*.

Нормативно-оценочный предикат *здоровый / healthy* может получить дополнительные коннотации с помощью адвербиально уточняемой степени соответствия норме типа *абсолютно, совершенно, полностью, absolutely* и др., что коррелирует со значениями оценочных определений лексем *здоровье и health*: *хорошее, прекрасное, крепкое, слабое, плохое, неважное здоровье / possessing good health, good, normal, bad, tired, tiredness, unhealthy, sickly*. Именно с помощью нормативной оценки может осуществляться трансформация модели позитивной оценки здоровья-состояния – **здоровье-благополучие** в модель негативной оценки – **болезнь**, имеющее 3 фазы уменьшения силы признака «благополучие и соответствие норме» (БСН): – высокая степень

БСН: *хорошее, прекрасное, крепкое здоровье/ абсолютно, совершенно, практически, полностью, вполне здоровый; possessing good health, good, normal*; – невысокая степень БСН: *слабое, плохое, неважное здоровье/ не вполне, не совсем здоровый; bad, tired, tiredness, unhealthy, sickly* – низкая степень БСН: *болезнь, недомогание, заболевание; illness, ills, sick, ill*.

О степени оязыковлени концепта и его способности участвовать в вербализации других взаимодействующих концептов-систем, свидетельствующих о его актуальности для того или иного языкового коллектива (А. Вежбицкая, R. Hudson и др.), можно судить по интенсивности наполнения языковыми единицами его интразоны и экстразоны. Под интразоной концепта мы вслед за Г.Г. Слышкиным понимаем совокупность входов в концепт (языковых единиц, номинирующих прямые денотативные значения понятия), под экстразоной – совокупность выходов (единиц-номинаций вторичных (переносных) денотатов (Слышкин 2004: 31).

Анализ лексико-семантических полей концепта «здоровье» показал, что они имеют идентичную структуру в двух языках: в центре поля находятся единицы, номинирующие признаки денотата «выражение здоровье», количество которых превышает количество единиц денотата «благополучие, свобода от болезни» (в русском языке в 3, в английском – в 3,5 раза). Количество единиц денотата «благополучие, свобода от болезни» в двух языках практически одинаково. Наиболее плотно номинирован признак «целостность, крепость, устойчивость», наименее плотно обозначен признак «способность к функционированию». Достаточно значительна в обоих языках номинативная плотность у признака «внешняя привлекательность тела» (около 15% от общего количества единиц). Наибольшее количественное различие (английских единиц вдвое больше русских) обнаружено в номинациях признаков «чувства и ощущения» и «способность к функционированию». Что касается степени проникновения других концептов в структуру интразоны концепта «здоровье», то в английском языке она в 1,5 раза выше, чем в русском. Особенно богата ассоциатами когнитивная сфера «целостность, крепость, устойчивость», в которой обнаружено больше всего этнокультурных различий в сравниваемых языках.

Анализ языковых единиц, принадлежащих к экстразоне концепта «здоровье», выявил его значительную способность быть источником метафорического переноса. Выделяются следующие концепты, для которых концепт «здоровье» является источником метафорического переноса: в русском языке – «праздник», «общение», «разум», «успех», «богатство», «добро», «сила», «раз-

мер»; в английском – «праздник», «разум», «успех», «богатство», «добро», «сила», «размер».

С целью выявления актуальности указанных выше когнитивных признаков концепта здоровья для современного социума и их оценочных характеристик, свидетельствующих об устойчивости ценностной составляющей, а также для установления ее новых компонентов на базе материала ассоциативных словарей (РАС 2002, ЕАТ 1973) нами была построена модель ассоциативных связей языковых единиц и значений. Ее анализ показал, что при совпадении областей бытования (ОБ) концепта «здоровье» в русском и английском языковом сознании на уровне денотативного наполнения одних и тех же ОБ заметны этнокультурные различия. Так, например, на уровне денотата «ощущения» концепта «health» выявлен высокий индекс ассоциативной частотности слов *joy* и *happiness*, характеризующих соответствующий концепт. Этнокультурные особенности видения мира разными народами объясняются социально-экономическими и историческими факторами, определяющими пути развития того или иного социума, его менталитет.

В целом же, интерпретация ассоциативного поля концепта «здоровье» приводит к выводу о том, что он обнаруживает в обоих языках максимальную корреляцию с суперконцептами «жизнь» и «человек».

Установленные ассоциации подтвердили также актуальность многих уже описанных выше метафор, употребляемых для обозначения и выражения концепта «здоровье». Это обнаруживается не только в парадигматических, но также и в синтагматических связях лексем *здоровье/здоровый* и *health/healthy*.

Интерпретация вербальных реакций и стимулов, содержащихся в ассоциативных словарях, позволяет увидеть способность феномена здоровья становиться источником метафорического переноса, о чем свидетельствует появление новых (по сравнению с данными толковых словарей, словарей синонимов и антонимов) выходов у концепта «здоровье» – «богатство» и «процветание». Выявленные лингвистические факты со всей очевидностью свидетельствуют о появлении новых входов и выходов у концепта «здоровье» в лингвокультурном пространстве сопоставляемых языков, и, следовательно, о его продолжающемся активном формировании.

Анализ английских и русских словарных дефиниций номинантов болезни обнаруживает небольшое количество его признаков. Словарные определения русских и английских слов, обозначаю-

щих болезней, во многом совпадают. Приведем примеры: «болезнь – расстройство здоровья, нарушение деятельности организма» (ТСРЯО 1990: 60); «болезнь, болесть, боль, хворь, хиль, немочь, недуг, нездоровье; по объяснению врачей: нарушение равновесия в жизненных отправлениях» (ТСЖВЯ 1986: 111-112); «болезнь – нарушение правильной деятельности организма» (СРЯ 1985: 104); *disease*: 1. Any *departure* from health (любое отклонение от здоровья). 2. A particular *destructive* process in an organ or organism, with a specific cause and characteristic symptoms (определенный *разрушающий* процесс, со специфичной причиной и характерными симптомами) (WNWD&T 1998); *disease* – an *illness* affecting humans, animals or plants, often caused by infection (болезнь, поражающая людей, животных или растения, часто вызываемая инфекцией) (OALDCE 2002); *disease* – an *illness* caused by an infection or by a failure of health and not by an accident (заболевание, вызванное инфекцией или нарушением здоровья, а не несчастным случаем): heart disease, an infectious disease (CLD 2001). Совпадающими семантическими признаками слов, обозначающих концепт «болезнь» в обеих лингвокультурах, являются «расстройство здоровья», «нарушение деятельности организма». В английских определениях есть дополнительный семантический признак – «причина появления болезни» (caused by an infection or by a failure of health and not by an accident).

В специальных энциклопедических справочниках предлагаются более полные по сравнению с филологическими дефинициями определения болезни. «Болезнь – нарушение нормальной жизнедеятельности организма, обусловленное функциональными или морфологическими изменениями; возникновение б. связано с воздействием на организм вредных факторов внешней среды (физических, химических, биологических, социальных), с его генетическими дефектами» (СЭС 1987: 154). «*Disease* – disorder of structure or function in an animal or plant of such a degree as to produce or threaten to produce detectable *illness* or disorder», «a definable variety of such a disorder, usually with specific signs or symptoms or affecting a specific location» (нарушение структуры или функции в животном или растении такой степени, что возникает угроза возникновения явственной болезни (*illness*) или нарушения» «определимая разновидность такого нарушения обычно со специфическими признаками или симптомами или определенной локализацией») (Boyd 2000).

Обращение к энциклопедическим и филологическим дефинициям номинантов концепта «болезнь» в английском и русском языках позволяет выявить его следующие основные когнитивные

признаки – «расстройство здоровья», «нарушение деятельности организма». Помимо них в русских энциклопедических дефинициях обнаруживаются такие когнитивные признаки, как «функциональные или морфологические изменения», «воздействие на организм вредных факторов внешней среды», «генетические дефекты», а в английских соответственно «угроза возникновения явственной болезни», «специфические признаки или симптомы, определенная локализация».

Сопоставление энциклопедических дефиниций феномена здоровья с его филологическими определениями позволяет сделать следующий вывод: признаки понятия болезни в научной картине мира названы более полно.

Сопоставление научных энциклопедических дефиниций понятия «болезнь» с его филологическими определениями приводят к следующему заключению: нарушение целостности и неустойчивость функционирования организма человека, являющиеся основными признаками болезни, как в наивной, так и в научной картине мира, в последней приобретают дополнительную конкретизацию посредством референтно-денотатных уточнений, возникающих благодаря систематизирующему характеру научного знания. Болезни, определяемые в филологических словарях в *общем* виде как «нарушения со специфическими признаками или симптомами или определенной локализацией», становятся нозологическими единицами, для каждой из которых существует свой набор признаков или симптомов, например, «болезнь – это *любое* ухудшение в состоянии здоровья, имеющее свою *причину*, а также распознаваемые объективные и субъективные *признаки (симптомы)*...» (БТМС 2001: 124. – Курсив наш. – Л.Т.).

Свои болезненные состояния человек издревле пытался как-то объяснить. Его первые попытки толкования причин болезни носили мифологический характер (см. Тхостов 1993: 3-16). Так, мифологема болезни «зло, проистекающее от потустороннего (нижнего) мира» отчетливо отразилась в мифологии обоих народов: у славян это зло олицетворяют демоны, появляющиеся преимущественно в женских обличьях, у британцев – фейри, живущие на деревьях. Заметим, что такое олицетворение прослеживаем в многочисленных метафорических моделях фольклорных и прецедентных текстов в обоих языках.

Применение этимологического анализа показывает, что *мифологическая* идея болезни, насылаемой злыми силами, присутствует в целом ряде номинаций болезни. Так, согласно лексикографическим источникам, английское слово *ill* является сокращенной формой *evil* (зло), а русские слова *болезнь*, *хворь* содер-

жат корни со значением «зло, мучение, рана, болезнь»: *боль* – родственно д.-в.-н. *balō* – «пагуба, зло», д.-исл. *bol*, др.-англ. *bealu*, готск. *balwawessei* – «злость», *balwjan* – «мучить»; *хворый*, *хворать* родственны авест. *svara* – «рана, ранение», д.-в.-н. *sweran* – «болеть», ср.-в.-н. *swer* – «телесная боль, болезнь, опухоль» (ЭСРЯ 1986).

Болезнь, как показывает ознакомление со специальной литературой, сопряжена с идеей *потери равновесия* определенных регулятивных компонентов: крови, желтой желчи, черной желчи и слизи (в свое время медицинская тема «плохой крови» пользовалась большой популярностью), с *пониманием* болезни как «самоагрессии», «саморазрушения» и «анархии» в организме человека. Эти интерпретации феномена болезни нашли отражение в языке, в особенности в метафорических моделях его фразеологического уровня.

Исследовав английские и русские пословицы и другие притворные тексты (афоризмы, заговоры, заклинания), а также опираясь на работы других исследователей (Логонова 2001; D. Nicholls 2004), мы выделили как общие, так и специфические ММ болезни в двух сравниваемых лингвокультурах: 1) «Болезнь – материальная субстанция, которую можно оценить»; 2) «Болезнь – живое существо», 3) «Болезнь – блеклые либо темные цвета», 4) «Болезнь – слабость и тщедушность тела», 5) «Болезнь – повреждение, нарушение формы», 6) «Болезнь – низ», 7) «Болезнь – горечь», 8) «Болезнь превращает человека в тень самого себя», 9) «Болезнь – стихийное бедствие», 10) «Болезнь – хитрый враг». Только в английской лингвокультуре выявлены такие ММ, как 1) «Болезнь – это поражение», 2) «Болезнь – это изобретение», 3) «Болезнь (душевная) – загадка». Только в русской лингвокультуре обнаружены ММ болезни – 1) «Болезнь связана с родственниками», 2) «Болезнь – это несчастье».

Этнокультурно маркированными оказались причины заболевания человека: в русском обществе болезнь считается следствием (тяжелой) физической работы (*От работы кони дохнут; От работы не будешь богат, скорее будешь горбат; С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь*); пьянства (*Уродился детина кровь с молоком, да черт горелки прибавил*) и плохого медицинского обслуживания (*Не лечат, а калечат* (о врачах), в то время как в английском социуме ими признаются неправильное питание и нервное перенапряжение (*The best doctors are Dr Diet, Dr Quiet and Dr Merryman*). Национально-специфичны и сами способы профилактики болезни: в русском обществе ими является баня (Баня парит, баня правит, Баня – мать вторая, кости распаришь –

все тело исправишь и др.), а в английском – хорошее настроение (напр., *A merry heart is a good medicine*). Выбор здоровой пищи, согласно представлениям англичан и русских, – это залог здоровья. Судя по прецедентным текстам, сыр, хлеб, лук и яблоки служат символами здоровой английской пищи (напр., *Cheese and bread make the cheeks red*), в то время как для русских, помимо хлеба, к гастрономическим предпочтениям относятся каша, щи, капуста, редька, квас, лук и чеснок (напр., *Лук да капуста лихого не допустят*).

Этнокультурно маркированной является в русском языке связь концептов «болезнь» и «здоровье» с концептом «родственники», что, как мы понимаем, обусловлено значимостью постоянного поддержания родственных отношений для российского общества.

Анализ оценочных определений и предикатов показал наличие в обоих языках широкого спектра оценочных значений, коррелирующих с болезнью: от общеоценочных – преимущественно в составе номинаций болезни: *болезнь, малярия; illness* (но существуют и оценочные предикаты, где очевидна двойственность оценки болезни: *Плохо болеть, еще хуже заболеть вторично; В добром здоровье и хворать хорошо*; *be as good as a (sick) headache; The remedy is worse than a disease*) до всех видов частнооценочных. В оценке болезни (как и в оценке здоровья) четко выражено различие в ее квалификации научным (медицинским) знанием и знанием повседневным. Исключительно рационалистический характер медицинского знания предопределяет использование в научной языковой картине мира нормативно-оценочных определений и предикатов. Имеющее основополагающую ценность в формировании медицинской оценки соответствие или несоответствие норме совсем не обязательно для наивной картины мира, для обыденного сознания, ценности которого формируются под влиянием различных факторов – исторических событий, мифов, религиозных убеждений, эстетических и этических предпочтений (в том числе и моды; ср. в 19 веке мигрень считалась *модной болезнью*) и т.д. Конкретность статуса субъекта – в суждениях гедонистической (эмоциональной) оценки (Арутюнова 1999: 192), наблюдаемой в выражениях типа *В добром здравии и хворать хорошо* или *Pain is so close to pleasure*, совершенно исключаемая в медицинской оценке, тем не менее приближает нас к пониманию способа формирования социально обусловленного общеоценочного значения болезни: *Мигрень – работать лень; I reckon being ill as one of the great pleasures of life, provided one is not too ill and is not obliged to work till one is bet-*

ter (Samuel Butler, *The Way of All Flesh*, 1903) и т.п. *Этическая* оценка болезни (как и здоровья), как видим на данных примерах, размыта.

Сравнение лексико-семантических полей концепта «здоровье» в английском и русском языках выявило при совпадении их референтно-денотативного состава интразоны концепта и ее некоторые особенности. Во-первых, имеет место значительное расхождение в ассоциативном составе денотата «Неблагополучное состояние организма вообще», особенно в части референтов «Общее выражение болезни» (в подобластях «Слабость, бессилие» и «Внешние признаки») и «Психическое неблагополучие», а также в части референта «Симптомы» (в подобласти «Внешний вид органов, органа или его части») денотата «Конкретная форма неблагополучия». Так, в частности, слабость в русской лингвокультуре оценивается (кроме всего прочего) интенсивностью дыхания – *дохлый, выдохшийся* (от слов *дух, душа*), в английской – эмоциональной неустойчивостью – *feeble*. Четко просматривается в номинациях денотатов болезни мифологема «дерево», выявленная нами в образной составляющей концепта «здоровье». Во-вторых, следует указать на идентичность компонентов ассоциативного состава подобластей «целостность, крепость, устойчивость» и «чувства и ощущения больного человека» референта «общее выражение болезни» в двух языках. Совпадающими оказались ассоциаты денотата «Конкретная форма благополучия» (за исключением вышеуказанной подобласти референта «Симптомы»). Это, видимо, объясняется как общностью биологической, так и сходством географических условий двух народов, а также наличием практически идентичных медицинских традиций, что особенно ощутимо при сравнении номинаций болезней в специальных двуязычных словарях (напр., в РАМСР 2005, БТМС 2001 и др.). В-третьих, наибольшее количество отличий обнаружено в ассоциатах референта «Психическое неблагополучие». Необходимо отметить и культурные особенности двух народов, «задействованные» в создании некоторых метафор: например, идиомы *Кондрашка хватил; Tom O'Bedlam*.

На основании анализа ассоциативного поля мы можем констатировать, что базовые концепты, пересекающиеся с элементами концепта «здоровье» в английской и русской лингвокультурах, актуальны в той или иной мере и для концепта «болезнь». Этот факт может свидетельствовать о дуальном характере взаимодействия концептов «здоровье» и «болезнь».

Обращение к ассоциативным словарям (РАС 2002, ЕАТ 1973) обнаруживает в обеих лингвокультурах новые коррелирующие с

концептом «болезнь» концепты – «ритуал», «техника», что говорит о постоянно происходящих трансформациях в его содержании. Ассоциативные словари выявляют в русском языке этнокультурную корреляцию концепта «болезнь» с такими понятиями, как «борьба», «совесть» и «сочувствие».

Подведем основные итоги.

1. Концепты «здоровье» и «болезнь» являются дуальным типом концептов, при котором наличие одного служит обязательным условием существования другого.

2. Основное содержание концептов «здоровье» и «болезнь» в русском и английском сознании сводится к следующим базисным признакам:

а) понятийную сторону этих концептов составляют такие оппозиционные характеристики, как «целостность организма» – «нарушение целостности организма», «устойчивость функционирования организма человека» – «неустойчивость функционирования организма человека», «сила человека» – «слабость человека»;

б) образную сторону концепта «здоровье» формируют устойчивые ассоциации здоровья с природными явлениями (в частности, с деревом, камнем, солнцем, светом, огнем, водой, землей), с артефактами культуры, которым приписаны человеком признаки целостности и красоты; образная сторона концепта «болезнь» представляет собой ассоциации болезни с природными явлениями (стихийными бедствиями), мифологемой «демон», черным цветом, врагом, с артефактами культуры, обладающими признаками нецелостности и безобразия;

в) ценностная сторона обоих концептов заключается в признании физиолого-психологического состояния человека важнейшим аспектом его жизни и вытекающей отсюда системы приоритетов его поведения (соблюдение норм гигиены, здорового образа жизни и др.).

3. Основные отличия в репрезентации концептов «здоровье» и «болезнь» в сопоставляемых лингвокультурах состоят в следующем:

а) в английской лингвокультуре здоровье ассоциировано прежде всего с медицинскими понятиями, в том числе и с медицинскими учреждениями, а также с природными ресурсами как способом профилактики болезней, в то время как в русской лингвокультуре здоровье ассоциировано, главным образом, с самочувствием родственников, с баней как способом профилактики болезни, с апелляцией к богу и потусторонним силам за помощью для сохранения здоровья;

б) русские по сравнению с англичанами проявляют большую тревогу в оценке состояния своего здоровья и склонность к менее интенсивной работе как способу сохранения здоровья.

4. Максимально взаимодействующими с концептами «здоровье» и «болезнь» в английской и русской национальных концептосферах являются суперконцепты «жизнь», «человек», концепты «добро», «зло», «природа», «возраст», «медицина».

Литература

Туленинова, Л.В. Дуализм в понятии *здоровье* в английской и русской лингвокультурах // Известия ВГПУ №3 (12). Волгоград, 2005. С.79-81

Туленинова, Л.В. Лингвокультурный концепт «здоровье» в свете антропоцентрической парадигмы изучения языка // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Тезисы докл. междунар. научн. конф. – Волгоград: Колледж, 2004. – С.109-110.

Туленинова, Л.В. Стереотипы мышления и стереотипы языка (фрагмент анализа фольклора медицинских работников американских лечебных заведений) // Материалы научно-практ. конф «Проблеми мови та особистості у контексті міжкультурної комунікації» (1-2 червня 2005р.). – Луганск, 2005. – С.83-86.

Туленинова, Л.В. Понятия «здоровье» и «болезнь» в «поле смыслов» английской и русской лингвокультур // Вісник ЛНПУ (сер. Філологічні науки) № 12 (107). – Луганськ, 2006. – С.129-137.

Туленинова, Л.В. Метафора как способ выражения концепта «болезнь» (на материале английского и русского языков) // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвузов. сб. научн. ст. Вып. 1. – Тамбов, 2006. – С. 515-517.

Туленинова, Л.В. Лингвокультурный концепт как предмет исследования: новые подходы // Вісник ЛНПУ (сер. Філологічні науки) №5 (122). – Луганск, 2007. – С. 102-109.

Туленинова, Л.В. Концепты *здоровье* и *болезнь* в русских и английских паремиях: лингвокультурные параллели // Антропологическая лингвистика. – Вып. 10: сб. науч. тр. / Под ред. Н.А.Красавского. – Волгоград: Колледж, 2008. – С. 88-98.

Туленинова, Л.В. Здоровье в образном строе английского и русского языков // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Материалы постоянно действующего семинара «Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики». 23-25 апр. 2008 г. – Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2008. – Вып.2. – С. 225-228.

Л.Л. Банкова
(Нижний Новгород)

ТРУД

Данная работа посвящена рассмотрению средств вербализации концепта «труд» в британском варианте английского языка. В исследовании решаются следующие задачи: 1) определить тип концепта «труд», в соответствии с которым будет проходить его моделирование, структурирование и анализ; 2) структурировать лексико-семантическое поле «труд» посредством выделения его концептуальных слоев и признаков на материале лексикографических источников и художественной литературы и определить их роль в структуре концепта; 3) определить национально-культурную специфику и аксиологический статус концепта «труд» в британском обществе; 4) выделить и проанализировать концептуальные метафоры, способствующие экспликации понятия «труд» в английском языке.

Поскольку концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя при этом либо свой понятийный уровень, либо фреймовый, либо схематический, либо представление, либо разные комбинации этих концептуальных сущностей (Попова, Стернин 2002), то явление «труд» представляет собой, с точки зрения выбранной классификации, и фрейм и сценарий, т.е. фреймовый сценарий. Концепт можно считать фреймом, поскольку он предстает как когнитивная структура, в которую упаковываются знания, наполняющие содержание концепта. Правомерность отнесения концепта «труд» к сценарию заключается в его сюжетном характере, т.е. четкой последовательности эпизодов во времени, исходя из того, что само явление «труд» существует не изолированно, а предполагает еще, кроме самого процесса деятельности, наличие субъекта, его совершающего, и результата деятельности.

Данный фреймовый сценарий имеет три компонента: «субъект труда», «процесс труда» и «результат труда». Поскольку, как писал И. А. Стернин, каждый концепт, независимо от типа, имеет базовый слой (а если он сложный, то еще и периферию) (Стернин 2001), то и концепт «труд» также содержит ядро и околядерную часть.

Словом-репрезентантом концепта «труд» в английском языке является лексическая единица *work*, поскольку представляет собой самое общее понятие. Это подтверждает обзор лексикографических источников, дающих картину синонимической представленности рассматриваемого понятия (APCC, NARCT, MWCT, WNDS). Анализ всех синонимов, обозначающих понятие «труд» в английском языке, показал, что слово *work* имеет самое общее значение; оно «может обозначать и физический, и умствен-

ный труд; и тяжелую, и легкую работу; и скучное, и интересное занятие» (АРСС; 486). Кроме того, лексическая единица *work* является доминантой синонимических рядов слов, эксплицирующих рассматриваемое понятие в английском языке.

Формой языковой экспликации концепта могут быть 1) лексемы, 2) различные фразеологические образования (идиомы, паремии, афоризмы и т.п.), 3) тексты в целом.

В ходе исследования фразеологического материала применяется **лингвокультурологический анализ** «фразеологического языка», предложенный В. Н. Телия (Телия 1996). С его помощью выявляется культурно-национальная специфика концепта. Поскольку содержание базовых концептов культуры, к которым принадлежит концепт «труд», всегда объемнее содержания одноименной языковой сущности, то «их осознание как бы «растягивается» по всему идеографическому полю» (Телия 1996).

Анализ состоит из нескольких процедур:

1. Предварительная идеографическая параметризация самого концепта по его частям.

2. Выделение таксономических сеток внутри каждого из параметров.

3. Заполнение полученной «концептуальной анкеты», что дает видение изучаемого культурного концепта в зеркале фразеологии.

4. Выявление базовой метафоры для выделенных идеографических массивов, служащей мотивирующим основанием для соотнесения с той или иной категорией культуры. Соотнесение базовой метафоры (термин В.Н.Телия) с культурным стереотипом «высвечивает» национально-культурную коннотацию.

Поскольку концепт «труд» — трехкомпонентный фреймовый сценарий, то каждый из его трех компонентов имеет свое ядро и периферию. Соответственно, каждая из трех частей рассматривается в отдельности, что в совокупности позволяет получить полную картину вербализации исследуемого концепта.

Выявленные концептуальные слои и признаки разделяются на ядро и периферию на основе их представленности в лексикографических источниках: перечисленные во всех источниках слои являются ядерными, а несовпадающие — периферийными.

Проиллюстрируем выделение у концепта «труд» в компоненте «процесс труда» **ядерных концептуальных слоев** на примере существительного *work*. Оно имеет 20 значений, однако ядерными являются лишь 5 из них: 1. «использование физических или умственных сил с целью совершения или

произведения чего-либо»; 2. «то, что должно быть сделано»; 3. «то, что индивид делает, чтобы заработать деньги на жизнь»; 4. «механизм»; 5. «место работы». Примером выделения *периферийных концептуальных признаков* может служить анализ различных комбинаций глагола *work* с послелогоми, представляющими различные семы, в результате чего выявляются такие концептуальные признаки, как «решение задачи»; «цифровое выражение»; «вызывание каких-либо эмоций»; «влияние на что-либо, кого-либо»; «противодействие чему-либо»; «добыча, завоевание» и т. д.

Анализ единиц, с помощью которых вербализуется концепт «труд» в британской концептосфере, показывает наличие у него 37 концептуальных слоев и 121 концептуального признака. На компонент «процесс действия» приходится 32 концептуальных слоя и 84 концептуальных признака (соответственно, 10 и 42 в ядре; 22 и 42 — на периферии). У компонента «субъект действия» 2 слоя и 19 признаков (оба слоя ядерные, а из 19 признаков — 11 периферийные); компонент «результат труда» насчитывает 3 слоя (все ядерные) и 18 признаков (4 из которых периферийные).

Проведенное исследование подтвердило представление о нечеткой структуре концептов, и в частности, концепта «труд». Например, некоторые ядерные слои распространяются на дальнюю периферию, минуя ближнюю, как это произошло с концептуальным слоем «движение» в компоненте «процесс труда». Однако, в ядре концепта «труд» наблюдается более четкое структурирование концептуальных слоев и признаков, чем на периферии.

Объемы слоев и признаков прямо пропорциональны количеству входящих в них языковых единиц; в свою очередь, объем компонентов концепта «труд» прямо пропорционален количеству концептуальных слоев и признаков. Ядерные слои больше по объему (содержат больше признаков), чем периферийные слои. Однако количество периферийных слоев больше.

В ходе исследования в методику рассмотрения структуры концепта были внесены некоторые изменения. Так, при выделении концептуальных слоев и признаков помимо дедуктивного метода (выделение из слоев признаков делением значений на семы) был использован и индуктивный, через выделение слоев путем совмещения нескольких признаков, а также объединением нескольких слоев в один. Проведенное исследование опровергло положение о том, что значения представляют слои, поскольку значе-

ния могут быть признаками, как, например, в случае со значениями глагола *work*.

Получить представление о функционировании в речи ранее выделенных и новых признаков концепта «труд» позволяет контекст. В результате наблюдения автором реферруемого диссертационного исследования была разработана классификация, где выделяются три группы признаков: онтологические, аксиологические и социальные. В группу *онтологических* были включены признаки, отражающие бытийные параметры концепта, т.е. те, которые характеризуют труд как явление действительности. У признаков, отнесенных к данной группе, были выделены две стороны: объективная и субъективная. Объективная сторона лишь констатирует существование тех или иных бытийных характеристик труда и является классообразующей. Вторая, субъективная, сторона несет отпечаток субъективной интерпретации выделенных объективных признаков и может отражать степень представленности признака, которая может варьировать. Таким образом, в данном исследовании онтологические признаки делятся на онтологически объективные и онтологически субъективные.

К группе *аксиологических* относятся признаки, отражающие оценку концептуализируемого явления и порождаемые им эмоции.

К третьей группе признаков причисляются *социально обусловленные* концептуальные признаки. Они отражают действие социальных факторов в процессе концептуализации изучаемого явления.

Рассмотрим выделенные признаки концепта «труд» по предложенным видам групп.

I. Группа онтологических признаков

A. Онтологически объективные признаки

1. Труд – явление, имеющее временные параметры. Временное существование труда может характеризоваться как непрерывностью, так и дискретностью наблюдаемого явления. У трудовой деятельности представляется возможным выделить следующие временные параметры:

а) Труд дискретен во времени: *Kindly **continue** with your work!* (Rowling).

б) Труд может иметь разную временную протяженность (временную дискретность): *'Yes, of course', she said, hoping it wouldn't be a **long** job* (McDermid).

в) Труд может быть непрерывен: *...who had difficulty in getting **permanent** work since vicars wanted young men to assist them* (Maugham).

2. Работа – явление, характеризующееся с точки зрения количества. *I have a deuce of a lot of work to do* (Maugham). *Geraldine's got herself a nice wee job with the Housing Corporation* (McDermid).

3. Труд – субъект и объект движения. а) Трудовая деятельность может выступать «двигателем» процесса жизнедеятельности: *Work lost its meaning to himself <...> but that had not been the wheel which had driven it to become such a provider of life* (Bragg). б) Труд может быть и объектом движения: *After these words the work was done quicker* (Cheek).

Б. Онтологически субъективные признаки

1. Труд – явление, характеризующееся разной степенью трудоемкости / тяжести.

а) Труд может быть тяжелым: *...I'm always working too hard to think about it* (Faber).

б) Труд может быть легким: *Contact <...> for simple, part-time, virtually painless jobs* (Rowling).

2. Работа – явление, имеющее некоторые атрибуты. Этот когнитивный признак, безусловно, является онтологически субъективным, и субъективный характер в нем выражен в максимальной степени по сравнению с предыдущими признаками, так как выделение каких-либо атрибутов работы в каждом конкретном случае уникально, в зависимости от того, какой атрибут является важным для человека. Однако благодаря анализу, удалось выделить следующие атрибуты: время, место, инструменты, спецодежда, пустой желудок, физическое здоровье, отсутствие помех, подходящие погодные условия, хороший сон, а также соответствующее моральное состояние субъекта труда.

II. Группа аксиологических признаков разделяется на два блока: первый объединяет концептуальные признаки с положительной оценкой труда, а второй – с отрицательной. Это связано с тем, что, как и любой другой культурно значимый концепт, занимающий немаловажное место в сознании людей, «труд», отражая разные мнения, обладает внутренним противоречием.

Блок 1. Концептуальные признаки с положительной оценкой труда

1. Труд – явление, поддерживающее жизнь: *She worked to keep him and May alive* (Bragg).

2. Труд дает здоровье: *For years she's known this secret to health. Hard work* (Kay).

3. Труд дает удовлетворение и счастье: *Then came his pleasure... the field in which he had lived for that day was proof in use and beauty of his work: undeniable* (Bragg).

4. Труд дает силы: *...and the hard work would give us a good appetite, and make us sleep well* (Jerome).

5. Труд отвлекает от проблем: *...to work harder to attack the origins of the fear* (Bragg).

6. Отсутствие труда — отрицательное явление: *Back to his work, too, for in the end he felt that hunting on a Monday – a working day – not a holiday in anybody's book – was a waste* (Bragg). *I'm nothing without work. Nothing! No man is* (Bragg).

Блок 2. Концептуальные признаки с отрицательной оценкой труда

1. Труд опасен для здоровья, что видно из примеров, показывающих, что он старит и от него можно заболеть: *...he looked younger – 'he never works', that's why* (Bragg); *...she was in danger of disease from overwork* (To Let).

2. Труд может вызывать скуку: *"That's very sweet of you, dear, but it's dull work," said Mrs. Weasley* (Rowling)

3. Труд усложняет жизнь, а его отсутствие делает ее легкой: *He had an easy life – never done any work!* (Galsworthy).

III. Группа социально обусловленных признаков

1. Трудовая деятельность зависит от социального положения. В свете социального положения релевантно разделение труда на физический и умственный¹. *I saw that Mrs. Strickland had forgotten that she had ever done anything so disgraceful as to work for her living* (Maugham).

2. Труд – гендерно маркированное явление. Дифференциация сфер деятельности проходит по гендерному признаку: *She was young, she had energy, she could fit her work in between the requirements of mothering and helping with the business* (Cheek).

3. Труд – возрастно маркирован, что видно из примеров: *«Oh, such a little sweetie and does housework! Amazing!» — Sally seemed favorably impressed* (Kay). *Give hard work its due. If it hadn't been for the fact that she walked <...>, if it hadn't been for <...> the cooking, the cleaning, the oldest woman in Scotland would not be alive today* (Kay).

В результате исследования в данном разделе было выделено 17 признаков. Среди предложенных нами типов концептуальных признаков у концепта «труд» преобладают аксиологические (55 %) над онтологическими (30 %) и социальными (15 %). Объяснить данный факт можно тем, что явление «труд», в связи со своей природой, втягивающей человека в деятельность, не может не вызывать эмоции. Человек, осмысливая явление труда, оценива-

¹ Здесь речь идет о трудовой деятельности с целью заработка.

ет его, причем положительная оценка преобладает над отрицательной в соотношении 6:3.

Изучение **фразеологического** фонда для исследования концепта необходимо, поскольку он, будучи национально специфичен, хранит систему ценностей, общественную мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Поэтому фразеологический материал помогает выявить национально-культурную специфику концепта «труд» в британском обществе, а именно:

а) связанные с трудом стереотипы (стандартные, суперфиксированные и суперустойчивые мнения, измеряющие деятельность той или иной социальной группы или индивида (Токарев 2003));

б) квазисимволы (слова, обозначающие не референты, а идеи. Например, в русском языке как квазисимвол труда выделяется спина, ср.: Хватать – не носить, спина не болит. Мыть полы – не жалеть спины, а также хомут, хребет, пуп, живот, мозоли) (Токарев 2003);

в) ценностные характеристики концепта «труд».

Реферируемое исследование основывается на рассмотрении фразеологических единиц коммуникативного характера, или паремий, в соответствии со структурно-семантической классификацией А. В. Кунина (Кунин 1996), где разграничиваются фразеологические единицы (далее — ФЕ) коммуникативного (поговорки и пословицы) и некоммуникативного (фразеологические сочетания и др.) характера.

В ходе исследования фразеологического материала был применен *лингвокультурологический анализ* «фразеологического языка», предложенный В. Н. Телия (Телия 1996). С его помощью выявляется культурно-национальная специфика концепта.

Идеографическая параметризация концепта на данном материале показывает наличие у него трех компонентов: процесс деятельности, субъект труда и результат труда.

В состав компонента **«процесс труда»** входят 53 ФЕ, согласно методу идеографической параметризации, представляющие собой таксономические сетки концепта: наличие / отсутствие труда; качество труда; тяжесть / интенсивность труда.

Полученные таксономические сетки заполняются наподобие анкеты, что и позволяет получить отражение культурных ценностей нации сквозь призму фразеологии. Ценностный смысл ФЕ будет определяться, вслед за Л. Б. Савенковой и В. А. Никольской, с опорой на глубинную логическую структуру, представленную логемой – «сформулированных средствами языка обобщающих исходных мыслей, объединяющих группы

конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, которые выявляются в пословично-поговорочном фонде» (Савенкова 2002). Следуя данному методу, логемы выводятся путем свертывания содержания пословицы до минимальной пропозициональной структуры.

Рассмотрим наполнение каждого пункта в приведенной выше таксономической сетке посредством выведения логем.

1. наличие / отсутствие труда. В этой группе труд в основном раскрывается в противопоставлении с ленью, где выделяются следующие пропозиции:

1. меньше слов, больше дела (6 ед.): *Least said, soonest mended.*

2. необходимо делать дело в положенное время, вовремя (6 ед.): *Make hay while the sun shines.*

3. лучше не откладывать работу (4 ед.): *Never put off till tomorrow what you can do today.*

4. абсолютно ничего не делать – плохо (4 ед.): *By doing nothing we learn to do ill.*

5. дело – самое главное (3 ед.): *Business is the salt of life.*

6. некоторые пользуются результатами чужого труда (2 ед.): *One man makes a chair and another man sits on it.*

7. при желании человек может выполнить любую работу (2 ед.): *You never know what you can do till you try.*

8. невозможно все уметь (2 ед.): *No living man all things can.*

9. необходимо чередовать работу и отдых (1 ед.): *All work and no play makes Jack a dull boy.*

2. качество труда представлено в пропозициях:

1. спешка снижает качество (5 ед.): *More haste, less speed.*

2. не следует братья за все сразу (4 ед.): *A man cannot whistle and drink at the same time.*

3. в труде следует полагаться только на себя (3 ед.): *God helps those who help themselves.*

4. следует работать добросовестно (1 ед.): *A cat in gloves catches no mice.*

3. тяжесть / интенсивность процесса труда выражается пропозициями:

1. необходимо постоянство в труде (5 ед.): *Constant dropping wears away a stone.*

2. разрушать легче (1 ед.): *It's easier to pull down than to build.*

3. вместе легче трудиться (1 ед.): *Many hands make light work.*

4. женский труд бесконечен (1 ед.): *A woman's work is never done.*

Компонент «**субъект труда**» насчитывает 30 ФЕ, содержание которых можно свернуть до 8 пропозиций:

1. показатель мастерства работника – результат труда (9 ед.): *The work shows the workman.*
2. болтуны являются лентяями и порицаются (7 ед.): *The tongue of idle persons is never idle.*
3. работник должен уметь обращаться с инструментом (3 ед.): *A bad workman finds fault (quarrels) with his tools.*
4. каждый должен заниматься своим делом (3 ед.): *The cobbler must (should) stick to his last.*
5. каждый профессионал имеет свое мнение (2 ед.): *Two of a trade never (seldom) agree.*
6. обозначение чрезмерности (2 ед.): *Too much water drowned the miller.*
7. применение ремесла для себя (2 ед.): *The cobbler's / shoemaker's wife is the worst shod.*
8. заработок зависит от работника (1 ед.): *The labourer is worthy of his hire.*

Компонент «**результат труда**» насчитывает 45 ФЕ. Его представляют следующие логемы, выраженные пропозициями:

- 1) для получения результата необходимо приложить усилия (16 ед.): *No gain without pain. No cross, no crown.*
- 2) труд предшествует прибыли (5 ед.): *Don't count your chickens before they are hatched.*
- 3) результат зависит от начала (5 ед.): *Well begun is half done.*
- 4) результат зависит от качества работы (4 ед.): *As you brew, so you must drink.*
- 5) кто не старается, тот ничего не имеет (3 ед.): *Nothing seek, nothing find.*
- 6) качество пропорционально знанию и опыту (3 ед.): *Zeal without knowledge is a runaway horse.*
- 7) нужно доводить дело до конца (2 ед.): *The end crowns the work.*
- 8) для достижения хорошего результата необходимо делать что-либо одно (2 ед.): *If you run after two hares, you'll catch none.*
- 9) бесполезная деятельность – плохо (2 ед.): *Don't carry coals to Newcastle.*

ФЕ как коммуникативного, так и некоммуникативного характера выражают положительную оценку явления «труд». Однако во второй группе больше ФЕ с отрицательной оценкой.

Итак, на основании рассмотрения всех компонентов концепта «труд» можно констатировать, что квазисимволами трудового процесса могут являться такие виды деятельности, как: принятие

пищи (*As you brew, so you must drink*), сельскохозяйственные работы (*As you sow, so you reap*), охота (*First catch your hare, then cook him*). Следовательно, квазисимволами результата труда являются пища и добыча. Квазисимволами работника являются: кошка (*A cat in gloves catches no mice. The cat would eat a fish and would not wet her feet*) и руки (*Many hands make light work*). Квазисимволом лени является язык (*The tongue of idle people is never idle*). Существуют стереотипы: труд – это тяжело; что плохо начато, плохо закончится; лентяи болтливы; хорошие работники немногословны.

Таким образом, анализ английской фразеологии позволил определить национально-культурную специфику восприятия труда англичанами. В британском социуме труд – это благо, а лень – грех. Безделье и бездельники порицаются. Положительно оценивается труд в положенное время, неспешный, постоянный, чередующийся с отдыхом в конце недели. Ценным качеством хорошего работника является его умение обращаться с инструментом и знание своего дела. Английский рационализм находит выражение в поощрении только совершенного труда в случае достижения полезного практического результата, который видится в приложенных усилиях, знаниях, постоянстве, потраченном времени, старании и сосредоточении на деле.

Почти все рассмотренные ФЕ выражают положительную оценку явления «труд». Данный факт объясняется основной функцией ФЕ данного типа – дидактической, показывающей положительную роль труда.

Концептуальные исследования предполагают проведение ассоциативного эксперимента и опроса информантов методом анкетирования, посредством чего возможно выявление прототипических черт труда в сознании носителей британского варианта английского языка, а также определение аксиологического статуса концепта «труд». Эксперимент и анкетирование были проведены с помощью системы Интернет и непосредственного опроса информантов. В ассоциативном эксперименте носителям языка предлагалось назвать три слова, которые приходят им в голову, когда они видят / слышат слово *work*. Задачей анкетирования являлось продолжение фразы «*Work is...*». В исследовании приняли участие 102 информанта в возрасте от 19 до 52 лет. Для чистоты эксперимента в равных долях были отобраны респонденты, занимающиеся физическим и умственным трудом. Представленность гендерных групп также была примерно равной: 49 мужчин и 53 женщины.

Анализ данных **ассоциативного эксперимента** позволяет условно сгруппировать полученные ассоциации в несколько групп, которые перечисляются далее в порядке убывания частоты ассоциатов. Работа вызывает у британцев следующие ассоциации:

- деньги (лексема *money* встречается наибольшее количество раз – 17, а также лексемы *income, pay, rewarding, salary, making/ me/ rich*), в том числе и их недостаток (*under-paid, income gap*);
- время (*time* (данная лексема лидирует – она употреблена 9 раз), *time consuming, hours, payday, overtime, day, night, early mornings*);
- рабочие предметы и обязанности (*computers, papers, reading, travel, baguettes, Wading/ Through/ Custard, Sore ears, Tea, revision, desk, alcohol, sit down*);
- негативные ассоциации (*boredom, I HATE IT!, PLEASE HELP ME!, bored, God Dam Prison, headaches, pain, unappreciated*);
- уклонение от выполнения своих служебных обязанностей (*play, avoidance, solitaire, chatting, cigarette break, Give/Me/Beer, slacking, No More Work*);
- коллеги (*shitty coworkers, Dave, friends, people, ignorant and incompetent staff!, CANT STAND BOSS!*);
- положительные ассоциации (*fun, exciting, worthwhile*);
- тяжесть (*hard, effort, sweat*);
- профессии и знания (*profession* (2 раза), *knowledge*);
- необходимость (*necessary, necessity, duty*);
- место работы (*dairy, office*).

Прежде всего следует отметить, что многозначное существительное *work* было воспринято в значении «*what a person does to earn a living; employment*». Что касается аксиологического статуса работы, то акцентируются негативные аспекты трудовой деятельности.

Результаты **анкетирования** показали равновесие отрицательного и нейтрального в труде для британцев 38/ 40 (*Work is dull. Work is an unfortunate necessity*) vs (*The product of the force on an object and the distance through which the object is moved (when force is constant and motion is in a straight line in the direction of the force)*). Вместе с тем наличие негативной оценки труда в данном задании «разбавляется» положительными высказываниями (24), появляются ассоциативные связи с приятными явлениями, например, высказывается мысль о том,

что работа должна приносить удовольствие (*Work is worth it if you like what you are doing. Work is very much like making love to a beautiful woman*).

Труд в языковом сознании британцев обладает такими прототипическими чертами, как работа, деньги и время. Перечисленные черты подвержены гендерному влиянию: вышеуказанный порядок следования верен для мужчин, в то время как для женщин на первом месте деньги, затем работа и время.

Если говорить об аксиологическом статусе труда, то отношение к нему представителей британского социума можно определить как баланс отрицательного и нейтрального при некотором наличии положительного. С гендерных позиций практически нет никаких различий. Однако распределение оценки труда варьирует в свете возрастного фактора. Замечена следующая закономерность: чем старше человек, тем более положительно его отношение к труду.

Поскольку для англичан труд – это прежде всего работа, то представляется небезынтесным узнать их мнение о **плохой работе** (здесь речь идет о наемном труде). С этой целью был проведен опрос на соответствующем форуме в Интернете на тему «*What's the worst job you have ever had?*». В результате был получен 71 ответ. Среди респондентов было 35 мужчин и 36 женщин в возрасте от 16 до 58, зарабатывающих на жизнь как физическим, так и умственным трудом.

В результате можно сделать вывод о том, что у британцев гендерные и возрастные характеристики не накладывают существенного отпечатка на прототип самой плохой работы. Релевантными оказываются социальные характеристики. Для людей с невысоким социальным положением прототипом самой плохой работы можно признать физический, грязный, монотонный труд наемного работника со строгим начальством в начале карьеры. Для людей с относительно высоким положением, не зарабатывавших физическим трудом, самая плохая работа имеет такие прототипические черты, как: монотонность, наличие проблем в коллективе.

Обзор объявлений о найме показывает, что в глазах работодателя работник должен обладать такими прототипическими чертами, как опыт, коммуникабельность (о чем свидетельствует высокий рейтинг таких качеств, как общительность, умение работать в коллективе, доброжелательность), умение обращаться с техникой, лидерские задатки (энергичность, амбициозность, инициативность,

уверенность в себе, мотивированность и умение мотивировать людей к работе), общее развитие (знание компьютера, умение водить машину, лингвистические способности), порядочность (наличие рекомендаций, честность).

Результаты анализа фактологического материала, извлеченного из художественной литературы, демонстрируют следующую метафорическую концептуализацию труда, представленную в порядке убывания. Для выражения данной метафоры употребляются существительное *work* и его синонимы с предикатами и атрибутами, характерными для человека.

1. **Труд – живое существо** (30 %, онтологическая)¹: *I shall probably find some work **awaiting** me* (Doyle); *...and my business **came** to me instead of my having to go to it* (Christie).

2. **Работа – предмет** (18 %, онтологическая): *... and when she was able **to take** a job...* (Galsworthy)

3. **Труд – некое помещение** (16 %, ориентационная): *You'll **walk into** a teaching job in Scotland* (McDermid).

4. **Труд – вещество** (9 %, онтологическая): *His work indeed **filled** his day, or rather it made of it a structure into which he climbed to ride through the minutes and hours and weeks of toil, full pelt* (Bragg).

5. **Труд – нечто страшное и враждебное** (6 %, онтологическая): *...and **unafraid of toil*** (Potter, 82); *... and this time he **attacked** his work resolutely* (Wells).

6. **Труд – водоем** (5 %, онтологическая): *...said the painter, **deep in his work*** (Wilde);

7. **Труд – некая сила** (5%, онтологическая): *...since **labour** will be regarded as a delocalised and fluid **force**...* (Wells).

8. **Труд – наслаждение** (3 %, структурная): *Philip had **enjoyed** his work...* (Maugham).

9. **Работа – опора** (3%, онтологическая): *...he'll **hold to** his present work, and go and live along with my sister* (Dickens).

10. **Работа – мусор** (2%, онтологическая): *...to take and **hull away** a day's work* (Dickens).

11. **Труд – наука** (2%, структурная): *...he should **learn the business** thoroughly* (Maugham).

12. **Труд – пища** (1%, онтологическая): *... work was **a source**, for some the only one, which could **nourish** those who fed it* (Bragg).

Резюмируем.

¹ В скобках указана доля метафоры из общего числа примеров в процентах и ее тип.

1. Концепт «труд» является трехкомпонентным фреймовым сценарием с ядром и периферией у каждого компонента. Образная и понятийная составляющие концепта соответствуют ядру, а ценностная – периферии концепта.

2. Концепт «труд» не обладает четкой структурой: в ядре концептуальные слои и признаки структурированы достаточно четко, а на периферии – слабо. Ядерные концептуальные слои и признаки по объему больше периферийных.

3. Труд для британцев – это прежде всего зарабатывание денег. Концепт «труд» имеет положительный аксиологический статус. Замечена взаимосвязь уровня представленности концепта и его оценки: на национальном он полностью положителен, а на индивидуальном оценка роли труда понижается.

4. Среди концептуальных метафор в английском языке при вербализации концепта «труд» преобладают онтологические и ориентационные в связи со стремлением сознания представить труд в материальном виде. Главной является метафора персонификации.

Литература

Банкова Л. Л. Концептуальные признаки труда (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – Вып. 2 (11). Тамбов, 2007. С. 41 – 45.

Маковоз Л. Л. К вопросу о представленности тематической группы профессий в английской фразеологии // Социальные варианты языка. Материалы международной научной конференции 22-23 апреля 2004 года. – Нижний Новгород, 2004. – С. 161-164.

Маковоз Л. Л. Концепт «труд» в романе Мелвина Брегга «Батрак» // Художественный текст: варианты интерпретации // Материалы IX межвузовской научно-практической конференции 20-21 мая 2004 года. Вып. 9. Бийск, 2004. С. 232-233.

Маковоз Л. Л. Компонент «производитель действия» фреймового сценария «труд» // Сборник научных трудов аспирантов Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — Вып. 6. — Нижний Новгород, 2005. — С. 28-31.

Маковоз Л. Л. Некоторые аспекты рассмотрения лингвокультурного концепта «труд» // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 24. Н. Новгород, 2005. — С. 93 – 105.

Маковоз Л. Л. К проблеме дифференциации терминов «понятие» и «концепт» // Язык. Речь. Речевая деятельность // Межвузовский сборник научных трудов. Вып.7. Н. Новгород, 2004. – С. 113-116.

Банкова Л. Л. Подходы к рассмотрению концепта «труд» // Каразинские чтения: Иностранная филология — поиск молодых // Международная научная конференция 17 мая 2005 г. – Харьков, 2005. – С. 16 — 21.

Банкова Л. Л. К вопросу об анализе концептов (на примере компонента «процесс действия» фреймового сценария «труд») // Каразинские чтения: Иностранная филология — поиск молодых // Международная научная конференция 17 мая 2005 г. — Харьков, 2005. — С. 21 — 26.

Банкова Л. Л. Ассоциации, связанные с концептом «труд» у представителей британского социума // Материалы четвертой всероссийской научной конференции (Computer-Based Conference). — Н. Новгород, июнь 2005. — С. 20

Банкова Л. Л. Концепт «труд» — фреймовый сценарий? // Лингвистические основы межкультурной коммуникации // Международная научная конференция 1-2 декабря 2005г. — Н. Новгород, 2005. — С. 33 — 35.

Банкова Л. Л. Метафорическая концептуализация абстрактного понятия «труд» // Язык. Речь. Речевая деятельность // Межвузовский сборник научных трудов. Вып.8. Н. Новгород, 2005. — С. 49 — 56.

Банкова Л. Л. Концепт «труд» в британской языковой картине мира // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук// Материалы Всероссийской научно-практической конференции 15 — 16 февраля 2006 г., Киров. С. 164 — 165.

Банкова Л. Л. Вербализация концепта «труд» в английском языке // Обучение иностранным языкам: настоящее и будущее// Сборник материалов и тезисов докладов XII межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2006. С. 42-46.

Банкова Л. Л. Прототипические черты труда в сознании представителей британского социума // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. — 2006. — Вып. 2. — Электрон. Журн. — Режим доступа: <http://evcppk.ru/article.php?id=36>

Банкова Л. Л. Образ хорошего работника в британском обществе первой половины XX века // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. — 2006. — Вып. 2. — Электрон. журн. — Режим доступа: <http://evcppk.ru/files/pdf/189.pdf>,

Банкова Л. Л. Метафоризация труда в виде живого существа// Художественный текст: варианты интерпретации // Материалы XII межвузовской научно-практической конференции 18-19 мая 2007 года. Вып. 9. Бийск, 2007. С.232-233.

**С.А. Тимощенко
(Краснодар)**

ДОМ

В данной работе рассматриваются способы репрезентации концептуальной информации о доме на лексическом, фразеологическом, ассоциативно-вербальном и текстовом уровнях.

Концепт ДОМ строится на основе лексического значения ключевого слова, его номинирующего, и относится к многоуровневым сложным концептам. В структуре исследуемого концепта возмож-

но выделение нескольких смысловых уровней (ДОМ-здание, ДОМ-жильё, ДОМ-семья и т.д.), последовательность, содержание и значимость которых переосмыслена в поэтическом пространстве русского романа и КМ М.И. Цветаевой по сравнению с соответствующим визуальным концептом.

Комплексное исследование концепта ДОМ предполагает три этапа: первый – анализ визуального концепта; второй – анализ концепта в коллективно-авторской ХКМ (на материале романских текстов XIX – н. XX вв.); третий – анализ текстового индивидуально-авторского концепта.

Первый этап позволяет построить на основе данных различных словарей (включая фразеологические) семантическое поле лексемы *дом*, номинирующей анализируемый концепт, охарактеризовать наивные представления о доме, выявить содержание концепта ДОМ как единицы ментального лексикона. При этом важным является анализ прецедентных текстов, поскольку они считаются ценнейшим наследием, в котором отражается видение мира, национальная культура, верования русских людей. Соединение в сознании носителей языка ядерной части концепта с определенным лексическим и фразеологическим выражением не означает наличия ключевого слова в составе фразеологической единицы (ФЕ). Возможны другие проявления концептуальной сущности ФЕ в её лексическом составе: употребление однокоренных слов, синонимов данного концепта; обнаружение логического единства анализируемой ФЕ и ФЕ, включающей концепт на лексическом уровне, при отсутствии каких бы то ни было слов, близких по значению к концепту.

Второй этап призван описать структуру и содержание концепта ДОМ в картине мира русского романа. Важность этого этапа определяется, на наш взгляд, значимостью изучаемого материала, поскольку романские тексты рассматриваются в качестве переходного явления от коллективной языковой картины мира к индивидуально-авторской художественной картине мира (их можно считать коллективно-авторскими образованиями), поскольку в силу особенностей жанра романы являют синтез авторского творчества и народных представлений о жизни. Выбор материала для исследования обуславливает последовательность и специфику исследовательских процедур, включающих составление картотеки контекстов, в которых реализуется лексема *дом* в различных её значениях; рассмотрение лексической сочетаемости базового слова; построение текстовых полей, в которых воплощается концепт; выявление путей представления концептуально

значимой информации; анализ семантического развития слов-репрезентантов концепта.

Новой по сравнению с предыдущим этапом является последняя исследовательская процедура, цель её – проследить динамику смысловых планов, специфику текстовых экспликаторов концепта.

Данные, полученные в результате двух этапов, позволяют реконструировать два фрагмента картины мира, отражающих одно и то же явление действительности, выявляют особенности видения дома усредненным носителем русского языка, подготавливают заключительный этап – анализ специфики авторской художественной картины мира.

Третий этап (исследование текстового лексического индивидуально-авторского концепта) предполагает составление картотеки контекстов, в которых реализуется лексема *дом* в различных её значениях; определение лексической сочетаемости базового слова; анализ парадигматических «приращений» лексемы *дом* в поэзии М.И. Цветаевой; построение ассоциативно-смыслового поля «дом» и выявление экспликаторов концепта ДОМ; сопоставление структуры индивидуально-авторского (текстового) концепта и соответствующей лексемы; описание содержательной структуры концепта ДОМ, его ядерных и периферийных слоев.

В качестве заключительного шага вводится сопоставительный этап, который в предложенном в работе варианте концептуального анализа включает сопоставление конкретной индивидуально-авторской художественной картины мира с коллективно-авторской и коллективной картинами мира и выявление в результате таких действий не только общенациональной культурной основы, но и «приращенных» значений лексических единиц, свидетельствующих о развитии концепта в картине мира М.И. Цветаевой.

К настоящему времени описаны базисные категории пространства, то есть религиозно-мифологическая, философская, языковая картины мира [Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Г.Д. Гачев, Е.С. Кубрякова, Л.А. Николина, В.Н. Топоров, Е.С. Яковлева и др.]. Дом, внутренне ограниченное пространство в пространстве, воспринимается как материализованное воплощение духовных, этических, эстетических, социальных идеалов и представлений. Это безопасное пространство, где человек развивается как культурное существо. Люди осмысливают свое положение в мире и определяют свое поведение во многом через оппозицию «дом – антидом» (границы круга объектов и ценностей, включенных в сферу «своего» и «чужого» пространства). Домашний уклад

сам по себе является воплощением традиции, поэтому его признание / непризнание в качестве одной из важнейших ценностей национальной жизни стало выражением социальной, нравственной позиции личности [Арсеньев 1959, Бердяев 1990 и др.].

В связи с этим *дом* характеризуется 1) как физическое тело, ограниченное стенами и крышей (закрытое – открытое, трехмерное, предметное, т.е. заполненное вещами); 2) как антропологическое место физического и душевного комфорта; 3) как антропоцентричное пространство [Бабенко 2004]; 4) как пространство, способное к изменению (расширяющееся – сужающееся, конкретное – абстрактное, реально видимое – воображаемое) [Николина 2003].

Приведенные в главе мифолого-философские трактовки *дома* раскрывают связь понятия *дом* с самыми существенными сторонами человеческой жизни, что нашло отражение в ЯКМ. Для того чтобы очертить круг лексем, репрезентирующих концепт ДОМ в языке, проанализированы словари синонимов и словообразовательные словари. Сопоставительное изучение словарных статей нескольких различных толковых словарей позволило наиболее полно раскрыть семантику лексемы *дом*, а изучение словарных статей РАС способствовало выявлению некоторых дополнительных компонентов интерсубъективного смысла концепта ДОМ, которые не были отмечены в толковых словарях, однако присутствовали в языковом сознании русских и отражали не только семантику, но и прагматический и синтагматический аспекты этой единицы.

Анализ словарных дефиниций выявляет следующие ядерные ЛСВ лексемы *дом*: 1) «здание, строение»; 2) «жилое помещение»; 3) «семья; люди, живущие вместе» («хозяйство отдельной семьи»); 4) «династия, род»; 5) «учреждение, предприятие».

Лексико-семантическое поле «дом» в русской ЯКМ имеет ядро, околоядерную зону (116 единиц) и периферию (80 единиц), которые выделяются на основе частотности употребления; поле включает лексико-семантические группы (ЛСГ), отражающие основные словарные значения ключевой лексемы. Точное количество лексем, образующих семантическое поле «дом», как и репрезентантов концепта ДОМ, назвать сложно, поскольку концепт (результат индивидуального познания) является нежестко структурированной единицей и не может быть выражен в речи полностью.

Ядерными элементами семантического поля лексемы *дом* следует признать денотативные семемы, выступающие в качестве основного значения и представленные следующими лексе-

мами: *здание, жилище, семья, род, учреждение*. Первые три базовые лексемы являются полеобразующими. Околоядерную зону поля ключевой лексемы *дом* составляют нейтральные и эмоционально окрашенные слова с эксплицитным выражением идеи дома: дериваты и гиперонимы слова *дом* и слов-синонимов. Однако их объединяет обязательный для этой группы слов признак – «актуальность для современной общественной жизни» [Попова, Стернин 1989]. Анализ синонимов и дериватов как репрезентантов содержательных компонентов концепта ДОМ позволил выявить «потенциальные» семы, которые могут актуализироваться во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях: 'архитектурное сооружение', 'благоустроенное / неблагоустроенное жильё', 'временное / постоянное жилище', 'отсутствие дома', 'сделанный в доме', 'уединение', 'смерть', 'прирученный, не дикий', 'жильцы', 'родство', 'духовная связь', 'уют', 'свое пространство', 'родина', 'традиции'.

К периферии семантического поля «дом» относятся слова с имплицитным выражением идеи дома, устаревшие малоупотребительные слова (41 дериват, что составляет 45% от общего числа дериватов-существительных всех ядерных лексем), а также слова, употребляемые не в основном значении.

Особенностью семантического поля лексемы *дом* следует считать отсутствие четких границ между ядром, околоядерной зоной и периферией, о чем, например, свидетельствует наличие общих лексических единиц, входящих в ЛСГ «типы жилищ», «типы зданий», «дом-семья».

Экспликаторы коллективного **концепта ДОМ** отличаются богатством семантических и стилистических нюансов, наиболее полное представление о которых дает анализ ассоциативных связей лексемы *дом*. Центр ядра концепта ДОМ отражает семантика ключевой лексемы *дом*, именующей концепт. С целью определения единиц поля концепта ДОМ использовались данные РАС, анализ которых показал, что наиболее частотными являются ассоциации *родной* 12, *большой*, *мой* 4, *в деревне*, *кирпичный*, *крыша*, *с мезонином*, *семья* 3. Важным оказывается представление о *родном* доме. В этом проявляется следующий концептуальный признак дома – **особого духовного, личного пространства**.

Дом может иметь различные пространственные характеристики: квартиры в высотном строении городского типа (*город, городской, московский, квартира, высокий, многоэтажный, огромный*) или частного (собственного) дома в деревне (*деревня, частный, изба, хата, деревянный*). Однако в любом случае родной дом – это *кров, очаг, уют*. Важным качеством дома носители русского

языка считают надежность, защищенность (*кирпичный, крыша 3, забор, защита, калитка, каменный, камень, убежище 1*). Исходя из этого можно выделить важный концептуальный признак дома – **быть защищенным пространством**.

В представлении русских дом, помимо надежности, должен быть красивым, теплым, уютным, гостеприимным (*красивый, тепло 2, гостеприимный, очаг 1*) и обжитым (*семья 3, жилой 2, жизнь 1*) пространством, важным качеством которого является наличие / отсутствие душевности (*гостеприимный*), поэтому дом (*домик*) воспринимается по-разному: *родной (очаг, родина, убежище) – казенный, барак – тюрьма*. Часто на слово *дом* появляются реакции, называющие части дома, которые закрепляют представление о доме как **ограниченном и особым образом структурированном пространстве**.

По данным РАС, доминирующим для современного носителя русского языка является представление о доме-квартире. Немаловажными аспектами при этом считаются размер, месторасположение, тип дома, в котором находится квартира, и тип квартиры, уровень комфортабельности, безопасность жилища. Дом в деревне конкретизируется как *избушка, хата (деревянная, ветхая)* и ассоциируется с родственными связями, сменой поколений, но это *покинутый* отчий дом.

Анализ ядерных лексем показал, что для носителей русского языка важными представляются такие признаки и составляющие дома, как: 1) номинации жилья: *хата, изба, избушка, дача, квартира* и др.; 2) пространственная характеристика: *большой, маленький, небольшой, в деревне, на окраине* и др.; 3) способность быть «своим» пространством: *родной, мой, наш, свой*; 4) материал, качество жилья: *старый, деревянный, красивый, белый, светлый, новый, садовый, тепло*; 5) способность быть жилым пространством, зачастую созданным руками человека: *жилой, построить, строить, родители, дети*; 6) «назначение» быть защищенным пространством: *крепость, убежище, защита, кирпичный, крыша, надежность* и др. Дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному [Степанов 1997].

Периферию поля концепта ДОМ составляют единичные ассоциаты, которые в вербальной памяти носителей русского языка репрезентируют образ дома и семьи.

В языке находят свое выражение системы ценностных ориентаций, лежащие в основе различных культур, поэтому **фразеологический уровень языка**, связанный с наивной КМ, как нельзя лучше отражает «стереотипы народного самосознания» [Гелия

1996]. На основе анализа данных русской фразеологии выявлены основные **признаки узуального концепта ДОМ**, в структуре которого выделены смысловые уровни, соответствующие основным словарным значениям ключевой лексики: ДОМ-здание, ДОМ-жилище, ДОМ-семья (хозяйство семьи), ДОМ-учреждение.

Реконструируемое на материале фразеологии поле «дом» в русской ЯКМ имеет ядро (289 единиц), околоядерную зону (76 единиц), ближнюю (85 единиц) и дальнюю (292 единицы) периферии и включает следующие фактуальные микрополя ФЕ: 1) «типы жилищ, строений»; 2) «типы помещений внутри дома»; 3) «пространство, окружающее дом»; 4) «детали дома»; 5) «семья» («жильцы дома»); 6) «предметы домашнего обихода» («быт дома»); 7) «проживание в доме» («бытие в доме»).

Ядро фразеологического поля «дом» складывается из всех наименований зданий, учреждений, жилищ и обитающих там людей (членов семьи), ведущих свое хозяйство, из которых родовым будет лексема *дом*, а видовыми – лексемы *постройка*, *овин*, *баня*; *жилище* (*жильё*, *жило*), *изба* (*избушка*), *хата* (*хатка*), *терем*, *хоромы* (*хоромышки*, *хоромины*, *хоромцы*), *палата*, *дворец*, *именье*; *гроб* (*домовина*, *домовище*, *могила*, *земляночка*); *монастырь*, *церковь*, *тюрьма*, *темница*, *кабак*; *двор*; *Москва*; *хозяин* (*хозяйка*), *домочадцы* и др. Поскольку концепт ДОМ в русской фразеологии представлен большим количеством неравнозначных экспликаторов, в его структуре выделяется околоядерная зона, содержащая в своем составе нейтральные и эмоционально окрашенные слова с эксплицитным выражением идеи дома (дериваты слов-синонимов и гипонимы лексики *дом*, а также компоненты со значением «части дома», «внутренние пространства и границы дома», «бытие в доме»), которую составили важные с точки зрения репрезентации концептуальных смыслов ФЕ. При этом общее значение фразеологизма так же, как в ядре, соответствует внутренне ограниченному пространству, близкому к человеку: *переступить (перешагивать) (через) порог; дверь в дверь; В большом углу сами живем, а печь да полати внаём отдаём* и др.

Намного шире лексического в русской фразеологии представлены компоненты «жильцы дома», «хозяйство семьи», «части жилища», «могила».

Если рассматривать ситуацию в целом, негативных оценок дома в пословицах больше, чем позитивных (119 и 42 случая из 310 употреблений, что составляет 39 % и 14 % соответственно). То есть отрицательный опыт чаще отражается в ЯКМ, видимо, как более сильный по воздействию на человека.

Ближнюю периферию составляют ФЕ без «домового» компонента, но с цельным пространственным и другими словарными значениями лексемы *дом*, которые создаются за счет образности, обусловленной экстралингвистическими факторами. Важную роль здесь играют ФЕ с упоминанием видов жилья животных (*конурка, печурка, лукошко, гнездо, короб, хлевок, закута, стойло*), которые имеют невыраженное значение «всем необходим свой дом» (*И крот в своём углу зорек; Дай бог и кошке своё лукошко! И псу конурка, и коту печурка* и др.). Соотнесение типа жилья и значимости его обладателя расширяет пространство дома до пределов родины (*Всякая птица своё гнездо хвалит* и др.). Номинирование дома человека через жилище животного не несет в русской фразеологии негативной коннотации, актуализируя сему 'по хозяину и жилище'.

Дальнюю периферию составляют ФЕ с «домовым» компонентом, но без целостного пространственного значения. При помощи метафоры концептуализируются следующие качества субъекта и сферы его жизнедеятельности: поведение (*отказаться от дома, не ко двору, от ворот поворот; выставлять за ворота; выносить сор из избы* и др.), эмоциональное, душевное состояние человека (*лезть на стену, ходить из угла в угол, как у себя дома* и др.), образ жизни (*сидеть в четырех стенах, закрыть (запереть) душу на замок, отбиваться от дома* и др.), оценка характера и способностей субъекта (*ума палата; У него чердак без верху: одного стропильца нет; Из семи печей хлебы едал* (т.е. опытный) и др.), а также выражается пространственная и временная близость (*медвежий угол, стоит у ворот, стучаться в дверь, с порога* и др.).

Лексикографические данные в системе русской фразеологии существенно дополняются благодаря образной составляющей концепта ДОМ и анализу сочетаемости слов-репрезентантов. В русских поговорках дом – *полная чаша, гнездо, яма*, олицетворение *порядка* (в противовес *содому*), *корень* всего.

Базовыми оппозициями для характеристики дома в русской фразеологии являются «свой – чужой», «хозяин – гость», «богатство – бедность», «лень – трудолюбие», «порядок – беспорядок», «жизнь – смерть», «дом – дорога» и др.

Выстраивание системных отношений в рамках отдельных ЛСГ фразеологизмов, связанных с домом, задается определенной культурной парадигмой. В большинстве ФЕ концепт ДОМ предстает как общечеловеческая утилитарно-практическая и духовная ценность. При этом ФЕ репрезентируют следующие концептуальные признаки: 1) ДОМ – пространство, населенное людьми (огра-

ниченное, но свободное); 2) ДОМ – личное пространство (закрытое, сокровенное, дающее силы); 3) ДОМ – защищенное, укромное пространство (уютное); 4) ДОМ – обжитое пространство (родное, близкое); 5) ДОМ – существо (живое, изменчивое); 6) ДОМ – духовное пространство (семейный очаг, средоточие традиций).

Единицы русской фразеологии показывают уважительное отношение к рачительному, набожному, честному, живущему в соответствии с народными традициями хозяину; осуждают поведение ленивого и нерадивого человека; указывают на важность строительства дома; дают представление о нравственных предпочтениях русского народа; подчеркивают главенствующую роль мужчины в традиционной русской семье, а также связь хозяина и дома; предписывают, как следует вести хозяйство. Можно сказать, что в концепте ДОМ русский народ воплощает извечное стремление к надежности, стабильности, поэтому в ЯКМ исследуемый концепт связан с концептами СЕМЬЯ, УЮТ, ДОБРО, ГОСТЕПРИИМСТВО.

Стереотипы массового восприятия, концентрируя в себе все богатство частных любовных переживаний, находят своё отражение в русском романсе. Однако, несмотря на приоритет эмоционального, в его поэтике немало бытовых деталей и подробностей, которые создают своеобразный вещный мир и становятся маркерами пространства. Для создания эффекта достоверности в словесную ткань романса вводятся бытовые детали (*Серый домик двухэтажный / в переулочке стоял...*), здесь представлен общий план дома, пространство перед домом и вокруг него и (фрагментарно) дано описание жилища изнутри. Пространство дома в романсе может быть реальным и воображаемым, оно определяется с позиции влюбленного и локализуется в определенных точках: *комната, у камина, беседка, калитка в сад, под окнами* и др.

На основании анализа наиболее частотных лексем были выделены следующие микрополя, связанные с пространством дома и составляющие ассоциативно-смысловое поле периферийного в картине мира русского романса концепта ДОМ: 1) «номинации жилища»; 2) «внешние границы дома»; 3) «внутреннее пространство дома»; 4) «семья»; 5) «пространство вне дома», которые объединены сквозной ассоциативно-тематической группой «эмоции, чувства».

Родной дом-жилище содержит преимущественно отрицательную коннотацию (актуализация семы 'бедность', восходящей к противопоставлению «богатство – бедность»), что связано с указанием на размер (*комнатушка, маленький, крошечка*), высоту (*низкий, мрачные своды*), а также на ветхость (*ветхий, убогий*),

однако только он, как «свое» пространство, наделяется способностью чувствовать, одушевляется (*Одинок стоит домик-крошечка, / Он на всех глядит в три окошечка...* (С.Любецкий)).

Лексема *жилище*, как синоним лексемы *дом*, выступает в качестве гиперонима по отношению к другим номинациям жилья человека (*терем, хата, изба, хижина, дворец, хоромы, квартира, шатер, лачужка*). Остальные лексеммы подразделяются по функционально-смысловому признаку на «дом святой» (*храм, обитель, келья, святилище*), «временный дом» (*кров, приют*) и «антидом» (*кабачок, каземат, тюрьма, темница*). Отмечено отсутствие четкой границы между ними, поскольку восприятие дома в романсе во многом обуславливается характером взаимоотношений героев. Дом может превратиться в *антидом* (он становится *тюрьмой*, если нет рядом «милого»), *храм чудесный* в какой-то момент становится проводником в ад, а *кабак* воспринимается как желанное жилище.

Значение концепта ДОМ в русских романсных текстах объективизируется разными языковыми средствами: ключевыми словами – *камин, рояль, окно, дверь, могила, дорога, сад*; ЛСГ с общим компонентом «комната», «границы дома», «семья», «пространство вокруг дома»; текстовыми и языковыми синонимами, а также ассоциативными группами «чувства», «растения» и «дорога».

Дом в романсных текстах – это *комнатка* или, чаще, – *уголок, окно (окошко) и дверь (крыльцо)*, что свидетельствует о жилище как пространстве укромном и одновременно фиксирует его открытость, на что указывают дорожка в сад, вид из растворенного окна и распахнутая дверь.

Средством языковой объективизации ближней периферии концепта ДОМ выступают слова *стена, окно, дверь, комната, ложе, камин, рояль, могила, семья*. Значение «граница дома» репрезентировано в романсных текстах лексеммами *стена, дверь, окно*, которые воспринимаются как бытовые реалии и как категории духовные: связаны с драматическими переживаниями героев русского романа, фиксируют границу между «своим» и «чужим», между добром и злом, являются знаком ожидания встречи.

Если авторы романсных текстов первой половины XIX века смотрят на пространство, близкое к человеку, сквозь призму общего взгляда, который почти не фиксируется на предметах, поскольку обращен во внутренний мир человека, то в поздних романсах детализация проявляется во внимании к мелочам, деталям быта, назначение которых – служить маркерами настроения и состояния души героев. Поэтому в ранних романсах преобла-

дают контекстные синонимы, составляющие ЛСГ «помещения внутри дома», а в поздних – лексемы ЛСГ «вещный мир дома» (предметы мебели и посуда).

Лексемы, номинирующие предметы вещного мира дома, наполняющие внутреннее пространство жилища, в романсных текстах получают дополнительную эмоциональную нагрузку и становятся словами-стимулами. «Слово-стимул, являясь обобщенным концептуальным отражением действительности, предстает как сигнал, направленный на регулиацию внутреннего и внешнего поведения лирического героя» [Хорошко 2004]. При этом предметы обстановки не только создают привычный мир домашности и уюта, но и служат передаче определенной (чаще минорной) тональности. Так, лексемы *камин* и *рояль* в романсах аккумулируют концептуальную информацию о доме и внутреннем мире героев и выступают в качестве атрибута угасшей любви и символа прошедшего счастья. При этом названные лексемы актуализируют семы 'забвение', 'прошлое', 'разлука', 'печаль', 'покой', 'любовь'.

Концепт ДОМ, представляя ядро языкового сознания народа, в романсных текстах XIX в. является фоновым и особым образом репрезентируется через значение «семья» в текстовых синонимах, характеризующих родителей лирического героя (героини) романса, а также лексемах, номинирующих людей по их отношению к предмету любви: 1) возлюбленный: *друг, дружок, жених, молодец, он*; 2) состоящие в браке с героем (героиней): *жена, женка; муж, муженек*; 3) соперник: *соперник, другой, соблазнитель, любовник, недруг*. Экспликаторы фиксируют отношения в семье и восходят к оппозициям «замужество – девичество», «воля – неволя», «любовь – ненависть», «жизнь – смерть», «любовь – смерть», «дом – антидом», определяющим бытие человека и отношения между людьми. Интересен факт отсутствия номинаций для женщины-соперницы, существование которой лишь имплицитно намечено в контексте воспоминания о причинах разлуки.

Термины родства и свойства, которые связаны с семьей 'отношения в семье', актуализируют скрытые смыслы 'желаемое' (счастье, радость, молодость, любовь, беззаботность, воля) и 'реальное' (печаль, грусть, старость, измена, ревность, заботы, неволя) и входят в микрополе «семья».

Наиболее значимыми природными атрибутами романса можно считать наименованиями «одомашненной» природы (цветов и деревьев), которые фиксируют пространство вокруг дома (*сад, аллею, улицу*) и определяют идею единства человека и природы. Например, увядание ассоциируется у лирического героя (автора)

с разлукой, изменой или печалью. Посредством лексем, номинирующих значение «дорога», и их смысловых «приращений» концепт ДОМ связывает в единое целое прошлое и настоящее, мечты и реальность, человека и его семью, близкое и далекое, имплицитно значение «жизнь человека» и входит в противопоставление *дом – дорога*, восходящее к оппозиции «покой (душевное спокойствие) – движение (неуспокоенность)». Лексема *песня* (ямщика) выступает как слово-стимул, напоминающий о прошлом, доме и близких.

Концепт ДОМ, представленный в русских романах XIX в., объединяет национальный и индивидуально-авторский компоненты, реализуется рядом традиционных для фольклора языковых средств и формирует представление о пространстве, близком к человеку, и о внутреннем мире русских людей.

Концепт ДОМ в художественной картине мира Цветаевой имеет следующие смысловые слои: 1) ДОМ-жилище (границы дома, помещения внутри дома, быт дома); 2) ДОМ-семья; 3) ДОМ-существо; 4) ДОМ – духовное пространство; 5) АНТИДОМ. Каждый концептуальный слой передает цветаевское видение пространства.

В поэтическом дискурсе слой **ДОМ-жилище** является наиболее богатым по числу экспликативов и представлен помимо базовой лексики многочисленными синонимами (*здание, кров* и др.), гипонимами (*жильё, квартира, комната*), метонимическими (*коридор, кухня, спальня, крыльцо* и др.) и метафорическими вариантами (*тело человека, сердце, душа, лодка, шкаф, диван, кресло, раковина, творчество, каштан, небо, гроб, свалочная яма* и др.).

Для репрезентации концепта ДОМ поэтесса пользуется не только прямыми номинациями лексики *дом* (наиболее интересен образ «волшебного» дома), но и упоминанием родовых понятий, номинациями структурных компонентов дома и явлений вещного мира: *зала (как столетняя зала внимает не каждый)*, другие наименования комнат (*столовая, кабинет, гостиная, детская*); камин (*Мы бы сели на ковре / У горящего камина*); рояль (*К утешениям друга-рояля ты ушла*); окно (*В одном из окон полудетский лик*), которые создают определенную атмосферу «домашности» в тексте. В позиции локализатора в поэзии М.И. Цветаевой активны существительные следующих ЛСГ: «жилые помещения», «внутреннее пространство дома». В содержательном плане концептуальный слой **ДОМ – особый духовный мир** является самым важным в представлении М.И. Цветаевой о доме. Наличие или отсутствие «духа дома» определяет отношение лирической

героини к дому-жилищу, дому-зданию и дому-семье (в поэтическом контексте наблюдается синкретизм концептуализации понятия).

Важную роль играют лексемы, номинирующие границы дома – *окно, дверь, порог, стена, крыша* и др. Они не только создают преграду (выполняют защитную функцию), но и отделяют дом от чужого пространства (лес, дорога), а также актуализируют важные смыслы ('духовная граница', 'грань между жизнью и смертью', 'творчество'). Причем иногда сама творческая личность является создателем дома с его границами, но он не предназначен для жилья – это Дом для поэтов, границы его размыты, переходят одна в другую (пол становится потолком, стена – коридором, да и количественные традиции постройки дома здесь также нарушены: три стены, бездонный дом).

В зависимости от актуализации тех или иных пространственных сем, в раннем творчестве М.И. Цветаевой можно выделить два образа дома: дом «свой» («волшебный» дом как пространство, внутренне близкое героине, дом детства) и дом «чужой» (временный дом как чуждое героине пространство), противостоящий дому-жилищу героини (памяти о доме детства). В позднем творчестве происходит смешение «своего» и «чужого» пространства. *Дверь, ворота, замок, ключ, окно, стены*, оберегающие дом как структурно-замкнутую и личностную целостность, меняют свою сущность, превращаясь в противоположности (ступени обманывают, окно не отражает жизни, пол оказывается дырой).

Внутреннее пространство дома в картине мира Цветаевой динамично, может расширяться (способность дана родному дому или творчеству как дому поэтов) и сужаться. Это вызвано, возможно, желанием *вырваться из стен*, ограничивающих жизнь человека или его взгляд на мир. Пространство жилища представлено описанием комнат, из которых наиболее частотной (39 словоупотреблений) и ярко представленной является зал (зала). Эта комната, как и весь дом детства, частью которого она является, наделяется способностью «переживать» человеческие эмоции, понимать состояние лирической героини и даже давать ей советы. Поэтому в творчестве М.И. Цветаевой лексема *зал (зала)* получает индивидуально-авторские «приращения» 'наперсница', 'связь поколений', 'волшебство', объединяя настоящее и прошлое (зала – хранительница памяти о прошлом дома и его жильцов), реальное и волшебное (мир взрослых и детей, день и вечер).

Важной составляющей пространственной характеристики дома является его горизонтальная организация. Векторы движения по отношению к дому различны: герои Цветаевой идут мимо дома

или в неопределенном направлении (13 случаев), из дома (14 случаев), но чаще всего они движутся (реально или мысленно) в дом или к дому (36 случаев). Отсюда трагедия лирической героини Цветаевой (да и самой поэтессы): силе её внутреннего стремления к дому, к семье и покою противостоят сразу две неизмеримо более сильные стихии: душа, которая *родилась крылатой*, а следовательно, не признает границ, и эпоха крушения прежних устоев, эпоха «мирового кочевья».

В позднем творчестве происходит трансформация вертикали: верх – низ, тьма – свет как знаковые характеристики дома (и антидома) смешиваются. В поэзии М.И. Цветаевой пространственная вертикаль направлена вверх (*с крыши на небо* и дальше – в *небесный дом*).

Классификация образных вариантов **домов-зданий** в соответствии с аксиологическими критериями автора позволяет выделить две группы, одна из которых репрезентирует сему 'духовный дом', а другая – 'не-дом (антидом)'. Причем лексемы, номинирующие «божий дом», объединены также семами 'высокий', 'восхождение', в то время как лексемы второй группы актуализируют семы 'нисхождение', 'тьма', что формирует у читателя подтекстовые ассоциации со смертью и могилой (вариантом антидома).

ДОМ-семья представлен в основном терминами родства и свойства, среди которых выделяются образы матери (идеализированный) и сестры. Для героини Цветаевой, как и для самой поэтессы, важна атмосфера дома, его духовный мир, который складывается из отношений между людьми, из окружающей обстановки, но обрести СВОЙ ДОМ ей так и не удается.

В поэзии М.И. Цветаевой, в отличие от картины мира усредненного носителя языка и коллективно-авторской картины мира, представленной романсным дискурсом, показан процесс превращения дома в антидом. Ощущение бездомности, ставшее знакомым для начала XX в., проявилось у М.И. Цветаевой не только в реальном отсутствии жилища, в ощущении глобального одиночества (без друзей – без семьи – без дома – без родины), но и во внутренней бездомности – восприятии дома как чуждого себе.

Все слои текстового авторского концепта ДОМ взаимосвязаны. Во-первых, ДОМ-жилище и ДОМ-семья представляют некое пространство, характеризующееся изменчивостью, и особый духовный мир (уют дома и традиции семьи). Во-вторых, эти слои концепта напрямую определяют ДОМ-духовный мир, наличие / отсутствие которого связано с принятием дома или его отрицанием (антидомом). Поэтому специфика цветаевского мировосприятия отражается в динамичности компонентов, особом взаимодей-

ствии концептуальных признаков анализируемого концепта. Переплетение быта и бытия, духа дома и жизни семьи, дома-здания и дома-семьи, определяющих собой историю дома-жилища, – вот составляющие синкретичного концептуализированного понятия *дом* в творчестве Цветаевой.

Соотношение содержания коллективной языковой картины мира (ЯКМ), коллективно-авторской художественной картины мира (ХКМ) и конкретной авторской ХКМ можно представить в виде таблицы:

ЯКМ русского социума (ассоциативный словарь)	ЯКМ русского социума (русская фразеология)	Коллективная ХКМ (романсные тексты XIX – н. XX вв.)	Авторская ХКМ (поэзия М.И. Цветаевой)
<p>1. ДОМ-здание - <u>размер</u> большой - <u>материал</u> кирпичный - <u>расположение</u> в деревне, в городе, на опушке, за углом - <u>созданный человеком</u> построим сами - <u>части дома</u> квартира, с мезонином, этаж</p>	<p>1. ДОМ-здание - <u>нежилое здание</u> кабак, церковь, собор - <u>хозяйственные постройки</u> ки овин, баня - <u>части дома</u> комната - <u>действия по отношению к дому</u> строить, купить, сдавать, стеречь, сжечь</p>	<p>1. ДОМ-здание - <u>виды зданий</u> храм, обитель, святилище, церковь</p>	<p>2. ДОМ-здание - <u>виды зданий</u> строение, храм, церковь, башня, собор, колокольня, часовня, заведение - <u>действия по отношению к дому</u> воздвигать, разрушить, плотничать</p>
<p>2. ДОМ-жилище - <u>виды жилищ</u> хата, изба, избушка, дача, квартира, вилла - <u>надежность, защита</u> крыша, забор, дверь, крепость, убежище</p>	<p>2. ДОМ-жилище - <u>виды жилищ:</u> <u>для живого человека</u> (изба, хоромы, палаты, хата, квартира, угол) <u>для мертвого</u> (могилка, домовина, гроб, яма, земляночка)</p>	<p>2. ДОМ-жилище - <u>виды жилищ</u> терем, хата, изба, хижина, дворец, хоромы, квартира, лачужка, кров, приют, могила, сырая земля - <u>границы дома</u> окно, дверь, стена, постель</p>	<p>1. ДОМ-жилище - <u>виды жилищ:</u> <u>постоянное жилище</u> (домик, дворец, замок, хата, трущоба, жильё, хоромы, землянка и др) <u>временное жилище</u> (дача, шатер, гостиница, угол, ша-</p>

<p><u>привлекательность, комфорт</u> красивый, шикарный, неудобный, клетка</p> <p><u>принадлежность кому-то</u> родной, мой, жилой</p> <p>- <u>атмосфера уют</u> тепло, очаг, гостеприимность</p> <p>- <u>бытие в доме</u> жить, прожить</p>	<p>для животного (гнездо конурка закута лукошко печурка стойло хлев)</p> <p>- <u>помещения внутри дома</u> терем, горница, повалуша; сени, чулан</p> <p>- <u>пространство вокруг дома</u> двор, ворота</p> <p>- <u>границы дома</u> стена, угол, дверь, окно, крыша</p> <p>- <u>бытие в доме</u> жить, гостить, тужить, горевать, плакать, любить и др.</p>	<p>- <u>внутреннее пространство дома</u> зала, светлица, комната, горенка, гостиная, камин, рояль</p> <p>- <u>пространство около дома</u> сад, дорожка</p>	<p>лаш)</p> <p><u>жилище мертвого</u> (гроб, могила)</p> <p><u>жилище животного</u> (гнездо, берлога, нора)</p> <p>- <u>внутреннее пространство: части дома</u> (лестница, коридор, чердак, балкон, угол, подвал)</p> <p><u>комнаты</u> (зала, комната, залец, гостиная, детская, передняя, столовая)</p> <p>- <u>границы дома</u> окно, стена, дверь, крыша, пол, потолок</p> <p>- <u>пространство вокруг дома</u> сад, крыльцо, ворота, двор</p>
<p>3. ДОМ-семья</p> <p>- <u>родство</u> дети, родители, родня</p> <p>- <u>отношения</u> ценность, традиция, дружба, любовь, союз, гармония</p> <p>- <u>отношение к дому</u> хозяйка, владелец</p> <p>- <u>вещный мир</u></p>	<p>3. ДОМ-семья</p> <p>- <u>родство</u> мать, отец, зять, детки, дед</p> <p>- <u>социальные отношения</u> жена, муж, господин, большак; мужик, барин</p> <p>- <u>отношение к дому</u> гость, хозяин, хозяйка, домоладцы; житель, жилец; сосед</p> <p>- <u>род занятий</u></p>	<p>3. ДОМ-семья</p> <p>- <u>родство</u> отец, папа, баба, тьюшка, родитель, мать, матушка, родимые; брат, сын, дочь, доченька, дети</p> <p>- <u>социальные отношения</u> жена, муж, женка, вдова; муженек</p> <p>- <u>несемейная жизнь:</u> возлюбленный</p>	<p>3. ДОМ-семья</p> <p>- <u>родство</u> мама, мать, мамочка, мать, дочь, дочка, сын, дети, отец, папа, сестра, брат, бабушка, дед, родные</p> <p>- <u>имена</u> (Аля, Ася, Сергей, Марина, Нина, Наташа и др.)</p> <p>- <u>социальные отношения</u></p>

	<p>(божедом, сидень, домосед, бездомник, сватья)</p> <p>- <u>вещный мир</u></p> <p>- <u>мебель</u>: (лавка, полаты, кровать, стол, печь)</p> <p>- <u>предметы быта</u> (коромысло, добро)</p> <p>- <u>хозяйство</u> (разорять дом, растрясти, сколотить, мести, печь)</p>	<p>(дружок, жених, молодец, он)</p> <p><u>возлюбленная</u> (девица, невеста, девушка, подруга, милушка, любушка)</p> <p>- <u>соперник</u> соперник, другой, соблазнитель, любовник, недруг</p> <p>- <u>отн-ние к Дому</u> гость, хозяин, хозяйка, жилец; сосед</p> <p>- <u>вещный мир</u> посуда, мебель, источник света и огня</p>	<p>семья, жена, муж</p> <p>- <u>отношение к семье, дому</u> гость, гостья, сосед, соседка, няня, хозяин, хозяйка</p> <p>- <u>быт дома</u> мебель; вещи, атрибуты дома</p>
<p>4.ДОМ-учреждение</p> <p>- <u>казенный</u> магазин, мод, школа, храм</p>	<p>4. ДОМ-учреждение сумасшедший, игорный, детский, публичный и др.</p>	<p>4.ДОМ-мир чувств</p> <p>- <u>дом</u> (горе, радость, надежда, мечта, нежность, душевное спокойствие, покой, забвение, печаль)</p> <p>- <u>сад</u> (надежда, счастье, тоска, грусть, воспоминание, одиночество)</p>	<p>4. ДОМ-духовный мир</p> <p>- <u>атмосфера дома</u> загадочность, хранилище традиций, памяти, уют</p> <p>- <u>бытие в доме</u> жизнь, жить, любовь, полюбить, не любить, разлюбить; одиночество, сиротство</p>
<p>5. ДОМ-родина</p> <p>- отчина, родина</p> <p>- <u>природа</u> (земля, дерево)</p>	<p>5. ДОМ-родина</p> <p>- <u>свой – чужой</u> за морем, в Москве, в дороге, на стороне, на Дону</p>	<p>5. ДОМ-существо глядит, одинок</p>	<p>5. ДОМ-существо</p> <p>- <u>как человек</u> (полууснувший, недобрый, старый, бессонный, внимать, с видом скуки,</p>

			шепнуть, поманула, обманула) - как зверь (мало домашний, по-медвежьему, по-оленьи рогатый)
6. АНТИДОМ - барак, тюрьма	6. ДОМ-существо - ДЕЙСТВИЯ пляшет, не велит, умирает - СОСТОЯНИЯ сиротлив, вдов, рад, весел, здоров	6. АНТИДОМ - кабачок, тюрьма, келья, каземат, темница	6. АНТИДОМ - вокзал, тюрьма, кабак, каземат, клетка, гроб, казарма, келья, барак, подвал, госпиталь
	7. АНТИДОМ кабак, тюрьма, келья		7. ДОМ-родина Трехпрудный переулок, город, Москва, Россия, Чехия
	8. Дом-работа - второй дом		8. ДОМ-учреждение царев дом воспитательный, Божий дом, высокосветское заведение для девиц

Сопоставление трех реконструированных фрагментов картин мира позволило выявить универсальные черты и индивидуально-авторские «приращения» концепта ДОМ в творчестве М.И. Цветаевой. Национальная специфика исследуемого концепта, отраженная в авторской художественной картине мира, состоит в восприятии дома как своего пространства, укромного и надежного, а также пространства одухотворенного, наполненного миром семьи, людей, живущих в нем. Это и хранилище памяти о прошлом, о событиях, чувствах, о предках. Кроме того, в творчестве поэтессы получила развитие фольклорная идея превращения дома в антидом. Сопоставление с романским видением дома выявля-

ет сходство в восприятии атмосферы дома, мира чувств и состояния влюбленного человека в художественной картине мира поэта.

Итак, текстовый авторский концепт ДОМ имеет сложную организацию в картине мира Цветаевой. Представления о доме, зафиксированные в языковой картине мира русского народа, можно считать основой для авторского концепта ДОМ, но в творчестве Цветаевой они по-своему переосмыслены и развиты, что свидетельствует об индивидуальности представленного фрагмента художественной картины мира.

Подведем основные итоги.

1. В сложной многоуровневой структуре концепта ДОМ находят отражение древние мифологические представления, философское видение дома, прямые номинации объекта реальной действительности, ассоциативный и метафорический уровни мировидения. Образ дома, который представлен в сознании носителей русского языка, находит свое отражение на различных языковых уровнях (лексическом, фразеологическом). Единицы лексико-фразеологической системы (и паремии в том числе) фиксируют представления русского народа о данном пространственном образовании как о средоточии духовности, традиций, особого патриархального уклада жизни, который является основой ментальности нации. Основным принципом языковой репрезентации пространства во фразеологии выступает дихотомия.

В картине мира русского социума ДОМ представлен следующими концептуальными признаками: 1) дом – пространство, населенное людьми; 2) дом – личное пространство человека; 3) дом – защищенное, укромное пространство; 4) дом – обжитое пространство; 5) дом – живое существо; 6) дом – духовное пространство.

2. Русские романсные тексты являют синтез индивидуальной творческой манеры поэта – автора текста и стереотипы восприятия любовных коллизий, а также народно-поэтическое видение ситуации, представленной в произведении. Несмотря на приоритет эмоционального, в поэтике русского романа немало бытовых деталей и подробностей, которые создают своеобразный вещный мир и становятся маркерами пространства, помогающими запечатлеть важные мгновения человеческой жизни.

Ядерный слой коллективно-авторского концепта ДОМ представлен базовыми компонентами значения лексемы *дом*. Значение «дом-жилище» в романсных текстах в первую очередь репрезентируют номинации с общим семантическим компонентом «граница дома», а значение «дом-семья» – лексико-

семантическая группа «родные». Фиксируя пространство дома и отношения в семье, экспликаторы восходят к оппозициям «девичество – замужество», «воля – неволя», «верность – предательство», «любовь – ненависть». Лексемы, номинирующие предметы вещного мира дома, в романсных текстах получают дополнительную эмоциональную нагрузку и становятся словами-стимулами.

3. Структура и содержание индивидуально-авторского концепта ДОМ, репрезентированного в произведениях М.И. Цветаевой, в основном соотносятся с семантической структурой базовой лексемы *дом*, которая в поэтических текстах интерпретируется в соответствии с особенностями мировидения творческой личности (происходит перераспределение словарных компонентов лексемы *дом*: «жилище» – «здание» – «семья» – «учреждение»). Нерасчлененность репрезентации «приращенных» значений в поэтическом контексте творчества М.И. Цветаевой является одним из проявлений авторской концептуализации.

4. Специфика авторского текстового концепта ДОМ заключается не только в индивидуально-авторских смысловых «приращениях» (*дом-творчество, дом-каштан, дом – свалочная яма* и др.), но и в наличии у концепта как основы универсальных и национально-специфических (коллективных) черт, которые в тексте особым образом моделируются, переосмысляются языковой личностью (*дом-могила, дом-душа, антидом* и др.). Степень универсальности или индивидуальности элементов содержания концепта устанавливается посредством сопоставительного анализа семантического наполнения структурных элементов концепта, реализующихся в русской фразеологии и в текстах романсного жанра, в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой.

Литература

Тимощенко С.А. «Окно» как авторский концепт в поэзии М.И. Цветаевой // Модернизация отечественного педагогического образования: проблемы, подходы, решения: Сб. научн. тр.: Ч. II. «Технологические основы образовательного процесса в современной высшей школе». – Таганрог, 2005. – С. 229-234.

Тимощенко С.А. О лингвориторических возможностях индивидуально-авторского концепта «дом» (на материале поэзии М.И. Цветаевой) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. научн. тр.: Вып. 7. – Сочи, 2005. – С. 127-135.

Тимощенко С.А. Концепт «дом» в картине мира русского романа XIX века // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения. Материалы 5-й межвузовской конференции молодых ученых. – Краснодар, 2006. – С. 370-376.

Тимощенко С.А. Соотношение коллективной и индивидуальной картин мира (на примере микрополя ДОМ-жилище) // Экологический вестник

научных центров Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). – Краснодар, 2006. – № 3. – С. 212-216.

Тимощенко С.А. Антиномия ДОМ – АНТИДОМ в поэзии М.И. Цветаевой // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Приложение. – Ростов-н/Д., 2006. – № 11 (92). – С. 340-347.

Тимощенко С.А. Фразеологические репрезентации концепта «дом» в русской языковой картине мира // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской: Вып. 3. – Курган, 2006. – С. 237-240.

Тимощенко С.А. Концептуализация понятия «дом» в русской паремии // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора: Материалы Второй Международной научной конференции (заочной), посвященной 80-летию профессора кафедры литературы Д.Н. Медриша. Волгоград, 16 апреля 2006 г. – Волгоград, 2006. – С. 223-231.

Тимощенко С.А. О концептуальном анализе как методе // Ключевые аспекты научной деятельности – 2007. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Днепропетровск, 2007. – № 7. – С. 57-63.

Тимощенко С.А. Особенности лексикализации понятия *дом* в русской фразеологии // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения. Материалы 6-й межвузовской конф. молодых ученых. – Краснодар, 2007. – С. 305-310.

Тимощенко С.А. Ассоциативно-смысловое поле ключевой лексики *дом* в русских романсах XIX века // Континуальность и дискретность в языке и речи: Международная научная конференция, посвященная памяти доктора филологических наук, профессора А.Г. Лыкова (17-20 октября 2007 г.). Труды и материалы. – Краснодар, 2007. – С. 239-241.

**Е.В. Илова
(Астрахань)**

ТЕАТР

Целью данной работы является определение понятийных, образных и оценочных характеристик концепта «театр», характерных для коллективного и индивидуально-авторского английского языкового сознания.

Представление о театре в сознании англичан характеризуется наличием существенных исходных признаков, которые и раскрывают понятийное содержание изучаемого концепта. Эти признаки репрезентируют театр как специальное место для представлений, характеризующееся такими знаковыми составляющими, как пространство, демонстрационные средства, драматургический продукт для представления, наличие участников театрального процесса.

Выявление составляющих тематического поля концепта «театр» позволило смоделировать фрейм, выделив в отдельные слоты различные виды номинаций (номинации устройства театра и сцены, номинации театрального топоса и локуса, номинации театрального процесса, жанров и форм театральных представлений, номинации игры актеров и персонала театра, а также номинации зрителей и их поведенческих и респонсивных характеристик). Наличие большого объема единиц, наполняющих выстроенный фрейм, говорит о том, что лексический уровень лингвосемиотического пространства концепта «театр» широко представлен лексемами, номинирующими различные объекты, субъекты, действия и процессы, совокупность которых представляет театральное действие. Кроме того, лексемы, составляющие лингвосемиотическое пространство театра, активно используются в различных видах дискурса (религиозном, политическом, педагогическом, бытовом), репрезентируя тем самым театральность. Наиболее яркие составляющие лингвосемиотического пространства театра и их словоупотребления были проанализированы в третьем разделе главы с целью выявления лингвистической основы для реализации концепта «театр» и определения проникновения лингвосемиотики театра в жизнь в виде театральности.

Анализ группы лексем *act / game / acting / play-acting / actor / play* показывает, что чаще всего их семантика, соотнесенная с притворством, ненатуральностью поведения и лицемерием, отрицательно маркирована в бытовом дискурсе, что репрезентируется в следующих контекстах:

His affability is a piece of acting. — Его любезность — это сплошное притворство.

- Don't take any notice of him — he's just playacting. — Не обращай на него внимания — он просто ломает комедию.

Семантические признаки первичной номинации лексемы «*game*» находятся в положительной области оценки (например, в спорте, где проходит честная борьба за приз, где спортсмен получает славу и т.д.). Однако при выделении признаков, отражающих свойства игры как социального феномена, выясняется, что они содержат отрицательную коннотацию, поскольку чаще всего игра в жизненной ситуации связана с притворством, обманом и лицемерием. Так, для достижения своей корыстной цели человек ведет нечестную борьбу по заранее разработанному плану (сценарию) и получает свой приз, славу или богатство нечестным путем. Таким образом, театральность, например, в политике (игра «предвыборная кампания») связана с манипулированием людьми и вызывает негативную оценку, о чем свидетельствуют многочисленные выражения, включающие данную номинацию — *Content to*

remain spectators, they cannot reasonably complain about the way the political game is played by those willing to suffer its tedium and its tensions. – Довольные своим статусом зрителей, они не могут пожаловаться на то, как ведется политическая игра теми, кто готов терпеть ее утомительность и напряжение. Тот же оценочный эффект достигается с помощью употребления атрибутов с отрицательной коннотацией: *dirty* (грязный), *double* (двойной, лицемерный, двуличный): *The Kambels were absolute pawns in a very dirty game*– Кэмбелы играли роль пешек в очень грязной игре.

В семантике глагольной лексемы “*to play*” можно обнаружить семантические доминанты, сходные с признаками в смысловой структуре номинативной лексемы “*game*”. В связи с театральностью становятся значимыми следующие значения: “*to perform* (a role) in real life” – «играть роль в жизни» (*She is playing an injured wife* – Она строит из себя обиженную жену), “*to manipulate for one’s advantage*” – «манипулировать ради личной выгоды» (*She played off her husband against her father*– Она направляли своего мужа на отца), “*to make a toy of another; use another without due regard for his or her feelings*” – «использовать другого как игрушку, не заботясь о его чувствах» (*He is simply playing with me* – Он просто использует меня); “*to feign a specified state or quality*” – «имитировать определенное состояние или качество» (*play dead* – притворяться мертвым); “*to perform or execute for amusement or to deceive or mock*” – «делать что-то ради развлечения, обмана или насмешки» (*play a trick*– сыграть шутку). Прямые значения проанализированных лексем (связанные с игрой на сцене) располагаются в положительной области оценки, тогда как значения социальные (вторичные) (относящиеся к игре как феномену социальному) содержат отрицательную коннотацию. Такая совокупность признаков указывает на негативное отношение общества к социальной игре.

В лексемах “*performance*” и “*drama*” имплицитны семы «зрелищность», «презентационность», которые не являются оценочно маркированными. Однако в семантике производных лексем “*dramatic*”, “*melodramatic*” и “*dramatize*” выявляются другие признаки театральности: «расчет нарочитости поведения, направленный на достижение эффекта» и «драматическая лжеэмоция»: *He led them down a small corridor, paused by a door, took out a huge bunch of keys, slowly, and deliberately, unlocked the door, and then, with a dramatic, indeed melodramatic, flourish, flung it open.* – Он провел их по небольшому коридору, остановился у двери, вынул огромную связку ключей, медленно отпер дверь, и затем драматическими, даже скорее мелодраматическими движениями, отворил ее.

Сфера употребления другой группы лексем *stage/ backstage/ scene* также выходит за рамки театрального дискурса. Они активно используются при описании жизненных ситуаций, репрезентируя тем самым театральность: *She was forced to the center of political stage.* — Ее заставили стать лидером на политической арене; *He hoped she would be civilized enough not to make a scene.* — Он надеялся, что она достаточно цивилизована, чтобы не устроить сцену; *The salesman's demonstration of the new cleanser was staged to make it appear highly effective.* — Демонстрация нового моющего средства была инсценирована так, чтобы оно казалось высоко эффективным.

Семантика лексемы "role" включает как прямые значения (связанные с областью театра), так и значения, определяющие поведение человека в жизненных ситуациях: *People talk about the role of chairman or chief executive as though these are clear definitive roles.* — Люди говорят о роли председателя или генерального директора так, как будто это очевидные, определенные роли; *He was playing the role of a victim just to attract attention.* — Он играл роль жертвы, просто чтобы привлечь внимание.

Лексема "curtain" принадлежит сфере театра, однако, в определенных значениях она имеет проекцию и в жизни. Например, в значении "device or agency that conceals or acts as a barrier" (*In his book he gave much thought to the iron curtain between the ego and the unconscious.* — В своей книге он много размышляет о железном занавесе, разделяющем эго и бессознательное) или "end", "death" (*It will be curtains for us if we're caught.* — Нам крышка, если нас поймают). Семантический признак «окончание», «смерть» связан с предназначением занавеса, который является средством отделения или скрывания актеров и декораций от публики, подобно тому, как смерть отделяет этот мир от загробного, или конец чего-то разделяет разные фазы или виды деятельности или события.

Другой важный знак театра – маска (*mask*) представляет собой обязательный атрибут театральности в конкретной ситуации общения. При этом наличие маски на коммуникантах не говорит об их неискренности, она служит своего рода защитой от внешнего вторжения во внутреннюю атмосферу общения, созданную коммуникантами. Кроме того, маска дает возможность самопрезентации. А поскольку коммуникация многообразна, то человек имеет возможность примерить разные маски, что и составляет театральность (*Cold anger made Bodie's face a mask of hatred, an evil, demonic mask, reflecting well the bitter anger inside.* — Холодный гнев превратил лицо Боди в маску ненависти, злую маску демона, которая отражала сильный внутренний гнев). Одна из самых распространенных причин ношения маски – нежелание показывать свое настоящее состояние (чаще всего депрессивное), чтобы не расстраивать окружающих или для сохранения приватности чувств и ощу-

щений (*Cassie felt bleakly sad and lonely, but she smiled equally upon all, and only let the mask slip in the privacy of Rose Cottage.* – Кэсси чувствовала грусть и одиночество, однако она всем одинаково улыбалась, она снимала свою маску, только оставаясь одна в доме Роуз).

Другая театральная лексема “lights/limelight” в жизненных ситуациях употребляется в переносном значении – «в центре внимания» (*John Denison was an architect who did not court publicity or revel in the limelight.* – Джон Денисон был архитектором и не признавал публичность и удовольствие от внимания людей).

Лексический анализ позволил заключить, что большая часть выделенных в лингвосомиотическом пространстве театра лексем употребляется и в бытовом дискурсе. Исследование семантики лексем позволяет сделать вывод о том, что глагольные лексемы, денотирующие действия по созданию актером образа на сцене (*act, play, perform, rehearse, pretend, represent, personate, portray, impersonate, dissemble, enact, act out, live over, simulate*) представляют собой особую сферу лексического уровня лингвосомиотического пространства театра и коррелируют с определенными комбинациями семантических признаков: “false”:: “true”, “deceptive” :: “true”, “conceal” :: “be sincere”, “insincerity” :: “sincerity”, “pretend” :: “be oneself”. Первые элементы комбинаций чаще всего вызывают резко отрицательную оценку в жизненных ситуациях, поскольку представляя неискреннее поведение, обман, притворство. При этом такая коннотация возникает при употреблении данных лексем именно в бытовых ситуациях.

В то же время анализ текстовых источников показал, что оценка действий, номинированных лексемами, зависит от источника оценки (т.е. субъекта или объекта), а также от ситуации контекста. Чаще всего притворство и обман оцениваются отрицательно объектом и положительно субъектом данного действия. Вместе с тем бывают случаи отклонения от такой тенденции, когда субъект сам оценивает свое действие неодобрительно, или, когда оба – и субъект, и объект, выражают положительную оценку действию.

Изучение дефиниций лексемы “hypocrisy”, на основе которых были выделены семантические признаки «притворство» (“pretense”, “feigning”); «неискренность» (“insincerity”); «поддельность, двуличность» (“falseness”); «симуляция, имитация» (“simulation”, “imitation”); «обман» (“deceit”), позволило заключить, что совокупность семантических признаков лексем, представляющих собой лингвосомиотическое пространство театра, совпадает с семантикой лексемы “hypocrisy” (лицемерие), что и определяет оценку действий, выраженных театральными лексемами, используемыми в жизненных ситуациях. В данном случае речь идет о театральности. В работе было выявлено, что компоненты смыслового

содержания лексем лингвосемиотического пространства театра обнаруживаются и в лексикографическом толковании лексемы «театральность» (theatricality), что позволяет говорить о глубоком проникновении театра в жизнь, и эта идея театральности жизни составляет лингвосемиотическую основу для развития коммуникации.

Таким образом, лингвистические знаки лингвосемиотического пространства английского театра, используемые в жизненных ситуациях, приобретают иные признаки: положительная коннотация лексем, употребляемых в сфере театра, чаще всего меняется на отрицательную в результате их проекции на социальные сферы. При этом элементы театральности выступают компонентами демонстрационной коммуникации, в которой они способствуют общению между воздействующим (актер) и воздействуемым (зритель). Эти элементы театральности способствуют формированию у воздействуемого определенного эмоционального отношения, которое приводит к его реакции и оценке. Другими словами, все, что происходит в процессе общения, можно сравнить с театральным действием.

Лингвистика театра, проникнув в жизнь, приобрела признаки двух видов оценки: положительной и отрицательной. Положительная оценка основана на таких общих свойствах театра и театральности, как зрелищность и самопрезентация, а основу отрицательной оценки составляют ненатуральность, нарочитость поведения, часто направленного на достижение определенного эффекта. Поэтому социальная игра, как средство влияния или воздействия с целью извлечения выгоды, вызывает неодобрение в обществе.

Концепт «театр» ассоциируется у англичан, в первую очередь, с концептами:

«жизнь» (*The 60th Fringe Festival is full of life and bursting with vitality!* – *Шестидесятый фестиваль Фриндж полон жизни и энергии!*);

«работа, деятельность» (*London Contemporary Dance Theatre leaps into action.* – *Лондонский Театр Современного танца начал активную деятельность; The company worked their socks off – they were absolutely superb.* — *Актеры полностью выложились – это было блестяще*);

«дом» (*The Sherman has two houses: main house – 468 seats and studio- 163 seats.* – *«Шерман» имеет два зала: основной насчитывает 468 мест и малый зал, который вмещает 163 места*);

«спорт» (*Bath – as with Edinburgh and Brighton, the other fringe contenders – has a competing festival at the same time (www.fringereport.com).* – Бат, наряду со своими соперниками Эдинбургом и Брайтоном, проводит фестиваль в то же самое время);

«аристократ» (*She paid a visit to the theatre regularly twice a week.* – Она наносила визит в театр регулярно дважды в неделю);

«волшебная страна» (*Kids Week will offer children between the ages of 5-16 the opportunity to experience the excitement and magic of London`s Theatreland for free!* – Дети 5-16 лет получают возможность испытать на себе волнение и волшебство театров Лондона бесплатно!);

«семья» (*It seemed to create that relationship, that tension between the audience and the performers which you got in the theatre, in the music-hall, but not usually in the cinema*);

«fun» (*The play is a real theatrical treat. We invite you to get crack-ing entertainment.* – Эта пьеса – настоящее удовольствие. Мы приглашаем вас отлично повеселиться);

«еда» (*Alan Bennett has served up Grahame`s creatures under his own sauce.* – Алан Беннет показал персонажей Грехема под своим собственным соусом);

«товар» (*The Theatre Royal, Plymouth, is about to send a highly commercial product into the West End.* – Королевский театр в Плимуте готов отправить кассовую постановку в Вест-Энд).

Рассмотрение образных характеристик концепта «театр» позволило разделить их на группы на основании характера признаков:

1. Статусные характеристики:

- «живой» (*Bath fringe was born after the rise, decline and demise of a series of happenings (www.bathfringe.co.uk).* — Фестиваль Фриндж в г.Бат зародился после подъема, упадка и прекращения деятельности нескольких театров); *Many shows in the programme really grabbed me and said “See me!”(www.uktheatre.net.).* – Многие шоу в программке завладели моим вниманием и как будто бы говорили: «Посмотри меня!»);

- «духовность» (*Steve Henwood is a founder of Bath`s Festival, who finds its soul (www.bathfringe.co.uk.* – Стив Хэнвуд является основателем фестиваля в г. Бат; человеком, который прочувствовал его душу);

- «влиятельность» (*It is the Assembly which leads the way in presenting commercial shows (www.uktheatre.net.).* – Театр «Эссембли» лидирует в постановке коммерческих шоу);

- «важность в обществе» (*These are the "biggies" – Assembly, Gilded Balloon and Pleasance (www.uktheatre.net.) — Три важнейших представителя сцены — это «Эссембли», «Гилдид Бэллун» и «Плэзэнс»*);

- «высокий социальный статус» (*It is the Assembly which leads the way in presenting commercial shows (www.uktheatre.net.). – Театр «Эссембли» лидирует в постановке коммерческих шоу*);

- «экспериментальность» (*The whole point of the Fringe is that it is a "laboratory" for experiment (www.uktheatre.net.). – Самое главное в фестивале Фриндж – это то, что он является экспериментальной «лабораторией»*);

- «исследовательский характер» (*The play explores the painful bonds between personality and maturity. – Пьеса исследует связь между индивидуальностью и зрелостью*);

- «творческий поиск» (*The theatre managed to create a high quality, meaningful experience for audience. – Труппе удалось создать высококачественную, выразительную постановку*);

- «деловая хватка» (*Leicester Haymarket was back in business after overcoming its financial problems (www.uktheatre.net.). – Театр Лестер Хеймаркет снова приступил к работе, преодолев финансовые проблемы*);

- «тотальность» (*This is surely what Total Theatre is about. – Это и есть Тотальный театр*).

2. Внутренние характеристики:

- «слаженная работа всех органов – актеров», «иерархичность» (*The poster contained the names of all the leading actors of the theatre. – На афише значились имена ведущих актеров театра*);

- «дружеская атмосфера» (*Together they create an atmosphere, an intimacy, like that I remember at parties when the generations mixed more readily. – Вместе они создают такую интимную атмосферу, которая, как я помню, царила на вечеринках, где легко общались разные поколения*);

- «таинственность», «сказочность» (*If theatre has any magic it's when that curtain comes down and there is that lovely separation. – Если театр и обладает волшебством, то это происходит в тот момент, когда занавес опускается и наступает разъединение*);

- «совместная деятельность» (*World Theatre Day is an occasion for all to celebrate the power of the performing arts to bring people together, and an opportunity for theatre people to share with their audiences a certain vision of theatre and its capacity to contribute to peace and understanding(www.iti-worldwide.org). – Мировой День*

Театра – это возможность прославить способность исполнительных видов искусства объединять людей, а также шанс для актеров разделить со зрителем определенное видение театра и его вклада в укрепление мира и взаимопонимания);

- «тесное общение» (*Theatre is about communication, and if no one understands it, then we've failed.* – Театр создан для общения, и, если никто этого не понимает, то мы потерпели неудачу);

- «духовная близость», «коллективность» (*The creative team of Karen Hebden and Stephen Edwards have had mixed fortunes* (www.uktheatre.net). – Творческая команда Карена Хэбдена и Стивена Эдвардса переживала взлеты и падения).

3. Эмоционально-эстетические характеристики:

- «удовольствие», «наслаждение» (*In spring and summer we've assembled a fine collection of theatrical surprises.* – Мы приготвили целую серию театральных сюрпризов на весну и лето);

- «волшебство», «чарующие силы» (*Kids Week 2007 is planning a fantastic fortnight of fun and activities with over 30 top West End shows and over 50 free events.* – Неделя детского театра 2007 представляет 2 недели веселья вместе с 30-ю шоу Вест-Энда и с другими бесплатными развлечениями);

- «положительные эмоции», «волнение» (*The theatrical season has been a source of pleasure and discovery for thousands of dedicated and first-time theatre-goers.* – Театральный сезон явился источником удовольствия и открытий для тысяч опытных и начинающих театралов).

- «чувственное восприятие» (*It's given these youngsters from Thamesdown Drama Studios their first taste of professional theatre.* – Это дало молодежи из Теймсдаун Драма Студиоз возможность в первый раз почувствовать особенности профессионального театра).

4. Пространственные характеристики:

- «ограниченность пространства», «замкнутость» (*From their early days of teenage they shared a mutual devotion to each other and a passion for the strange, hermetic world of theatre.* – С ранней молодости они были преданы друг другу и этому странному, непроницаемому миру театра);

- «уединенность», «ограниченная доступность», «закрытость от посторонних» (*Music and the theatre flourished as an escape from austerities and anxieties.* – Музыка и театр выступают убежищем от жизненной суровости и забот).

5. Ресурсные характеристики:

- «источник вкусовых ощущений» (*It's given these youngsters from Thamesdown Drama Studios their first taste of professional thea-*

tre. – Это дало молодежи из Теймсдаун Драма Студиоз возможность в первый раз почувствовать особенности профессионального театра);

- «игра воображения» (*Liverpool Children`s Festival needs performers to fill its imaginary city that appears magically for the day* (Patrick@liverpool-children-festival.org.uk) – Детский фестиваль в Ливерпуле набирает исполнителей в воображаемый город, который появляется на один день);

- «хорошая жизнь» (*He also knew how to live well by dining at expensive restaurants and going to the theatre*. – Он знал, как жить хорошо, ужиная в дорогих ресторанах и посещая театр);

- «воспитательное и судейское начало» (*The play is in fact an eloquent plea for human tolerance*. – Пьеса на самом деле является красноречивым обращением к человеческой терпимости. *Ayckbourn`s in-the-round production tutors young hearts*. – Постановка Эйкборна в театре «в кругу» поучает молодые сердца);

- «состоятельность» (*One of the RSC`s productions is a strong contender for the best of the year* (www.uktheatre.net). – Одна из постановок Королевского шекспировского театра претендует на звание лучшей в этом году);

- «угощение» (*Spend a night at our theatre and get the best theatrical treat!* – Проведите вечер в нашем театре и получите удовольствие (угощение)!).

Метафорические модели обратной направленности, представленные во втором разделе второй главы, раскрывают актуализацию концепта «театр» в различных видах дискурса. Жизнь в целом представляется как театр, периоды жизни – как действия в пьесе, люди в определенной ситуации являются актерами, которые исполняют роли в соответствии с общепринятыми нормами поведения (как в сценарии), что служит основой для положительной оценки. В случае нарушения этих норм происходит смена оценки на отрицательную, поскольку такое отклонение от нормы поведения связано с лицемерием и вызывает неодобрение и осуждение. Анализ текстовых источников показывает проекцию концепта «театр» на такие социальные сферы, как церковные обряды (*As the service progressed, so each candle was extinguished until one solitary candle, the sign of Christ, was left, a highly charged moment of pure theatre*. – По мере продолжения службы все свечи были потушены, за исключением одной, которая представляла Христа; все это было похоже на театр); спортивные мероприятия (*After its opening match, the theatre degenerated from high drama to farce*. – После первого матча драма сменилась фарсом); демонстрации и показы (*You can watch how to cook mushrooms*

and asparagus in the culinary theatre. – Вы можете увидеть как готовить грибы и спаржу в зале для демонстраций); лекции (The centre has also a lecture theatre and a lab. – В центре также есть лекционный зал и лаборатория); хирургические операции (In Britain surgeons and theatre staff rarely wear eye protection unless they wear glasses for their eyesight or are treating high risk patients. – В Британии хирурги и операционный персонал редко носят защитные очки, только в случае плохого зрения или при оперировании заразных пациентов) и области деятельности (The theatre of war slowly became enlarged. – Театр военных действий медленно расширялся).

Сравнительный анализ понятийных, образных и ценностных характеристик концепта «театр» в общенациональном и индивидуально-авторском сознании показывает, что принципиального различия между коллективным и индивидуально-авторским видением не наблюдается.

В работе проанализировано индивидуально-авторское представление театра в творчестве Уильяма Сомерсета Моэма через противопоставление мира актеров и мира других людей, не имеющих отношения к актерской профессии. Моэм детально изобразил жизнь актеров, раскрыв множество атрибутов актерской жизни, таких как слава, богатство, забота о внешности, излишнее внимание поклонников, сплетни и т.п. и показав, чем на самом деле является для них театр.

Он доказал, что театр – это реальная жизнь для таких людей, как Джулия. Только там они чувствуют себя сильными и счастливыми (“...to be inside a theatre rested her, nowhere was she so happy” (224) — ...она успокаивалась в театре, нигде она не была так счастлива), только там они реализуются как личности и находят гармонию (“They braced her like a tonic. Life acquired significance. She was about to step from the world of make-believe into the world of reality”. — Они действовали на нее как тоник, и жизнь становилась значимой. Она собиралась выйти из мира притворства и войти в реальный мир). Только театр помогает выжить тем актерам, которые сталкиваются с разочарованием в жизни, и тогда театр становится для них убежищем (“Julia was thankful that it would soon be time to go down to the theatre and so put an end for a while to the misery of that long day” – Джулия была рада, что скоро надо будет идти в театр и на время прервать страдания этого длинного дня). Все эмоции, которые они сдерживают в жизни, выражаются в полной мере в театре (“In ordinary life she tried to stifle a passion that she knew very well was ridiculous ... but when she came to this scene she let herself go. She gave free rein to her anguish... and the love she poured out on the man who was playing opposite to her was the love she still felt for Tom. The prospect of the empty life that confronted

the woman was the prospect of her own empty life.... She felt she had never played so magnificently". – В обычной жизни она старалась подавлять свою страсть, которая, по ее мнению, выглядела смешной... но, когда она играла ее в этой сцене, она не сдерживалась. Она перестала контролировать свои страдания ... и любовь, обращенная на ее партнера по сцене, была любовью к Тому. Перспектива опустошенной жизни у ее героини была созвучна ее собственной жизни. ... Она чувствовала, что никогда раньше не играла более впечатляюще). А это и есть для них жизнь. Данное представление театра актерами, описанное У.С.Моэмом, совпадает с метафорическим представлением театра как дома и убежища в коллективном сознании.

В настоящей жизни, наоборот, актеры часто ведут себя театрально, притворяются и играют (*"Julia gave a beautiful performance of unaffected modesty" (292). – Джулия разыграла блестящий спектакль неподдельной скромности*), не задумываясь об этом, постоянно вспоминая реплики и эпизоды из сыгранных пьес (*"... she wondered whether she had invented the aphorism or remembered it from some play she had once acted in" (145). — ... она пыталась вспомнить, придумала ли она сама этот афоризм, или воспроизвела его из одной из сыгранных ею пьес*). Похоже, что они – просто собирательный образ всех персонажей, которых им довелось сыграть (*You don't exist, you are only the innumerable parts you've played. I've often wondered if there was ever a you or if you were never anything more than a vehicle for all these other people that you've pretended to be.... Ты не существуешь в реальности, ты – это совокупность сыгранных тобой ролей. Я часто думал, а существовала ли настоящая ты, или ты всегда была просто средством передачи других людей, которых ты играла ...*).

При описании образных характеристик индивидуально-авторского концепта «театр» раскрылся психологизм театра, как его себе представлял Моэм. Автор видел причину, по которой люди любят наблюдать за разворачиванием событий на сцене, в том, что многие эмоции людей в жизни непривлекательны и неэстетичны, а актеры изображают их на сцене красиво; этим и привлекает людей театр. Кроме того, настоящий актер следит за людьми и анализирует их поведение в обычной жизни; он наблюдает за теми людьми, кто вечером станет зрителем и будет переживать те же чувства и страсти, но уже наблюдая, как красиво актер передает их на сцене.

Афоризмы представляют мир как театр, режиссируемый богом, в котором каждому отведена своя роль (*The world 's a theatre, the earth a stage Which God and Nature do with actors fill (Thomas Heywood). — Мир – театр, земля – сцена, Которую Бог и Природа наполнили актерами*). Жизнь каждого человека в целом – это тоже театр (*Day after day I sit in the theatre of my own life and watch the drama of my own history proceeding to its close. Pray God the curtain falls at the right mo-*

ment lest the play drag on into some long and tedious anticlimax (W.N.P.Barbellion). – День за днем я нахожусь в театре своей собственной жизни и смотрю драму своей жизни, которая близится к концу. Я молю Бога, чтобы «занавес в моей пьесе опустился» в нужный момент, иначе пьеса будет тянуться длительно и утомительно). В афористичном представлении жизнь выступает как театральная игра (*The true object of all human life is play. Earth is a task garden; heaven is a playground* (G. K. Chesterton). – Смысл жизни человека – в игре. Земля – это место работы, небеса – площадка для отдыха). Дом человека, его внутреннее устройство и все, что в нем происходит, похоже на театр и театральный спектакль (*Houses are like theater... What is played out in them may be comedy or tragedy, historical drama or farce; but no matter what is on the program for the day, every house has its exits and its entrances, its upstage and its downstage, its good seats and its bad seats and, all too often, its prompter's box in full use* (John Russell). – Каждый дом похож на театр... В нем может разыгрываться комедия или трагедия, историческая драма или фарс; но не зависимо от того, что сегодня в программе, в каждом доме у актеров есть выходы и уходы со сцены, задняя часть сцены и авансцена, хорошие и плохие места, и часто используемая будка суфлера). Различные сферы жизнедеятельности также характеризуются элементами театральности: *Today's restaurant is theater on a grand scale* (Marian Burros). Современный ресторан – это театр огромного масштаба. В некоторых афоризмах отмечается, что, если люди перестанут играть, то жизнь станет очень скучной (*God help us if we ever take the theater out of the auction business or anything else. It would be an awfully boring world* (Alfred Taubman). — Боже упаси нас извлечь театр из аукционов или других видов деятельности. Тогда мир станет ужасно скучным). Общество структурировано по законам театра (*Society is the stage on which manners are shown* (R.W.Emerson). – Общество – это сцена, на которой демонстрируют манеры. *Society is a masked ball, where every one hides his real character, and reveals it by hiding* (Ralph Waldo Emerson).

В проанализированных афоризмах ярко эксплицирована идея устройства мира как театра. Создание этого театра имеет сакральные основания и приписывается Богу, который распределил роли между всеми людьми, поэтому следует хорошо исполнять определенную тебе Богом роль для достижения его милости. Такое исполнение ролей не вызывает неодобрения со стороны общества, поскольку не включает в себя такие компоненты актерской игры как притворство, обман, неестественность, неискренность. При этом человек должен носить маску для защиты, т.к. только в этом случае он сможет говорить правду. Театральная игра делает жизнь интереснее, разнообразнее и не оставляет места скуке. В то же время часть высказываний связывают такую игру с лицемерным поведением в обществе, когда под масками

люди скрывают свое истинное лицо и намерения. Такое поведение вызывает негативную оценку и признается отклонением от нормы.

Ряд афоризмов, отражающих отношение англичан к театру, акцентирует большую реальность (эмоциональную неподдельность) театральной жизни по сравнению с искусственностью эмоций в жизни реальной: на сцене актеры живут настоящей жизнью, причем эта жизнь намного интереснее и, в отличие от людей в жизненных ситуациях, актеры не прячутся, не притворяются, а выставляют напоказ свою сущность: *Acting deals with very delicate emotions. It is not putting up a mask. Each time an actor acts he does not hide; he exposes himself (Jeanne Moreau).* – Игра актеров сопряжена с выражением эмоций. Она не связано с ношением маски. Во время игры актер не прячется; наоборот, он выставляет себя напоказ. Большая часть афоризмов раскрывает перенос лингвосемиотического пространства театра на жизнь. В своих высказываниях известные люди проводят аналогию между театром и жизнью. Больше всего в афоризмах представлены понятия, связанные с нарушением норм поведения, что выражается в притворстве, неискренности, ненатуральности и лицемерии (*With affection beaming in one eye, and calculation shining out of the other (Charles Dickens).* — Привязанность читается в одном глазу; холодный расчет – в другом).

Как важнейшая часть культуры театр приобщает людей к прекрасному, тем самым воздействуя на их этические, моральные, нравственные и духовные качества и способствуя гармоничному развитию личности. «Театр» является одним из важнейших концептов, затрагивающих культурную и духовную жизнь человека, воспитывающих его эстетические чувства. Все это позволяет говорить о театре как о ценности для английской культуры. Кроме того, театр является значимым для представителей данной культуры потому, что актерская игра или элементы театра проявляются в различных видах деятельности англичан. Театр, проецируясь в жизни в форме театральности, нормирует поведение англичан.

В оценочных суждениях зрителей и актеров театр связан с волшебством, чудом (*A wonder to behold (чудо, которое надо видеть); Enchanting in every respect (очаровательный во всех отношениях); Sheer theatrical magic (настоящее театральное волшебство); наслаждением (90 minutes of unalloyed joy (90 минут чистого удовольствия), удовольствием (A treat for everyone (удовольствие для всех), праздником (Irresistible feast (праздник, перед которым невозможно устоять), развлечением (Festive family entertainment of the very highest order (праздничное семейное развлечение высшего разряда).* Он является источником целой палитры эмоций (*Stunning and unforgettable (сног-*

шибательный и незабываемый); *Impressable* (безупречный)) и ощущение (*Spine-chilling; Jaw-droppingly good*) и процессом совместного творчества. Метафорическое высказывания зрителей сводятся к сравнению спектакля с драгоценностью, бриллиантом, сокровищем, золотом (*One of the jewels in the crown* (один из драгоценных камней в короне); *A treasure* (сокровище); *A 24-carat revival* (возрождение в 24 карата); с дорогим автомобилем (*A Rolls Royce production*); взрывом (*A big joyous explosion* (большой веселый взрыв), с мощным зарядом энергии (*A million kilowatt production* (постановка на миллион киловатт)), с путешествием (*Pleasure cruise; The play takes audience on a thrilling ride*), нокаутом (*Knock-out; It socks you between the eyes* (ударяет меж глаз).

Для актеров особое значение приобретает реакция зрителей (*The buzz of performance and applause at the achievement of something quite special. – Шум спектакля и аплодисменты после того, как ты сделал что-то особенное*), их эмоциональное состояние (*Watching people smile in the audience at something we have created. – Улыбки людей в ответ на то, что ты создаешь на сцене; Making them laugh and then cry. – Заставлять их смеяться, а потом плакать*), а также возможность взаимодействовать со зрителями (*The wonderful feeling of camaraderie that surrounds any production and being with talented people. – Прекрасное чувство товарищества в процессе театрального действия*).

Небольшое количество и отсутствие разнообразия лексики при выражении отрицательных оценок представлений (*The play was a failure*(*turned out a frost*) – Пьеса провалилась; *I found it rather disappointing* – Спектакль меня разочаровал) объясняется тем, что в английском обществе, как правило, не принято вслух отрицательно отзываться об увиденном, т.к. это не соответствует национально-культурным нормам.

Анализ оценочных суждений показывает, что такие элементы поведения актеров во время представления, как притворство, неестественность, игра, направленность на эффект, получают положительную характеристику.

В результате анализа оценочного компонента исследуемых фразеологизмов было выявлено, что нарушения нормы поведения в английском обществе выражают фразеологизмы, которые репрезентируют следующие характеристики:

притворяться в жизни (*mask oneself* (надевать, носить маску, личину); *be a play-actor* (пренебр. лицедей, неискренний человек); разыгрывать сцены, устраивать скандал (*make a scene* (scenes) = *stage a row with somebody* (устроить сцены, скандал);

шалить, озорничать (*play pranks* (разг. проказничать, выкидывать номера);

плести интриги, добиваясь корыстной цели (*make a play for smth/smb* (пытаться заполучить что-то или кого-то, часто используя план);

издеваться над кем-либо, обижать и оскорблять (*play a practical joke on somebody* (издеваться, насмехаться);

обманывать (*play on smb* (обмануть кого-то);

использовать в личных целях, в своих интересах (*play politics* (использовать ситуацию или отношения между людьми в личных целях);

вести нечестную игру (*play the race card* (распространять ложную информацию о противнике во время выборов);

представлять в лучшем для себя свете (*play smth up* (преувеличивать значение чего-либо для собственной выгоды);

быть слишком уверенным в своих силах (*play God* (вести себя слишком самоуверенно);

вести себя нелепо (*play around* (разг. вести себя глупо);

стремиться произвести эффект, позировать (*be a grand-stand player* (человек, бьющий на эффект, позер);

окончание жизни (или какого-то дела) (*the curtain falls* (жизнь подходит к концу);

бездельничать (*sit on one`s hands* (ничего не делать, сидеть сложа руки);

вести себя безответственно (*play fast and loose* (действовать ненадежно);

вести распутный образ жизни (*play about* (забавляться, флиртовать направо / налево, транжирить деньги);

характеризоваться отрицательно (*can`t act his way out of a rare bag* (юмор. о человеке, у которого не хватает ни энергии, ни способностей сделать что-либо).

Вышеперечисленные единицы представляют такие отклонения от нормы поведения как притворство, лицемерие, извлечение личной выгоды, достижение нужного эффекта или корыстной цели, обман, насмешка, нечестная игра, неискренность, неестественность, безответственность, распутство.

Следует отметить, что часть фразеологизмов также актуализируют и положительно оцениваемые в жизни элементы театра:

быть в центре внимания (*fill the bill* (быть единственным объектом внимания);

стать значимым (*play the first fiddle* (играть «первую скрипку», быть первым);

поступать справедливо (*play the game (вести себя в соответствии с правилами)*);

вести себя соответственно ситуации или другим факторам (*play smth by ear (определиться на месте, исходя их обстоятельств)*).

Некоторые знаки театра, такие как «в кулуарах» (*backstairs influence (закулисное, тайное влияние)*), *behind the scenes (curtain)* (разг. *тайно, негласно, вне официальной обстановки, за кулисами, в кулуарах*) или «исполнение ролей» (*enter into one`s role (войти в роль)*), *back seat (вторые роли)*), *act the fool* – (разг. *разыгрывать простачка*), выступают объектами оценки в зависимости от ситуации (могут вызывать как положительную оценку, так и отрицательную). Однако большая часть фразеологизмов характеризуют со знаком «минус» театральное поведение в той или иной жизненной ситуации.

Фразеологизмы и афоризмы представляют проекцию театра на жизнь и в определенной степени отражают систему ценностей английской лингвокультуры, в которой осуждается притворство (ношение маски, неискреннее поведение, вызывание эмоций или действий, выгодных для субъекта), разыгрывание сцен, плетение интриг для достижения корыстной цели, издевательство и оскорбление, обман, использование в своих корыстных интересах, ведение нечестной игры, чрезмерная самоуверенность, нелепое поведение, позерство, безделье, распутный образ жизни.

Анализ фразеологизмов, афоризмов, а также оценочных суждений о концепте «театр» позволяет заключить, что в современной английской лингвокультуре данный концепт рассматривается с двух точек зрения, и от этого зависит полярность его оценки (положительная или отрицательная).

Таким образом, театр как вид искусства, способствует развитию нравственных и моральных ценностей личности, эстетически обогащая жизнь и делая ее более эмоциональной и красивой. Нормы поведения актеров (притворство, игра, неестественность, наигранность), принятые в театре, вызывают положительные эмоции, тогда как эти же аспекты поведения, но проявляемые в жизненных ситуациях, вызывают негативное отношение и считаются отклонением от нормы.

Подведем основные итоги.

1. Понятийные характеристики концепта «театр» формируются на лингвосемиотическом основании и сводятся к таким знаковым составляющим, как пространство (здание театра, театральная площадка, сцена, кулисы, внутренние помещения); демонстраци-

онные средства (декорации, реквизит, костюмы, театральные эффекты, свет, звук); драматургический продукт для представления (пьесы различных театральных жанров); наличие участников театрального процесса (актеры, вспомогательный персонал, зрители, критики).

2. Концепт «театр» ассоциируется с такими доминантными для английской культуры концептами, как «жизнь», «деятельность», «дом», «спорт», «аристократ». Образные характеристики концепта представлены следующими признаками: «живой», «аристократизм», «удовольствие» (театр как живой организм); «семейность», «духовная близость» (театр как дом); «волшебство», «авантюризм» (театр как сказочная страна); «зрелищность», «коллективность» (театр как спорт). Образная составляющая концепта «театр» включает метафорические модели как прямой, так и обратной направленности (лекции – театр, показы – театр, военные действия – театр, области деятельности – театр, жизнь – театр).

3. Ценностными характеристиками концепта «театр» в британской лингвокультуре являются эстетизация жизни, психоэмоциональная компенсация жесткой самодисциплины англичан при помощи театрального зрелища, высокая значимость условностей актерской игры для английского национального характера и норм обиходного поведения англичан.

4. Концепт «театр» является значимым для английской лингвокультуры, т.к. благодаря его связи с театральностью, которая во многом определяет поведение англичан, он выступает своеобразным регулятивом поведения и представляет собой совокупность признаков достойного или недостойного поведения человека в зависимости от ситуации. В большинстве случаев в результате переноса театрального пространства на социальные сферы происходит смена положительной оценочной ориентации концепта «театр» на отрицательную в сознании носителей английского языка.

Литература

Илова, Е.В. Специфика метафоризации лингвокультурного концепта "theatre" // Гуманитарные исследования. № 3 (23). – Астрахань: Изд. Дом «Астраханский ун-т», 2007. — С. 35-40.

Илова, Е.В. Обусловленность некоторых понятий в языке особенностями национального характера (на примере оценочных характеристик театральной пьесы в Британии) // Современные проблемы науки, образования и производства : Материалы научно-практической конференции, г. Нижний Новгород, 15 апреля 2006г. – Нижний Новгород: НФ УРАО, 2006. – Т.1. — С. 166-168.

Илова, Е.В. Некоторые аспекты исторического формирования концепта «театр» в британской лингвокультуре // Альманах современной науки и образования (языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии): межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В.Рябцева. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. — Ч.2. – С.127-129.

Илова, Е.В. Концептуальный анализ прямых значений понятия «theatre» // Приоритетные национальные проекты: политико-правовое обеспечение: Материалы межвузовской научной конференции, г. Астрахань, 28 апреля 2006г. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – С.87-89.

Илова, Е.В. Специфика идиостиля как составляющая анализа концепта // Альманах современной науки и образования. № 3(3) (языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы). – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. – Ч.1. – С.96-97.

Илова, Е.В. Авторские ассоциации в концептуальном поле “theatre” (на материале одноименного романа У.С.Мозма) // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 6: сб. науч. тр. рос. и зарубежн. ученых. – Москва – Пенза: Пензенский государственный лингвистический университет, 2007. – С.184-190.

**Т.В. Салашник
(Саратов)**

ВРЕМЕНА ГОДА

Объектом предпринятого исследования являются концепты времен года «весна», «зима», «лето», «осень», «spring», «summer», «autumn», «winter» в аспекте их структуры, исторической динамики, функционирования в текстах художественных произведений, представленности в языковом сознании носителей русского и английского языков. Предметом исследования выступает национально-культурная специфика концептов времен года в русской и английской лингвокультурах.

Исследуя этноспецифические концепты, мы стремимся увидеть в их содержании культурные доминанты, принадлежащие национальному сознанию. Основными чертами русского сознания являются эмоциональность, открытость, всевосприимчивость, распахнутость, незавершенность, отсутствие четких оппозиций, упование на неизведанные возможности жизни, случай, созерцательность (А. Вежицкая, А.В. Сергеева, А.Д. Шмелев и др.).

Английскую ментальность отличают плюрализм и терпимость, английскому складу ума присущ традиционализм, консерватизм, умеренность в подходе ко всему, замкнутость, сдержанность, закрытость. Американская культура, с точки зрения Г. Гачева, определяется внутренней и внешней свободой для труда и изобре-

ния (Гачев 1988). Особенности английской и американской культуры также представлены в работах A. Hirsh (Hirsh 1988), Fishman J.A. (Fishman 1972, 1999), T. Mc.Carty, O.Zepeda (Mc.Carty, Zepeda 1999), A. Salmond (Salmond 1982), E. Tonkin (Tonkin 1982), J. Verschueren (Verschueren 1989), A. Wierzbicka (Wierzbicka 1992) и др.

Картина мира у каждого народа имеет свои особенности; они отражаются в языке, его структуре, ассоциациях, оценках, а также в содержании и строении базовых концептов. Культурологический подход акцентирует внимание на соотношении концепт – национальная культура (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, Г.В. Токарев и др.) Лингвокультура является особым типом взаимосвязи языка и культуры, который проявляется как в сфере языка, так и в сфере культуры и выявляется лишь в сопоставлении и сравнении с другой лингвокультурой (Т.Н. Снитко).

Беря за основу лингво-философскую теорию концепта В.В. Колесова, мы считаем, что в своем развитии концепт проходит путь через вершины концептуального квадрата: *conceptum* как зародыш (внутренняя форма) – образ – понятие (*conceptus*) – символ.

Структура концепта предопределяет методологию его анализа. Этимологический слой выявляется методами диахронического анализа на основе данных этимологических словарей; образный слой – психолингвистическими методами; понятийный слой реконструируется через анализ словарных и субъективных дефиниций с использованием метода компонентного анализа; ассоциативный слой концептов восстанавливается на основе данных общеязыковых тезаурусов русского и английского языков, ассоциативных экспериментов и текстов художественной литературы; оценочные компоненты фиксируются в составе образного, понятийного и ассоциативного слоев концепта.

Анализ этимологического слоя позволяет выявить архаический центральный образ, являющийся ядром, вокруг которого в диахронической перспективе формируются остальные слои концепта. Учет образов, кодирующих концепты времен года в сознании современных носителей языка (по данным проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента), дает возможность обнаружить образные ядра, носящие надындивидуальный, национальный характер. Результаты нашего исследования показывают, что в сознании древних и современных носителей русского языка ядерный образ времени года «зима» совпадает частично – *снег, буря /снег*. Внутреннюю форму славянской лексемы «лето» определяют образы *тепла* и *ливня*, а в современ-

ном представлении – *солнца*, что свидетельствует о расхождении центральных кодирующих образов данного концепта в диахронии. В славянской ментальности образным репрезентантом концепта «осень» являлся образ *урожая, жатвы*, в представлении современных носителей концепт стал кодироваться образом *листьев*. Видимо, у современных носителей языка происходит перекодировка сознания на созерцательное отношение к данному времени года. «Весна» в славянском представлении связана с образом *огня, света*, а в современном – с образом *воды*. Такое изменение центрального образа концепта «весна» связано с заменой мифологических представлений об этом времени года реалистическими.

Все архаические образы являются синкретичными, нерасчленимыми. В современном сознании носителей русского языка синкретизм образов сохраняется только у концепта «лето», где центральными выступают образы *солнца / тепла*.

В XI-XVII вв. в понятийном слое концептов времен года насчитывалось от 3 до 5 когнитивных признаков, вычленяемых на основе анализа значений полисемантических лексем («временной отрезок», «температурный показатель», «хозяйственная деятельность», «состояние человека», «пространственная характеристика»). Значения лексем, связанные между собой, отражали тесную связь мира природы с миром человека. В связи с этим понятийный слой концепта не имел четкой фиксации (например, зима – ‘время года’; ‘озноб’; ‘холод’; ‘север’). К XVIII в. количество значений лексем-номинантов времен года сокращается и репрезентирует два центральных компонента концепта: временной и антропоцентрический (весна – ‘время года’, ‘молодость’, лето – ‘время года, год’ ‘возраст, годы’, зима – ‘время года’, ‘старость’).

В современных словарных статьях понятийный слой концептов представлен когнитивными признаками «временной отрезок», «температурный показатель», «природные явления». Лексемы-репрезентанты концептов времен года стали однозначными (кроме лексемы «весна»), а сами концепты – более компактными.

При сравнении словарных дефиниций и толкований, предложенных носителями языка, было обнаружено, что в словарных определениях отмечается редукция когнитивных признаков, образующих понятийный слой концепта. Это соотносится с утверждением И.А. Стернина о том, что психологически реальное значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант. Психологически реальное значение включает компоненты природного и антропоцентрического характера, а лексикографическое – только природного.

В составе ассоциативного слоя концептов времен года были выделены следующие парцеллы: «природные явления»; «растения и животные»; «чувства и эмоции»; «предикативные признаки»; «характеристика времени года»; «цветовая гамма»; «жизнь и деятельность людей»; «другие временные отрезки»; «прецедентные тексты». В каждом времени года присутствуют свои когнитивные доминанты, соответствующие активным парцеллам: весна – природные явления, лето, зима – характеристика времени года, осень – цветовая гамма. Активные парцеллы свидетельствует о том, что для носителей русского языка характерна созерцательность, любование природой, соотнесение ее с человеческими образами. Парцелла «жизнедеятельность людей» в русском варианте реакций близка к неактивным. Русский народ не является активным преобразователем природы, он ею любит, наблюдает, считает ее своей частью, сравнивает с собой.

При анализе ассоциативно-символического слоя концептов времен года в поэзии XIX-XX вв. выявляется способность к олицетворению и символизации практически у всех времен года (у «лета» в меньшей степени). Произведения одних поэтов (А. Фет) соответствуют архаическим представлениям об этих временах года: весна – молодость, зарождение жизни; лето – жизнь; осень – усталость, сон; зима – смерть; других (А.С. Пушкин) – национальным: зима – матушка, проказница, волшебница. Произведения А. Ахматовой обнаруживают яркие индивидуальные ассоциации: так, ассоциация весна – смерть является нетипичной, индивидуальной. У А.С. Пушкина такой ассоциацией можно считать «осень – творчество». В процессе анализа стихотворных текстов было выявлено единство поэтических архаических парадигм для всех времен года: время года – человек, время года – экзистенциальное.

Оценочный знак концептов времен года проявляется в виде отдельных эмоционально-оценочных компонентов, содержащих положительную или отрицательную характеристику того или иного времени года. В результате анализа этих компонентов мы пришли к выводу, что «весна» получает в сознании носителей русского языка положительную оценку. Об этом свидетельствуют ассоциации образного (*веселое щебетание птиц, улыбочивые лица на улицах, радостные дети, влюбленная пара*), понятийного (*время любви и вдохновения, радости, чувств, хорошее настроение*) и ассоциативно-символического слоя (*любовь, восторг, хорошо*). На стимул «весна» были даны и отрицательные оценочные реакции (*усталость, ностальгия и др.*), но их количество невелико. В сознании носителей русского языка «лето»

также оценивается положительно (*радостные дети, любимое время года, радость от предстоящих теплых дней и др.*) Отрицательные реакции на стимул «лето» присутствуют лишь в произведениях поэтов и являются окказиональными (ср., например, у А.С. Пушкина, «*Но наше северное лето, карикатура южных зим...*»). Отношение к «осени» в русском национальном сознании амбивалентно: количество реакций с положительной и отрицательной оценкой примерно одинаково. Характеристика данного времени года проявляется в ассоциациях: *скучные затяжные дожди, красивые деревья, лес прекрасен, красота и зрелость природы, становится тоскливо*. Оценочные компоненты концепта «зима» имеют преимущественно положительный знак (*красивые ажурные снежинки, уютный дом, все смеются и рады игре, успокоение, и др.*), что свидетельствует об особом отношении к этому времени года в русском национальном сознании. Реакции с противоположным знаком (*смерть, жестокая пора, скучная и т.д.*) соответствуют архаическим представлениям и отмечены, главным образом, в поэтических произведениях.

На протяжении всей истории развития языка концепты «весна», «лето», «осень», «зима» включали компоненты, отражающие национально-культурную специфику восприятия времен года. В образном слое рассматриваемых концептов национально-культурная специфика проявляется, например, в большом количестве положительных эмоционально окрашенных образов, данных на стимул «зима». Кроме того, специфика концепта «зима» выявляется через отдельные реакции религиозного плана, например, *празднование Рождества и Крещения*. В образном слое концепта «весна» была выявлена этноспецифическая реакция *подснежник* (является прототипическим весенним цветком для жителей России).

В ассоциативном слое концептов также были выявлены культурные компоненты, которые представляют собой антропоморфные ассоциации (весна – *красна*, зима – *хромая, кусает и т.д.*), а также прецеденты (осень – *ДДТ*; лето – «*Ласковый май*»; зима – *Пушкин, в Простоквашино*, весна – «*то было раннею*», «*на Заречной улице*», «*без конца и без края*», «*священная*»).

В поэтических текстах рассмотренных нами поэтов национальная специфика восприятия времен года отражается в ассоциациях:

– религиозного характера: весна – *светлый праздник – Благовещение* (А.С. Пушкин); весна – *воскресение Христа, Христос* (А.Фет); зима – *рождественская ель, святки, Божий ангел* (А. Ахматова);

– культурно-бытового плана: зима — *лучина, деревня, дорога, тройка,, версты, печка* (А.С.Пушкин); лето – *нива, серп, коса* (А. Фет);

– образно-языкового характера: зима – *проказница, волшебница, матушка* (А.С. Пушкин).

Как показало наше исследование, образы, кодирующие концепты времен года, у древних носителей английского языка и современных его носителей расходятся. Архаический образ сохранился без изменений у концепта «summer» (*sun*), современный образ концепта «winter» (*snow*) можно рассматривать как переосмысление древнего образа *water*. У остальных концептов центральные образы различаются полностью: «spring» – *springan / flowers*, «autumn» – *auctumn / leaves*.

В IX-XVII вв. понятийный слой концептов «summer», «autumn», «winter» включал 2 когнитивных признака: «временной отрезок» и «антропоцентрический компонент». Например, лексема «winter» характеризовалась следующими значениями: 1. *the fourth and coldest season of the year, coming between autumn and spring*; 2. *put for 'year': nearly always with numeral; often in expressions referring to a person's age.* (The Oxford English Dictionary 1989: 405).

Концепт «spring» представлял собой когнитивную макроструктуру, включающую 5 когнитивных признаков: «топологические характеристики», «динамические характеристики», «природные явления», «временной отрезок», «антропоцентрический компонент». Понятийный слой концепта «spring» с IX по XVII вв. представляется расплывчатым, так как включает когнитивные признаки, затрагивающие разные сферы: природную (*a source, a young growth*), временную (*season of the year, the first or early stage or period of life, youth*), сферу физической и ментальной деятельности человека (*jump, activity, vigour of mind*). Далее эволюция слоя шла по пути уменьшения количества когнитивных признаков. Понятийный слой концептов «summer», «autumn», «winter» не претерпел существенных изменений.

Из толкований носителей английского языка выделяются дополнительные признаки «жизнедеятельность людей» и «чувства и эмоции». В то же время признаки «географические характеристики» и «астрономические характеристики», типичные для лексикографических англоязычных определений, в субъективных дефинициях не встречаются.

В ассоциативном слое концептов времен года были выделены такие же парцеллы, как и в ассоциативном слое у носителей русского языка: «временные отрезки», «растения и животные», «жизнедеятельность людей», «природные явления», «чувства и

эмоции», «характеристика времени года», «цветовая гамма», «прецедентные имена». Когнитивной доминантой в трех временах года: «summer», «spring», «winter» является парцелла «временные отрезки», что свидетельствует о более абстрактном восприятии сезонов по сравнению с носителями русской лингвокультуры. Яркую национально-специфическую окраску имеют ассоциации географического (*Pacific Ocean, Costa Rica*), природного (*mists, lambs*), бытового (*cricket field*), религиозного (*Thanksgiving Day, Easter*) плана.

Ассоциативный слой концептов расширяется при обращении к текстам английской поэзии. Ассоциации У. Шекспира соответствуют универсальному восприятию сезонов, стихотворения Дж. Китса насыщены богатыми ассоциациями и представлениями, которые в основном соотносятся с общенародными (*flowers, rivers, sun, birds, breezes, mists, wind*). Ассоциации Сильвии Плат в большинстве своем имеют индивидуальный характер и отражают внутренний мир и переживания лирической героини. Особенно это касается концептов «summer» (*the fetid wombs of black air*) и «winter» (*small love, dream of the winter's cold*). Совпадение с ядерными образами концептов чаще всего встречаются в произведениях Дж. Китса (*sun, flowers*), реже у У. Шекспира (*leaves, green*) и практически отсутствуют у С. Плат. Архаическая символика английской поэзии отражена в ассоциациях, представляющих собой олицетворения времен года, причем большую степень олицетворенности получает лето (*summer dies, summer grows old, blush'd summer eve* и др.), в отличие от русской лингвокультуры. Данный факт является свидетельством национально-специфичного восприятия сезонов в английской поэзии. В то же время русские и английские концепты времен года включаются в одинаковые архаические парадигмы: время года – человек, время года – экзистенциальное, что свидетельствует о сходстве в использовании архаических символов для раскрытия лирических образов в русской и английской поэзии.

Оценочные компоненты концептов «spring», «summer», «autumn», «winter» проявляются в той или иной степени в каждом слое данных концептов, хотя количество эмоционально-оценочных реакций в целом меньше, чем в ответах русскоязычных респондентов. Весна в сознании носителей английского языка имеет исключительно положительную характеристику (*nice weather, pleasant days, beautiful time of the year, something that is too beautiful, birth, hope, happy, life, peace, joy, light*), концепт «summer» получает в сознании англоговорящих амбивалентную характеристику (*great days, marvelous days / feeling heavy*). «Au-

turn» имеет в основном положительный вектор оценки (*excited about new possibilities, enjoy the changing of the seasons*). «Winter» оценивается отрицательно, как печальный, мрачный сезон года (*cold miserable period, monotonous weather, bleak days, death, darkness, time stops*). Оценка сезонов в поэзии XVI-XX вв. соответствует архаическим воззрениям на времена года: весна – время любви, начала жизни, лето – расцвет жизни, осень – преддверие смерти, смерть, зима – покой, вечный сон, мрак. Исключение составляет индивидуально-авторское восприятие отдельных сезонов (например, оценка зимы в поэзии С. Плат имеет положительный знак и представлена такими ассоциациями, как *small love, dream of winter's cold*; отрицательная оценка лета проявляется в ассоциации *the fetid wombs of black air*).

Национально-культурные компоненты были выделены во всех слоях концептов времен года. В образном слое концептов отмечены такие специфические реакции, как: *daffodils, green golf course* (spring), *beer gardens, cricket field, crowded pubs* (summer), *turkey, orange pumpkins* (autumn), *hot chocolate* (winter) и др. Одним из проявлений национально-культурной специфики является преобладание семантической группы образов «People» у носителей английского языка по сравнению с русскими. Понятийный слой концептов содержит меньшее количество этноспецифичных реакций. В ассоциативном слое содержится самое большое количество национально-культурных компонентов, связанных с праздниками (*Halloween, Guy Fawkes night, Remembrance Day*), спортом (*hiking, American football, baseball, cricket, Wimbledon*), прецедентными текстами (*Keats*). Религиозный компонент оказывается более значимым для англоязычной культуры, о чем свидетельствует большее, нежели у представителей русской культуры, количество реакций, связанных с религиозными праздниками. Таким образом, с точки зрения наличия культурной специфики наиболее репрезентативным предстает ассоциативный слой, а наименее показательным – понятийный.

Резюмируем.

1. Концепты времен года входят в категорию культурных концептов. Будучи единицами национальных концептосфер, они аккумулируют в себе природные, географические, бытовые, религиозные и др. особенности каждой из лингвокультур. Содержание концептов времен года связано с культурно-ценностными доминантами русской (созерцательность, пассивность, эмоциональность) и английской (активность, деятельность, рациональность) лингвокультур.

2. Этнокультурные отличия проявляются в каждом из слоев концепта: этимологическом, образном, понятийном, ассоциативном, символическом. Наиболее универсален понятийный слой; наиболее этноспецифичен – ассоциативный.

3. Национально-культурная варьированность данных концептов касается таких аспектов, как: эволюция образного ядра (степень совпадения архаического и современного образов, кодирующих концепты в национальном сознании); наполнение ассоциативного слоя (преобладание ассоциатов образного / логического, эмоционально-окрашенного / нейтрального, антропоцентричного / природоцентричного, созерцательного / деятельностного характера, наличие антропоморфных ассоциаций), оценочная составляющая концептов.

4. Концепты времен года в русском и английском национальном сознании образуют единый макроконцепт «времена года», о чем свидетельствуют изоморфизм структуры каждого из них, историческая динамика развития (от образа к понятию и далее к символу), сходные когнитивные признаки и парцеллы в понятийном и ассоциативном слоях составляющих концептов, вхождение в поэтические архаические парадигмы время года – человек; время года – экзистенциальное.

5. На основе анализа концептов времен года установлены их следующие закономерности: тенденция к сближению ядерных образов, кодирующих концепты в русском и англо-американском национальном сознании (зима, winter – снег, snow; осень, autumn – листья, leaves); значительное совпадение когнитивных признаков, составляющих понятийный слой; общие направления ассоциирования (парцеллы), формирующие ассоциативное поле концепта; единство поэтических архаических парадигм, определяющих образный потенциал русской и английской поэзии. Национальная специфика представлена в системе архаических образных ядер концептов, в культурных доминантах, определяющих преобладание ассоциатов образного / логического, эмоционально-окрашенного / нейтрального, антропоцентричного / природоцентричного характера; в корпусе ассоциаций географического, бытового, религиозного плана; в степени антропоморфизации природных концептов. Значительные этноспецифические отличия позволяют говорить о культурном варьировании концептов с перцептивно-образным ядром.

Литература

Абрамцева Т.В. Внутренняя форма как архаическое ядро концепта (на материале русского и английского языков) // Вопросы филологии и

методики преподавания иностранных языков: Межвузовский тематический сборник / под общ. ред. Л.Ю. Семейн – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. — С. 12-17.

Абрамцева Т.В. Этимологический слой в содержании концепта (по данным английских словарей) // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Вып. 6.– Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. — С. 175-179.

Абрамцева Т.В. Архаическая символика времен года в русской поэзии XIX-XX вв. // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. / под ред. проф. А.А. Демченко. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. — С. 312-314.

Абрамцева Т.В. Концепты времен года в русском языковом сознании // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. Вып. 18.– Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. — С. 58-62.

Абрамцева Т.В. Ассоциативное поле концептов времен года (на материале Русского Ассоциативного словаря) // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Вып. 7. Ч. III – Саратов: Научная книга, 2004. — С. 156-159.

Абрамцева Т.В. Понятийный слой концептов времен года (по данным лингвистического эксперимента) // Культура. Язык. Словесность: сб. науч. работ молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. — С. 7-11.

Салашник Т.В. Концепты «зима» и «весна» в национальном сознании носителей русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2007. №2. — С. 35-40.

Н.Н. Кацунова
(Иркутск)

ПИЦЦА

В работах последних лет активно разрабатываются проблемы языковой концептуализации мира для конкретных языков, исследуются фрагменты наивной картины мира, различные языковые явления рассматриваются в аспекте «язык — человек — культура» (Арутюнова 1991, 1999; Вежбицкая 1997, 1999; Гак 1999; Гумбольдт 2000; Даниленко 1999; Добровольский 1993; Карасик 2000, 2004; Каплуненко 1991; Караулов 2000; Корнилов 1999; Кубрякова 1999; Лакофф 2004; Малинович 2002, 2003; Панченко 1999; Плотникова 2003; Попова, Стернин 2001; Серебренников 1988; Степанов 2001; Телия 1996; Чернейко 1997; Rosch 1975; Weisgerber 1950 и др.).

На сегодняшний день внимание исследователей привлекает, прежде всего, сфера духовного бытия человека. Изучаются языковые средства выражения ментальных действий, эмоций, различные категории и культурные концепты, специфичные для той или иной лингвокультуры. Сфера материально-телесного бытия человека ре-

же становится предметом исследования. Очевидно, что пища в контексте английской лингвокультуры остается мало изученным вопросом.

Целью исследования является анализ языковых средств онтологизации концепта FOOD (метафор и идиом) как способ выявления национально-культурной специфики исследуемого концепта в английском языковом сознании, а также выявление динамики взаимодействия конвенциональных и феноменологических концептуальных признаков FOOD.

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Определить и описать исторический и культурный фон, создающий основу для концепта FOOD.

2. Исследовать структуру концепта FOOD и эволюцию концептуальных признаков.

3. Провести анализ словарных дефиниций *food*, направленный на выявление понятийного минимума одноименного концепта.

4. На основе анализа языкового материала выявить концептуальные метафоры FOOD, посредством которых происходит концептуализация FOOD.

5. Дать характеристику английским идиомам концепта FOOD.

6. Выявить когнитивные механизмы идиоматической номинации пищи в английском языке.

7. На основе анализа языкового материала сопоставить конвенциональные и феноменологические представления о пище для определения общих и специфических признаков концепта FOOD.

8. Определить, в каких отношениях друг к другу находятся феноменологические и конвенциональные признаки концепта FOOD.

Методологической базой исследования являются: принцип атропоцентризма, основные принципы когнитивной семантики (о единстве и взаимовлиянии языка, мышления, сознания и культуры; о примате когнитивного; о множественности воплощения когнитивных структур в языке), теоретическое обоснование концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson 1980), основные положения теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера (Фестингер 1999), интерпретативный подход, позволяющий рассматривать исследуемый материал без жесткого противопоставления субъекта и объекта.

Исследование проводится путем обращения к анализу FOOD как концепта, а не одноименного понятия, поскольку существует возможность исследования FOOD не только как объекта рассудочной логики и бытового дискурса, но и научного анализа (например, в диетологии). Концепт трактуется нами как открытое ментальное обра-

зование, динамичная единица сознания, отражающая взаимодействие человека с внешней средой в рамках исторических, географических, политических, социальных и культурных изменений. Как открытая система, он имеет способность приспосабливаться к изменениям во внешней среде, что ведет к образованию новых концептуальных признаков.

Учитывая неоднозначность в трактовках концепта и понятия, в настоящей работе их соотношение рассматривается в терминах гегелевской диалектики всеобщего и единичного. Понятийный признак становится концептуальным в том случае, когда в рамках всеобщего он начинает рассматриваться как особенное и затем переходит на уровень единичного. Это можно проследить на примере признака '*a complex of chemical elements*' (WTNIDE 1993). Данный признак фиксирует одну из отличительных особенностей FOOD, характерную для современной англоязычной культуры, в особенности для американской: пицца понимается как совокупность химических элементов, содержание которых влияет на рост и развитие организма — *material consisting essentially of protein, carbohydrate and fat used in the body of an organism to sustain growth, repair and vital processes to furnish energy; also such food together with supplementary substances (as minerals, vitamins and condiments)* (WTNIDE 1 1993: 884).

Подобное толкование прежде было характерно только для специализированных словарей по диетологии, здоровому питанию и медицине. Это значит, что специфика разложения пищи на химические компоненты изначально рассматривалась в научном контексте и, соответственно, оформлялась в научном дискурсе. В результате эволюции концепта в условиях, когда проблема здорового питания стала одной из важнейших проблем населения США, а затем и Великобритании, научное знание о пище, пользе и вреде ее составляющих становится всеобщим достоянием. Изначально являясь частью понятия в медицинском дискурсе, данный признак в определенный эволюционный момент выделяется и рассматривается как особенное, а затем переходит на уровень единичного. В результате такого диалектического взаимодействия понятийный признак становится концептуальным.

Анализ словарных дефиниций *лексемы food* позволяет выявить такие показатели концептуальных признаков одноименного концепта, которые составляют ядро концепта и отражают социально закрепленные смыслы, хранящиеся в коллективном сознании говорящих. Центральное место занимает прототипический признак '*a means of sustenance of life of an organism*'.

Проведенный анализ словарных дефиниций *food* позволяет утверждать, что, с одной стороны, объем ядерных семантических

компонентов концепта характеризуется устойчивостью и стабильностью. Это объясняется тем, что пища относится к универсальным общечеловеческим концептам. Основные семы: *'material, substance', 'edible', 'smb./smth, that eats'*, семы ближней периферии: *'a means of sustenance of life of an organism \ 'any material that sustains growth and development of some process \ семы дальней периферии: 'solid form \ 'type of food \ 'a complex of chemical elements *.

Но наряду с этим, в ходе длительной истории концепт FOOD формировался под влиянием очень многих факторов человеческой жизни, что отразилось на его структуре. Эволюция признаков концепта FOOD рассматривается с точки зрения трех этапов: доиндустриального, индустриального и постиндустриального.

Для *доиндустриального* этапа характерно применение ручного труда, низкая производительность труда в сельском хозяйстве и как следствие — дефицит продовольствия. В результате вся экономическая деятельность сводилась к попытке обеспечить достаточное количество пищи, необходимое для выживания.

Индустриальный этап связан с промышленным переворотом и быстрым развитием отдельных отраслей промышленности, совершенствованием пищевых технологий, что является важным фактором экономического развития. Весь этап характеризуется как преодоление дефицита пищи, что подготавливает переход к *постиндустриальному* этапу, когда обеспечивается высокий уровень массового потребления. Этот этап характеризуется ситуацией, когда дефицит пищи полностью преодолен.

За время доиндустриального периода в сознании англичан складываются основные представления о пище, обусловившие формирование основных концептуальных признаков: *'a means of sustenance of life of an organism'* -признак, который занимает ядерную позицию в силу того, что человек большей частью ограничен в пищевых ресурсах и испытывает чувство страха за жизнь. В ближайшей периферии находятся признаки *'a reward for work'* и *'sacredness'*, а на дальней периферии *'a sign of prosperity and wealth', 'luxury', 'a piece of art', 'sin', 'medical effect: good or harm'*. Степень удаления периферийных признаков от ядерного отражает время их закрепления в сознании и степень осмысления роли пищи для человека в доиндустриальный период.

На индустриальном этапе в ходе эволюции концепта FOOD в результате экономических, социальных и политических изменений подверглись переосмыслению и представления человека о пище, что привело к смещению признаков.

Центральным остается признак *'a means of sustenance of life of an organism'*. Далее следуют признаки *'a reward for work', 'a sign of*

prosperity and wealth" и *'luxury'*. На периферии расположены признаки: *'medical effect: good or harm'*, *'an object of entertainment/pleasure'*, *'a piece of art/an object of creativity'*, *'a human right'* и *'sin'*.

На постиндустриальном этапе центральное место по-прежнему занимает прототипический признак *'a means of sustenance of life of an organism'*.

Но его позиция значительно ослаблена в силу того, что постиндустриальный этап отличается от двух предыдущих преодолением страха голода как результата решения проблемы пищевых ресурсов. Кроме этого, полностью меняется приоритет признаков, расположенных в ближайшей и дальней перифериях. Более активную позицию занимают признаки FOOD *'medical effect: 'good or harm', 'a human right, 'pleasure'*, одновременно свидетельствуя о своей специфике в англо-американской культуре. Остальные признаки *'luxury', 'a reward for work', 'a piece of art', 'a sign of prosperity and wealth', 'sin'* отходят на периферию и актуализируются в отдельных случаях.

Неоднородность и многообразие признаков концепта FOOD, а также способы его формирования свидетельствуют о специфике FOOD как ментального образования особого характера. Трактовка концепта как открытой системы с прозрачными границами позволяет рассматривать FOOD, MEAL, DISH как концептуальный бленд из трех взаимосвязанных концептов.

Пища, являясь объектом материального мира, претерпевает различные изменения в процессе человеческого воздействия, то есть пищу готовят, подвергая при этом различной обработке, едят и т.п. Все это фиксируется в сознании человека, а также находит отражение в языке. Опыт анализа языковых средств вербализации концепта FOOD свидетельствует о том, что подобное взаимодействие человека с пищей отражается через сопряженные концепты MEAL и DISH.

Пища-MEAL представляется как пища, принимаемая человеком в определенное время (ср. словарные дефиниции: *meal* — an occasion when you eat food, for example breakfast or lunch; the food that you eat on a particular occasion LDCE 2000: 886); *meal* — any occasion of taking food; the food that is eaten (ALDCE 1992: 278)).

Пища-DISH рассматривается как объект приготовления (ср. словарные дефиниции: *dish* ~ food cooked or prepared in a particular way as a meal (LDCE 2000: 386); *dish* — the food served in a dish (ALDCE 1992: 363)).

Ядерным признаком концепта MEAL является действие — *'eating'*, а признаком концепта DISH — *'cooking'*. Объединяющим их признаком является 'объект' — FOOD, то есть то, на что направлено

действие. В данном случае имеет место такое слияние концептов, при котором говорящий «втягивает элементы из разных ментальных пространств в единое интегративное пространство» (Ченки 2000: 6).

В диахроническом аспекте концепт FOOD является наиболее ранним образованием в сознании человека, так как изначально человек потреблял пищу, не требующую специального приготовления. Следующим ментальным образованием является MEAL, когда процесс и время приема пищи стали значимыми для человека. И, наконец, более позднее образование — концепт DISH. Отдельный продукт питания стал подвергаться различной обработке или рассматриваться как ингредиент более сложного целого: "The man was changed into a social creature when the meal came into existence, the time when several people gathered together around the fire to share the cooked meat" (Lobel 1980: 123).

Подобное взаимодействие концептов с течением времени прочно закрепилось в обыденном сознании людей и привело к образованию, на наш взгляд, такого сложного концепта FOOD, который объединяет в себе FOOD, MEAL и DISH, то есть он существует в сознании как сложное взаимодействие концептов FOOD, MEAL и DISH, где FOOD занимает главенствующее место и является базовым по отношению к его составляющим.

Проведенный анализ языкового материала позволил выявить концептуальные метафоры, эксплицирующие основные образные характеристики концепта FOOD: FOOD IS FUEL, FOOD IS CURE, FOOD IS POISON, FOOD IS FRIEND, FOOD IS FOE, FOOD IS PLEASURE, FOOD IS A PIECE OF ART, FOOD IS LUXURY.

Часть концептуальной информации хранится в виде материалистической максимы FOOD IS A MEANS OF SURVIVAL и в виде идеологических максим FOOD IS A HUMAN RIGHT и FOOD IS GOOD IN MODERATION, которые являются частью концепта и раскрывают национальную специфику концепта FOOD.

Материалистическая максима FOOD IS A MEANS OF SURVIVAL свидетельствует о том, что концепт FOOD принадлежит к сфере материально-телесного бытия и характеризует человека, в первую очередь, как представителя биологического вида Homo Sapiens. Данная максима соотносится с прототипическим признаком концепта '*a means of sustenance of life of an organism*'.

Прототипический признак FOOD выступает на первый план тогда, когда человек оказывается в экстремальных ситуациях и испытывает голод, угрожающий жизни, не имеет возможности обеспечить пропитание. Рассмотрим подобные ситуации, описанные в художественной литературе:

- *A more forlorn set they had never encountered: they had not a morsel of meat or fish; nor anything to subsist on, except roots, wild rosebuds, the bark of certain plants, and other vegetable productions (Irving 2005).*

- *His companions, therefore, encamped on the spot, kindled a blazing fire, and searched about for roots with which to strengthen and revive him (Irving 2005).*

В данных примерах одним из таких суровых препятствий для путешественников становится недостаток в пище и голод. Во всех примерах пищей выступают такие продукты, которые в обычных условиях не воспринимаются как традиционная еда в англо-американской культуре (roots, wild fruits, bark). В подобном случае пища, обладающая хоть какой-то питательной ценностью, является единственным источником спасения жизни в ситуации, сопряженной с голодом и угрожающей человеческой жизни.

Сочетания названий пищи с предикатами *to subsist*, *to strengthen*, *to revive* прочно связаны в языковом сознании и восходят к материалистической максиме FOOD IS A MEANS OF SURVIVAL и прототипическому признаку концепта соответственно. Эта связь прослеживается через словарные дефиниции: *to subsist* -exist, maintain life_ (ALDE 3 1992: 271), *to stay alive* on only small amounts of food or money (LDCE 2000: 1440); *to strengthen* — *to become stronger* (ср. *strength* the physical power and energy that makes someone strong) (LDCE 2000: 1428); *to revive* — *recover vigor or strength* (WTNIDE 2 1993: 1944).

Идеологическая максима FOOD IS A HUMAN RIGHT соотносится с концептуальным признаком 'a human right' и отражает качественно новое представление о пище. Изменившиеся условия жизни приводят к переосмыслению существующих представлений о еде. Такое представление появляется в период индустриального подъема и складывается на почве определенных политических и социальных событий, когда на фоне социального неравенства резко проявились признаки недовольства со стороны простого народа, которому не всегда удавалось заработать хлеб насущный даже ценой упорного каждодневного труда.

Переосмыслению подвергается стереотипное представление о том, что пища издавна является, так или иначе, результатом трудовой деятельности, и представление о том, что человек цивилизованного общества имеет право на пищу независимо от того, зарабатывает ли он достаточно средств для этого и прилагает ли достаточное количество усилий, чтобы добыть себе пропитание. Приведем пример: *In a free country, laws are meant to be made by men, but in Hoboken they are making men poor and hungry The laws stand strong while innocent people are suffering. Real people are starving needlessly and real people need your help right now. Gar group is willing to give away our time and effort to help them.*

...*AH we believe is that people deserve food unconditionally. We believe that food is a right and not a privilege (Food Is a Right Not a Privilege 2005).*

Это отрывок из обращения к жителям американского города Хобокен (Hoboken) с просьбой помочь молодежной группе Food Not Bombs в акции по раздаче продуктов питания бедным жителям города. Данная акция не нашла поддержки у властей, которые запретили раздавать еду беднякам. Представление, выраженное в метафоре *'to deserve one's bread'*, является непосредственной языковой актуализацией новой национальной идеологической максимы FOOD IS A HUMAN RIGHT. Эта максима, будучи актуальной для многих людей, вступает в противоречие с библейской максимой, выраженной в идиоме *'to earn one's bread'*, которая в отличие от максимы FOOD IS A HUMAN RIGHT, является универсальной, признаваемой разными культурами.

Идеологическая максима FOOD IS GOOD IN MODERATION восходит к Библии и христианской этике питания. Она появилась на доиндустриальном этапе. Провозглашая чревоугодие грехом, служители церкви рассматривали пищу как нечто второстепенное, а на первое место выдвигали идеи духовного развития: "... food intake seems to have become completely insignificant, from a moral point of view. Food no longer seems to matter at all. Food intake is of no concern to one's moral identity. Indeed, the early Christian food ethic is an ethic of de-problematization. Be not anxious about food or drink, Jesus tells his followers. Surely, life is more than food" (Zwart 2000: 117).

Ссылка на максиму FOOD IS GOOD IN MODERATION становится центральной в пропаганде здорового образа жизни на постиндустриальном этапе в работах диетологов, специалистов по производству пищевых продуктов, государственных деятелей, пытающихся решить проблему переизбытка и ожирения. Приведем пример: *"As health professionals." Dr. Lifshitz concludes, "we must encourage the proper consumption of all foods nature provides in moderation" (Fruit Juice, in Moderation, Good for Children 2004).*

Языковым материалом для исследования национально-культурной специфики концепта FOOD послужили также идиомы, вербализующие данный концепт. Большая их часть является сленговыми идиомами и имеет игровую природу. Их возникновение обусловлено стремлением преодолеть скрытый подсознательный страх голода через языковую игру. Подобные языковые игры представлены в виде игры языковой формой и игры означаемых.

Игру языковой формой можно представить единицами рифмованного сленга. В рифмованном сленге игровой основой выступает ритм (Гадамер 1988) и эффект дипластии (Налимов 1993), в результате чего человек может соединять две сущности противоположного знака. Например, *cough and sneeze = cheese, cough and stutter =*

butter, hands and feet — meat и т.д. Образ, создаваемый на основе рифмы, немотивирован и неустойчив. Человек играет, подыскивая для обыденной пищи новые и необычные имена, смысл которых известен только для «играющих».

В основу игры означаемых положена метафора, в которой скрыта игра слов. В идиомах профессионального и общего сленга наблюдается эффект остранения (Шкловский 1983), когда пища извлекается из привычного контекста и помещается в иной, выражая этим другое, новое отношение к объекту и приписывая ему новые свойства. Эффект остранения реализуется посредством нескольких игровых механизмов: демифологизации, псевдомифологизации и механизма загадки.

Суть механизма демифологизации — намеренное лишение смысла мифологического содержания. Примером демифологизации являются социумно-прецедентные идиомы, выделенные нами в сленге DinerLingo. Образная составляющая этих идиом восходит к прецедентным источникам, в частности, к Библии. Например, *Shivering Eve — apple jelly; Eve with the lid on = apple pie; first ladies = a dish of ribs* и т.п. Основными компонентами блюд (яблоко, ребрышки) являются атрибуты, способные вызвать устойчивые и однозначные ассоциации у носителей английского языка. Это пример игровой демифологизации мифов о Еве и яблоке с Древа познания, а также мифа о сотворении первой женщины из ребра Адама. Здесь идет свободная игра с различными священными лицами, вещами, символами. В идиомах данной подгруппы миф теряет свою силу, свое «высокое» предназначение и сводится к чувственно осязаемому. Основной эффект, который достигается в ходе демифологизации, — снижение, то есть низведение мифа Б «материально-телесный план» (Бахтин 1965).

Суть псевдомифологизации — представление реальности в более возвышенном свете с помощью мифа. В основе образной составляющей таких идиом лежат не собственно мифы, а так называемые псевдомифы, имеющие целью «возвысить» тот или иной продукт питания, обладающий невысокой вкусовой ценностью. Например; *Arkansas chicken = salt pork; Cincinnati turkey = salt pork, Cincinnati oysters = pickled pigs 'feet* и т.п.

Как демифологизация, так и псевдомифологизация являются частными проявлениями карнавального мироощущения. Элементы «карнавализации» (Бахтин 1965) характерны и для идиом общего сленга. Новое имя подобно маске, в которой прячется реальная сущность. «Имя-маска» создает эффект неожиданности, связана с «переходами, метаморфозами, нарушениями естественных границ, с осмеянием ...» (Бахтин 1965: 46).

Механизм «загадки» прослеживается в группе идиом со специфической этнокультурной составляющей, которые строятся на основе этнокультурных стереотипов и непосредственно в группе идиом-«загадок». Игра в идиоме-«загадке» осуществляется на основе логической несообразности. Примерами идиом-«загадок» являются: *Hebrew enemies — pork chops; one from the Alps Swiss cheese sandwich; hunk of lead = donut; moo juice = milk* и т.п. В игровой реальности пища переживается как объект из необычного и странного мира, в котором пища приобретает деформированные, причудливые и парадоксальные характеристики. В таких идиомах отражается способность одного человека замечать точки соприкосновения разнородных реалий и совмещать их как единое целое, что не замечается и не осознается остальными.

Анализ метафор и идиом свидетельствует о том, что концепт FOOD содержит в себе большой пласт национально-культурной информации. Представление о пище занимает значительное место в ментальной картине мира носителей англо-американской лингвокультуры.

Концептуальные признаки FOOD могут иметь разную степень актуальности для разных людей. В зависимости от внешних факторов и внутреннего состояния концептуальные признаки получают феноменологическую интерпретацию. Как следствие, на основе анализа феноменологических контекстов можно выявить индивидуальную схему когнитивных признаков индивида.

В процессе исследования было установлено, что в большом количестве контекстов наблюдаются разногласия в вопросе о вкусах и оценке качества пищи, что является непосредственным отражением различий в феноменологическом опыте разных людей. Также было установлено, что столкновение различных вкусов и представлений о пище приводят к когнитивному диссонансу, который получает языковое выражение.

Когнитивный диссонанс — противоречивые отношения между отдельными когнитивными элементами в системе знаний человеке (Фестингер 1999). Это явление многоплановое и возникает как следствие различного взаимодействия концептуальных признаков FOOD.

Мы выделяем два вида когнитивного диссонанса: когнитивный диссонанс, возникающий по причине логической несовместимости концептуальных признаков FOOD, и когнитивный диссонанс, возникающий по причине несовпадения культурных либо субкультурных представлений о пище.

Когнитивный диссонанс, возникающий по причине логической несовместимости концептуальных признаков FOOD, может проявляться в плоскости «биологическое» — «социальное» как следствие

нарушения концептуального равновесия между ядерным, прототипическим признаком концепта FOOD 'a means of sustenance of life of an organism' и всеми остальными концептуальными признаками, образовавшимися в сознании как результат существования человека в социуме. В экстремальных ситуациях, таких как голод, центральный концептуальный признак начинает «затмевать» другие признаки, вступая при этом с ними в отношения несогласованности.

В приведенном ниже примере, автор описывает жестокую сцену, когда голодный человек Тим, доведенный до отчаяния, отбирает последний кусок хлеба у своей сестры Джейн, находящейся в таком же состоянии. Но противостоять Тиму она не может из-за его физического превосходства. Признак, репрезентируемый материалистической максимой FOOD IS A MEANS OF SURVIVAL, занимает доминирующее положение в сознании Тима: *Tim raced toward her, roaring profanities as his legs stomped, driven by hate. Jane began to scream and clutched the bread in both hands. There was no time to speak, or try to explain. Before she had time to properly react Tim was upon her. He leapt forth and grabbed her arms with his hands. She began to struggle and tried contort her body defensively. He released her arms and snatched her filth-ridden hair in a fist. The rage burning inside him, he began to pound her head to the wall, once, twice, three times, until her hands were limp and the crust fell to the cold floor. In that moment his rage surpassed and he stepped away from the girl snatching the prize in his hands (O'Neill 2003).*

В примере метафора FOOD IS PRIZE является индивидуальным воплощением материалистической максимы FOOD IS A MEANS OF SURVIVAL. В состоянии голода человек понимает, что животный инстинкт, связанный с осознанием пищи только как средства поддержания жизни, опускает человека до животного. Вся ситуация может быть охарактеризована согласно биологическому закону Ч. Дарвина — *the survival of the fittest*. Но наряду с биологическим началом, человек руководствуется определенными нормами поведения и ценностями, оказавшимися в данной ситуации в слабой позиции. Этот пример наглядно представляет пример когнитивного диссонанса в рамках «биологическое» — «социальное»: *He saw in her hand a delicious looking piece of bread, and his stomach beckoned him to eat. This moment of excitement passed quickly, and was easily replaced by rage. She had had this food all along and had never offered it to him. He knew she had betrayed him, as do they all, and he knew he was right never to have shared his food with her (O'Neill 2003, ib.).*

Когнитивный диссонанс устранен посредством замены одного когнитивного элемента другим. Прототипический признак концепта FOOD, выраженный в максиме FOOD IS A MEANS OF SURVIVAL, который объясняет животное поведение человека в данной ситуации, подвергается феноменологической интерпретации, переосмысливается и находит индивидуальное выражение в виде FOOD IS PRIZE:

Tim smiled to himself as his stomach churned on the prize he knew he so richly deserved. He had once again triumphed over those who betrayed him, and no longer must he keep a watchful eye on his older sister, Jane. Tim had survived another day, and at least for today he had eaten (O'Neill 2003, ib.).

Иными словами, элемент, вызвавший когнитивный диссонанс, подменяется консонантным представлением о пище как о награде за все испытания и убийство сестры, что находит свое языковое выражение в индивидуальной метафоре FOOD IS PRIZE. Тем самым восстанавливается когнитивное равновесие элементов концепта.

Кроме этого, когнитивный диссонанс, возникающий по причине логической несовместимости концептуальных признаков FOOD, может также иметь место между концептуальными признаками, характеризующими социальное бытие человека. Возникновение когнитивного диссонанса обусловлено наличием заведомо противоречащих друг другу признаков в структуре концепта, таких как *'medical effect: good' — 'pleasure', 'a reward for work' — 'a human right', 'luxury' — 'pleasure'*. В момент одновременной актуализации таких признаков в сознании также возникает когнитивный диссонанс: *Right now I'm torn between whether or not I like fast food. Sometimes the thought of eating it disgusts me, other times my stomach growls in lust for the stuff. Just today my mom bought Me Irs because it's what my grandpa wanted, and though the food was gawd-awfid (honestly: the fries were dry and bland, the bun was terribly dry and hard, the meat was cold and tasteless, it was awful). I still didn't object. Besides, they are getting better and offering more appealing selections like their salads and the whatnots. It shouldn't be too long before they too offer Atkins"-friendly meals (Robin 2006).*

В данном примере с самого начала ясно, что автор комментария испытывает острый когнитивный диссонанс, на что указывает метафора *I'm torn between*. Представления о пище *fast-food* в этом феноменологическом контексте свидетельствуют о конфликтных отношениях между противоречивой парой концептуальных признаков, репрезентированных в концептуальных метафорах FOOD IS HEALTH — FOOD IS PLEASURE. При этом в человеке происходит борьба двух противопоставленных мнений: с одной стороны, автор понимает всю вредность *пища fast-food*, но, с другой стороны, он привык руководствоваться в выборе пищи в первую очередь представлениями о ее вкусовых качествах, а лишь потом о ее полезности. В подтверждение этого, далее идет описание пищи, в котором отражены только феноменологически значимые характеристики, подтверждающие важность для автора вкусовых качеств в продуктах питания.

Возникновение когнитивного диссонанса обуславливается также несовпадением культурных либо субкультурных представлений о пище. Вследствие иной концептуализации и категоризации объектов

Мира Деятельности, обусловленных когнитивными параметрами той или иной лингвокультуры или субкультуры, и возникает когнитивный диссонанс. Приведем пример подобного когнитивного диссонанса из романа С. Шелдона "The Sands of Life".

Героиня романа вынуждена скрываться в монастыре, так как ее считают виновной в преступлении, которого она не совершала. Ее приняли в монастырь при условии, если она будет подчиняться распорядку и существующим правилам: *Now they were seated in the refectory, forty nuns at two long tables. The Cistercian diet was strictly vegetarian. Because the body craved meat, it was forbidden. Long before dawn, a cup of tea or coffee, a few ounces of dry bread were served. The principal meal was taken at 11.00 a.m. and consisted of a thin soup, a few vegetables and occasionally a piece of fruit We are not here to please our bodies but to please God.*

I wouldn't feed this breakfast to my cat, sister Lucia thought. I've been here two months, and I bet I've lost ten pounds. It's God's version of a health farm. ... And they are going to live like this for the rest of their lives, Sister Lucia thought disgustedly. Oh well. I can't complain. At least it's better than a life sentence in prison... (Sheldon 1993:35).

Оказавшись в подобных условиях, героиня испытывает сложный когнитивный диссонанс: с одной стороны, она не является представителем религиозной субкультуры и не разделяет ее установок, в частности, относительно питания (*the body craved meat, it was forbidden*). Данная субкультура живет согласно принципу *We are not here to please our bodies but to please God*. Этот принцип закреплен в сознании представителей данной субкультуры в метафоре DESIRE FOR FOOD IS SIN, а также в идеологической максиме FOOD IS GOOD IN MODERATION, которые противоречат феноменологическому когнитивному признаку героини, онтологизованному в метафоре FOOD IS PLEASURE (*the body craved meat*). С другой стороны, диссонанс усиливается тем, что у героини нет возможности вернуться к привычному образу жизни и питаться так, как она привыкла.

В данном примере внешнее изменение поведения не сопровождается соответствующими изменениями во внутренней системе взглядов индивида. Вынужденное согласие следовать образу жизни монастыря возникает при наличии угрозы оказаться в тюрьме. Эта угроза воспринимается как более сильная, чем дискомфорт проживания в монастыре и невкусная пища. Поэтому в конце диссонанс сведен до минимума упоминанием менее привлекательной альтернативы (*At least it's better than a life sentence in prison*).

Таким образом, феноменологический опыт человека, накапливаемый под влиянием различных внешних и внутренних факторов, отражает особенности субъективной категоризации FOOD= Знания, составляющие часть феноменологического опыта, не всегда совпадают с той частью концептуальной информации, характеризующей

конвенциональные представления о пище. Подобное противоречие ведет к возникновению когнитивного диссонанса.

В целом, проведенное исследование показало, что концепт FOOD, отражающий национально-культурную специфику представлений о пище, является многомерным ментальным образованием, которое актуализируется через различные языковые средства.

Подведем основные итоги.

1. Анализ языкового материала свидетельствует об исторической диалектике признаков понятия *food* и концепта FOOD, что выражается следующим образом: признак понятия, отчужденный как всеобщее, способен включаться в содержание концепта, то есть возвращаться на уровень единичного.

2. С точки зрения эволюционного подхода концепт FOOD характеризуется относительно высокой стабильностью своей структуры на всех трех этапах своего развития: доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном. На протяжении всей эволюции концепта ядерным остается признак *'a means of sustenance of life of an organism'*. В ходе развития изменяется лишь приоритет периферийных признаков, что обусловлено влиянием экономических, исторических, социальных, политических и культурных факторов.

3. Концепт FOOD представляет собой открытую систему связей и признаков, имеет прозрачные границы и является в наивной картине мира концептуальным блендом, состоящим из взаимосвязанных фрагментов единого лингвоментального комплекса FOOD — MEAL -DISH, где FOOD является базовым по отношению к его составляющим.

4. Языковая специфика концепта FOOD прослеживается в идиомах, основных концептуальных метафорах: FOOD IS FUEL, FOOD IS CURE, FOOD IS POISON, FOOD IS FRIEND, FOOD IS FOE, FOOD IS PLEASURE, FOOD IS A PIECE OF ART, FOOD IS LUXURY; в материалистической максиме FOOD IS A MEANS OF SURVIVAL и идеологических максимах концепта: FOOD IS A HUMAN RIGHT и FOOD IS GOOD IN MODERATION.

5. Идиоматическое выражение концепта FOOD обусловлено механизмами с ярко выраженным игровым характером ритм, демифологизация, псевдемифологизация, механизм «загадки» — и не имеет языковой актуализации в концептуальных метафорах. Игровой характер идиом объясняется сменой контекста интерпретации пищи как ценности в условиях преодоления дефицита продовольственных ресурсов. В ходе эволюции концепта с конца индустриального периода пища начинает рассматриваться в игровой плоскости, что находит свое языковое выражение.

6. Концептуальные признаки FOOD имеют разную степень акту-

альности для индивида, не являются равнозначными и тождественными. В сознании индивида может возникнуть когнитивный диссонанс как результат столкновения конвенциональных и феноменологических признаков концепта FOOD, что находит свое отражение в языке.

Литература

Кацунова Н.Н. Базовые метафоры концепта FOOD в современном английском языке // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: толерантность и интеграция. Материалы IV всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова и 60-летию образования Факультета русской филологии Института филологии. — Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. — С. 205-213.

Кацунова Н.Н. О переломном периоде развития концепта FOOD: социо-аксиологический аспект // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации. Материалы V всероссийской научно-практической конференции, 23-25 ноября 2005г., г. Абакан. — Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. — С. 199-202.

Кацунова Н.Н. Эволюция признаков концепта FOOD в английской языковой картине мира: доиндустриальный этап // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. — Иркутск: ИГЛУ, 2006. — № 5. — С.78-87.

Кацунова Н.Н. Эволюция признаков концепта food в английской языковой картине мира: индустриальный этап // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая политика в межкультурной среде. Материалы I Международной научно-практической конференции, 19-21 октября 2006 г., г. Абакан. — Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. — С. 86 – 90.

Кацунова Н.Н. Языковое выражение когнитивного диссонанса, возникающего по причине несовпадения культурных / субкультурных представлений о пище в английском языке // Вестник СибГАУ под ред. д-ра экон. наук, проф. Г.Л. Белякова; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. — Вып. 6(13). — Красноярск, 2006. — С. 254-258.

Кацунова Н.Н. Опыт лингвокогнитивного анализа метафор и идиом концепта FOOD (на материале английского языка): автореф. дис ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.

Антология концептов

Том 6

Научное издание

Подписано к печати 18.12.08. Формат 60x84x16.
Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд.л. 20,2.
Тираж 200 экз. Заказ 247.

Издательство «Парадигма»
400006, Волгоград, ул. Академическая, 22.
Типография «Светокопия»
400001, Волгоград, ул. Академическая, 22